

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2

Москва
2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 2

Moscow
2023

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0
All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, про-
фессор, Институт проблем передачи
информации РАН; Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Institute for Information Transmis-
sion Problems of the RAS; Vinogradov Rus-
sian Language Institute of the RAS, Full Mem-
ber of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovolskij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Na-
tional Research University Higher School of
Economics, Full Member of the RAS, Mos-
cow, Russia;

- Вежбицкая А. — Ph.D., профессор,
Австралийский национальный университет,
Канберра, Австралия
- Гиппиус А. А. — академик РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
- Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
- Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор,
Институт славяноведения РАН;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
- Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
- Кленин Э. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос-Анджелес, США
- Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор,
Кильский университет, Германия
- Мельчук И. А. — Ph.D., профессор,
Монреальский университет, Канада
- Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор,
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь
- Плунгян В. А. — академик РАН,
профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
Институт языкознания РАН;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Meřčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Стойнова Н. М. — к.ф.н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Шмелев А. Д. — член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- И. А. Мельчук.* Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и У-ни] и ВЗЯТЬ² [и У-нуть] 9
- Ф. В. Байков.* Локальность внутриклаузного отрицательного согласования в русском языке: сравнение с другими нелокальными взаимодействиями 26
- Е. О. Борзенко.* Мамистый, городистый и работистый: семантика и употребление нестандартных отсубстантивных прилагательных с суффиксом -ист- 59
- А. Н. Антонова.* Сложные числовые группы с определением по данным старорусских летописных и деловых памятников 82

Из материалов конференции

«Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (13–15 июня 2022 г., Институт им. В. В. Виноградова РАН)

- С. В. Дьяченко, А. В. Тер-Аванесова.* Фонемы /e/ и /ʲe/ в заимствованных основах по данным южнорусских и среднерусских говоров 108
- А. Б. Летучий.* Подчинение в нестандартном контексте: нестандартные подчинительные конструкции и их синтаксические свойства 139
- А. А. Герасимова.* Значимость порядка именных групп для классификации биноминативных предложений 180
- Е. А. Лютикова.* О согласовательной вариативности в русском языке 200
- Т. И. Давидюк.* Лично-числовое согласование и взаимное расположение конъюнктов и предиката: экспериментальное исследование 220
- К. А. Студеникина.* Иерархия согласования при сочинении русских именных групп: корпусное и экспериментальное исследование 235
- Я. А. Пенькова.* Инхоативный глагол *УЧАТИ* в среднерусской письменности: лексика или грамматика? 246
- А. А. Пичхадзе.* Относительное местоимение произвольного выбора *иже кѣто* в древнерусском языке 266
- В. К. Скрипка.* Указательное местоимение *сеи* в русской деловой письменности XVI–XVII вв. 281
- Н. П. Иордани.* Инфинитив с частицей *бы* и сослагательное наклонение в контекстах с чужой речью в деловых документах XVI–XVII вв. 293

Информационно-хроникальные материалы

- Н. К. Ониненко.* 54-е Виноградовские чтения в МГУ 309
- Адреса университетов и институтов 312
- Правила подачи статей 313

CONTENTS

Articles

<i>Igor Mel'čuk</i> . Two Russian lexemes: VOZ'MI [<i>i Y-ni</i>] lit. 'take _{IMPER} [<i>and Y_{IMPER}</i>]' and VZJAT' ² [<i>i Y-nut'</i>] lit. 'to take and to do Y'	9
<i>Fyodor V. Baykov</i> . Locality of intra-clausal negative concord in Russian: a comparison with other non-local syntactic processes	26
<i>Ekaterina O. Borzenko</i> . <i>Mamisty</i> , <i>gorodisty</i> and <i>robotisty</i> : semantics and use of non-standard denominative adjectives with the suffix <i>-ist-</i>	59
<i>Alexandra N. Antonova</i> . Numeral phrases with the concordant attribute in the Middle Russian chronicles and notarial acts	82

From the proceedings of the conference «Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony» (June 13–15, 2022, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences)

<i>Svetlana V. Dyachenko, Alexandra V. Ter-Avanesova</i> . Phonemes /e/ and /ê/ in the borrowed stems in Southern and Central Russian dialects	108
<i>Alexander B. Letuchiy</i> . Subordination in nonstandard contexts: nonstandard subordinate constructions and their syntactic properties	139
<i>Anastasia A. Gerasimova</i> . The relevancy of word order for classifying binominative clauses	180
<i>Ekaterina A. Lyutikova</i> . On agreement variation in Russian	200
<i>Tatiana I. Davidyuk</i> . Predicate agreement and word order: an experimental study	220
<i>Kseniia A. Studenikina</i> . Agreement hierarchy in Russian coordinated noun phrases: corpus and experimental study	235
<i>Yana A. Pen'kova</i> . Inchoative verb <i>učati</i> in Middle Russian writing: lexis or grammar?	246
<i>Anna A. Pichkhadze</i> . Relative free-choice pronoun <i>iže kto</i> in Old Russian	266
<i>Veronika K. Skripka</i> . The demonstrative pronoun <i>sei</i> in Russian official documents of the 16 th –17 th centuries	281
<i>Natalia P. Iordani</i> . The subjunctive infinitive and the subjunctive mood in the contexts with indirect speech in the business documents of the 16 th –17 th centuries	293

Reports

The 54th Vinogradov Conference in the Moscow State University (<i>Nadezhda K. Onipenko</i>)	309
Addresses of universities and institutes	312
Notes for contributors	314

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2023.2.1

ИГОРЬ МЕЛЬЧУК

Лаборатория лингвистики «Смысл-Текст», Монреальский университет
(Монреаль, Канада)
igor.melcuk@umontreal.ca

ДВЕ РУССКИЕ ЛЕКСЕМЫ: ВОЗЬМИ [и У-ни] И ВЗЯТЬ² [и У-нуть]*

Выражения формы возьми [и У-ни] и взять² [и У-нуть] — так называемые миративные выражения — трактуются как сочетания независимых лексем ВОЗЬМИ и ВЗЯТЬ² с их актантами. Предлагается строгое обоснование такого описания: даются представления соответствующих миративных выражений на семантическом, глубинно-синтаксическом и поверхностно-синтаксическом уровнях и приводятся полные словарные статьи обеих лексем — в духе Толково-комбинаторного словаря. Лексема ВОЗЬМИ описывается как сигналатив (выражение, которое не сообщает информацию о мире, а сигнализирует внутреннее состояние Говорящего), а глагол У — как актант лексем ВОЗЬМИ и ВЗЯТЬ².

Ключевые слова: русский язык, лексикология, лексикография, синтаксис, лексема, сигналатив.

1. Постановка задачи

Настоящая статья посвящена русским так называемым миративным¹ выражениям, образованным по одной из двух схем:

- 1) «застывшая» форма ВОЗЬМИ + союз И/ДА/ДА_И + глагол V_{СОВ, АКТ, ИМПЕР, 2, ЕД} (*А Иван возьми и уйди.*);

* Сердечное спасибо Анне Зализняк, Лидии Иорданской, Светлане Крылосовой и Валентину Томашпольскому, прочитавшим первую версию этого текста, а также двум анонимным рецензентам журнала «Русский язык в научном освещении» — за их плодотворные замечания и соображения, которые позволили мне улучшить изложение.

¹ Миратив — грамматическое маркирование неожиданности сообщаемого события; «неожиданность» здесь следует понимать в самом широком смысле. (Термин *миратив* используется и в ином значении: выражение восхищения Говорящего по поводу сообщаемого факта; в этом значении говорят также *адмиратив*.) Подробный обзор миративных значений и их выражения в языках мира предложен в [Aikhenvald 2012].

- 2) глагол ВЗЯТЬ² в той же форме, что и глагол V_Y, + союз И/ДА/ДА_И + глагол V_Y в нужной форме (*Иван возьмёт и уйдёт.* | *Иван берёт и уходит.*).

Грубо говоря, глагол V_Y обозначает неожиданное событие.

Эти выражения не обделены вниманием лингвистов: назовем наиболее важные работы последних лет — [Стойнова 2007; Kor Chahine 2007; Weiss 2007; 2008; 2022a; 2022b; Апресян В. 2014; Добровольский, Пёшпель 2018]. В них русские миративные выражения подробно охарактеризованы: на основе достаточного количества примеров выявлены их семантические и синтаксические свойства, а также предлагается практически исчерпывающая библиография. Опираясь на результаты указанных исследований — в особенности на работы Д. Вайса, я ставлю перед собой следующую задачу:

Описать названные выше русские миративные выражения **строго формально** — так, чтобы переход от семантических представлений соответствующих фраз к самим фразам мог выполняться механически.

Поскольку рассматриваемые миративные выражения обусловлены либо лексемой ВОЗЬМИ, либо лексемой ВЗЯТЬ², искомое описание сводится к разработке соответствующих словарных статей, которые приводятся ниже. Они снабжены комментариями, содержащими разъяснения основных используемых понятий и формализмов (это понятия и формализмы толково-комбинаторной лексикографии; см., например, [Мельчук 2012: 5.4] и [Мельчук, Жолковский 2016]). Языковые примеры к словарным статьям — мои собственные. Более точно, многие из них взяты из названных выше работ, но все они отвечают моей языковой интуиции.

NB В статье не затрагиваются следующие вопросы, обычно обсуждаемые в связи с лексемами ВОЗЬМИ и ВЗЯТЬ²:

- их родство с так называемыми двойными глаголами (*Иван сидит улыбается.*);
- их родство с так называемым нарративным, или драматическим, императивом (*А Иван и засни.*)²;
- их встречаемость в речи;
- их типологические параллели в языках мира;
- их диахрония;
- «нестандартные» варианты миративных выражений (с опущенным союзом, как в *Иван взял ушёл*; или с «лишним» глаголом, как в *Иван взял, встал да и заявил, что он...*).

Обо всём этом см. указанные выше работы Д. Вайса.

² По этому поводу см. [Фортейн 2008: 10–11].

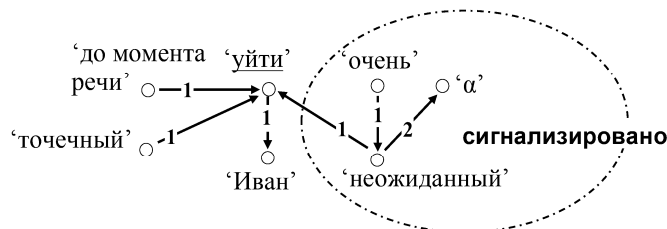
2. Лексема ВОЗЬМИ

Вот стандартный пример употребления лексемы ВОЗЬМИ:

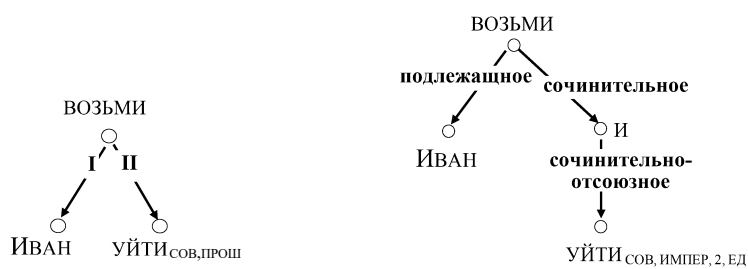
(1) *Иван возьми и уйди.*

Ниже представлены (неполная) семантическая [СемС], глубинно-синтаксическая [ГСинтС] и поверхностно-синтаксическая [ПСинтС] структуры этой фразы, а затем словарная статья ВОЗЬМИ.

2.1. СемС, ГСинтС и ПСинтС фразы (1) с лексемой ВОЗЬМИ

Семантическая структура фразы (1)

Глубинно-синтаксическая структура фразы (1)

Поверхностно-синтаксическая структура фразы (1)

Фигура 1: СемС, ГСинтС и ПСинтС фразы (1)

NB К СемС фразы (1) добавлен элемент её семантико-коммуникативной структуры [Сем-КоммС]: указание, что смысл 'очень неожиданный', сигнализируется³ (а не сообщается) — поскольку это существенно для нашего обсуждения; полностью же Сем-КоммС фразы (1) не задаётся.

³ **Сигнализируется** — одно из двух значений Сем-Комм-параметра «локутивность»; второе значение — **сообщено** — в Сем-представлении эксплицитно не указывается (принимается по умолчанию). Тогда как сообщаемый смысл имеет своим денотатом фрагмент внешнего мира, сигнализируемый смысл относится к внутренним состояниям Говорящего: к его мнениям, чувствам, желаниям. Сигнализируемая лексическая единица называется сигналативом. Толкование сигналатива обязательно включает семантический компонент 'Говорящий'; предложение,

2.2. Словарная статья лексемы ВОЗЬМИ

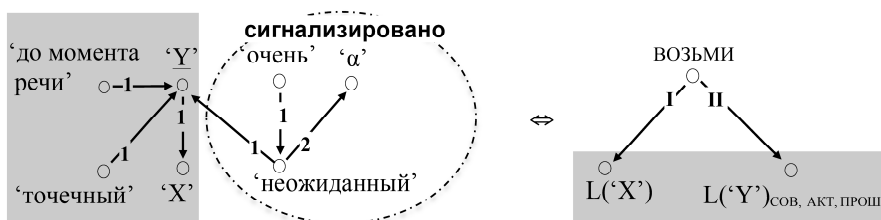
ВОЗЬМИ, клаузатив⁴; сигналатив; разг.

Означаемое [= Толкование]

Словесная формулировка

‘X возьми и Y-ни’ = ‘Говорящий сигнализирует, что X Y-нул очень неожиданно для α’

Формальное представление

‘α’ = ‘любое лицо, так или иначе вовлечённое в рассматриваемую ситуацию’ [её участник, посторонний наблюдатель или Говорящий].

- Подчёркивание семантемы в СемС указывает её коммуникативно-доминантную роль.

Заливка показывает контекст правила — ту его часть, которая правилом не затрагивается, но должна иметь место в исходном и в результирующем представлениях, чтобы правило применилось.

Означающее

/vazʹmʹi/ *возьми*

Синтактика

Модель управления⁵

‘X’ ⇔ I	‘Y’ ⇔ II
1. N _{им}	1. И/ДА/ДА_И + V _{сов, акт, импер, 2, ед} обязат.

включающее сигналатив, не может отрицаться, не может быть объектом вопроса и не может быть придаточным. Таким образом, в нашем случае невозможны следующие выражения:

*L(‘X’) не возьми и L(‘Y’), *L(‘X’) возьми и L(‘Y’) ? и *что/если/когда/... L(‘X’) возьми и L(‘Y’).

См. [Mel’čuk 2001: 242–251].

⁴ Клаузатив (часть речи) — лексическая единица, которая образует синтаксическую вершину предложения так же, как личный глагол, но которая, однако, не является глаголом, поскольку не имеет типичных (в данном языке) свойств глагола: например, в русском языке клаузатив не имеет форм наклонения, вида и времени. Клаузативами являются, в частности, все междометия. См. [Mel’čuk 2006: 44–45].

⁵ Именно такая модель управления предложена в [Weiss 2007: 434].

1) $L('X') = N$

*Рихтер возьми да вдруг и сыграй на бис «Революционный этюд» Шопена.
Компьютер возьми и сломайся.*

Г(лубинно-)Морф(ологическая)структура

ВОЗЬМИ + и/ДА/ДА_и + ... + L('Y')

или

ВОЗЬМИ + ДА + ... + и + L('Y')

... $\supset L \leftarrow L('Y')$

[Между союзом и глаголом L('Y') может находиться только лексема, синтаксически зависящая от глагола.]

Регулярные спутники

В соответствии со смысловым компонентом 'очень неожиданно' лексема ВОЗЬМИ охотно присоединяет к себе такие наречия, как ВДРУГ, ВНЕЗАПНО, НЕОЖИДАННО и 'НИ С ТОГО, НИ С СЕГО'⁶. Предложение с ВОЗЬМИ часто вводится противительными союзами А или НО, что также соответствует этому смыслу. **NB:** Союз И в такой роли невозможен.

Лексические функции

Суп_п : (совершенно) неожиданно; вдруг; внезапно

Примеры

- (i) *А гости возьми и/да/да и все на ночь останься. ~ ... да на ночь все и останься.*
- (ii) *Тут сауна возьми да и сразу вспыхни. ~ ... да и вспыхни сразу. ~ ... да сразу и вспыхни.*
- (iii) *Но Маша возьми да и уйди от меня.*
- (iv) *Однако вдруг возьми и заболел капитан.*
- (v) *Тут возьми и объявись по телефону я.*
- (vi) *А Иван возьми и вжик себе по пальцу.*
- (vii) *Однажды возьми и зайди к Ивану какой-то прохожий.*

Комментарии

1) ВОЗЬМИ — отдельная лексема

В словарях русского языка единица ВОЗЬМИ не описывается как отдельная лексема; так, в [Апресян 2014: 111–112] лексическая единица ВОЗЬМИ [*и Y-ни*] подаётся в составе словарной статьи лексемы ВЗЯТЬ¹⁵ [*и Y-нуть*]. Однако, как будет показано ниже, и по смыслу, и по сочетаемостным свойствам рассматриваемое ВОЗЬМИ отличается от соответствующей (омонимичной) формы глагола ВЗЯТЬ¹⁵ [= наш ВЗЯТЬ²] и должно быть признано самостоятельной лексемой.

Наряду с ВОЗЬМИ, в русском языке имеется ещё несколько лексем похожего типа: застывшие императивные формы некоторых глаголов. Вот их примерный список:

⁶ В верхние полускобки ' ' заключаются идиомы.

- **разг.** ВАЛЯЙ (*Валяй читай громче!*)
- ДАЙ (*Дай я на тебя посмотрю.* | *Дай-ка я туда схожу.*), ДАВАЙ¹ (*А ты давай беги!* | *Ну, давай.*) и ДАВАЙ² (*А Иван давай кричать.*)
- ЗНАЙ (*Иван знай себе ползёт.*)
- ИДИ, **разг.** ПОДИ (*Теперь иди/поди поймай его!*)
- ЛОЖИСЬ! [команда в ситуации опасности]
- 'НЕ СКАЖИ(ТЕ)' [*Ну, не скажи, всё не так просто.*]
- СТОЙ! [*Стой, кто идёт?*]⁷

Подчеркнём, что лексема ВОЗЬМИ не допускает императивно-ориентированную частицу -КА — в отличие от омонимичной императивной формы глагола ВЗЯТЬ¹⁵:

- (2) а. **Иван возьми-ка и скажи.*
- б. *А ты просто возьми-ка и скажи!*

2) Означаемое лексемы ВОЗЬМИ

• Сем-структура, т. е. пропозициональное содержание означаемого, лексемы ВОЗЬМИ [и Y-ни] — это обозначение крайней неожиданности события Y для всех людей, так или иначе причастных к нему (= 'α', см. толкование):

- (3) [#]*Все знали, что пожар неминуем, а сарай возьми и загорись.*
- Символ [#] означает прагматическую неприемлемость высказывания, т. е. «неправильность» (противоречивость) его смысла.

Семантика 'неожиданный [Y]' отличает клаузатив ВОЗЬМИ от омонимичного ему императива глагола ВЗЯТЬ¹⁵ [= ВЗЯТЬ²], где эта семантика отсутствует:

- (4) *Давно пора, все этого ждут, так что ты просто возьми и напиши директору.*

• Сем-Комм-структура смысла лексемы ВОЗЬМИ указывает, что ВОЗЬМИ является сигналативом, поскольку своё мнение о крайней неожиданности Y-а Говорящий [т. е. 'я'] сигнализирует, а не сообщает. В результате предложение с ВОЗЬМИ не может быть подвергнуто общему отрицанию или вопросу и не может быть придаточным:

- (5) а. **Неверно, что Иван возьми и уйди.* ~ **Иван не возьми и не уйди.*
- б. **А что, Иван возьми и уйди?* | **Иван возьми и уйди вчера?*
- с. **Все знали (говорили), что Иван возьми и уйди.*

С глаголом ВЗЯТЬ² (*взял и ушёл*) эти три фразы совершенно нормальны.

⁷ Сюда же примыкают просторечные вишь (< видишь) и слышь [*Иван, слышь-ка, уехал.*]

Отрицанию глагола L('Y') лексема ВОЗЬМИ не мешает, ибо словосочетание *не L('Y')* есть название того неожиданного события, о котором идёт речь:

(6) *А Иван возьми и не уйди.*

3) Синтактика лексемы ВОЗЬМИ

• Семантическая сочетаемость лексемы ВОЗЬМИ: характеризуемое ей событие Y должно быть точечным (7a) и иметь место в прошлом (7b); соответствующие указания содержатся в контексте её формального толкования:

- (7) а. **А Иван возьми и спи в тот момент*⁸.
 б. **А Иван возьми и пойдё завтра в школу.*

Ср. *А Иван возьми и пойдё завтра в школу*, где наречие НАЗАВТРА показывает, что подразумеваемое действие мыслится в прошлом.

• Часть речи лексемы ВОЗЬМИ: это клаузитив, образующий синтаксическую вершину предложения.

• Модель управления лексемы ВОЗЬМИ: она должна иметь в качестве подлежащего «настоящее» существительное — нулевое подлежащее, как в (8a), подлежащее-придаточное предложение, как в (8b), или подлежащее-инфинитив, как в (8c), при ВОЗЬМИ недопустимо:

- (8) а. **Ивана возьми и стоиши.*
 б. **Мне возьми и покажись, что кто-то идёт.*
 с. **Вдруг возьми и захотись гулять.*

• В ГСинт-структуре:

— Лексема ВОЗЬМИ, семантически будучи модификатором 'Y'-а, синтаксически является хозяином лексемы L('Y'): 'Y←I-возьми' ↔ L('Y')←II-ВОЗЬМИ. Такое поведение, нетипичное для семантических модификаторов, каковые обычно становятся синтаксически зависимыми, связано с тем, что ВОЗЬМИ — не обычное наречие, а клаузитив.

— Глагол L('Y'), ГСинт-актант II лексемы ВОЗЬМИ, не может быть в пассиве:

- (9) **Но забор возьми и будь повален. ~ Но забор возьми и повались.*

— Вместо глагола V_{СОВ}, АКТ, ИМПЕР, 2, ЕД в качестве поверхностно-синтаксического актанта лексемы ВОЗЬМИ может фигурировать так называемое глагольное междометие, обозначающее резкое точечное событие: БАХ, БАЦ, БУХ, ВЖИК, ФЮИТЬ, ЧИК и т. д., см. пример (vi) в словарной статье. Этот факт, однако, не имеет специального отношения к лексеме ВОЗЬМИ; он должен учитываться общими правилами употребления подобных междометий.

⁸ Одно точечное событие Y может состоять из повторенных точечных событий: *Тогда Иван возьми и три раза выстрели.*

- В ПСинт-структуре ВОЗЬМИ реализует свой ГСинт-актант II в соответствии со своей моделью управления:

$$\begin{aligned} & \text{ВОЗЬМИ-II} \rightarrow \text{L('Y')} \Leftrightarrow \\ & \text{ВОЗЬМИ-сочинительное} \rightarrow \text{И/ДА/ДА_И-сочинительно-отсоюзное} \rightarrow \text{L('Y')} \end{aligned}$$

- В ГМорф-структуре союз ДА_И проявляет любопытную особенность: он допускает линейное разделение своих компонентов ДА и И зависимыми лексемами L('Y'), см. (10):

(10) Иван же возьми да тут же в школу и пойдѹ_{L('Y')}.

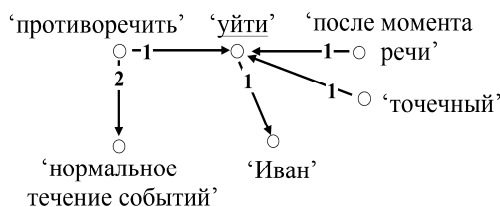
Для удобства читателя эта особенность занесена здесь в словарную статью ВОЗЬМИ, но на самом деле она должна быть указана в словарной статье союза ДА_И. (О союзе ДА_И, выражающем «неожиданность и ненормальность», см. [Санников 2008: 294–297].)

3. Лексема ВЗЯТЬ²

Употребление этого глагола может быть проиллюстрировано фразой (11):

(11) Иван возьмѹт и уйдѹт.

3.1. СемС, ГСинтС и ПСинтС фразы (11) с лексемой ВЗЯТЬ²

Семантическая структура фразы (11)

Глубинно-синтаксическая структура фразы (11)

Поверхностно-синтаксическая структура фразы (11)

Фигура 2: СемС, ГСинтС и ПСинтС фразы (11)

3.2. Словарная статья лексемы ВЗЯТЬ²

ВЗЯТЬ², глагол, СОВ; нет пассива; нет деепричастий и причастий; разг.

Означаемое [= Толкование]

Словесная формулировка

‘X взял и Y-нул’ = ‘X Y-нул, причём Y(X) противоречит нормальному течению событий’

Формальное представление

Форма глагола ВЗЯТЬ²:

1) **f**(initude), **m**(ood), **t**(ense) у ВЗЯТЬ² = **f, m, t** у L(‘Y’)

2) **a**(spect) у ВЗЯТЬ²:

если **t**(ВЗЯТЬ²) = НАСТ, то **a**(ВЗЯТЬ²) = НЕСОВ

[Тогда Иван берёт и уходит. | А что, если завтра Иван берёт и уходит?]

если **t**(ВЗЯТЬ²) = ПРОШ, то **a**(ВЗЯТЬ²) = **a**(L(‘Y’))

[Иван брал и уходил (*ушёл). | Иван взял и ушёл (*уходил).]

если **t**(ВЗЯТЬ²) = БУД, то **a**(ВЗЯТЬ²) = СОВ

[Иван возьмёт (*будет брать) и уйдёт. | Иван возьмёт и будет читать.]

если **f**(ВЗЯТЬ²) = ИНФ или **m**(ВЗЯТЬ²) = ИМПЕР/СОСЛ, то:

если **a**(L(‘Y’)) = СОВ, то **a**(ВЗЯТЬ²) = СОВ

если **a**(L(‘Y’)) = НЕСОВ, то **a**(ВЗЯТЬ²) = СОВ/НЕСОВ

[Пора взять (*брать) и уйти. ~ Пора брать/взять и уходить.]

Возьми (*Бери) и уйди! ~ Возьми/Бери и уходи!

Я взял бы (*брал бы) и ушёл. ~ Я взял бы/брал бы и уходил.]

Означающее

/vz’a-/ взя-, /vaz’m-/ возьм-, /bra-/ бра-, /b’ir-/ бер-

Синтактика

Модель управления

‘X’ ⇔ I	‘Y’ ⇔ II
1. N _{им}	1. и/ДА/ДА_и + V _{фин/инфин} , АКТ обязат.

1) $L('X') = N$

А ты бы взял и/да/да_и помыл посуду.

Разве что взять и выйти на улицу?

Регулярные спутники

В соответствии со смысловым компонентом 'причём $Y(X)$ противоречит нормальному течению событий' глагол ВЗЯТЬ² охотно присоединяет к себе частицы ПРОСТО 'не обращая ни на что внимания' (по-современному: «не заморачиваясь ничем»), **простореч.** ТУПО или ПРЯМО. Предложения с ВЗЯТЬ² часто содержат такие лексические единицы, как ВОПРЕКИ, 'ВСЁ РАВНО', НЕСМОТРЯ (на), НЕВЗИРАЯ (на), 'НИ С ТОГО, НИ С СЕГО' и вводятся противительным союзом А. **NB:** Такие предложения могут вводиться также союзом И, например, *Все ждали, что Иван выскажется; и он таки встал и заговорил.* Предложение же с ВОЗЬМИ вводиться союзом И не может.

Отрицание

В случае отрицания смысла 'взять²' необходимо второе (автоматическое) отрицание при $L('Y')$ ⁹.

Лексические функции

Syn_n : всё-таки; таки

Примеры

- (i) *Я так рассердилась, прямо взяла бы и убила тебя.*
- (ii) *Я тогда беру и говорю Ивану: ...*
- (iii) *То один, то другой брал и высказывался.*

⁹ Иначе говоря, для выражений формы ВЗЯТЬ² + и + $L('Y')$ типично двойное отрицание:

- (i) а. *Мы не взяли и не создали сразу свой собственный учебник.*
 б. *Иван не взял и не нарисовал на коже свою картинку. Нет, он набил настоящую татуировку!*
 в. *Истерика не прекратится, пока он не возьмет и не проявит свое мужское начало.*
 д. *Нельзя не взять и не прочитать эту статью.*
 е. *Просто так не возьмёшь и не позвонишь приятелю.*

Это связано с тем, что «глобальное» отрицание *неверно, что...*, применённое к формальной конъюнкции, порождает, как и положено, дизъюнкцию отрицаний:

'неверно, что Иван взял и ушёл' =

'**либо** Иван не ушёл, **либо** Иван ушёл, но это не противоречит нормальному течению событий'

Говорящий использует двойное отрицание, чтобы избежать неоднозначности и получить желаемый смысл: *Иван не взял и не ушёл* значит 'Иван не ушёл, и это ничему не противоречит'.

- (iv) *Не задумывайся, бери и приезжай.*
- (v) *А Иван всё-таки возьмёт и будет петь по утрам.*
- (vi) *Ну как же просто взять и уйти?*
- (vii) *Тогда взяли и запротестовали соседи.*
- (viii) *И как только Иван посмел взять и уйти!*
- (ix) *Хоть бери да все зубы вырывай!*
- (x) *КАМАЗ просто тупо взял и развернулся через две сплошные.*

Комментарии

1) ВЗЯТЬ² — отдельная лексема

Глагол ВЗЯТЬ² — отдельная лексема, составляющая отдельную вокабулу. Он не принадлежит к вокабуле ВЗЯТЬ¹ (*взять яблоко* и т. д.), являясь омонимом лексем этого глагола: между ВЗЯТЬ² и всеми лексемами ВЗЯТЬ¹ нет семантического моста.

2) Означаемое лексемы ВЗЯТЬ²

• Сем-структура глагола ВЗЯТЬ²

Словосочетание *взять и Y-нуть* сообщает, что событие Y противоречит — физически, социально или ментально — нормальному течению событий (нормальному с точки зрения любого причастного лица). При этом Y может быть вполне ожидаемым в строгом смысле слова (в отличие от Y-а при ВОЗЬМИ):

- (12) а. *Все считали, что пожар неминуем; и несмотря на принятые меры, сарай таки взял и загорелся.*
- б. *Давно пора, все этого ждут, так что ты просто возьми и напиши директору.*
- в. *Я изо всех сил отговаривал Ивана покупать этот дом, а он всё равно взял и купил.*
- д. *Полка уже давно еле держалась; сегодня утром она взяла и упала.*

Это, однако, не мешает рассматривать ВЗЯТЬ² как миратив: нарушение Y-ом нормального течения событий прагматически влечёт известную неожиданность Y-а; тем самым сближение лексем ВОЗЬМИ и ВЗЯТЬ² легко объясняется — что не отменяет необходимость их различать.

Смысл глагола ВЗЯТЬ² хорошо проявляется в паре фраз (13):

- (13) а. *Ехать в Бирму было опасно, но Иван взял и поехал.*
- б. *Ехать в Бирму было безопасно, и Иван взял и поехал.*

Глагол *взял* во фразе (13б) имплицитно сообщает следующую информацию: ‘в силу некоторых неназванных обстоятельств поездка Ивана противоречит нормальному течению событий’. Другими словами, Говорящий употребит фразу (13б) только в том случае, если он полагает, что, несмотря на безопасность этой поездки, против неё существовали противопоказания.

NB Ср. толкование глагола *взять*² в [Стойнова 2007: 159]: ‘ситуация резко изменяет естественный ход предшествующих событий, нарушая ожидания относительно дальнейшего развития событий’. Центральный компонент этого толкования — ‘изменяет естественный ход предшествующих событий’ — предвосхищает предлагаемое здесь толкование.

• Семантические (= глубинные) граммы глагола *взять*²

— Финитность, наклонение и время у *взять*² — те же, что и у глагола *L(‘Y’)*; их этот последний получает из семантического представления при переходе СемС ↔ ГСинтС.

— Залог у *взять*² может быть только АКТИВ.

— Вид у *взять*² — СОВ, кроме трёх следующих случаев:

*взять*² — в настоящем времени; тогда *взять*², естественно, — НЕСОВ.

*взять*² — в прошедшем времени и *L(‘Y’)* — НЕСОВ; тогда *взять*² — НЕСОВ.

*взять*² в инфинитиве, императиве или сослагательном наклонении и *L(‘Y’)* — НЕСОВ; тогда *взять*² — СОВ/НЕСОВ. Примеры:

- (14) а. *Надо срочно взять/брать и работать* <**брать и уйти*>.
 б. *Так возьмите/берите и стройте* <**берите и постройте*> *ваши сарай*.
 с. *А ты взял бы/брал бы и писал* <**брал бы и написал*>, *что хочешь*.

NB [Стойнова 2007: 169–171] предлагает хорошее объяснение подобному видо-вому «рассогласованию»: в неиндикативных употреблениях глагола *взять*² глаголу *L(‘Y’)* легко примысливается точечная начинательность, т. е. *Возьми и читай* интерпретируется как ‘возьми и начни читать’.

Поверхностные (синтаксические) граммы — род, лицо и число — глагол *взять*² получает от своего подлежащего при переходе ПСинтС ↔ ГМорфС.

• Сем-Комм-структура глагола *взять*²

*взять*² — обычная дескриптивная лексема, предложение с которой допускает отрицание, вопрос и подчинение:

- (15) а. *Неверно, что Иван взял и пошёл в школу. ~ Нет, Иван не взял и не пошёл в школу.*
 б. *И что, Иван взял и пошёл в школу? | Иван взял и пошёл в школу вчера?*
 с. *Всем известно, что Иван взял и пошёл в школу.*

Естественно, что глагол *L(‘Y’)* тоже свободно принимает отрицание — выражение *не L(‘Y’)* является названием того события, которое нарушает нормальное течение событий:

- (16) *Иван таки взял и не пошёл в школу* [Ивану было бы нормально пойти в школу].

Ср. аналогичное замечание относительно лексемы ВОЗЬМИ, с. 15, (6).

Об употреблении отрицания при глаголе ВЗЯТЬ² см. [Weiss 2022a].

3) Синтактика лексемы ВЗЯТЬ²

• Семантическая сочетаемость лексемы ВЗЯТЬ²

Характеризуемое глаголом ВЗЯТЬ² событие Y отличается от события Y при ВОЗЬМИ в трёх отношениях.

— При ВЗЯТЬ² событие Y может быть как точечным, так и неточечным:

(17) *Иван взял и лёг_Y. ~ Смотрите, а Иван вот берёт и ложится_Y.*

— При ВЗЯТЬ² событие Y может иметь место как в прошлом, так и в настоящем и будущем:

(18) *Вчера Иван взял и ушёл_Y. ~ Смотрите: он Иван берёт и уходит_Y. ~ Завтра Иван возьмёт и уйдёт_Y.*

— При неточечном Y-е в прошедшем времени ВЗЯТЬ² выступает в НЕ-СОВ виде (19а), тогда как в будущем времени ВЗЯТЬ² употребляется только в СОВ виде (19б):

(19) а. *Иван брал и читал_{L('Y')}. ~ Иван берёт и читает_{L('Y')}¹⁰.*

б. *Иван возьмёт и уйдёт_{L('Y')}. ~ Иван возьмёт и будет читать_{L('Y')}. ~ *Иван будет брать и читать_{L('Y')}.*

Таким образом, глагол L('Y') может быть в НЕСОВ виде, тогда как ВЗЯТЬ² остаётся в СОВ виде.

• Часть речи лексемы ВЗЯТЬ²: это «полноценный» глагол.

• Модель управления лексемы ВЗЯТЬ²

— Глагол ВЗЯТЬ² должен иметь подлежащее-существительное (аналогично лексеме ВОЗЬМИ); пустое подлежащее, как в (20а), подлежащее-придаточное предложение, как в (20б), или подлежащее-инфинитив при ВЗЯТЬ² недопустимо¹¹:

(20) а. **Ивана взяло и стошнило.*

б. **Мне взяло и показалось, что кто-то идёт.*

с. **Вдруг взяло и захотелось гулять.*

— В соответствии со своей моделью управления глагол ВЗЯТЬ² реализует ГСинт-актант II в ПСинт-структуре фразы следующим образом:

¹⁰ Неточечность действия 'читать' в данном случае подтверждается следующим развёртыванием примера: *Иван брал и десять минут подряд читал им вслух указ.*

¹¹ В Интернете встречаются примеры типа *Курить просто взяло и надоело*; я, однако, воспринимаю такие выражения как языковую небрежность. Тем не менее, верно, что несубстантивные подлежащие с ВЗЯТЬ² гораздо более приемлемы, чем с ВОЗЬМИ.

ВЗЯТЬ²-II → L('Y') ⇔
 ВЗЯТЬ²-сочинительное → И/ДА/ДА_И-сочинительно-отсоюзное → L('Y')

• **Форма императива** 2 ЕД глагола ВЗЯТЬ² (разумеется, вместе со своим обязательным актантом) свободно используется — наряду с обычными императивами — в качестве актанта лексемы ХОТЬ: *хоть плачь ~ хоть → бери и плачь; хоть на велосипеде разъезжай ~ хоть → бери и на велосипеде разъезжай; хоть выжми ~ хоть → возьми и выжми* [Weiss 2008: 482–483].

• **Глагол L('Y')** как ГСинт-актант глагола ВЗЯТЬ²

Он имеет все обычные глагольные формы, кроме причастий, деепричастий и пассива.

Глубинные граммы глагола L('Y') определяются, как сказано выше, на основе СемС, при переходе СемС ⇔ ГСинтС.

Свои поверхностные граммы глагол L('Y') получает от ВЗЯТЬ², согласованного с подлежащим, — при переходе ПСинтС ⇔ ГМорфС: через **сочинительное** и **сочинительно-отсоюзное** поверхностно-синтаксические отношения, т. е. так же, как любой глагол, являющийся зависимым конъюнктом другого глагола.

Заключение

Выражения вида ВОЗЬМИ [*и Y-ни*] и ВЗЯТЬ² [*и Y-нуть*] часто называют конструкциями; корректно ли это? В лингвистике слово *конструкция* не является строго определённым термином и употребляется относительно любых многолексемных выражений, т. е. попросту словосочетаний (англ. *phrase*): выражения *Я сижу, зависит от погоды* и *Нам отдых не в отдых* могут быть названы конструкциями¹². Ошибки в этом нет, но известная терминологическая/понятийная небрежность проявляется. Рассматриваемая единица обычно должна обозначаться именем самого узкого класса, к которому она принадлежит. Указывая на конкретный дуб, мы не станем — разве что в шутку — называть его растением: для нормального говорящего дуб — дерево. Точно так же в обыденном разговоре наш дорогой Рекс — собака, а не млекопитающее и тем более не позвоночное. Выражения ВОЗЬМИ [*и Y-ни*] и ВЗЯТЬ² [*и Y-нуть*] суть конструкции в том же смысле, что дуб — растение, а Рекс — млекопитающее. Строго же говоря, эти выражения — совершенно такие же лексемы, взятые со своим актантом, что и ЗАВИСЕТЬ [*от N_{РОД}*], СТРЕМИТЬСЯ [*к N_{ДАТ}*], ЗНАТЬ [*что ПРЕДЛ*] или ПОСТАРАТЬСЯ [*и V_{ИНФ}*].

¹² *Я сижу* — это словосочетание, представляющее синтаксическую конструкцию «подлежащее←сказуемое»; *зависеть от погоды* — это сочетание лексемы ЗАВИСЕТЬ с её актантом [*от Y-a*]; *Нам отдых не в отдых* — это словосочетание, представляющее синтаксическую идиому 'быть не в L(X)' с её актантами [X Y-y].

Литература

- Апресян В. 2014 — В. Ю. А п р е с я н. [Словарная статья] ВЗЯТЬ // Активный словарь русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 111–112.
- Апресян 2014 — Ю. Д. А п р е с я н (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Добровольский, Пёпшель 2018 — Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й, Л. П ё п ш е л ь. Корпусное исследование квазисинонимичных конструкций ВОЗЬМИ и V_{imp.} vs. ВЗЯЛ и V_{3pers.} // *Anuari de filologia. Llengües i literatures modernes*. 8. 2018. P. 115–131.
- Мельчук 2012 — И. М е л ь ч у к. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Мельчук, Жолковский 2016 — И. М е л ь ч у к, А. Ж о л к о в с к и й. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016.
- Санников 2008 — В. З. С а н н и к о в. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Стойнова 2007 — Н. М. С т о й н о в а. Конструкция *взять и сделать* в русском языке // Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике / Под ред. Ф. И. Дудчука, Н. В. Ивлиевой, А. В. Подобреева. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 144–171.
- Фортейн 2008 — Э. Ф о р т е й н. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 3–24.
- Aikhenvald 2012 — A. A i k h e n v a l d. The essence of mirativity // *Linguistic Typology*. 2012. № 16: 3. P. 435–485.
- Kor Chahine 2007 — I. K o r C h a h i n e. О возможном пути грамматикализации русского ВЗЯТЬ // *Russian Linguistics*. 31: 3. 2007. P. 231–248.
- Mel'čuk 2001 — I. M e l ' č u k. Communicative Organization in Natural Language. Semantic-Communicative Structure of Sentences. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Mel'čuk 2006 — I. M e l ' č u k. Parties du discours et locutions // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 2006. 101: 1. P. 29–65.
- Weiss 2007 — D. W e i s s. The grammar of surprise: the Russian construction of the type *Koška vzjala da umerla* 'Suddenly, the cat died' // *Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory, Klagenfurt (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69)* / T. Reuther, L. Wanner, K. Gerdes (eds.). München; Wien, 2007. P. 427–436.
- Weiss 2008 — D. W e i s s. *Voz'mu i ne budu!* Zum Inexspektativ im modernen Russischen // *Slavistische Linguistik 2006-7* / P. Kosta, D. Weiss (eds.). München: Otto Sagner, 2008. P. 474–504.
- Weiss 2022a — D. W e i s s. Mirative 'take and do' constructions in Russian: The impact of negation // *Lifetime Linguistic Inspirations: To Igor Mel'čuk from Colleagues and Friends for his 90th Birthday* / L. Iomdin, J. Miličević, A. Polguère (eds.). Berlin: Peter Lang, 2022. P. 443–453.
- Weiss 2022b — D. W e i s s. Russian constructions with 'take' expressing an unexpected event: Their historical origin and development in the 19th century // *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 65. 2022. P. 37–54.

Igor Mel'čuk

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal
(Montréal, Canada)
igor.melcuk@umontreal.ca

**TWO RUSSIAN LEXEMES:
VOZ'MI [i Y-ni] lit. 'TAKE_{IMPER} [and Y_{IMPER}]
AND VZJAT'² [i Y- nut'] lit. 'TO TAKE AND TO DO Y'**

The expressions of the form VOZ'MI [i Y-ni] lit. 'take and do Y' and VZJAT'² [i Y-nut'] lit. 'to take and to do Y'— so-called mirative expressions—are described as combinations of the independent lexemes VOZ'MI and VZJAT'² with their actants. The paper offers a rigorous justification of this description: the representations of the mirative expressions under consideration on the semantic, the deep-syntactic and the surface-syntactic levels are given, as well as the full lexical entries for both lexemes (in the style of the Explanatory-Combinatorial Dictionary). The lexeme VOZ'MI is a signalative—an utterance that does not communicate information about the world, but signals some internal state of the speaker, and the verb Y is treated as an actant of the lexemes VOZ'MI and VZJAT'².

Keywords: Russian language, lexicology, lexicography, syntax, lexemes, signalative.

References

- Aikhenvald, A. (2012). The essence of mirativity. *Linguistic Typology*, 16, 435–485.
- Apresian, V. Yu. (2014). VZJaT'. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka* (pp. 111–112). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Apresian, Yu. D. (Ed.). (2014). *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka* (Vol. 2). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Dobrovol'skii, D. O., & Peppel', L. (2018). Korpusnoe issledovanie kvazisinonimichnykh konstruktсии VOZ'MI I V_{imp.} vs. VZJaL i V_{3pers.}. *Anuari de filologia. Llengües i literatures modernes*, 8, 115–131.
- Fortein, E. (2008). Polisemiia imperativa v russkom iazyke. *Voprosy jazykoznanii*, 1, 3–24.
- Kor Chahine, I. (2007). O vozmozhnom puti grammatikalizatsii russkogo VZJaT'. *Russian Linguistics*, 31(3), 231–248.
- Mel'čuk, I. (2001). *Communicative Organization in Natural Language. Semantic-Communicative Structure of Sentences*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, I. (2006). Parties du discours et locutions. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 101: 1, 29–65.
- Mel'čuk, I. (2012). *Iazyk: ot smysla k tekstu*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Mel'čuk, I., & Zholkovskii, A. (2016). *Tolkovo-kombinatornyi slovar' russkogo iazyka: Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniia russkoj leksiki*. 2nd ed. Moscow: Global Kom; Iazyki slavianskoj kul'tury.
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Stoinova, N. M. (2007). Konstruktsiia vziat' i sdelat' v russkom iazyke. In F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, & A. V. Podobriev (Eds.), *Struktury i interpretatsii: raboty molo-*

dykh issledovatelei po teoreticheskoj i prikladnoj lingvistike (pp. 144–171). Moscow: Izd-vo MGU.

Weiss, D. (2007). The grammar of surprise: the Russian construction of the type *Koška vzjala da umerla* ‘Suddenly, the cat died’. In T. Reuther, L. Wanner, & K. Gerdes (Eds.), *Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning–Text Theory, Klagenfurt* (pp. 427–436). München; Wien: Otto Sagner.

Weiss, D. (2008). *Voz’mu i ne budu!* Zum Inexspektativ im modernen Russischen. In P. Kosta, & D. Weiss (Eds.), *Slavistische Linguistik 2006-7* (pp. 474–504). München: Otto Sagner.

Weiss, D. (2022a). Mirative ‘take and do’ constructions in Russian: The impact of negation. In L. Iomdin, J. Miličević, & A. Polguère (Eds.), *Lifetime Linguistic Inspirations: To Igor Mel’čuk from Colleagues and Friends for his 90th Birthday* (pp. 443–453). Berlin: Peter Lang.

Weiss, D. (2022b). Russian constructions with ‘take’ expressing an unexpected event: Their historical origin and development in the 19th century. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*, 65, 37–54.

Received on March 21, 2023

Ф. В. БАЙКОВ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
baykov3105@mail.ru

**ЛОКАЛЬНОСТЬ ВНУТРИКЛАУЗАЛЬНОГО
ОТРИЦАТЕЛЬНОГО СОГЛАСОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СРАВНЕНИЕ С ДРУГИМИ
НЕЛОКАЛЬНЫМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМИ***

В статье рассматриваются ограничения локальности, накладываемые на ряд внутриклаузульных нелокальных взаимодействий, таких как отрицательное согласование (лицензирование отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием), лицензирование неопределенных местоимений на *-либо* и *-нибудь* (которые представляют собой единицы отрицательной полярности), связывание анафоров (возвратных и взаимного местоимений) их антецедентами, а также вопросительный и относительный вынос как примеры *wh*-передвижения. Рассматривается вопрос о том, какие из этих взаимодействий могут пересекать границы следующих типов составляющих: аргументные именные и предложные группы, именные и предложные адьюнкты, предикативные группы прилагательного, атрибутивные группы прилагательного и причастия, деепричастные обороты. Мы предполагаем, что, если отрицательное согласование можно свести к какой-либо другой нелокальной зависимости (как неоднократно предлагалось различными авторами в существующей литературе), ограничения локальности, которым подчиняется отрицательное согласование, должны быть более или менее идентичны ограничениям, накладываемым на эту нелокальную зависимость. Итоги проведенного сопоставления показывают, что из всех рассматриваемых взаимодействий наибольшим числом сходств с отрицательным согласованием обладает *wh*-передвижение. Поскольку этот параллелизм не является полным (для части носителей извлечение *wh*-местоимений из аргументных именных и предложных групп приводит к неприемлемым предложениям, тогда как отрицательное согласование может пересекать границу таких составляющих), результаты сравнения предлагается моделировать с помощью понятия горизонта для согласовательного зонда.

* Автор благодарит своего научного руководителя Е. А. Лютикову за внимание, поддержку на всех этапах исследования и ценные рекомендации. Кроме того, автор признателен участникам конференции «Типология морфосинтаксических параметров — 2022», где была представлена предварительная версия настоящей работы, за плодотворное обсуждение и анонимным рецензентам — за замечания. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: русский язык, отрицательное согласование, отрицательные местоимения, неопределенные местоимения, связывание анафоров, вопросительный вынос, относительный вынос.

1. Введение

Употребление отрицательных местоимений и наречий (*никто, ничего, никакой, никогда, нигде* и т. д.) в русском языке, как известно, подчиняется правилу обязательного отрицательного согласования¹. В подавляющем большинстве случаев (ср. обзорную статью [Garzonio 2019], посвященную отрицательному согласованию в русском языке) использование отрицательного местоимения или наречия² (далее — NCI) допустимо только тогда, когда в той же клаузе имеется предикатное отрицание, ср. приемлемый пример (1a) и неграмматичный (1b):

- (1) а. ^{OK}Я ничего **не** помню.
б. *Я ничего помню.

Отрицательное согласование изучалось в значительном числе работ на материале как русского, так и других языков (романских, новогреческого и т. д.), однако в существующей литературе рассматривается преимущественно влияние расположения отрицательного местоимения относительно глагола на обязательность приглагольного отрицания, а также межклаузное отрицательное согласование, т. е. лицензирование NCI через границу инфинитивной клаузы матричным отрицанием, находящимся в главной клаузе. Это относится к работам как на материале русского языка [Brown 1999; Abels 2005; Fitzgibbons 2008; Лютикова, Татевосов 2018; Gerasimova 2019; Герасимова, Лютикова 2021; Россыйкин 2021; Rudnev 2021; Lyutikova, Gerasimova 2023, *i.a.*], так и на материале других языков [Laka 1990; Haegeman 1995; Zanuttini 1991; 1997; Giannakidou 1998; Zeijlstra 2004; Penka 2011; Giannakidou, Zeijlstra 2017, *i.a.*].

При этом ограничения на внутриклаузное отрицательное согласование практически не изучались, как следствие, проблема составления более или менее полного списка позиций, в которых могут употребляться отрицательные местоимения внутри клаузы, почти не рассматривалась. Редкими исключениями являются такие работы, как исследование [Рожднова 2009] на материале русского и испанского языков и статья [Przepiórkowski, Kupść 1997] — на материале польского.

¹ Этот термин используется, в частности, в работе [Падучева 2017]; в англоязычной литературе соответствующее явление называется Negative Concord и иногда кратко обозначается NC.

² Такие единицы в генеративной грамматике иногда называются по-английски negative concord items, кратко NCI; эта аббревиатура будет использоваться ниже.

Значительно меньший интерес к внутриклаузалю отрицательному согласованию по сравнению с межклаузалю связан, по-видимому, с тем, что границы неклаузалю категорий (NP/DP, AdjP etc.) молчаливо считались прозрачными для отрицательного согласования. Однако, как показано в исследовании [Рожнова 2009], в русском языке это не всегда так. В частности, М. А. Рожнова описывает ряд ограничений на внутриклаузалю отрицательное согласование в русском языке: отрицательные местоимения не могут лицензироваться предикатным отрицанием, если они находятся внутри атрибутивных групп прилагательного (2a), деепричастных оборотов (2b), а также именных или предложных адъюнктов (2c).

- (2) а. *В России не было людей, знакомых ни с одним из моих произведений [Рожнова 2009: 63, (446)].
 б. *Маша не растеряется, застав дома ни одного из медведей [Там же: 65, (476)].
 в. *Во время съемок ни одной передачи не допускается шуметь [Там же: 59, (316)].

Однако в [Рожнова 2009] эти ограничения не были сколько-нибудь систематически сопоставлены с ограничениями на другие нелокальные синтаксические процессы — например, wh-передвижение или связывание анафоров (рефлексивных и реципрокальных местоимений).

Между тем такое сопоставление позволило бы оценить, насколько данные русского языка согласуются с представленными в генеративной лингвистике теоретическими подходами, предполагающими сведение отрицательного согласования к какому-либо другому синтаксическому взаимодействию. Например, существующие подходы к анализу отрицательного согласования предлагали свести взаимодействие отрицания-лицензора и NCI к дистантному согласованию между отрицательным местоимением и его лицензором (вершиной Neg⁰ или нулевым отрицательным оператором на левой периферии клаузы) [Zejlstra 2004, *i.a.*]; к передвижению отрицательного местоимения в спецификатор вершины-лицензора [Haegeman 1995; Brown 1999; Россыйкин 2021, *i.a.*]; наконец, к связыванию отрицательного местоимения лицензором [Laka 1990; Progovac 1994]. Если отрицательное согласование действительно сводимо к какому-либо другому нелокальному взаимодействию, естественно ожидать, что они подчиняются одним и тем же ограничениям локальности.

Чтобы определить, какой из этих подходов лучше соответствует фактам русского языка, необходимо сравнить упомянутые выше ограничения на локальность отрицательного согласования, установленные в работе [Рожнова 2009] и проиллюстрированные в примере (2), с ограничениями на другие нелокальные синтаксические процессы в пределах клаузы. Это позволит, кроме того, выявить ограничения, общие для отрицательного согласования и других дистантных зависимостей, а также ограничения, отличающие его от них.

М. А. Рожнова рассматривает лицензирование отрицательных местоимений через границы следующих составляющих [Рожнова 2009: разд. 3.2]: именные и предложные группы, группы прилагательного и причастия, группы деепричастия и герундия, инфинитивные клаузы, клаузы в сослагательном наклонении, финитные клаузы. Поскольку лицензирование отрицательных местоимений через границы клауз различных типов (инфинитивных, субьюнктивных и индикативных финитных) довольно подробно описано в имеющейся литературе, мы решили сосредоточиться на границах неклаузных составляющих: именных и предложных групп, а также групп прилагательного. Кроме того, мы решили включить в рассмотрение и деепричастные обороты, поскольку этому типу нефинитных клауз уделялось сравнительно мало внимания.

В статье представлены результаты сопоставления ограничений локальности отрицательного согласования и ограничений на другие нелокальные синтаксические взаимодействия. В трех разделах далее с отрицательным согласованием с точки зрения ограничений локальности сравниваются следующие явления: лицензирование подходящими неверидикативными операторами нелокальных единиц отрицательной полярности (negative polarity item; далее — NPI), таких как неопределенные местоимения на *-либо* и *-нибудь* (раздел 2); связывание рефлексивных и реципрокальных местоимений антецедентом (раздел 3); вопросительный и относительный вынос как примеры A'-передвижений (раздел 4). В разделе 5 представлены итоги этого сравнения. В разделе 6 обсуждаются возможные подходы к теоретическому моделированию выявленных закономерностей средствами формального синтаксиса, а в разделе 7 наблюдения, сделанные на материале русского языка, сопоставляются с представленными в литературе данными других языков. Наконец, раздел 8 содержит краткое описание основных результатов исследования.

2. Нелокальные NPI: неопределенные местоимения на *-нибудь* и *-либо*

В этом разделе будет представлено сравнение дистрибуции отрицательных местоимений (в рассматриваемых типах контекстов) с дистрибуцией неопределенных местоимений на *-либо* и *-нибудь*, которые представляют собой нелокальные единицы отрицательной полярности (NPI). Это позволит нам продемонстрировать, что контексты, в которых невозможно лицензирование NCI (отрицательных *ни*-местоимений) [Рожнова 2009], допускают лицензирование других NPI подходящими неверидикативными операторами, т. е. не являются полностью непрозрачными для любых типов дистантных взаимодействий³.

³ Как справедливо отмечает анонимный рецензент, лицензирование неопределенных местоимений на *-либо* и *-нибудь* вполне может быть семантическим (а не

Дистрибуция местоимений на *-нибудь* и *-либо*, как указано в [Падучева 2011; 2015; 2016; 2018; Haspelmath 1997: 273–274], в значительной степени совпадает. Обе серии неопределенных местоимений допустимы в нереферентных употреблениях в ирреальных контекстах, таких как императив (3а) и будущее время (3б), в вопросительных предложениях (3с) и условных придаточных (3д), однако местоимения на *-либо* относятся к более формальному регистру.

- (3) а. Спойте нам какой-нибудь/какой-либо романс [Haspelmath 1997: 274, (A122a)].
 б. Мы встретимся где-нибудь/где-либо [Ibid.: 274, (A122b)].
 с. Звонил ли мне кто-нибудь/кто-либо? [Ibid.: 274, (A123a)].
 д. Если что-нибудь/что-либо случится, я скажу маме [Ibid.: 274, (A123b)].

Кроме того, местоимения на *-либо* употребляются в контекстах сравнения ((4а); в том числе в случае выражения стандарта ИГ в генитиве: *Он умнее кого-либо из своих одноклассников*) и непрямого отрицания (4б), где местоимения на *-нибудь* невозможны. В двух последних типах контекстов и в условных придаточных (4с) употребляются также местоимения серии *бы то ни было*.

- (4) а. Здесь приятнее жить, чем где-либо / где бы то ни было в мире [Ibid.: 274, (A125)].
 б. Отсутствуют какие-либо / какие бы то ни было указания о способе их применения [Ibid.: 274, (A126a)].
 с. Если ты услышишь что бы то ни было, разбуди меня [Ibid.: 274, (A127a)].

Д. Паперно [Paperno 2012: sec. 14.1.12, 14.15.2] называет местоимения на *-либо* наиболее близким аналогом английских NPI (*any*) в русском языке, который лицензируется в монотонных вниз (нисходящих, downward-entailing) контекстах, за исключением случаев наличия предикатного отрицания в той же клаузе. Местоимения на *-нибудь* он, напротив, называет не отрицательно-поляризованными единицами, а аффективно-поляризованными (affective polarity items [Giannakidou 1998]), которые употребляются в сфере действия модальных предикатов и дистрибутивных кванторов.

В отличие от *ни*-местоимений [Рожнова 2009], местоимения на *-нибудь* и на *-либо* не проявляют чувствительности к адьюнктному или аргументному статусу составляющей, внутри которой находятся. В качестве лицензоров в примерах ниже используются контексты, где такие местоимения находятся в антецеденте (protasis) условного периода или в клаузе со сказуемым в будущем времени.

синтаксическим) процессом, поскольку оно подчиняется гораздо менее жестким синтаксическим ограничениям, чем лицензирование *ни*-местоимений.

Эти нелокальные NPI могут, находясь внутри аргументных предложных групп⁴, лицензироваться подходящим оператором (5b–с), расположенным вне этой РР (точно так же, как отрицательные местоимения в этой позиции (5a) могут лицензироваться предикатным отрицанием, которое находится за пределами РР):

- (5) а. ^{OK}Его не допускали к участию ни в одном собрании [Рожнова 2009: 59, (28a)].
б. Если бы его допустили к участию в ^{OK}каком-нибудь/^{OK}каком-либо собрании, большого скандала было бы не избежать.
с. Через пару лет его наверняка допустят к участию в ^{OK}каком-нибудь/^{OK}каком-либо собрании.

Местоимения на *-нибудь* и на *-либо* могут употребляться внутри предикативных групп прилагательного, что продемонстрировано в примерах (6b–с) и (7b–с). В той же позиции допустимы и отрицательные местоимения, лицензированные предикатным отрицанием, как показала М. А. Рожнова ((6a), (7a)):

- (6) а. ^{OK}Клиенты не были довольны качеством ни одного из названных товаров [Рожнова 2009: 63, (43a)].
б. Если бы клиенты были довольны качеством ^{OK}какого-либо/^{OK}какого-нибудь из названных товаров, проблемы у нашей компании не были бы настолько серьезными.
с. Учитывая, насколько широк предлагаемый ассортимент, клиенты наверняка будут довольны качеством ^{OK}какого-нибудь/^{OK}какого-либо из названных товаров.
(7) а. ^{OK}Вася не был похож ни на кого из родителей.
б. ^{OK}Если бы Вася был похож на кого-либо из родителей, соседи бы не распускали слухи, что его усыновили.
с. Ребенок, скорее всего, будет похож на ^{OK}кого-нибудь/^{OK}кого-либо из родственников.

Однако дистрибуция местоимений на *-либо* и *-нибудь* шире, чем у отрицательных местоимений: эти нелокальные NPI возможны, в частности, внутри тех адъюнктивных именных и предложных групп (8)–(9), где NCI, лицензированные прилагательным отрицанием в матричной клаузе, не встречаются (8a), (9a).

⁴ Здесь и далее, называя именные и предложные группы аргументными/актантными или, напротив, адъюнктивными/сирконстантными, я использую терминологию М. А. Рожновой [2009] (поскольку многие примеры заимствованы из ее работы, а другие являются их незначительными модификациями), которая не приводит синтаксических аргументов в пользу того или иного статуса этих составляющих (основываясь, по-видимому, на семантических соображениях).

- (8) a. *Я не буду говорить в присутствии никого из посторонних [Рожнова 2009: 59, (296)].
 b. Если бы мы разговаривали в присутствии ^{OK}кого-нибудь/^{OK}кого-либо из посторонних, он бы не был столь откровенен.
 c. ^{OK}Я буду разговаривать с ним в присутствии кого-нибудь из посторонних, чтобы он потом не сказал, что этого разговора не было.
- (9) a. *Во время съемок ни одной передачи не допускается шуметь [Там же: 59, (316)].
 b. Если бы во время съемок ^{OK}какой-нибудь/^{OK}какой-либо передачи Вася использовал такие выражения, его бы больше на телевидение не приглашали.
 c. ^{OK}Вася наверняка будет специально шуметь во время съемок какой-нибудь передачи, чтобы его оставили в покое и больше не звали на всякие ток-шоу.

Обе серии неопределенных местоимений (как на *-нибудь*, так и на *-либо*), кроме того, допустимы и в деепричастных оборотах (10)–(11), где, как показала М. А. Рожнова, матричное отрицание не может лицензировать NCI (10a), (11a):

- (10) a. *Ты не развеселишься, прочитав ни одну из этих книг [Там же: 65, (47в)].
 b. Если бы ты развеселился, прочитав ^{OK}какую-нибудь/^{OK}какую-либо из этих книг, я был бы очень рад.
 c. Прочитав ^{OK}какую-нибудь/^{OK}какую-либо из этих книг, ты наверняка захочешь узнать биографию ее автора.
- (11) a. *Вася не бросил жену и детей, уехав никуда с любовницей.
 b. Если бы Вася бросил жену и детей, уехав ^{OK}куда-нибудь/^{OK}куда-либо с любовницей, тесть бы его быстро образумил.
 c. ^{OK}Через пару лет семейной жизни Вася бросит жену и детей, уехав куда-нибудь с любовницей.

Местоимения на *-нибудь* и *-либо* встречаются также и в атрибутивных группах прилагательного (12)–(13), где лицензирование отрицательных местоимений матричным отрицанием недопустимо (12a), (13a), что показано в [Рожнова 2009]:

- (12) a. *Нет клиентов, довольных качеством ни одного из названных товаров [Там же: 63, (43б)].
 b. Если бы были клиенты, довольные качеством ^{OK}какого-нибудь/^{OK}какого-либо из названных товаров, наша фирма бы не разорилась.
 c. Надеюсь, в ближайшее время появятся клиенты, довольные качеством ^{OK}какого-нибудь/^{OK}какого-либо из названных товаров, и дела нашей фирмы пойдут в гору.

- (13) a. *В России не было людей, знакомых ни с одним из моих произведений [Там же: 63, (44б)].
 b. Если бы в России были люди, знакомые с ^{OK}каким-либо/^{OK}каким-нибудь из его произведений, его бы, наверное, хоть раз пригласили на гастроли в Москву.
 c. Лет через пять в России наверняка появятся люди, знакомые с ^{OK}каким-либо/^{OK}каким-нибудь из его произведений.

Кроме того, местоимения на *-нибудь* и *-либо* возможны и внутри атрибутивных причастных оборотов (14b–c), тогда как отрицательные местоимения лицензируются предикатным отрицанием через границу атрибутивных причастных оборотов не могут (14a):

- (14) a. *Книги, написанные никем из этих авторов, мне не нравятся [Там же: 64, (45e)].
 b. Если бы книги, написанные ^{OK}кем-либо/^{OK}кем-нибудь из этих авторов, мне нравились, я бы их непременно купил.
 c. Книги, написанные ^{OK}кем-либо/^{OK}кем-нибудь из этих авторов, ему наверняка понравятся.

Как известно, неопределенные местоимения на *-нибудь* и *-либо* обычно не используются в контексте отрицания в той же клаузе (это явление получило название *bagel problem* [Pereltsvaig 2006; Erschler 2021, *i.a.*]: неопределенные местоимения, способные употребляться исключительно в неверидикативных контекстах, оказываются недопустимыми в наиболее прототипическом неверидикативном контексте — при отрицании):

- (15) Я не понял ничего/*чего-либо из того, что он сказал.

С этой точки зрения интересно отметить, что использование местоимений на *-нибудь* и *-либо* при наличии отрицания в той же клаузе является фактически обязательным, если отрицательное местоимение не может быть употреблено в этой позиции (16). Такой контекст наблюдается, в частности, в адьюнктных именных и предложных группах (8a), в деепричастных оборотах (10a), в атрибутивных группах прилагательного (12a) и атрибутивных причастных оборотах (14a):

- (16) a. Я не буду говорить в присутствии *никого из посторонних / ^{OK}кого-либо из посторонних / ^{OK}кого бы то ни было из посторонних.
 b. Ты не развеселишься, прочитав *ни одну из этих книг / ^{OK}какую-либо из этих книг / ^{OK}какую бы то ни было из этих книг.
 c. Нет клиентов, довольных качеством *ни одного из названных товаров / ^{OK}какого-либо из названных товаров / ^{OK}какого бы то ни было из названных товаров.
 d. Книги, написанные *никем/^{OK}кем-либо/^{OK}кем бы то ни было из этих авторов, мне не нравятся.

Более того, неопределенные местоимения на *-нибудь* и *-либо* возможны при наличии отрицания в той же клаузе также и в некоторых из тех случаев, когда допустимы и отрицательные местоимения. Так, в представленных ниже примерах дополнительная дистрибуция отрицательных и неопределенных местоимений нарушается внутри аргументных именных и предложных групп (17) и внутри предикативных групп прилагательного (18): оба типа местоимений могут употребляться в одной и той же позиции, не изменяя интерпретации предложения⁵.

- (17) а. ^{OK}Его не допускали к участию ни в одном собрании [Рожнова 2009: 59, (28a)].
б. Его не допускали к участию в ^{OK}каких-либо / ^{OK}каких бы то ни было собраниях.
- (18) а. ^{OK}Клиенты не были довольны качеством ни одного из названных товаров [Там же: 63, (43a)].
б. ^{OK}Клиенты не были довольны качеством каких бы то ни было из названных товаров.

Таким образом, местоимения на *-либо* подчиняются гораздо менее жестким ограничениям локальности в сравнении с *ни*-местоимениями, что проявляется, в частности, в их нечувствительности к границам деепричастных оборотов, атрибутивных групп прилагательного и адъюнктивных именных и предложных групп.

3. Связывание анафоров (рефлексивов и реципрока)

В работе Л. Проговач [Progovac 1994], как было указано в разделе 1, отрицательное согласование уподобляется связыванию. Если за лицензированием NCI действительно стоят те же механизмы, что и за соотношением возвратных и взаимных местоимений (анафоров) с их антецедентами, то естественно ожидать, что оба эти процесса будут подчиняться одинаковым ограничениям локальности. Поскольку отрицательное согласование, вообще говоря, ограничено пределами финитной клаузы, то его стоит сравнивать с дистрибуцией анафоров, требующих наличия антецедента в той же клаузе (в соответствии с принципом А теории связывания), а не с дистрибуцией прономиналов, антецедент которых обязан (по крайней мере, при наличии с-командования между антецедентом и прономиналом) располагаться вне той клаузы, где находится прономинал. В настоящем разделе, таким образом, будут сопоставлены, с одной стороны, локальные огра-

⁵ Эти факты не отмечаются в работе [Рожнова 2009], где рассматривается дистрибуция только отрицательных местоимений, но не неопределенных на *-либо* и *-нибудь*.

ничения, накладываемые на связывание анафоров в пределах клаузы, а с другой — ограничения на дистрибуцию отрицательных местоимений. Мы последовательно рассмотрим те же контексты, которые были описаны в работе [Рожнова 2009] и затронуты в предыдущем разделе: деепричастные обороты, аргументные и адьюнктные именные и предложные группы, предикативные и атрибутивные группы прилагательного.

Для деепричастных оборотов способность матричного подлежащего связывать взаимные и возвратные местоимения не является показательным тестом. Нулевое подлежащее деепричастных оборотов в литературном русском языке обязательно кореферентно подлежащему матричной клаузы, поэтому матричное подлежащее, способное связывать подлежащно-ориентированные анафоры в своей клаузе, будет связывать и анафоры (рефлексивы и реципрок) в деепричастном обороте (но это связывание будет опосредовано PRO в позиции субъекта деепричастного оборота). Более того, употребление анафоров (а не прономиналов) является обязательным для получения интересующей нас интерпретации (тогда как личные местоимения в той же позиции не могут быть кореферентны подлежащему матричной клаузы):

- (19) а. Маша_i испугалась, PRO_i увидев^{OK} себя_i / *ее_i в зеркале.
 б. Петя_i обрадовался, PRO_i увидев^{OK} свою_i / *его_i жену.
 в. Мальчики_i обрадовались, PRO_i увидев^{OK} друг друга_i / *их_i.

Аргументные именные и предложные группы, допускающие лицензирование отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием [Рожнова 2009], могут содержать рефлексивные и реципрокальные местоимения, кореферентные матричному подлежащему:

- (20) а. За 17 лет я не пропустил съемки ни одной передачи [Там же: 59, (31a)].
 б. Популярный актер_i был вынужден пропустить съемки передачи о себе_i.
 (21) а. Он не терпит присутствия никого из посторонних [Там же: 59, (29a)].
 б. Конкуренты_i не выносили присутствия друг друга_i.

Адьюнктные именные и предложные группы, представляющие собой барьер для лицензирования отрицательных местоимений (см. [Рожнова 2009] и пример (2с) выше), не становятся препятствием для связывания рефлексивов (как *себя*, так и *свой*) и реципрока *друг друга* подлежащим:

- (22) а. *Я не буду говорить в присутствии никого из посторонних [Там же: 59, (29б)].
 б. Вася_i будет давать показания в присутствии своего_i адвоката.
 в. Преступники_i будут давать показания в присутствии адвокатов друг друга_i.

- (23) а. *Во время съемок ни одной передачи не допускается шуметь
[Там же: 59, (316)].
б. Это заявление актер_i сделал во время съемок передачи о себе_i.

Как было продемонстрировано выше в примерах (6)–(7), отрицательные местоимения, содержащиеся внутри предикативных групп прилагательного, могут лицензироваться матричным отрицанием. Взаимные и возвратное местоимения в предикативных AdjP вполне предсказуемо связываются подлежащим:

- (24) а. Вася_i был горд собой_i и крайне доволен своими_i достижениями.
б. [Каждый/всякий ребенок]_i был удивительно похож на своих_i родителей.

Однако не вполне ясно, насколько показателен этот результат: возможно, что рефлексивы связаны матричным подлежащим вследствие того, что оно является субъектом предикации, а непосредственным связывателем (binder) рефлексива выступает нулевое подлежащее группы предикативного прилагательного⁶:

- (25) Вася_i был [*Op*_i горд собой_i].

Более того, как и в случае с деепричастиями, зависимые предикативных прилагательных, кореферентные подлежащему, обязаны выражаться анафорами, а употребление прономиналов тогда недопустимо:

- (26) а. *Вася_i был горд им_i и крайне доволен его_i достижениями.
б. *[Каждый/всякий ребенок]_i был очень похож на его_i родителей.

Если зависимое при предикативном прилагательном не кореферентно подлежащему, оно, естественно, может выражаться прономиналом:

- (27) а. Вася_i был горд им_j и его_j достижениями. ($i \neq j$)
б. [Каждый/всякий ребенок]_i был очень похож на его_j родителей. ($i \neq j$)

Часто связывание рефлексива внутри атрибутивной AdjP подлежащим клаузы как минимум затруднено. Интроспективные суждения автора статьи и неформальный опрос носителей свидетельствуют о том, что такая интерпретация гораздо менее доступна (28), чем соотнесение рефлексива с вершиной ИГ:

- (28) а. [?]Абитуриенты_i шли сюда за знаниями, полезными для своей_i будущей карьеры.
б. *Писатель_i доверял мнению критиков, знакомых со всеми своими_i произведениями.

⁶ В данном случае в (25) приведена структура, в соответствии с которой краткие прилагательные проецируют собственное подлежащее в синтаксисе. Эта точка зрения не является, однако, единственной (см. [Гращенко 2018]).

- c. *Дети_i любили учителей, довольных собой_i и своим_i поведением.
- d. *Дети_i поблагодарили родителей, гордых собой_i / своим_i достижениями.

Линейная позиция группы прилагательного относительно определяемого существительного значения не имеет:

- (29) a. *Спортсмены_i поблагодарили гордого друг другом_i тренера.
- b. *Дети_i поблагодарили гордых собой_i/своими_i достижениями родителей.

Сходное обобщение справедливо и для причастных оборотов. Как показывает пример (30), рефлексив внутри причастного оборота не может быть кореферентен подлежащему матричной клаузы (но может соотноситься с референтом имени, определением к которому является причастный оборот):

- (30) a. Губернатор_i поблагодарил за работу депутатов, оповещенных^{OK} о его_i переводе / *о своем_i переводе / ^{OK}о переводе его_i / *о переводе себя_i на другую должность.
- b. [Новоизбранный председатель городской думы]_i поблагодарил депутатов, выдвинувших^{OK} его_i / *себя_i на этот пост.

Таким образом, рефлексив внутри атрибутивной группы прилагательного или причастия, как кажется, должен быть кореферентен вершине ИГ, модификатором которой выступает группа прилагательного; кореферентность с подлежащим (по крайней мере, в представленных выше примерах) исключена (о некоторых отступлениях от этой закономерности см. ниже в этом же разделе).

В дальнейшем я нередко буду говорить о соотношении анафоров (рефлексивов и реципроков) внутри атрибутивной группы прилагательного с вершинным существительным той ИГ, модификатором которой эта AdjP выступает. Это, однако, всего лишь описательное обобщение, употребляемое (как и в работе [Гращенкова 2006]) для краткости. Говорить о связывании рефлексива внутри AdjP вершинным существительным неверно, поскольку референциальным индексом обладает вся ИГ целиком (а не само по себе вершинное существительное), а она не может с-командовать вложенным в нее рефлексивом (поскольку одно из необходимых условий с-командования α над β в соответствии со стандартным определением предполагает отсутствие доминирования как α над β , так и β над α). Связывателем рефлексива в данном случае, таким образом, является нулевое подлежащее группы прилагательного, выраженное оператором, вызывающим λ -абстракцию [Borik, Gehrke 2019]. В результате связывание рефлексива в группе прилагательного оказывается устроено так же, как и в причастных оборотах и финитных относительных клаузах.

То, что рефлексив должен быть обязательно кореферентен модифицируемому существительному независимо от его падежа и грамматической

функции в клаузе, может быть аргументом в пользу постулирования нулевого подлежащего в группах прилагательного⁷, который связывает подлежащно-ориентированные рефлексивы внутри AdjP в силу своего субъектного статуса и сам оказывается кореферентен модифицируемому существительному:

- (31) Вася_i увидел [\emptyset_j гордого своими_{i/*i} достижениями] спортсмена_j.
- (32) а. [[гордый своими достижениями]] = λx . x горд достижениями x -а
 б. [[гордый своими достижениями спортсмен]] = λx . x горд достижениями x -а & x спортсмен
 в. [[a гордый своими достижениями спортсмен]] = λx . x горд достижениями x -а & x спортсмен
 д. [[*the* гордый своими достижениями спортсмен]] = $i x$. x горд достижениями x -а & x спортсмен

Невыраженное подлежащее AdjP представляет собой скорее нулевой оператор, чем PRO. В пользу такого анализа свидетельствует то, что контроль данного подлежащего обязательный, но наблюдается в отсутствие с-командования. Кроме того, семантически группа прилагательного или причастный оборот, с одной стороны, должны представлять собой предикат над индивидами, чтобы иметь возможность соединиться с CNP (ИГ до присоединения артикля или квантора, имеющая семантический тип $\langle e, t \rangle$), с другой стороны, должны иметь в своем составе подлежащее (чтобы у рефлексива был антецедент-связыватель). Всем этим требованиям удовлетворяет анализ с подлежащим, выраженным нулевым оператором *Op*, как в (31).

Та же структура еще более ожидаема для причастных оборотов, в которых, как показано в [Рожнова 2009], отрицательные местоимения не могут быть лицензированы отрицанием, находящимся в матричной клаузе (33):

- (33) *Библиотека временно не выдает книги, расположенные ни в одном из залов второго этажа [Там же: 64, (45г)].

Аргументация в данном случае аналогична используемой в учебнике [Тестелец 2001: 271–273] для обоснования постулирования PRO в инфинитивных оборотах объектного контроля в качестве объяснения кореферентности содержащихся в них рефлексивов (обычно ориентированных на подлежащее [Там же: 272]) ИГ-контролеру, которая является дополнением в матричной клаузе:

- (34) а. Генерал_i приказал денщику_j [PRO_j снять с себя_{ij} сапоги].

⁷ Сходное рассуждение, приводящее к необходимости постулирования PRO в AdjP, содержится в работе [Гращенкова 2006: разд. 4.1]: «[п]остулирование PRO в ГП (группе прилагательного. — Ф. Б.) кажется целесообразным хотя бы потому, что его наличие в структуре ГП объясняет допустимость кореферентности локального рефлексива в ГП с вершинным именем» [Там же: 98].

- в. Я_i попросил Ивана_j [PRO_j сходить за своим_{ij} фотоаппаратом]
[Там же: 272].

Реципрокальный анафор *друг друга* (антецедентом которого могут быть и неподлежащие ИГ [Rapraort 1986; Тестелец 2001: 272], ср. *Она представила нас_i друг другу_i*), располагаясь внутри атрибутивных групп прилагательного, обычно соотносится с вершинным существительным (через связывание нулевым оператором в позиции подлежащего AdjP и последующее соотнесение этого оператора с вершиной ИГ):

- (35) а. *Спортсмены_i поблагодарили тренера, гордого друг другом_i.
б. *Выпускники_i поздравили мам, довольных достижениями друг друга_i.

Соотнесение *друг друга* с матричным подлежащим, как кажется, невозможно даже в тех лексических контекстах, где для рефлексива, согласно [Гращенкова 2006], доступна интерпретация, при которой он связывается матричным подлежащим:

- (36) а. [?]Политики_i стремились переманить на свою сторону верный друг другу_i электорат.
б. ^{??}Политики_i пытались переубедить верный друг другу_i электорат.
с. ^{???}Противники_i уже не опасались благоприятного друг для друга_i исхода тяжбы.
д. *Политики_i разжигали ненависть в безразличных друг к другу_i обывателях.

Невозможность (или по крайней мере большая затрудненность) связывания реципрока матричным подлежащим⁸ может объясняться его большей локальностью сравнительно с рефлексивом (что проявляется и в отсутствии ориентированности на подлежащее у реципрока, хотя параметры размера области связывания и субъекто-ориентированности, строго говоря, логически независимы).

В [Гращенкова 2006] приводится ряд примеров связывания рефлексива внутри AdjP матричным подлежащим (37)–(38). Как минимум в некоторых из этих примеров интерпретация со связыванием рефлексива матричным подлежащим поддерживается семантико-прагматическими соображениями:

⁸ Примеры кореферентности возвратного местоимения, находящегося внутри атрибутивной AdjP, вершине определяемой ИГ приводятся также в работах [Тестелец 2001: 279–280; Гращенков 2018: 270–271]. Ни в одной из них нет примеров, где анафор внутри атрибутивной группы прилагательного был бы кореферентен подлежащему матричной клаузы. Однако в обеих работах авторы стремятся доказать способность группы прилагательного иметь собственное подлежащее, поэтому предложения, где анафор внутри атрибутивной AdjP соотносится с матричным подлежащим, не представляли бы для них интерес.

- (37) Он уже не рассчитывает на благоприятный для себя исход ([Падучева 1983], цит. по [Гращенкова 2006: 81, (11)]).
- (38) а. Черепков_i ведет свою кампанию вне СМИ, надеясь на традиционную поддержку верного себе_{i,j} электората_j.
 б. Он_i неистово защищает свое существование, преследуя безразличных к себе_{i,j} граждан_j [Гращенкова 2006: 89, (37)–(38)].

А. Э. Гращенкова [Там же: 89] отмечает, что «референцию простого рефлексива (т. е. анафора *себя*. — *Ф. Б.*) в составе ГП (группы прилагательного. — *Ф. Б.*) в общем случае может контролировать как подлежащее, так и вершинное имя», добавляя, что «[с]уществуют разные способы разрешения референциального конфликта»⁹, но отказывается от дальнейшего рассмотрения этого вопроса.

Стоит отметить, что, даже если связывание рефлексивов внутри атрибутивной AdjP матричным подлежащим возможно, та же интерпретация допустима и при замене рефлексива прономиналом (личным/притяжательным местоимением соответствующего лица и числа), т. е. в рассматриваемом контексте отсутствует дополнительное распределение прономиналов и анафоров, лежащее в основе классической Теории связывания [Chomsky 1981].

Между тем допущение несовпадающих локальных областей для анафоров и прономиналов в [Chomsky 1986] позволяет объяснить отсутствие дополнительной дистрибуции. AdjP всегда является локальной областью для прономинала, поэтому он в ней всегда свободен. Для анафора же она будет локальной областью, только если у этой AdjP есть собственное подлежащее (иначе локальной областью будет вся клауза). Допуская, что группы прилагательного могут, но не обязаны иметь собственное подлежащее, мы можем объяснить нарушение дополнительной дистрибуции анафоров и прономиналов в (39).

- (39) а. Политик_i надеется на поддержку верного ему_i / себе_i электората.
 б. Он_i преследует безразличных к нему_i / себе_i граждан.

Пример (40) показывает, что атрибутивные причастные обороты допускают употребление прономиналов, кореферентных подлежащему матричной

⁹ Эта референциальная неоднозначность, как отмечает А. Э. Гращенкова, отличается простой рефлексив *себя* от составного рефлексива *самого себя*, при использовании которого референциального конфликта не возникает, поскольку «[с]амого себя в ГП (группы прилагательного. — *Ф. Б.*) маркирует кореферентность только с вершинным именем, подлежащее не может быть антецедентом составного рефлексива» [Гращенкова 2006: 90]. Это подтверждают следующие предложения [Там же: 91, (46), (48)]:

- (i.) Я_i всегда мечтал найти человека_j, безжалостного ко всему на свете, в том числе и к самому себе_{j/*i}.
 (ii.) За десертом д'Артаньян_i уселся в кресло и, закинув ногу на ногу, развалился с видом человека_j, очень довольного самим собой_{j,*i}.

клаузы (более того, содержащийся внутри причастного оборота рефлексив, как кажется, не может быть кореферентен матричному подлежащему).

(40) Начальник_i простил обманувшего его_i / *себя_i заместителя.

При этом в случае кореферентности рефлексива вершинному имени замена рефлексива прономиналом невозможна:

(41) Политик_i надеется на поддержку верного себе_j/*ему_j электората_j, всегда благоволившего ему_i.

Следовательно, местоимение внутри атрибутивной ИГ, кореферентное подлежащему, может быть выражено, вообще говоря, как анафором, так и прономиналом (т. е. оба предложения в (42) могут иметь одну и ту же интерпретацию):

(42) а. Политик_i надеется на поддержку верного ему_i электората.
 б. Политик_i надеется на поддержку верного себе_i электората.

Эта взаимозаменяемость анафоров и прономиналов (которая не наблюдается в более «канонических» или «прототипических» контекстах, например при кореферентности подлежащего и прямого дополнения или подлежащих матричной и финитной зависимой клаузы) имеет прямую аналогию в области отрицательного согласования, упомянутую в конце предыдущего раздела 2, ср. пример (18). Если обычно в контексте отрицания обязательно употребление *ни*-местоимений, а неопределенные местоимения серии на *-либо* или *-нибудь* недопустимы¹⁰ (по крайней мере, в том же значении), то в случае предикативных групп прилагательного их компоненты могут выражаться как отрицательными, так и неопределенными местоимениями без заметного изменения интерпретации (приведенные ниже примеры взяты из Национального корпуса русского языка):

(43) а. ...я ни разу **не была** сильно **в кого-либо** влюблена (А. Никулин, Е. Шапошникова. Полет парикмахерши // «Отечественные записки», 2003).

б. — Я **не был влюблен ни в кого...** (Н. Г. Чернышевский. Пролог (1871)).

(44) а. ...прошу простить, что обращаюсь к вам, **не будучи** лично **знаком с кем-либо** (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976–1999)).

б. ...и **не была знакома ни с кем** из окружающих... (Е. Попов. Кто-то был, приходил и ушел (1970–2000)).

¹⁰ Местоимения на *-либо*, таким образом, сходны с сербохорватскими *i*-местоимениями, которые (в соответствии с анализом, представленным в работе [Progovac 1994]) должны быть свободны внутри своей локальной области (управляющей категории), но связаны за ее пределами.

Такая вариативность наблюдается в случае предикативных групп прилагательного, тогда как употребление отрицательных местоимений, лицензированных матричным прилагательным отрицанием, в атрибутивных группах прилагательного невозможно. В случае связывания же вариативность имеет место в атрибутивных группах прилагательного, а дистрибуция анафоров и прономиналов в предикативных группах прилагательного несколько иная.

Прономиналы, кореферентные подлежащему, не могут употребляться внутри аргументных (45a) и адьюнктных (45b) именных и предложных групп (по крайней мере, тех, которые рассматривает М. А. Рожнова [2009]):

- (45) а. Популярный актер_i был вынужден пропустить съемки передачи о себе_i / *о нем_i.
 б. Это заявление актер_i сделал во время съемок передачи о себе_i / *о нем_i.

Таким образом, лицензирование отрицательных местоимений и анафоров одинаково возможно через границы аргументных ИГ. Границы адьюнктных ИГ представляют собой препятствие для отрицательного согласования, но не для связывания анафоров. В случае предикативных AdjP и деепричастных оборотов лицензирование анафоров допустимо, но вряд ли представляет собой показательный результат из-за особенностей синтаксической структуры соответствующих предложений. В атрибутивных ИГ лицензирование отрицательных местоимений прилагательным отрицанием невозможно, тогда как связывание анафоров матричным подлежащим иногда оказывается допустимым, хотя во многих случаях предпочтительной оказывается интерпретация, при которой антецедентом анафора является вершинное имя.

4. Вопросительный и относительный вынос как примеры wh-/A'-передвижений

С точки зрения Л. Хагеман и Р. Зануттини [Haegeman 1995; Zanuttini 1997], отрицательное согласование устроено так же, как и взаимодействие вопросительного комплементаризера, имеющего признак [*uwh*], с вопросительными составляющими, несущими признак [*iwh*]. Поэтому представляется уместным сравнить ограничения локальности, накладываемые на внутриклаузальное отрицательное согласование [Рожнова 2009], с ограничениями на вопросительный и относительный вынос, рассматриваемые как примеры wh-передвижения.

Вопросительный (46b) и относительный (46c) вынос возможны из предикативных групп прилагательного, т. е. след от A'-передвижения (или нижняя копия передвигающейся составляющей) может находиться в той же позиции, что и отрицательное местоимение, лицензируемое предикативным отрицанием (46a), ср. также пример (47).

- (46) a. Новая соседка не была похожа ни на кого из актрис.
b. На кого_i новая соседка была удивительно похожа ______i?
c. Вот портрет актрисы, на которую_i была удивительно похожа ______i новая соседка.
- (47) a. В России люди не были знакомы ни с одним из моих произведений [Рожнова 2009: 63, (44a)].
b. [С каким из его произведений]_i все школьники были отлично знакомы ______i?
c. Вот произведение, с которым_i все российские школьники были отлично знакомы ______i.

Ни вопросительный (48b), ни относительный (48c) вынос невозможен из атрибутивных групп прилагательного, где недопустимо и лицензирование отрицательных местоимений предикатным отрицанием (48a), ср. также пример (49):

- (48) a. *Я не встретил похожую ни на кого из актрис соседку.
b. *На кого_i ты вчера встретил удивительно похожую ______i соседку?
c. *Вот портрет актрисы, на которую_i я вчера встретил удивительно похожую ______i соседку.
- (49) a. *В России не было людей, знакомых ни с одним из моих произведений [Там же: 63, (44б)].
b. *[С каким из его произведений]_i за рубежом все-таки были хорошо знакомые ______i люди?
c. *Вот произведение, с которым_i за рубежом все-таки были хорошо знакомые ______i люди.

Сходное обобщение справедливо и для атрибутивных причастных оборотов: отрицательные местоимения внутри них не могут лицензироваться сентенциальным отрицанием в матричной клаузе (50a); вопросительный (50b) или относительный (50c) вынос из причастных оборотов также приводит к неприемлемым предложениям.

- (50) a. *Книги, написанные никем из этих авторов, мне не нравятся [Там же: 64, (45e)].
b. *[Кем из этих авторов]_i вам нравятся книги, написанные ______i в конце жизни?
c. *Вот автор, которым_i мне нравятся книги, написанные ______i в конце жизни.

Однако, сопоставляя примеры с предикативными (46)–(47) и атрибутивными (48)–(49) группами прилагательного, можно заметить, что соответствующие тройки предложений отличаются еще и формой прилагательного: в (46)–(47) использованы прилагательные в краткой форме,

а в (48)–(49) — в полной. Это связано с тем, что прилагательные в полной форме (в большей степени в номинативе и в меньшей — в инструменталисе) не склонны допускать выражение зависимых в предикативной позиции [Гращенков 2018: разд. 3.1.5] независимо от того, является ли это зависимое обычной именной группой, вопросительной или относительной составляющей либо отрицательным местоимением:

- (51) a. *Девушка была довольная своим ростом [Там же: 263, (520с)].
 b. *Девушка не была довольная ничем.
 c. *Чем_i девушка была довольная ______i?
 d. *Высокий рост, которым_i девушка была очень довольная ______i, отличал ее от многих подруг.
- (52) a. [?]До родов я была довольной своим телом... (Интернет) [Там же: 267, (531с)].
 b. [?]До родов она не была довольной ничем.
 c. [?]Чем_i она была довольной ______i до родов?
 d. [?]Внимание и забота окружающих, которыми_i она была довольной ______i, почти сошли на нет.

Вопросительный (53b) и относительный (53с) вынос из деепричастного оборота также недопустимы¹¹, и это ограничение напоминает запрет (53а) на лицензирование отрицательных местоимений внутри деепричастного оборота матричным отрицанием. Те же закономерности иллюстрирует и пример (54).

- (53) a. *Этот ученый не прославился на весь мир, совершив какое открытие.
 b. *[Какое открытие]_i этот ученый прославился на весь мир, совершив ______i в тридцать с небольшим лет?
 c. *Вот открытие, которое_i этот ученый прославился на весь мир, совершив ______i в тридцать с небольшим лет.
- (54) a. *Миша не здоровался, встречая никого из бывших одноклассников [Рожнова 2009: 65, (47г)].
 b. *[Кого из бывших одноклассников]_i Миша всегда здоровался, встречая ______i на улице?
 c. *Вот Мишин бывший одноклассник, [которого]_i он всегда здоровался, встречая ______i на улице.

¹¹ Соответствующие предложения с эффектом крысолова гораздо более приемлемы, особенно в случае относительного выноса:

- (i) a. Совершив какое открытие в тридцать с небольшим лет, этот ученый прославился на весь мир?
 b. Вот открытие, совершив которое в тридцать с небольшим лет этот ученый прославился на весь мир.

Вопросительный (55b) и относительный (55c) вынос из адьюнктных именных и предложных групп приводят к абсолютно неприемлемым предложениям, равно как и употребление внутри них отрицательных местоимений (55a), ср. также пример (56):

- (55) a. *Я не покину пост ради участия ни в одном собрании [Рожнова 2009: 59, (28б)].
 б. *В чем_i / *В каком собрании_i он покинул пост ради участия ______i?
 с. *Вася выступил на митинге, в котором_i он покинул пост ради участия ______i.
- (56) a. *В надежде ни на какую прибыль Фунтик не согласился бы обманывать детей [Там же: 59, (30б)].
 б. *На что_i / *На какую прибыль_i Вася согласился бы рискнуть в надежде ______i?
 с. *Вот прибыль, на которую_i Вася согласился бы рискнуть в надежде ______i.

Предложения с извлечением (subextraction) из аргументных именных и предложных групп при вопросительном и относительном выносе не вполне приемлемы ([Abels 2003], однако, считает подобные предложения абсолютно грамматичными), хотя контраст с выносом из ИГ-адьюнктов все же присутствует (что подтверждают интроспективные суждения автора и несколько неформально опрошенных им носителей). Отрицательные местоимения внутри таких составляющих могут лицензироваться матричным отрицанием:

- (57) a. ^{OK}Его не допускали к участию ни в одном собрании [Рожнова 2009: 59, (28а)].
 б. ^{??/0%}В чем_i / [в каких собраниях]_i его допустили к участию ______i?
 с. ^{??/?%}Вот стенограмма собрания, в котором_i его допустили к участию ______i.
- (58) a. ^{OK}Кризис не оставил нам надежды ни на какую прибыль [Там же: 59, (30а)].
 б. ^{??/0%}На что_i / [на какую премию]_i Вася лишился надежды ______i?
 с. ^{??/?%}Вот премия, на которую_i Вася лишился надежды ______i из-за своей ошибки.

Однако суждения о недопустимости (или, во всяком случае, значительно меньшей приемлемости) вопросительного и относительного выноса из аргументных именных и предложных групп разделяют не все носители: например, (59), по мнению анонимного рецензента, вполне допустимо.

- (59) В чём_i его не допускали к участию ______i?

Д. Д. Белова [2021] отмечает, что предложения, похожие на (57b), могут, вообще говоря, быть результатом деривации как с извлечением

(subextraction), так и с передвижением всей объемлющей РР и последующим частичным озвучиванием верхней и нижней копий (scattered deletion). Более показательны были бы примеры вроде (60):

- (60) а. ??В каком его не допускали к участию мероприятии?
 В каком ~~мероприятии~~ его не допускали к участию ~~в каком~~ мероприятии?
 б. *В каком он покинул пост ради участия мероприятия?
 в. ??На какую Вася лишился надежды прибыль?
 д. *На какую Вася согласился бы рискнуть в надежде прибыль?

Интроспективные суждения автора статьи свидетельствуют скорее о том, что в (60) воспроизводится тот же контраст между аргументными и адьюнктными ИГ, что и в (57). Следовательно, рассматривать (60) как примеры извлечения может быть не вполне корректно, поскольку они могут представлять собой и случаи частичного озвучивания верхней и нижней копий.

Таким образом, передвижение операторов (если не рассматривать эффект крысолова) подчиняется ограничением локальности, во многом схожим с теми, которые накладываются на отрицательное согласование. Оба нелокальных синтаксических взаимодействия невозможны через границу деепричастного оборота, адьюнктных именных и предложных групп и атрибутивных групп прилагательного, но могут происходить через границу аргументных ИГ (хотя *wh*-передвижение в данном случае приводит все же к не вполне приемлемым предложениям) и предикативных AdjP.

5. Итоги сопоставления нелокальных синтаксических взаимодействий

Сравнение ограничений локальности различных синтаксических процессов с отрицательным согласованием представлено в таблице ниже.

Как можно видеть, ни одно из рассматриваемых дистантных взаимодействий не подчиняется в точности таким же ограничениям локальности, что и отрицательное согласование. Больше всего совпадений у отрицательного согласования и *wh*-передвижения, во многом похоже устроено лицензирование анафоров. Дистрибуция нелокальных NPI проявляет меньше ограничений, сходных с ограничениями на лицензирование *ни*-местоимений. К результатам этого сравнения, однако, следует относиться с осторожностью по нескольким причинам: во-первых, в некоторых случаях на допустимость или невозможность определенного дистантного взаимодействия через границу данной лексической категории могут влиять посторонние факторы, делая результаты диагностики непоказательными (как при лицензировании анафоров «через границу» деепричастного оборота, которое в действительности опосредовано PRO); во-вторых, суждения раз-

**Локальные ограничения на различные типы
нелокальных взаимодействий в русском языке**

Структурная конфигурация	Отрицательное согласование	-нибудь и -либо местоимения (нелокальные NPI)		Анафоры	Прониминалы	Вопросительный и относительный вынос
		Лицензированные условным оператором или футурумом	Лицензированные отрицанием	корреферентные подлежащему матричной клаузы		
Предикативные группы прилагательного	ОК	ОК	ОК	(ОК)	*	ОК
Атрибутивные группы прилагательного	*	ОК	ОК	*/ОК	ОК	*
Атрибутивные причастные обороты	*	ОК	ОК	*	ОК	*
Аргументные ИГ	ОК	ОК	ОК	ОК	*	??*/*
Адьюнктные ИГ	*	ОК	ОК	ОК	*	*
Деепричастные обороты	*	ОК	ОК		*	*
Совпадений/несовпадений с отрицательным согласованием		2/4	2/4	4/1	2/4	5/1

ных носителей в ряде случаев могут различаться, усложняя интерпретацию полученных данных (как показывают примеры с вопросительным выносом из аргументных именных и предложных групп).

При этом, как было отмечено выше, единственный контекст, где *wh*-передвижение и отрицательное согласование ведут себя по-разному, — это аргументные именные и предложные группы. Для некоторых носителей вопросительное и относительное извлечение из них вполне допустимо, и тогда общий анализ для отрицательного согласования и *wh*-передвижения становится еще более обоснованным¹.

(61) а. ^{OK}Его не допускали к участию ни в одном собрании [Рожнова 2009: 59, (28a)].

б. ^{??/%}В чем его не допускали к участию?

В дальнейшем при формулировании анализа я буду отталкиваться от сниженной приемлемости вопросительного и относительного выноса из аргументных ИГ, считая примеры вроде (61b) скорее неграмматичными. Если же опираться на суждения носителей, считающих такие примеры допустимыми, отрицательное согласование вполне можно свести к передвижению, как предлагается в ряде существующих работ на материале русского языка [Brown 1999; Россыйкин 2021, *i.a.*]².

6. Возможные подходы к теоретическому моделированию

Как было показано выше, ни одна пара дистантных синтаксических взаимодействий не подчиняется полностью одинаковым ограничениям ло-

¹ Анонимный рецензент задается вопросом, означает ли это, что для русского языка существует несколько грамматических профилей, в которых отрицательное согласование устроено различным образом. Хотя такое заключение полностью совместимо с выводами настоящей статьи, у нас недостаточно данных, чтобы уверенно это утверждать: необходимо убедиться, что вопросительный и относительный вынос из аргументных именных и предложных групп действительно является стабильно приемлемым для одной части носителей русского языка и устойчиво неприемлем для другой. Подобное исследование предложений с извлечением вопросительных местоимений из именных групп, однако, лежит за пределами данной статьи.

² Как справедливо отмечает анонимный рецензент, в статье нет данных, которые позволили бы напрямую оценить приемлемость подхода к моделированию отрицательного согласования [Zeijlstra 2004] в исследуемых контекстах с помощью операции дистантного согласования (*long-distant Agree* [Chomsky 2000 и др.]). Это связано с тем, что собственно морфологическое согласование (предиката с ИГ-подлежащим или зависимых в именной группе с вершинным именем) не может в русском языке пересекать границы рассматриваемых типов составляющих (именных групп, предложных групп, групп прилагательного или деепричастных оборотов).

кальности (по крайней мере, для части носителей русского языка, отвергающих предложения с вопросительным и относительным выносом из аргументных именных и предложных групп), что является потенциальной проблемой для сведения отрицательного согласования к какому-либо другому дистантному взаимодействию. Если за отрицательным согласованием действительно стоит какое-то другое нелокальное синтаксическое взаимодействие вроде связывания анафоров или *wh*-передвижения, остается непонятным, почему в таком случае ограничения локальности, накладываемые на это взаимодействие и на отрицательное согласование, не являются полностью идентичными.

Возможная формализация установленных М. А. Рожновой ограничений на локальность внутриклаузного отрицательного согласования — использование понятия горизонта для согласовательного зонда, введенного в [Keine 2016; 2021]. Этот подход предполагает, что для каждого зонда лексически задается список категорий или признаков, после обнаружения которых зонд прекращает поиск цели. Указанные признаки или категории и являются горизонтами данного зонда.

Само отрицательное согласование можно анализировать вслед за [Deal 2022] как согласование между отрицательным местоимением и ненасыщаемым (*insatiable*) Neg^0 -зондом, способным взаимодействовать со всеми доступными отрицательными местоимениями в области своего *s*-командования и лицензировать их.

Список горизонтов для Neg^0 -зонда в русском в таком случае включает атрибутивные $AdjP$ (например, он содержит вершину/признак, обязательно присутствующую в атрибутивных $AdjP$ и отсутствующую в предикативных, такую как Mod^0 у [Rubin 1994]), деепричастия ($Converb^0$) и адьюнктные именные и предложные группы (предполагая, что все такие адьюнкты вводятся адлогами, в том числе нулевыми, которые сами являются горизонтами для Neg^0 -зонда либо чья расширенная проекция содержит такие горизонты).

Альтернативный подход может опираться на следующее обобщение: все выявленные ограничения на внутриклаузное отрицательное согласование объединяет то, что оно невозможно через границу адьюнктной составляющей (такой как атрибутивные группы прилагательного, деепричастные обороты, адьюнктные именные и предложные группы); этот факт отмечается и в работе [Рожнова 2009]. Таким образом, можно было бы попытаться свести недопустимость отрицательного согласования к какому-либо общему свойству адьюнктов (например, связать с принципиально иным способом встраивания адьюнктов в структуру предложения вроде противопоставления *ordinary Merge* для аргументов и *Pair-Merge* для адьюнктов в статье [Chomsky 2004]). Но формализовать эту интуицию довольно сложно: остается непонятным, почему отрицательное согласование должно быть чувствительно к типу встраивания составляющей в структуру предложения.

Еще один класс подходов, позволяющих разделить аргументы и адъюнкты, опирается на Условие на области извлечения (Condition on Extraction Domains, CED), предложенное в работе [Huang 1982]. Однако свести все ограничения на внутриклаузальное отрицательное согласование к CED вряд ли возможно. Дело в том, что CED противопоставляет не просто аргументы и адъюнкты, а комплементы и составляющие, занимающие любые другие позиции (так называемые сложные левые ветви, *complex left branches*), к которым относятся как адъюнкты, так и спецификаторы. Таким образом, можно было бы ожидать, что адъюнкты будут вести себя в отношении внутриклаузального отрицательного согласования так же, как и спецификаторы (примерами которых могут быть подлежащие именным группам при неэргативных и переходных глаголах). Это, однако, не так: отрицательные местоимения в русском могут содержаться внутри подлежащих ИГ (и лицензироваться предикатным отрицанием), в том числе и при переходных глаголах.

(62) Сегодня родственники ни одного из без вести пропавших не считают их погибшими, они до сих пор их ждут³ (Интернет).

Таким образом, наибольшей описательной адекватности позволяет достичь подход, использующий понятие горизонта для согласовательного зонда (хотя, конечно, получающееся описание — в значительной степени не более чем формализация дескриптивных обобщений: невозможность лицензирования отрицательных местоимений внутри какой-либо составляющей мы объясняем тем, что она является горизонтом, а сам статус составляющей как горизонта для Neg^0 -зонда в русском может быть установлен только по невозможности лицензирования отрицательных местоимений внутри этой составляющей предикатным отрицанием⁴).

³ <https://gazetaingush.ru/obshchestvo/v-ingushetii-prohodit-akciya-pamyati-zhertv-oseni-1992-goda>

⁴ Как отмечает анонимный рецензент, еще один недостаток моделирования описанных ограничений с помощью понятия горизонта состоит в том, что схожесть поведения отрицательного согласования и вопросительного выноса в одних и тех же контекстах остается необъясненной. Действительно, невозможность обих указанных нелокальных синтаксических взаимодействий через границы адъюнктных именных и предложных групп, атрибутивных групп прилагательного и деепричастных оборотов сводится к тому, что такие составляющие входят в список горизонтов как для отрицательной вершины Neg^0 , так и для вопросительного комплементайзера C_{wh}^0 (аргументные именные и предложные группы, однако, являются горизонтами только для C_{wh}^0 , но не для Neg^0). Поскольку список горизонтов для каждого зонда задается независимо, попадание одних и тех же составляющих в число горизонтов для различных зондов с формальной точки зрения оказывается простой случайностью.

По мнению рецензента, это может служить аргументом в пользу анализа в терминах противопоставления аргументов и адъюнктов, поскольку аргументы и адъ-

7. Сопоставление с другими языками

Рассмотренные ограничения на внутриклаузное отрицательное согласование, характерные для русского языка, не являются универсальными. Например, в испанском адьюнктивные именные и предложные группы, атрибутивные AdjP и группы герундия (во многом напоминающие русские деепричастные обороты) оказываются прозрачными для отрицательного согласования [Рожнова 2009]:

- (63) *No voy a confesarme en presencia de ninguno de esos señores.*
 NEG FUT.1SG признаться в присутствии никого из эти сеньоры
 ‘*Я не буду признаваться в присутствии никого из этих сеньоров’
 [Там же: 59, (32a)].
- (64) *No me gusta gente propensa a ninguna mala costumbre...*
 NEG мне нравится.3SG люди склонный к никакая плохая привычка
 ‘Я не люблю людей, склонных к каким-либо плохим привычкам,
 <за исключением шокоголиков>’ [Там же: 64, (46д)].
- (65) *No te divertirás leyendo ninguno de esos artículos.*
 NEG REFL развлекаться.FUT.2SG читать.CNVB никакой из эти статьи
 ‘Ты не развлечешься, читая какую-либо из этих статей’ [Там же: 66, (50д)].

В польском языке деепричастные обороты непрозрачны для отрицательного согласования, а атрибутивные группы причастия прозрачны [Przeriórkowski, Kupś 1997]; данных по адьюнктивным именным и предложным группам, а также по атрибутивным группам прилагательного мне найти не удалось:

- (66) **Nie uciekł z więzienia, nic nikomu mówiąc.*
 NEG убежал из тюрьма ничего никому говоря
 ‘Он убежал из тюрьмы, никому ничего не говоря / Неверно, что он убежал из тюрьмы, что-либо кому-либо сказав’ [Ibid.: (39b)].
- (67) *Lingwiści piszący o NICZYM *(nie) są tak nudni, jak ci piszący o negacji.*
 лингвисты пишущие о ничто NEG be.3PL так скучны как
 те пишущие об отрицании
 ‘Лингвисты, пишущие о чем-либо (другом / кроме отрицания), не так скучны, как те, которые пишут об отрицании’ [Ibid.: (42b)].

Неуниверсальность рассмотренных ограничений на внутриклаузное отрицательное согласование может рассматриваться в качестве одного из доводов в пользу их моделирования посредством лексической спецификации

юнкты более последовательно различаются в грамматической системе. В этом случае, однако, остается неясным, какое именно свойство адьюнктов (и почему) препятствует установлению дистантного взаимодействия через их границы.

Neg⁰-зондов⁵, которая вполне может отличаться от языка к языку, включая различные наборы признаков и категорий, оказывающихся горизонтами.

8. Заключение

Рассмотренный в статье материал показывает, что границы неклаузуальных составляющих вроде именных и предложных групп, а также групп прилагательного могут быть непрозрачными как для отрицательного согласования (что было продемонстрировано уже в работе [Рожнова 2009]), так и для других нелокальных процессов, причем различные процессы оказываются чувствительными к границам разных типов неклаузуальных составляющих.

С точки зрения ограничений локальности в наибольшей степени с отрицательным согласованием сближается wh-передвижение (вопросительный и относительный вынос), поэтому наиболее перспективным для описания данных русского языка представляется сведение отрицательного согласования именно к передвижению.

В других языках действуют иные ограничения на внутриклаузуальное отрицательное согласование, поэтому отрицательное согласование вполне можно рассматривать наряду с прочими нелокальными взаимодействиями в рамках межъязыкового исследования выборочной непрозрачности (selective opacity), тогда как ранее в этом аспекте изучались преимущественно подтипы A'-передвижений и прозрачное согласование (long-distance agreement, LDA) [Müller 2011; Abels 2012; Keine 2016; 2021].

Л и т е р а т у р а

Белова 2021 — Д. Д. Белова. Грамматические и коммуникативные асимметрии в извлечении операторов из именных групп в русском языке. Дипломная работа. МГУ, 2021.

Герасимова, Лютикова 2021 — А. А. Герасимова, Е. А. Лютикова. Лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивных клаузах: экспериментальное исследование // Vladislava Warditz (ed.). *Russian Grammar: System — Language Usage — Language Variation*. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2021. P. 177–190.

⁵ Как отмечает рецензент, возможен и другой подход к примерам (63)–(65) из испанского языка, предложенный в работе [Россяйкин 2021: разд. 2.2], при котором нестрогое отрицательное согласование, характерное для романских языков (в том числе и для испанского), вовсе не является синтаксической зависимостью в отличие от строгого отрицательного согласования (представленного в русском или венгерском). Польский, однако, относится к языкам со строгим отрицательным согласованием, поэтому для примера (67) анализ, выводящий представленные явления за пределы синтаксического компонента грамматики, не подходит.

Гращенко 2018 — П. В. Гращенко. Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Гращенкова 2006 — А. Э. Гращенкова. Рефлективы в группе прилагательного: теоретические проблемы и типология // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 76–101.

Лютикова, Татевосов 2018 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. Сфера действия в русских инфинитивных конструкциях с контролем // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете МКР-Барселона 2018 / Ж. Кастельви, А. Зайнулдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья (ред.). Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1290–1301.

Падучева 1983 — Е. В. Падучева. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. Вып. 21. М.: ВИНТИ, 1983. С. 3–33.

Падучева 2011 — Е. В. Падучева. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 3–18.

Падучева 2015 — Е. В. Падучева. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Vol. 39, № 2. P. 129–162.

Падучева 2016 — Е. В. Падучева. Местоимения типа *что-нибудь* в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 22–26.

Падучева 2017 — Е. В. Падучева. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.

Падучева 2018 — Е. В. Падучева. Русские местоимения свободного выбора // Russian Linguistics. 2018. Vol. 42, № 3. P. 291–319.

Рожнова 2009 — М. А. Рожнова. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ, 2009.

Россяйкин 2021 — П. О. Россяйкин. Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 69–118.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.

Abels 2003 — K. Abels. Successive cyclicity, anti-locality and adposition stranding. PhD dissertation. University of Connecticut, 2003.

Abels 2005 — K. Abels. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory // Journal of Slavic linguistics. 2005. Vol. 13, № 1. P. 5–74.

Abels 2012 — K. Abels. Phases: An essay on cyclicity in syntax. Berlin: de Gruyter, 2012.

Borik, Gehrke 2019 — O. Borik, B. Gehrke. Participles: Form, use and meaning // Glossa: a journal of general linguistics. 2019. Vol. 4, № 1. P. 1–27.

Brown 1999 — S. Brown. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999.

Chomsky 1981 — N. Chomsky. Lectures on government and binding. Berlin: Mouton de Gruyter, 1981.

Chomsky 1986 — N. Chomsky. Barriers. Cambridge: MIT Press, 1986.

Chomsky 2000 — N. Chomsky. Minimalist Inquiries: The Framework // Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik / R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.

Chomsky 2004 — N. Chomsky. *Beyond explanatory adequacy* // *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures* / A. Belletti (ed.). Vol. 3. New York: Oxford University Press, 2004. P. 104–131.

Deal 2022 — A. R. Deal. *Negative concord as downward Agree* // *Proceedings of NELS 52* / B. Pratley, Ö. Bakay, E. Neu, P. Deal (eds.). Vol. 1. 2022. P. 235–244.

Erschler 2021 — D. Erschler. *Colloquial emphatic negation in Russian and morphology of negative concord* // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference*, May 2021.

Fitzgibbons 2008 — N. Fitzgibbons. *Freestanding negative concord items in Russian* // *Nanzan Linguistics*. 2008. Vol. 2, № 3. P. 51–63.

Garzonio 2019 — J. Garzonio. *Negative concord in Russian: An overview* // *Studi di linguistica slava: Nuove prospettive e metodologie di ricerca* / I. Krapova, S. Nistratova, L. Ruvoletto (eds.). Venezia, 2019. P. 175–190.

Gerasimova 2019 — A. Gerasimova. *Licensing negative polarity items in Russian event nominalizations* // *Proceedings of ConSOLE XXVII*. 2019. P. 106–117.

Giannakidou 1998 — A. Giannakidou. *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam: John Benjamins, 1998.

Giannakidou, Zeijlstra 2017 — A. Giannakidou, H. Zeijlstra. *The landscape of negative dependencies: Negative Concord and N-Words* // *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. 2nd ed. 2017. P. 1–38.

Haegeman 1995 — L. Haegeman. *The syntax of negation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Huang 1982 — C.-T. J. Huang. *Logical relations in Chinese and the theory of grammar*. PhD dissertation. MIT, 1982.

Keine 2016 — S. Keine. *Probes and their horizons*. PhD dissertation. University of Massachusetts, 2016.

Keine 2021 — S. Keine. *Probes and their horizons*. Cambridge, MA: MIT Press, 2021.

Laka 1990 — I. Laka. *Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections*. Ph.D. dissertation. MIT, 1990.

Lyutikova, Gerasimova 2023 — E. Lyutikova, A. Gerasimova. *Negative Concord and locality in Russian* // *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique*. 2023. Vol. 68, № 1. P. 31–73.

Müller 2011 — G. Müller. *Syntactic buffers: A local-derivational approach to improper movement, remnant movement, and resumptive movement*. Universität Leipzig: Institut für Linguistik, 2014.

Paperno 2012 — D. Paperno. *Quantification in Standard Russian* // *Handbook of quantifiers in natural language* / E. Keenan, D. Paperno (eds.). Springer Science + Business Media B.V., 2012. P. 729–779.

Penka 2011 — D. Penka. *Negative indefinites*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Pereltsvaig 2006 — A. Pereltsvaig. *Negative polarity items in Russian and the “Bagel Problem”* // *Negation in Slavic* / A. Przepiórkowski, S. Brown (eds.). Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2006. P. 153–178.

Progovac 1994 — L. Progovac. *Negative and positive polarity: a binding approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Przepiórkowski, Kupść 1997 — A. Przepiórkowski, A. Kupść. Negative Concord in Polish. Ms. Institute of Computer Science, Polish Academy of Sciences, 1997.

Rappaport 1986 — G. C. Rappaport. On anaphor binding in Russian // Natural language and linguistic theory. 1986. Vol. 4, № 1. P. 97–120.

Rubin 1994 — E. J. Rubin. Modification: A syntactic analysis and its consequences. PhD dissertation. Cornell University, 1994.

Rudnev 2021 — P. Rudnev. Strict negative concord in Russian and directionality of Agree. Ms. NRU HSE. 2021.

Zanuttini 1991 — R. Zanuttini. Syntactic properties of sentential negation: A comparative study of Romance languages. PhD dissertation. University of Pennsylvania, 1991.

Zanuttini 1997 — R. Zanuttini. Negation and clausal structure. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Zeijlstra 2004 — H. Zeijlstra. Sentential negation and negative concord. PhD dissertation. University of Amsterdam, 2004.

Статья получена 31.03.2023

Fyodor V. Baykov

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

baykov3105@mail.ru

LOCALITY OF INTRA-CLAUSAL NEGATIVE CONCORD IN RUSSIAN: A COMPARISON WITH OTHER NON-LOCAL SYNTACTIC PROCESSES

The paper is devoted to locality restrictions imposed on several intraclausal non-local interactions in Russian, such as negative concord (licensing of negative pronouns by sentential negation), licensing of polarity-sensitive indefinite pronouns with the particles *-libo* and *-nibud'*, anaphor binding (binding of reflexive and reciprocal pronouns by their antecedents), and instances of *wh*-movement seen in constituent questions and relative clauses. We investigate which of these processes (if any) may cross the boundaries of the following types of constituents: argumental noun phrases and prepositional phrases, nominal and prepositional adjuncts, predicative adjective phrases, attributive adjective phrases and participial phrases, and *converb* phrases. The rationale is that, if negative concord is to be reduced to some other long-distance syntactic process (as has been proposed in the literature), we expect the locality restrictions obeyed by negative concord to be more or less identical to the restrictions that the other long-distance process in question is subject to. We demonstrate that, among all of these syntactic processes, it is *wh*-movement which is most similar to negative concord with respect to its locality restrictions. Given that the parallelism is nevertheless imperfect (at least for some speakers, who do not allow for subextraction of *wh*-pronouns out of argumental nominal and prepositional phrases, while permitting negative concord to cross their boundaries), a possible formalization of our findings is proposed, which makes use of the notion of a probe's horizon.

Keywords: Russian syntax, negative concord, negative pronouns, indefinite pronouns, negative polarity items, anaphor binding, *wh*-movement

References

- Abels, K. (2003). *Successive cyclicity, anti-locality and adposition stranding* (PhD dissertation). University of Connecticut.
- Abels, K. (2005). “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic linguistics*, 13(1), 5–74.
- Abels, K. (2012). *Phases: An essay on cyclicity in syntax*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Belova, D. D. (2021). *Grammaticheskie i kommunikativnye asimmetrii v izvlechenii operatorov iz imennykh grupp v russkom iazyke* (Graduate work). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Borik, O., & Gehrke, B. (2019). Participles: Form, use and meaning. *Glossa: a journal of general linguistics*, 4(1), 1–27.
- Brown, S. (1999). *The syntax of negation in Russian: A minimalist approach*. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information.
- Chomsky, N. (1981). *Lectures on government and binding*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Chomsky, N. (1986). *Barriers*. Cambridge: MIT Press.
- Chomsky, N. (2000). Minimalist Inquiries: The Framework. In R. Martin, D. Michaels, & J. Uriagereka (Eds.), *Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik* (pp. 89–155). Cambridge, MA: MIT Press.
- Chomsky, N. (2004). Beyond explanatory adequacy. In A. Belletti (Ed.), *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures* (Vol. 3, pp. 104–131). New York: Oxford University Press.
- Deal, A. R. (2022). Negative concord as downward Agree. *Proceedings of NELS 52*, 1, 235–244.
- Fitzgibbons, N. (2008). Freestanding negative concord items in Russian. *Nanzan Linguistics*, 2(3), 51–63.
- Garzonio, J. (2019). Negative concord in Russian: An overview. In I. Krapova, S. Nistratova, & L. Ruvoletto (Eds.), *Studi di linguistica slava: Nuove prospettive e metodologie di ricerca* (pp. 175–190). Venezia: Ca' Foscari.
- Gerasimova, A. (2019). Licensing negative polarity items in Russian event nominalizations. *Proceedings of ConSOLE*, 27, 106–117.
- Gerasimova, A. A., & Liutikova, E. A. (2021). Litsenzirovanie otritsatel'nykh mestoimenii v infinitivnykh klauzakh: eksperimental'noe issledovanie. In V. Warditz (Ed.), *Russian Grammar: System — Language Usage — Language Variation* (pp. 177–190). Frankfurt a/M.: Peter Lang.
- Giannakidou, A. (1998). *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam: John Benjamins.
- Giannakidou, A., & Zeijlstra, H. (2017). The landscape of negative dependencies: Negative Concord and N-Words. In M. Everaert, & H. van Riemsdijk (2017), *The Wiley Blackwell Companion to Syntax* (2nd ed., pp. 1–38). Wiley-Blackwell.
- Grashchenkov, P. V. (2018). *Grammatika prilagatel'nogo: Tipologiya ad"ektivnosti i atributivnosti*. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury.
- Grashchenkova, A. E. (2006). Refleksivy v gruppe prilagatel'nogo: teoreticheskie problemy i tipologiya. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 76–101.
- Haegeman, L. (1995). *The syntax of negation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath, M. (1997). *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press.

Huang, C.-T. J. (1982). *Logical relations in Chinese and the theory of grammar* (PhD dissertation). University of Massachusetts.

Keine, S. (2016). *Probes and their horizons* (PhD dissertation). University of Massachusetts.

Keine, S. (2021). *Probes and their horizons*. Cambridge, MA: MIT Press.

Laka, I. (1990). Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections (PhD dissertation). University of Massachusetts.

Liutikova, E. A., & Tatevosov, S. G. (2018). Sfera deistviia v russkikh infinitivnykh konstruktsiakh s kontrolem. In Zh. Kastel'vi, A. Zainul'dinov, I. Garsiia, & M. Ruis-Sorri'l'ia (Eds.), *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoi konferentsii rusistov v Barselonskom universitete MKR-Barselona 2018* (pp. 1290–1301). Barcelona: Trialba Ediciones.

Ljutikova, E., & Gerasimova, A. (2023). Negative Concord and locality in Russian. *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique*, 68(1), 31–73.

Müller, G. (2014). *Syntactic buffers: A local-derivational approach to improper movement, remnant movement, and resumptive movement*. Universität Leipzig: Institut für Linguistik.

Paducheva, E. V. (1983). Vozvratnoe mestoimenie s kosvennym antetsedentom i semantika refleksivnosti. *Semiotika i informatika*, 21, 3–33.

Paducheva, E. V. (2011). Implitsitnoe otritsanie i mestoimeniia s otritsatel'noi poliarizatsiei. *Voprosy jazykoznanii*, 1, 3–18.

Paducheva, E. V. (2015). Sniataia utverditel'nost' i neveridikal'nost' (na primere russkikh mestoimenii otritsatel'noi poliarnosti). *Russian Linguistics*, 39(2), 129–162.

Paducheva, E. V. (2016). Mestoimeniia tipa *cto-nibud'* v otritsatel'nom predlozhenii. *Voprosy jazykoznanii*, 3, 22–26.

Paducheva, E. V. (2018). *Russkie mestoimeniia svobodnogo vybora*. *Russian Linguistics*, 42(3), 291–319.

Paperno, D. (2012). Quantification in Standard Russian. In E. Keenan, & D. Paperno (Eds.), *Handbook of quantifiers in natural language* (pp. 729–779). Springer Science + Business Media B.V.

Penka, D. (2011). *Negative indefinites*. Oxford: Oxford University Press.

Pereltsvaig, A. (2006). Negative polarity items in Russian and the “Bagel Problem”. In A. Przepiórkowski, & S. Brown (Eds.), *Negation in Slavic* (pp. 153–178). Bloomington, Indiana: Slavica Publishers.

Progovac, L. (1994). *Negative and positive polarity: a binding approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

Przepiórkowski, A., & Kupś, A. (1997). *Negative Concord in Polish*. Ms. Institute of Computer Science, Polish Academy of Sciences. Retrieved from <http://nlp.ipipan.waw.pl/~adamp/Papers/1997-828/>

Rappaport, G. C. (1986). On anaphor binding in Russian. *Natural language and linguistic theory*, 4(1), 97–120.

Rossiaikin, P. O. (2021). Russkie *ni*-mestoimeniia litsenziruiutsia nad otritsaniem. *Rema. Rhema*, 4, 69–118.

Rozhnova, M. A. (2009). *Sintaksicheskie svoistva otritsatel'nykh mestoimenii v ispanskom i russkom iazykakh* (Graduate work). Russian State University for the Humanities, Moscow.

Rubin, E. J. (1994). *Modification: A syntactic analysis and its consequences* (PhD dissertation). Cornell University.

Rudnev, P. (2021). *Strict negative concord in Russian and directionality of Agree*. Ms. NRU HSE.

Testelefs, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moscow: Izd-vo RGGU.

Zanuttini, R. (1991). *Syntactic properties of sentential negation: A comparative study of Romance languages* (PhD dissertation). University of Pennsylvania.

Zanuttini, R. (1997). *Negation and clausal structure*. Oxford: Oxford University Press.

Zeijlstra, H. (2004). *Sentential negation and negative concord* (PhD dissertation). University of Amsterdam.

Received on March 31, 2023

Е. О. БОРЗЕНКО

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Россия)
ekborzenko@yandex.ru

МАМИСТЫЙ, ГОРОДИСТЫЙ И РАБОТИСТЫЙ:
СЕМАНТИКА И УПОТРЕБЛЕНИЕ
НЕСТАНДАРТНЫХ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
С СУФФИКСОМ *-ИСТ-**

В статье анализируются нестандартные прилагательные, образованные от существительных при помощи суффикса *-ист-*. История данной словообразовательной модели в русском языке свидетельствует о регулярном изменении ее словообразовательных связей: меняются типы производящих слов и типы семантики производных. Для вошедших в словарь современных прилагательных данной модели обычно выделяются два основных типа значений. Однако при помощи метода корпусного генерирования было найдено множество нестандартных прилагательных, для которых выявлено восемь базовых значений и которые присутствуют не только в устно-письменной речи Интернета, но и в художественной литературе, публицистике, разговорной речи, диалектах и жаргоне. В статье рассматриваются также особенности употребления таких прилагательных с точки зрения морфологии и синтаксиса и делается вывод о причинах их популярности.

Ключевые слова: словообразование, отсубстантивные прилагательные, семантика прилагательного, окказионализмы, языковая игра.

Современный русский язык характеризуется множеством окказионализмов, имеющих самое разное происхождение — как заимствованных, так и исконно русских. Особенно интересны окказионализмы, которые следуют определенной нестандартной¹ словообразовательной модели. В разговорно-письменном языке Интернета приобрели заметную популяр-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Некодифицированная русская речь XXI века: грамматическая вариативность. Первый этап» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция». Автор благодарит анонимных рецензентов за ценные замечания и предложения по улучшению статьи.

¹ Под нестандартностью исследуемых единиц в данной статье понимается их отсутствие в словарях и грамматических описаниях современного литературного языка. Более того, у таких окказионализмов встречаются значения, которые ранее не отмечались для прилагательных на *-ист-*.

ность² прилагательные типа *человечистый*, *апельсинистый*, *законистый*, образованные от существительных³ при помощи суффикса *-ист-*. Подобные прилагательные как единичное явление, безусловно, существовали в разговорной речи издавна⁴, но активно, в рамках ставшей популярной модели, начали употребляться в языке Интернета примерно с 2009 г. О вошедших в словари прилагательных такого рода писали Ф. И. Буслаев, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, В. В. Виноградов, Э. А. Балалыкина, Е. М. Ручимская, Л. Фанфан, В. А. Косова и др., но современные нестандартные отсубстантивные прилагательные на *-ист-* объектом исследования до настоящего момента не становились.

История отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-ист-*

Опираясь на анализ работ Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, Л. И. Борох, В. В. Виноградова и др., можно описать этапы развития данной модели следующим образом:

1. Древнерусский язык (Ф. И. Буслаев [1858: 80], И. И. Срезневский [1958]): время возникновения модели «основа существительного (X) + *-ист-*».

Производящей базой в большинстве случаев становятся существительные на **o* (*бровистый*, *взористый*, *вечистый*, *горлистый* и др.). Главное значение таких прилагательных Л. И. Борох [1990: 102] формулирует как а) ‘наделенный X в большой степени’. Это именно русская, а не церковнославянская модель: в представительном церковнославянском корпусе НКРЯ находится лишь три отдельных употребления в поздних текстах (*бодистый*, *росистый*, *тернистый*), происходящих из русского языка⁵.

² Под популярностью понимается регулярность появления различных прилагательных данной модели в текстах разных лет.

³ При помощи суффикса *-ист-* могут быть образованы также отглагольные (*заливистый*) и отадективные прилагательные (*сернистый*) (см. [РГ-1980: 292, 297]), причем такие прилагательные порой бывают окказиональными (*работистый* (в ряде случаев может быть отглагольным, см. ниже), *серебрянистый*). Данные типы прилагательных не затрагиваются в статье. Отметим здесь же, что иногда затруднительно определить, является прилагательное отсубстантивным или отадективным: ср. *человечистый*, возможно, образовано от *человек*, а возможно, опосредовано прилагательным *человеческий*. Мы трактуем это прилагательное как отсубстантивное.

⁴ См. *балахонистый* или *левитанистый* в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ): (1) Сняла зеленый поясик, но без него платье получалось уж очень *балахонистое* (С. Е. Каледин. Ку-ку (1987)); (2) У нас природа грустнее, лиричнее, *левитанистее*, здесь же она — ни то ни се, точно хорошие, звучные, но холодные стихи (Л. А. Левицкий. Дневник (1996)).

⁵ Поиск осуществлялся через обратный частотный словарь, см. [Добрушина, Поляков 2013].

2. XVIII в. (Л. И. Борох [Там же]): период активизации модели и увеличение количества значений.

Классификация таких значений представлена в исследовании Л. И. Борох⁶:

б) 'обладающий, наделенный X в неопределенной, большей или меньшей степени', причем степень обладания может конкретизироваться: *Страна сия зело есть гориста и маловодна* (География 1710: 66);

в) 'обладающий, наделенный X' без указания на степень в принципе: *басистый голос* (Вейсман 1731: 611). Сюда же относятся термины типа *смолистый*;

г) 'состоящий из X': *плитистый вход* (Книга о атаке 1744: 134);

д) 'характеризуемый каким-либо внешним признаком благодаря наличию X': *волнистое море* (Политиколепная апофеосис 1709: 62);

е) 'имеющий вид, цвет, форму X, подобный X': *глинистый орел* (Рапорты 1949: 325).

3. XIX в. [Виноградов, Шведова 1964: 446]: сохранение продуктивности модели (в значении 'наделенный X в большой степени, характеризуемый наличием X' (*лесистый*) или 'похожий на X' (*бархатистый, серебристый*)) при постепенном изменении ее словообразовательных связей.

Если до этого периода словообразовательной базой для исследуемой модели могли быть слова с самым разным (и в основном предметным) значением (*ветвистый, ворсистый*), то в XIX в. перестают употребляться прилагательные, произведенные от наименований живых существ: *муравистый, рыбистый, зайчистый*, и многие прилагательные, образованные от названий частей тела (*икристый, копытистый*), частей растений (*кожуристый, користый*) и названий, связанных с характером местности, явлениями природы (*бродистый, отмелистый*). В конце XVIII — начале XIX в. такие прилагательные еще достаточно употребительны в литературе (ср. *Бугуруслан ... глубок и омутист* (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858))⁷), однако со временем их становится все меньше, хотя они еще встречаются в текстах и во второй половине XIX в.: *дуб корнистый* (А. К. Толстой. Крымские очерки (1856–1858)) [Виноградов, Шведова 1964: 447].

Уменьшение популярности определенных прилагательных связано отчасти с тем, что некоторые из них имели бытование в нелитературном языке, т. е. в текстах, не соответствующих литературной норме, и их использование в литературном тексте зачастую вызывало осуждение⁸. Второй причиной ухода таких прилагательных была их конкуренция с очень

⁶ Все примеры из пунктов от а) до е) взяты из [Борох 1990].

⁷ Не оговоренные специально цитаты взяты из НКРЯ.

⁸ Так, И. И. Дмитриев в письме к П. П. Свиньину (от 11 февраля 1834 г.) отмечает: «...большая часть прозаических сочинений (...) писана вялым, неровным слогом и наполнена пошлыми, неправильными речениями, подслушанными на биваках, на рынках и в лабазах (...) даже и сочный бифштекс превращен ныне в сочистый на новом нашем языке» (цит. по [Виноградов и др. 1964: 448]).

популярными и стилистически нейтральными прилагательными на *-н-*, также свободно использовавшимися в значении ‘наделенный X в большой степени’. Пары типа *сугробный* и *сугробистый* в конце XVIII — первой половине XIX в. употреблялись и толковались как равнозначные (см. [Покровский 1959: 226–227]), при том что чаще в языке закреплялось прилагательное с *-н-*. Впоследствии подобные пары могли приобретать стилистическую дифференциацию: *породистый* — общелитературное и *породный* — специальное. В случае, когда такая пара имела значение ‘похожий на X’, прилагательное на *-ист-* могло использоваться для увеличения экспрессивности речи, ср. *бархатистый* и *бархатный*, *атласистые* и *атласные брови*.

Впоследствии, в связи с активизацией отсубстантивных моделей с синонимичными суффиксами *-чат-* и *-аст-*, уменьшилась и изменилась сфера действия суффикса *-ист-*, который стал присоединяться к существительным, имеющим абстрактное значение, в том числе заимствованным⁹: ср. *стишистая торговля* (А. С. Пушкин. Письмо С. А. Соболевскому (05.1828–06.1828)), *испанистая терраса* (А. П. Чехов. Модный эффект (1885)). Продуктивность данного типа сохранилась не только в XIX, но и в XX в.

Также прилагательные с суффиксом *-ист-* активно развиваются в терминологическом ключе: *желобистый стебель* [СЦРЯ 1847], *ячеистая ткань растения* (Отечественные записки (1839)). В первой трети XIX в. активизируется значение ‘содержащий примесь X’, ср. *титанистый* [Виноградов, Шведова 1964: 452].

Как видим, к концу XIX в. словообразовательные связи суффикса *-ист-*, с одной стороны, сузились: он уже не может присоединяться к словам ряда семантических групп (например, ко многим наименованиям живых существ, что было возможно до XIX в.); с другой стороны, он начинает образовывать термины, а также окказиональные прилагательные от существительных с абстрактным значением. В ряде случаев возникает стилистическая дифференциация таких слов.

В XX в., согласно исследованию Л. Фанфан и В. А. Косовой, в «Обратном словаре русского языка» [1974] зафиксировано всего 277 отсубстантивных прилагательных на *-ист-*¹⁰.

Семантика суффикса *-ист-*

Основное значение суффикса *-ист-* в словообразовательной модели «основа существительного + суффикс *-ист-*» в [РГ-1980] формулируется как ‘характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим

⁹ В [Виноградов и др. 1964: 450–451] приводится пример *five o'clock-истый (чай)*, *лордистый* и (в устной речи) *дифирамбистый*.

¹⁰ Количество таких прилагательных в 70-х гг. прошлого века разные исследователи определяют по-разному: М. А. Аль-Мавваши [1971: 9], к примеру, говорит о 323, Р. С. Маначурян [1971: 58] выделяет около 200, а В. С. Немченко [1973: 74] — 307.

словом' [Там же: 286], иначе 'связанный с референтом'. Такое значение имеет два подтипа:

1) 'Обладающий X': *дуплистый, тенистый, басистый*.

Возможны оттенки:

— 'содержащий X в качестве составной части' (зачастую в терминах, связанных с областью химии): *серебристый, йодистый*;

— дополнительная количественная оценка 'обладающий большим количеством X': *холмистый, пятнистый*;

— качественная положительная характеристика: *мускулистый, шерстистый*.

2) 'Имеющий свойства X'¹¹: *творожистый, бархатистый*. В эту группу также входят прилагательные, мотивированные существительными, обозначающими лиц: *блондинистый, хулиганистый*.

Ряд прилагательных совмещает семантику типов 1 и 2: например, *перистые крылья и перистые облака* [РГ-1980: 286].

Иными словами, для «стандартных» отыменных прилагательных на *-ист-* характерна, во-первых, семантика обладания предметом, названным производящей базой, — *ухабистый* (с возможными вариациями с количественной точки зрения типа 'составная часть' или 'большое количество' и с качественной точки зрения типа 'положительная оценка'), и, во-вторых, семантика обладания не предметом, но его свойствами — *творожистый*. Ключевой, однако, становится сема обладания, которая реализуется более или менее полно в зависимости от производящего существительного.

Значение 1 может быть выражено при помощи различных суффиксов: не только *-ист-*, но и *-ат-* (*бородатый*), *-чат-* (*узорчатый*), *-оват-* (*узловатый*), *-лив-/ив-* (*талантливый*), *-ав-/ляв-* (*кровавый*), *-ованн-/ированн-* (*эрудированный*). Самыми продуктивными, помимо *-ист-*, являются первые три суффикса [Шведова и др. 1989: 90].

Значение 2 может быть выражено при помощи продуктивных суффиксов (помимо *-ист-*): *-чат-* (*репчатый*), *-оват-* (*трусоватый*), *-лив-/ив-* (*сиротливый, плаксивый*) [Там же].

Некоторые исследователи отмечают, что ряд слов плохо вписывается в рамки, очерченные в [РГ-1980], хотя такие случаи и единичные. Так, это прилагательные *мористый* и *фигуристый* — вместе с тем С. В. Чариков [2004: 57] пишет, что они косвенным образом соотносятся со значением 'большое количество'.

Важно и то, что такие прилагательные часто соотносятся не с «общим», категориальным значением типа «абстрактное существительное», а с од-

¹¹ В [Шведова и др. 1989: 89] это значение выражено в формулировке 'обладающий каким-нибудь отличительным признаком', а в исследовании Л. Фанфан, В. А. Косовой — 'напоминающий X или связанный с тем, что названо X' [Фанфан, Косова 2020: 38–39]. Нам представляется, однако, что формулировка в [РГ-1980] более универсальна.

ним из значений существительного, часто оценочным или специализированным. Например, *голосистый* образовано не от *голос* «в абстрактном значении» (который есть у каждого человека), а от *голос* в значении «хороший, сильный или красивый голос»; *фигуристый* — не от *фигура* в общем значении (всякое тело или предмет представляет собой фигуру), а от оценочного значения «хорошая, значительная, заметная фигура». Оценочный компонент (количество, степень, позитивная оценка) в семантике рассматриваемых прилагательных часто является доминирующим.

Следует упомянуть модель прилагательных на *-аст-*, также образованных от существительных и имеющих значение «характеризующийся интенсивно выраженным внешним признаком, названным X» (*глазастый, очкастый*). Согласно [РГ-1980], в этих прилагательных делается акцент на интенсивности признака и — чаще, чем в прилагательных на *-ист-*, — на фамильярности. Кроме того, есть еще одно менее частотное для прилагательных на *-аст-* значение — «имеющий свойства X», также предполагающее интенсивность их проявления: *кубастый* [РГ-1980: 284]. Оно совпадает со вторым значением отыменных прилагательных на *-ист-*, однако прилагательные на *-аст-* в любом своем значении предполагают акцент на интенсивности выражаемого признака.

Список окказиональных прилагательных на *-ист-*

Обнаружив регулярность окказионализмов на *-ист-* в языке современного Интернета, мы поставили цель разобраться в данной проблеме системно. Для этого был задействован метод, впервые использованный автором в 2015 г. и названный Е. Р. Добрушиной [2022: 9] методом корпусного генерирования потенциальных языковых единиц. А именно: на основании частотного словаря О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова [2009] было отобрано 100 самых частотных существительных, от которых были образованы потенциальные (отсутствующие в словарях, но гипотетически возможные) прилагательные с суффиксом *-ист-*, — безусловно, кроме тех случаев, когда «нормативные» прилагательные на *-ист-* и так существуют в языке. Интересно, что «стандартных» прилагательных, образованных от 100 самых частотных существительных, очень немного — всего три: *землистый, пористый, голосистый*. Естественно, такие прилагательные имеют традиционную семантику «обладающий предметом / свойствами предмета».

После образования потенциальных «неправильных» прилагательных производилась проверка их наличия в интернет-текстах при помощи поискового сервиса Яндекс, который, представляя собой так называемый естественный корпус, позволяет выявить реальное состояние узуса [Пожарицкая, Добрушина 2017: 372–383].

При анализе прилагательных на *-ист-*, образованных от 100 самых частотных существительных, было выявлено, что нестандартные прилага-

тельные образуются от 63 существительных, причем 20 из них встречаются более чем 10 раз.

Список найденных в Яндексе прилагательных в порядке убывания частотности (количество употреблений указано в скобках):

Работистый (146), *проблемистый* (128), *мамистый* (89), *народистый* (69), *законистый* (60), *вопросистый* (60), *формистый* (54), *деньжистый* (34) и *деньгистый* (3), *дорогистый* (26) и *дорожистый* (22), *компанистый* (32), *светистый* (24), *системистый* (23), *школистый* (23), *мыслистый* (22), *президентистый* (20), *любовистый* (18) и *любвистый* (6), *человечистый* (16) и *человекистый* (3), *городистый* (16), *взглядистый* (11), *водистый* (9), *условистый* (9), *связистый* (9), *вечеристый* (9), *делистый* (8), *Богистый* (8) и *Божистый* (4), *группистый* (8), *войнистый* (7), *результатистый* (7), *моментистый* (7), *другистый* (6) и *дружистый* (5), *ногистый* (6), *женистый* (6), *женщинистый* (5), *ребенкистый* (4), *отношенистый* (4), *ночистый* (4), *книжистый* (4) и *книгистый* (2), *жизнистый* (3), *глазистый* (3), *дверистый* (3), *порядкистый* (3), *годистый* (2), *местистый* (2), *случаистый* (2), *головистый* (2), *машинистый* (2), *решенистый* (2), *образистый* (2), *истористый* (2), *процессистый* (2), *уровнистый* (2), *театристый* (2), *времистый* (1), *странистый* (1), *миристый* (1), *тысячистый* (1), *числистый* (1), *развитистый* (1), *началистый* (1), *путистый* (1), *минутистый* (1), *конечистый* (1).

Данный список дает возможность сделать вывод, что типы производящих существительных в целом такие же, как и у «стандартных» прилагательных: неодушевленные существительные с конкретным значением, называющие единичные предметы и их части (*ветвистый* — ср. *школистый*), части живого организма (*хвостистый* — ср. *глазистый*), а также неодушевленные существительные с отвлеченным значением (*голосистый* — ср. *результатистый*) и наименования лиц (*растяпистый* — ср. *мамистый*) [Немченко 1973: 89–90]. Среди производящих существительных для «нестандартного» списка не встречаются только названия веществ (*хромистый*) и животных (*блошистый*), поскольку мы не проверяли их в связи с их меньшей частотностью (однако для животных такие прилагательные существуют, ср. *собакистый*).

Морфонологические свойства окказиональных прилагательных на *-ист-*

Прилагательные на *-ист-*, в отличие от «стандартных» прилагательных этой модели, допускают отсутствие заднеязычных с шипящими перед суффиксом (ср. *творог* — *творожистый*, но *книга* — *книжистый* и *книгистый*). У некоторых исследуемых прилагательных в принципе нет варианта с чередованием (*ребенкистый*, *ногистый*, *порядкистый*), а у других вариант с чередованием может быть более частотным (*деньжистый* чаще,

чем *деньжистый*) или менее частотным (*дорожистый* чаще, чем *дорогистый*) по сравнению с вариантом без чередования. Для прилагательного с основой на *-ц-* вообще нет варианта без чередования (*конечистый*).

Причиной отсутствия варианта с чередованием может быть необходимость в легком «узнавании» основы: *ребенкистый* и *порядкистый* все же легче соотнести с производящей основой, чем **ребен(о)чистый* и **поряд(о)чистый*. В случае с *ногистый* носители языка стремятся избежать омонимии с производным от существительного *нож*. То же относится и к *конечистый*: понять, что значит **конецистый*, гораздо сложнее. Преобладание того или другого варианта в тех случаях, когда возможны оба, опять-таки может зависеть от узнаваемости основы (*деньжистый* легко соотнести с *деньги*, и это слово имеет привычное чередование (ср. *деньги* — *деньжищи*), поэтому оно встречается чаще). Логично предположить, что в некоторых случаях влияние может оказывать контекст: если в нем присутствует тавтология (*дорожистые дороги*), то производящее слово очевидно и чередование не влияет на понимание. Однако проверка данной гипотезы показала, что такое влияние очень незначительно; по-видимому, выбор того или иного варианта — с чередованием или без него — случаен.

В остальном с точки зрения морфонологии нестандартные прилагательные совпадают со «стандартными»: беглая гласная производящего слова может отсутствовать (*любвистый*, *уровнистый* как *когтистый*), может сохраняться (*любовистый* как искл. *каменистый*). Отсутствуют также и финалы производящего слова *-и|j|*- (*компанистый*, *условистый* как *тернистый*) и *-j|*- (*случаистый* как *ущелистый*)¹².

Сфера употребления нестандартных прилагательных на *-ист-*

Чаще всего прилагательные на *-ист-* встречаются в устно-письменной речи Интернета, однако они присутствуют также в художественной литературе (см. примеры (1) и (2) в начале статьи):

- (3) *Рассеялись мы во все стороны. Едет в тачанке мужчина **мещанистого** вида.* (В. В. Вересаев. В тупике (1920–1923))

и в публицистике:

- (4) *«Это **работисто**, а выгоды немного, — считает генеральный директор Ассоциации сельскохозяйственных кооперативов “Вяткап-лем” Фаат Хайруллин...»* (Аргументы и факты (15.03.2017)).

¹² Внимания заслуживает и акцентологическая характеристика таких прилагательных, однако эта тема требует отдельного исследования, поскольку источники письменные и в ряде случаев место ударения неочевидно (*связистый* или *связаистый*).

Примеры из СМИ уже были замечены исследователями современных текстов. Так, С. В. Ильясова приводит *моделистый* (1996), *кокаколистый* (1996), *топ-мэнистый* (1997) (о конкурсе мужчин), *манекенистый* (2001), *щеголистый* (2001). По замечанию автора, для таких прилагательных характерна семантика ‘имеющий свойства X’; они называют качественные признаки, что проявляется как в характере основы, так и в сочетаемости с компонентом *самый*. Кроме того, они «имеют явную временную привязанность: мотивирующие существительные являются своеобразными ключевыми словами, называют наиболее популярные фигуры нашего времени — модель, манекенщица» [Ильясова 2002: 129–130].

Безусловно, данные прилагательные присутствуют также и в устной речи:

(5) *У нас в Костроме говорят — Он работистее, он милиционерит!!!*¹³

В монографии «Русская разговорная речь» [Земская и др. 1981: 104] такие прилагательные стоят первыми в ряду продуктивных суффиксальных прилагательных, причем авторы монографии отмечают прежде всего значение ‘обладание свойствами X’: *лентяистый*, *кашистый* и т. п., а также обращают внимание на актуализацию метафорического значения существительного-базы или использование существительных, имеющих характеризующую семантику (*лентяй*, *сквалыга* и т. п.).

Интересно, что, судя по информации из интернет-текстов, носители языка порой воспринимают исследуемые формы как принадлежность речи старшего поколения:

(6) *Это наш, и как говорила бабушка: Очень мыслистый!*

(7) *Мыслистый народ пошел, как бы соседка моей бабушки сказала в 70-х).*

Иногда осмысление лексем с суффиксом *-ист-* как устаревших является верным. Так, Е. М. Ручимская пишет, что прилагательные с суффиксами *-аст-* в определенный момент «потеснили» синонимичные прилагательные на *-ист-*. У В. И. Даля же зафиксированы слова *цветистый* (по отношению к ткани, лугу, языку), *блошистый*, но отсутствуют *цветастый*, *блохастый* — несмотря на то что современные носители языка используют именно последний вариант¹⁴. Дискуссия о необходимости слова *цветастый* возникла как раз в 1970-е гг. [Ручимская 2013: 53]. Следовательно, некоторые прилагательные на *-ист-* действительно могут быть устарев-

¹³ Примеры, относящиеся к устной речи, также были взяты из интернет-текстов (в этом случае мы полагаемся на свидетельство автора, что он воспроизводит устный текст). Все примеры, данные без ссылок, были найдены в Интернете в 1990–2022 гг.

¹⁴ В частности, *цветастый* полностью заменило *цветистый* в сочетаниях типа *цветастая ткань*, *платье* и т. д. В других конструкциях *цветистый* (ср. *цветистый слог*) сохранилось.

шими либо они могли быть заменены (частично или полностью) на прилагательные на *-ист-*. Однако более вероятно, что в примерах (6)–(7) *мыслистый* характеризует носителей диалектов. В [СРНГ 1983] упоминается существующее в Воронежской области слово *мыслистый*, обозначающее либо ‘смышленный’, либо ‘мудреный, непонятный’¹⁵.

Нам встретилось также употребление нестандартного отыменного прилагательного на *-ист-* в жаргоне IT-специалистов:

- (8) *даже самый биговый тауэр не безразмерен в смысле винчестерных гнезд, и самая мамистая мама — в смысле количества «подключалок»...*

Нанодиахроническая¹⁶ характеристика нестандартных прилагательных на *-ист-*

В рамках исследования была произведена проверка двух самых частотных из рассматриваемых прилагательных (*проблемистый* и *работистый*) с точки зрения их диахронии. Данная проверка показала, что эти прилагательные регулярно начинают появляться в Интернете с 2006 г. С 2009 г. их количество хотя и неравномерно, но растет: так, пики употребления для *проблемистый* приходятся на 2009 и 2019 гг., а для *работистый* — на 2021 г. Из этого можно сделать вывод, что такие окказионализмы становятся все более частотными, с одной стороны, а с другой — что частотность каждого из этих слов имеет свою собственную «динамику». Изучение динамики может пролить свет на процессы, происходящие в современном русском языковом сознании, особенно при ее сопоставлении с динамикой употребления других окказионализмов и неологизмов¹⁷.

Типы употреблений нестандартных прилагательных на *-ист-*

Существует несколько типов сочетаний, порождающих окказионализмы: конструкции с формами степеней сравнения, однородные члены и тавтологичные конструкции.

¹⁵ В диалектных словарях встречаются и некоторые другие из найденных нами прилагательных: например, в [СРНГ 1970] присутствует лексема *годистый* — ‘пожилой’. Данный вопрос, однако, требует отдельного рассмотрения.

¹⁶ Термин «нанодиахрония» был введен в [Борзенко, Добрушина 2022; Добрушина 2022].

¹⁷ Так, подобное изучение нанодиахронии для формы *рыбов* в [Борзенко, Добрушина 2022] позволило выдвинуть гипотезу о том, что эта форма стала популярна в связи с определенной социокультурной позицией, которая актуализировалась во времена пандемии.

Э. А. Балалыкина отмечает, что отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ист-* в принципе «регистрируют степень качества», причем делают это «элятивно (безотносительно к тому, в какой мере тот или иной признак представлен у других предметов), и это обстоятельство отличает их от функциональной близкой категории — степеней сравнения» [Балалыкина 2007: 259]. Исследователь подчеркивает, что этот суффикс связан с суффиксом превосходной степени прилагательных и в целом с суффиксом степеней сравнения *-st-* в ряде индоевропейских языков. Такое предположение высказывали также Ф. И. Буслаев [1858: 123–124] и В. А. Богородицкий [1917: 165].

Что касается современного русского языка, то частотны ситуации, когда нестандартная лексема с суффиксом *-ист-* появляется в форме сравнительной или превосходной степени. Эти формы имеют значение ‘более / самый + семантика существительного’; при этом ни одна сема существительного не актуализируется в отдельности, а интенсивным становится весь комплекс качеств, которые говорящий осознает как принадлежащие в идеале данному предмету, названному существительным. Так, *городистее* / *более городистый* означает ‘ближе к идеалу города’, причем не конкретизируется, в каком значении: ‘лучше’ / ‘более застроенный’ / ‘более подходящий для жизни’ и т. д.:

(9) *Хорош Питер, красивый у нас город. Хотя и не городистее других городов.*

Порой такие формы появляются в ироническом контексте:

(10) *В общем, «пейте нашу воду — самую водистую из всех вод».*

А порой — напротив, с сугубо положительной оценкой:

(11) *Ну ты самый что ни есть настоящий друг! Другистее нету!*

Интересно, что сравнительные формы синонимичны нестандартным отсубстантивным компаративам типа *городее* или *травее*. В случае с *травее* в принципе возможно выстроить синонимический ряд для форм типа *X-ее* — *X-ист-ее* — *X-ян-ист-ее*: *травее* — *травистее* — *травянистее*. Все три формы сосуществуют параллельно в языке Интернета, причем реже всего в Яндексе встречается сравнительно правильная форма *травянистее* (1), образованная от отадъективного прилагательного, более часто — форма *травистее* (11), образованная от отсубстантивного прилагательного, а самая популярная — форма существительного *травее* (39):

(12) *Луна наша лунее ихней... И сосна соснее. И трава травее. И вода водее. А уж о хлебушке говорить нечего!*

(13) *Все было необычным! Леса были «лесистее», реки «речистее», поля «полистее», дуга «лугистее», трава «травистее», цветы «цветистее»!*

(14) *Действительно, очень летний запах, травянистее некуда, невинный и позитивный.*

Для данной цепочки значение формы во всех приведенных контекстах остается неизменным, и оно связано с семантикой существительного как набора качеств/свойств. Семантика существительного *травы* здесь включает в себя качества цвета, запаха и т. д., в сознании говорящего неразрывно связанные друг с другом и помогающие ему отличить *траву* от *нетравы*, с одной стороны, и указать на степень соответствия *травы* ее идеальным качествам — с другой. Последнее и позволяет образовывать форму типа *травее*, которую можно охарактеризовать как ‘большая близость к идеалу травы, существующему в сознании говорящего’.

С точки зрения синтаксической структуры предложения прилагательные на *-ист-* в некоторых примерах выступают в ряду однородных членов:

- (15) *Вот, честно, скажу Вам своё мнение: лично мне это уже не есть ни интересно, ни заводно, ни загадочно-вопросисто;*
- (16) *Любвистые, блестящие, густые, темные ресницы — это зависть женщин во всем мире.*

Использование однородных членов может быть одним из мотивов для образования нестандартного прилагательного: например, во фразе *Отец у него связистый и пробивной* носитель языка стремится сделать однородные сказуемые более единообразными: не *со связями и пробивной*, а *связистый и пробивной*.

Также такие прилагательные изредка появляются в параллельных конструкциях, в основном характеризующих неоправданно позитивное представление о другом регионе или о прошлом — иными словами, концепцию типа «хорошо там, где нас нет»:

- (17) *Да на западе наверняка хорошо, уровень жизни **уровнистее**, зарплаты **зарплатистее**, пособия **пособистее**, медицина **медицинистее**, нанотехнологии **нанотехнологичнее**, птички поют, но это чужая родина, чужая культура.*

В представленном выше примере присутствует еще одна тенденция, реализующаяся более чем в 50 % случаев, — стремление к употреблению тавтологических конструкций типа *группистая группа* с прилагательным как в препозиции, так и в постпозиции, в том числе со значительным отрывом от определяемого слова:

- (18) *Человечистый человек;*
- (19) *наша компания — самая **компанистая** из всех существующих в мире компаний.*

Такое употребление очень характерно для современного русского языка¹⁸. Оно проявляется в сочетаниях производного слова с производящим, и не только типа *X-истый X*, но и *X-ский X* (*мамская мама*), *X-ный X* (*президент-*

¹⁸ Ср. [Гилярова 2010; Борзенко, Добрушина 2017].

ный президент) [Вилинбахова 2010: 28] и т. п. Важно, что, согласно исследованию Е. Л. Вилинбаховой [Там же], носители языка предпочитают в подобной ситуации нормативное прилагательное, если оно существует (*колбасная колбаса*, например, встречается чаще, чем *колбасистая колбаса*). Если его не существует, то может быть образовано нестандартное прилагательное. При этом в ситуации выбора нестандартного прилагательного с суффиксом *-ист-* или нестандартного прилагательного с другими суффиксами (окказионализмов типа *X-ный*, *X-ский*) предпочтительнее окажутся именно прилагательные типа *X-истый*, поэтому *президентистый президент* более частотно, чем *президентный президент* (примерно в восемь раз — 39 : 5 в Яндексе).

Однако исследуемые прилагательные могут встречаться также и вне конструкций, и в таком случае носитель языка «не подготовлен» к появлению окказионализма, который звучит еще более необычно и задерживает внимание читателя/слушателя, поскольку может вначале требовать расшифровки и соединения в сознании с производящей основой, т. е. осознания внутренней формы слова:

- (20) *Суставы тогда сразу перестали хрустеть (колени проблемистое);*
 (21) *Кажется что она водистая и комками, но на деле она как крем.*

Семантика нестандартных прилагательных на *-ист-*

Значения окказиональных прилагательных намного разнообразнее, чем соответствующих стандартных. Из упомянутых выше (в разделе «Семантика суффикса *-ист-*») двух значений модели, выделенных в [РГ-1980], возможны оба, а помимо них, еще шесть специфичных значений для окказиональных прилагательных.

Во-первых, ряд прилагательных на *-ист-* имеет «классические» значения, зафиксированные в [Там же].

Значение 1. X-истый — ‘имеющий X’: *женистый, ребенкистый, отношенистый* и т. д. В [Там же] это значение выделено для прилагательных типа *тенистый* и др.:

- (22) *Интересно, это только у меня предыдущие посты вопросистыми квадратиками отображаются? — У меня вся жизнь в вопросистых квадратиках.*

Примечательно, что в примерах с семантикой ‘имеющий X’ (и другими типами семантики) зачастую реализуется только одно из значений полисемичных производящих слов, предполагающее доминирующий оценочный компонент:

- (23) *Но только в грамотно составленном силовом тренинге мы строим красивую, пропорциональную, формистую фигуру!*

- (24) *Но наркотики употребляют умные люди, есть очень **головистые** наркоманы.*

Значение 1а¹⁹. *Х-истый* — ‘имеющий большое количество X’ (‘большое количество’): *водистый, народистый, вопросистый* и т. д.:

- (25) *Ещё вопрос (блин я по ходу самая **вопросистая** тут мадам.. Все нейметя....)*

Значение 2. *Х-истый* — ‘имеющий свойства X’: *человечистый, времистый, мыслистый* и др.:

- (26) *Так же внутри имеется инструкция на препарат. Гель имеет прозрачную, **водистую** текстуру.*

Такое значение Е. В. Огольцева называет образно-компаративным; иными словами, *водистый* — ‘как вода’ [Огольцева 2006: 322].

- (27) *Я больше люблю собак — они «**человечистее**», к кошкам отношусь ровно, но кое-что мне в них, действительно, не нравится.*

В примере (27) *человечистый* обозначает ‘имеющий свойства, присущие человеку’; бывает, что для этого прилагательного активизируется сема ‘человечный’, и в таком случае семантика сохраняется, однако вновь на первый план выходит не основное значение лексемы *человек*:

- (28) *держит автор интригу — человек он **человечистый** или волк-зубами щелк!*

После этих — «классических» — значений для отыменных прилагательных с суффиксом *-ист-* отметим другие, являющиеся даже более частотными.

Значение 3. *Х-истый* — ‘прототипический, имеющий характерные для X-а свойства X’: *другистый, городистый, президентистый* и т. д. Прилагательные со Значением 3 найдены от 49 существительных: *работа, место, друг, глаз, вопрос, страна, мир, случай, ребенок, система, город, отношение, женщина, деньги, проблема, машина, вода, нога, решение, дверь, образ, история, закон, война, Бог, результат, компания, народ, жена, группа, процесс, условие, начало, свет, путь, уровень, форма, связь,*

¹⁹ Это значение мы рассматриваем как подвид Значения 1, следуя логике [РГ-1980] для «стандартных» прилагательных (см. раздел «Семантика суффикса *-ист-*»). Остальные два подвида Значения 1 из [Там же] здесь не указаны, т. к. подвид ‘составная часть’ нам не встретился, а семантику качественной положительной оценки мы выделяем в отдельное значение, потому что оно не предполагает семы обладания (см. ниже Значение 4); в остальных случаях (пример (23), (24), (28) и др.) положительная оценка не привязана к Значению 1.

мысль, минута, вечер, дорога, взгляд, мама, школа, президент, порядок, момент, театр.

(29) *Абрикосы, судя по описанию, какие-то особенно абрикосистые: их собирают исключительно в швейцарском кантоне Вале.*

К данной группе относится больше прилагательных, чем к любой другой. Существительное X, являющееся производящей базой, осмысливается как набор свойств, на которые и делается акцент в прилагательном²⁰:

(30) *Ваня олицетворяет собой ребенкистого ребёнка и должен выглядеть так, как будто он десятилетка, который любит Майнкрафт (потому что такой он и есть).*

В примере (30) *ребенкистый* подразумевает отсылку к прототипическому в нашей культуре ребёнку, для которого в приведенном контексте актуализируются характерные свойства типа ‘невысокий; невзрослый; выглядящий как ребенок и не пытающийся выглядеть как взрослый; имеющий сугубо детские, несерьезные увлечения’. Важна не только какая-то одна определенная черта этого ребенка, а весь комплекс таких черт, которые в сознании говорящего в данном случае относятся к этому референту.

Интересным примером является также фраза *Человечистый человек*, сказанная, согласно информации одного из интернет-пользователей, спортивным комментатором об У. Э. Бьорндалене. В ней безусловна положительная оценка, ее можно перефразировать как ‘человек с большой буквы’, ‘тот, кого реально можно назвать человеком’. Следовательно, на первый план выходит семантика слова *человек* как ‘обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств’ [ТСРЯ²: 247], которая подчеркивается при помощи нестандартной лексемы. Сами эти свойства трудно определить ввиду ограниченности контекста, однако в целом их можно охарактеризовать как «то, что вызывает уважение» — причем носитель языка, что видно в том числе из примера с *ребенкистый*, сам выбирает из этого прототипа тот его вариант, который проявился в данном случае. Прототип существует не только и не столько в словаре, сколько в культурном коде, а порой и в индивидуальном сознании говорящего, но в любом случае носитель языка выбирает какую-либо свою сторону прототипа для актуализации.

Неосновное значение лексемы X актуализируется в прилагательных типа *X-истый* не только в формах положительной степени, но и в компаративах

²⁰ Подобное осмысление семантики существительного происходит не только на словообразовательном, но и на формообразующем уровнях. Так, при образовании нестандартных форм сравнительной степени от существительного (например, *центрее, жизнее, звездее*) в большом количестве контекстов существительное становится набором дифференцированных или недифференцированных свойств, которые в своей совокупности проявляются более интенсивно, чем у сравниваемого предмета: ср. *жизнь жизнее* (см. [Борзенко 2015]).

и суперлативах, особенно популярных для выделенного нами Значения 3 ‘прототипический X’. Так, для *времистый* активизируется сема производящей базы не ‘длительность бытия’, не ‘определенный момент’, не ‘период’, не ‘совокупность дней’, а ‘благоприятная пора, подходящий момент, удобный случай’, которая в словаре Д. Н. Ушакова стоит только под номером 6 [ТСРЯ¹: 395]:

- (31) *И что, чем же сейчас — самое **времистое** время? КАКОЕ вообще время может быть подходящим для ТАКОГО?*

Значение 4. X-истый — ‘хороший/стоящий X; X, оцениваемый положительно’: *законистый, мамистый.*

- (32) *Законы то у нас **законистые**, а суды, к сожалению, не всегда адекватные... особенно в регионах...*

Отметим, что в подобных примерах делается акцент не на прототипических свойствах законов, а на их положительной оценке в целом.

Значение 5. X-истый — ‘интенсивный X; X в высокой степени’: *вопросистый, работистый.*

- (33) *Или может тут срабатывает «мой вопрос самый **вопросистый** вопрос, и мне ЛИЧНО надо на него получить ответ», я не знаю. <...>;*
 (34) *Работы не много но **работисто** было.*

Вероятно, такие прилагательные можно сблизить с прилагательными на *-аст-*, значение которых также предполагает интенсивность (*глазастее*), однако с несколько другим оттенком. Если для прилагательного типа *X-астый* в первую очередь характерна интенсивность внешнего признака *X-а*, т. е. делается отсылка к количественной шкале, то для прилагательных типа *X-истый* шкала становится внутренней, и для *работистый* и *вопросистый* указывается интенсивность по внутренним признакам.

Значение 6. X-истый — ‘связанный с X’: *системистый, работистый* и т. д.

Данное значение предполагает ситуацию, когда нестандартное прилагательное заменяет синонимичное обычное прилагательное (если такое существует) единственно с целью языковой игры:

- (35) *Почему вы за меня решили, что форма должна быть **вопросисто-ответистая**?*

Однако подходящее «стандартное» прилагательное не всегда существует или не может использоваться в этом контексте:

- (36) ***Работистое**. Распрощались с сотрудницей Анной. Я то ещё здесь до конца этой недели, а она уходит в отпуск, уже не увидимся.*

Значение 7. X-истый — ‘подходящий для X’: *человечистый, ребенкистый* и т. д.

В данном случае возникает семантика цели:

- (37) *Xelsis совсем немного больше, зато весит 15кг, вместо 9 Синтии и имеет ёмкости **по-человечистей** (про кофемашины);*
- (38) *Подарите на вырост набор ножик-вилка-ложка (нам подарили на ДР последний — ну просто супер, индивидуальные, **ребенкистые**).*

Иными словами, здесь прилагательное имеет семантику, которую невозможно выразить при помощи другого прилагательного, и мы видим в действии не только языковую игру, но и закон экономии речевых усилий.

Значение 8. X-истый — ‘производящий действие с X’: *вопросистый, работистый* и т. д.

Такое значение присутствует у нестандартных прилагательных с суффиксом *-ист-*, которые, очевидно, образованы от глагола (по типу *прерываться — прерывистый*). Это действие может быть синонимично причастию: так, *работистый* — *работающий*:

- (39) *Больше того: амбициозный и чрезвычайно **работистый** «Дракон» Батуриной не удостоился вообще ни одной Удачи...*

Этот пример приведен только для иллюстрации, т. к. семантика отглагольных прилагательных типа *X-истый* не входит в рамки данной статьи. Однако такое же значение появляется и у отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-ист-*, и тогда семантика становится более сложной: так, *работистый* может значить ‘требуется работы’:

- (40) *Отличное место, чтобы пробежаться вечером после работы. Трасса достаточно интересная, хоть и не длинная, местами **работистая**, есть и где продышаться.*

Если данный пример еще допускает двойную трактовку — как отыменного и как отглагольного, то у некоторых других прилагательных вообще в принципе не может быть производящей базы — глагола. Так, *вопросистый* может значить ‘задает вопросы’, *законистый* — ‘соблюдает закон’:

- (41) *Задают вопросы Его коллега, друг и брат У-учитель заманивает туда же самых увлеченных и талантливых, ершистых и **вопросистых** школяров;*
- (42) *Что ты с этим законом пристал? Такой **законистый** чтоли? Вообще его ни как и ни где не нарушаешь?*

Таким образом, для нестандартных отсубстантивных прилагательных на *-ист-* было выявлено восемь значений, шесть из которых являются нестандартными.

Некоторые интересные случаи

Многие прилагательные относятся более чем к одной группе значений. Так, например, прилагательное *мамистый* встречается сразу в трех контекстах (*мамистым* может быть ребенок, мама²¹ или предмет, подходящий маме с ребенком) и в пяти значениях:

- (43) *Волей судьбы она стала наполовину мамистой, а наполовину папистой. У нее даже лапки наполовину рыжие, а наполовину черные.* (Значение 2: ‘имеющий свойства X’);
- (44) *Со вторым ребенком у меня проблем не было, а вот первый был очень мамистый. так что делюсь опытом.* (Значение 8: ‘производящий действие с X’);
- (45) *Мама она настоящая. Но не мамистая. И Сашиа всегда страдает от этого. Больше всего Сашина мама — прокурор, а прокуроры пирожков не пекут и, становясь бабушками, остаются спортивно подтянутыми Верами.* (Значение 3: ‘прототипический X’);
- (46) *кто в VI самая «мамистая» трижды мама?!* (Значение 4: ‘хороший X’);
- (47) *А отечественные авто? Какие из них можно назвать «мамистыми» на ваш взгляд?* (Значение 7: ‘подходящий для X’).

Такая многозначность прилагательных обуславливает важность контекста, порой достаточно широкого: так, *ребенкистый мужчина* оказывается не ‘мужчиной со свойствами ребенка (т. е. похожим на ребенка)’ (Значение 2), а ‘мужчиной с ребенком’ (Значение 1). Существуют также *ребенкистый ребенок* (пример (30), Значение 3: ‘прототипический X’) и *ребенкистые предметы* (пример (38), Значение 7: ‘подходящий для X’).

У других прилагательных все примеры могут относиться только к одной группе значений: так, все примеры для прилагательного *другистый* относятся только к Значению 3: ‘прототипический X’. Иными словами, *другистым* может быть только друг.

Выводы

В современной устно-письменной речи Интернета очень популярны нестандартные отсубстантивные прилагательные на *-ист-*, которые могут образовываться практически от любого существительного. Для 100 самых частотных существительных было найдено 63 нестандартных прилагательных, наиболее популярными из которых являются *работистый*, *про-*

²¹ В том числе в значении ‘материнская плата’ в жаргоне, см. пример (8).

блемистый и мамистый. Подобные прилагательные регулярно встречаются с 2006 г., а с 2009 г. их количество постепенно возрастает.

В настоящей статье было выделено восемь базовых значений нестандартных отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-ист-*. Два совпадают со значениями «стандартных» прилагательных: 1) ‘обладание предметом’ (*связистый*), 1а) ‘его большим количеством’ (*делистый*) или 2) ‘его свойствами’ (*напистый*). Остальные выделяются только для исследованных здесь окказионализмов: 3) ‘прототип’ (*дорогистый*), 4) ‘положительная оценка’ (*законистый*), 5) ‘интенсивность’ (*работистый*), 6) ‘корреляция’ (*системистый*), 7) ‘направленность’ (*ребенкистый*), 8) ‘действие’ (*вопросистый*). Наиболее частотные из данных значений — значения 1, 1а, 2 и 3, остальные встречаются скорее в окказиональных контекстах; таким образом, главным новым значением модели оказывается прототип (*дорогистые дороги* — ‘прототипические дороги’). Зачастую в таких прилагательных актуализируется оценочное значение производящего многозначного существительного (например, *головистый*, Значение 1).

Современные нестандартные отсубстантивные прилагательные на *-ист-* могут относиться к разным типам значений, что характерно и для нормативных прилагательных на *-ист-*. Однако у новых прилагательных появляется большее разнообразие значений и, безусловно, они всегда оказываются частью языковой игры. Эта игра вкупе с возможностью реализовать нестандартную и порой уникальную семантику позволяет образовать прилагательное на *-ист-* от фактически любого существительного, что очень привлекательно для носителя языка.

С л о в а р и

Ефремова 2006 — Т. Ф. Е ф р е м о в а. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2006.

Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Л я ш е в с к а я, С. А. Ш а р о в. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.

ОСРЯ — Обратный словарь русского языка. М., 1974.

СРНГ 1970 — Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 6.

СРНГ 1983 — Словарь русских народных говоров. Л., 1983. Вып. 19.

СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отд. Имп. АН. Т. 1–4. СПб., 1847.

Срезневский 1958 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М., 1958.

ТСРЯ¹ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935.

ТСРЯ² — Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940.

Литература

- Аль-Мавваши 1971 — М. А. Аль-Мавваши. Имена прилагательные с суффиксом *-ист-ый* в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
- Балалыкина 2007 — Е. А. Балалыкина. Русское адъективное словообразование на балто-славянском фоне. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007.
- Богородицкий 1917 — В. А. Богородицкий. Краткий опыт сравнительной грамматики арио-европейских языков. Казань, 1917.
- Борзенко 2015 — Е. О. Борзенко. Семантические и прагматические различия между однокоренными отсубстантивными и отадъективными компаративами в современной русской речи // Вестник ПСТГУ. Серия 3. Филология. 2015. № 3 (43). С. 32–47.
- Борзенко, Добрушина 2017 — Е. О. Борзенко, Е. Р. Добрушина. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (*люблю люблее*) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. № 1 (15). С. 26–39.
- Борзенко, Добрушина 2022 — Е. О. Борзенко, Е. Р. Добрушина. Языковая игра с падежным окончанием *-ов*, или Как падонки сменились котиками // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81, № 4. С. 81–88.
- Борох 1990 — Л. И. Борох. Словообразовательные типы прилагательных с суффиксом *-ист-* в русских текстах первой половины XVIII в. // Русское языкознание. 1990. № 21. С. 102–107.
- Буслаев 1858 — Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.
- Вилинбахова 2010 — Е. Л. Вилинбахова. К вопросу о тавтологической конструкции вида *кошачья кошка* в интернет-источниках (на материале русского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. IV, № 3. С. 26–30.
- Виноградов, Шведова 1964 — В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Кн. 1: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.
- Гилярова 2010 — К. А. Гилярова. *Такая девочка-девочка*. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке Интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2010». Т. 9, вып. 16. М.: РГГУ, 2010. С. 90–96.
- Добрушина 2022 — Е. Р. Добрушина. Корпусные методы как инструмент исследования микродиахронии русского языка XVIII–XXI веков. Резюме диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: ПСТГУ, 2022.
- Добрушина, Поляков 2013 — Е. Р. Добрушина, А. Е. Поляков. Корпус церковнославянского языка: возможности, методы создания, перспективы. Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013. Вып. 1 (31). С. 32–44.
- Земская и др. 1981 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

Ильясова 2002 — С. В. Ильясова. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2002.

Манучарян 1971 — Р. С. Манучарян. Словообразовательные соотношения отыменных прилагательных русского и армянского языков // Русский язык в армянской школе. 1971. № 6. С. 58.

Немченко 1973 — В. С. Немченко. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке: Спецкурс. Горький: [Горьк. ун-т], 1973.

Огольцева 2006 — Е. В. Огольцева. Образное значение в системе отсубстантивной деривации: (структурно-семантический аспект). М.: Прометей, 2006.

Пожарицкая, Добрушина 2017 — С. К. Пожарицкая, Е. Р. Добрушина. Орфоэпический взгляд на некоторые варианты явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 16 (23). Т. 2. М.: Изд-во РГГУ, 2017. С. 372–383.

Покровский 1959 — М. М. Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка // Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 226–227.

РГ-1980 — Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / Под ред.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980.

Ручимская 2013 — Е. М. Ручимская. О суффиксах прилагательных *-ист*, *-аст*, *-ат* // Русская речь. 2013. № 6. С. 51–54.

Фанфан, Косова 2020 — Л. Фанфан, В. А. Косова. Отсубстантивные суффиксальные прилагательные с семантикой интенсивности в русском языке: системно-функциональный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 5. С. 33–47.

Чариков 2004 — С. В. Чариков. Семантическая структура словообразования в русском и алтайском языках. СПб.: Наука, 2004.

Шведова и др. 1989 — Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989.

Статья получена 19.01.2023

Ekaterina O. Borzenko

Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Moscow, Russia)
ekborzenko@yandex.ru

**MAMISTYI, GORODISTYI AND RABOTISTYI:
SEMANTICS AND USE OF NON-STANDARD
DENOMINATIVE ADJECTIVES WITH THE SUFFIX *-IST***

The article analyzes non-standard Russian denominal adjectives with the suffix *-ist*. A diachronic overview of this word-formation model exhibits regular change both in the types of base words and the semantic types of derivatives. Among modern adjectives of this model which are included in the dictionaries, two main types of meanings are usually distinguished. However, by application of the corpus generation method, a large number of non-standard adjectives were found, for which eight basic meanings were identified. These adjective occur not only in the oral-written speech of the Internet, but

also in fiction, journalism, colloquial speech, dialects and jargon. The article also examines morphological and syntactical peculiarities of these adjectives and proposes an explanation of their popularity.

Keywords: word formation, denominal adjectives, semantics of the adjective, occasionalisms, language game.

References

- Al-Mavvasi, M. A. (1971). *Imena prilagatel'nye s suffiksom -ist-yi v sovremennom russkom literaturnom iazyke* (Doctoral dissertation summary). Leningrad.
- Balalykina, E. A. (2007). *Russkoe ad"ektivnoe slovoobrazovanie na balto-slavian-skoi fone*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta.
- Borokh, L. I. (1990). Slovoobrazovatel'nye tipy prilagatel'nykh s suffiksom -ist- v russkikh tekstakh pervoi poloviny XVIII v. *Russkoe iazykoznanie*, 21, 102–107.
- Borzenko, E. O. (2015). Semanticheskie i pragmaticheskie razlichiiia mezhdru odnokorennyimi otsubstantivnymi i otad"ektivnymi komparativami v sovremennoi russkoi rechi. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. 3. Filologiya*, 3(43), 32–47.
- Borzenko, E. O., & Dobrushina, E. R. (2017). Intensifikatory semantiki predikatov: okkazional'nye formy sravnitel'noi stepeni ot glagola v sovremennom russkom uzuse (liubliu liuble). *Vestnik RUDN. Ser. Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, 1(15), 26–39.
- Borzenko, E. O., & Dobrushina, E. R. (2022). Iazykovaia igra s padezhnym okonchaniem -ov, ili Kak padonki smenilis' kotikami. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Ser. literatury i iazyka*, 81(4), 81–88.
- Charekov, S. V. (2004). *Semanticheskaiia struktura slovoobrazovaniia v russkom i altaiskom iazykakh*. St Petersburg: Nauka.
- Dobrushina, E. R. (2022). *Korpusnye metody kak instrument issledovaniia mikrodiakhronii russkogo iazyka XVIII–XXI vekov* (Habilitation dissertation summary). Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow.
- Dobrushina, E. R., & Poliakov, A. E. (2013). Korpus tserkovnoslavianskogo iazyka: vozmozhnosti, metody sozdaniia, perspektivy. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 3: Filologiya*, 1(31), 32–44.
- Fanfan, L., & Kosova, V. A. (2020). Otsubstantivnye suffiks'al'nye prilagatel'nye s semantikoi intensivnosti v russkom iazyke: sistemno-funktsional'nyi podkhod. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 162(5), 33–47.
- Giliarova, K. A. (2010). *Takaia devochka-devochka*. Semantika reduplikatsii sushchestvitel'nykh v russkoi razgovornoj rechi i iazyke Interneta. In A. E. Kibrik (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2010»* (Vol. 9, Iss. 16, pp. 90–96). Moscow: RGGU.
- Il'iasova, S. V. (2002). *Slovoobrazovatel'naia igra kak fenomen iazyka sovremennykh SMI*. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostov. un-ta.
- Manucharian, R. S. (1971). Slovoobrazovatel'nye sootnosheniia otmennykh prilagatel'nykh russkogo i armianskogo iazykov. *Russkij jazyk v armianskoi shkole*, 6, 58.
- Nemchenko, V. S. (1973). *Slovoobrazovatel'naia struktura imen prilagatel'nykh v sovremennom russkom iazyke*. Gorky: Gor'k. un-t.

Ogol'tseva, E. V. (2006). *Obraznoe znachenie v sisteme otsubstantivnoi derivatsii (strukturno-semanticheskii aspekt)*. Moscow: Prometei.

Pokrovskii, M. M. (1959). Materialy dlia istoricheskoi grammatiki latinskogo iazyka. *Izbrannye raboty po iazykoznaniiu* (pp. 226–227). Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Pozharitskaia, S. K., & Dobrushina, E. R. (2017). Orfoepicheskii vzgliad na nekotorye variantnye iavleniia russkogo literaturnogo iazyka v epokhu korpusnoi lingvistiki. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 16(23), 372–383.

Ruchimskaia, E. M. (2013). O suffiksakh prilagatel'nykh *-ist*, *-ast*, *-at*. *Russkaia rech'*, 6, 51–54.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika* (Vol. 1). Moscow: Nauka.

Shvedova, N. Yu., & Lopatin, V. V. (Eds.). (1989). *Kratkaia russkaia grammatika*. Moscow: Russkii iazyk.

Vilinbakhova, E. L. (2010). K voprosu o tautologicheskoi konstruktсии vida kosha-ch'ia kosha v internet-istochnikakh (na materiale russkogo iazyka). *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 4(3), 26–30.

Vinogradov, V. V., & Shvedova, N. Yu. (Eds.). (1964). *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo iazyka XIX veka. Vol. 1: Izmeneniia v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitel'nogo i prilagatel'nogo v russkom literaturnom iazyke XIX veka*. Moscow: Nauka.

Zemskaia, E. A., Kitaigorodskaia, M. V., & Shiriaev, E. N. (1981). *Russkaia razgovornaia rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis*. Moscow: Nauka.

Received on January 19, 2023

А. Н. АНТОНОВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
alexa.antonova96@yandex.ru

СЛОЖНЫЕ ЧИСЛОВЫЕ ГРУППЫ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПО ДАННЫМ СТАРОРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ И ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

Статья посвящена анализу сложных числовых групп с определением, представленных в старорусских летописных и деловых памятниках кон. XIV — XVII вв. Материалом для исследования послужили: Типографская летопись (кон. XIV — XV вв.), Никоновская летопись (XVI в.), Строевский список Псковской III летописи (XVI в.), Холмогорская летопись (XVI в.), Двинской летописец (XVII в.), Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (кон. XIV — нач. XVI в.), Акты Русского государства (XVI в.), Можайские акты (XVII в.). Основные выводы работы следующие. Определения в ж. роде, ед. числе характерны как для летописных, так и для деловых памятников кон. XIV — XVI вв.; данные формы более употребительны в не книжных контекстах. При сочетаниях с числительными малого количества для абсолютного большинства памятников характерна форма И/В пп. мн. числа определения; формы РП мн. числа определения распространены в Холмогорской летописи за XVI в. и в Можайских актах за XVII в. Наиболее частотной моделью сложных числовых групп с определением является «числ. + сущ. + опред.», тип «числ. + опред. + сущ.» встречается sporadически начиная с XVI в.

Ключевые слова: сложные числовые группы с определением, синтаксис числовых сочетаний, старорусские летописи кон. XIV—XVII вв., деловые памятники кон. XIV—XVII вв.

1. Введение

1.1. В современном русском языке (далее — СРЯ) при группе с числительными малого количества в И/В пп. возможно употребление формы определения как в И/В пп. мн. числа, так и в РП мн. числа (см., например, [Worth 1959; Мельчук 1985; Corbett 1993; Шкапа 2011; Сичинава 2018]). И/В пп. определения соотносится с формой числительного, а РП — со счетной формой существительного [Сичинава 2018]. Согласно [Там же], данная вариативность в СРЯ характерна прежде всего для числовых групп с существительным ж. рода: *три новые книги, три новых книги*. По [Супрун 1969: 165–166], в сложных группах с числительными малого количест-

ва в СРЯ форма И/В пп. определения преобладает с существительными ж. рода, а форма РП определения — с существительными м. и ср. рода. Основным фактором, блокирующим распространение РП определения при числовых группах типа «2–4 + сущ. ж. рода», А. Е. Супрун [Там же: 168] считает то, что формы существительного ж. рода при данных числовых сочетаниях осознаются как ИП мн. числа¹. Ср. с приведенными в [Зализняк 1967: 48] интерпретациями формы существительного в сочетаниях «2–4 + сущ.» как счетной формы или же как особой связанной формы И/В пп. мн. числа. Помимо рода существительного, по [Супрун 1969: 165–166], на форму определения при группе с числительным малого количества в СРЯ могут влиять также:

— падеж числовой группы (ИП или ВП) — при числовых группах типа «2–4 + сущ. ж. рода» в ВП чаще употребляется форма определения в РП;

— выбор числительного (*два* или *три/четыре*) — при числовых группах с *три, четыре* также характерно определение в РП;

— порядок слов — при числовых группах типа «2–4 + сущ. м. рода» большинство случаев употребления определения-прилагательного в И/В пп. фиксируется при препозиции определения;

— частеречная принадлежность определения — местоимения чаще всего выступают в форме И/В пп., а причастия выступают в форме ИП чаще прилагательных;

— кроме того, некоторые конструкции закрепились с предпочтительной формой определения в зависимости от лексического значения определения — в форме И/В пп. предпочтительны *последний, первый, каждый*, в форме РП — *добрый и целый*.

Помимо перечисленных выше, в [Мельчук 1985: 126–127] приводятся следующие факторы, влияющие на выбор формы определения при числовой группе типа «2–4 + сущ.»:

— определенность/неопределенность, а также референтность/нереферентность исчисляемого существительного — определенность, как и референтность, связывается скорее с И/В пп., а неопределенность и нереферентность — с РП;

— характер прилагательного — определения, оканчивающиеся на *-ин, -ов*, почти всегда стоят в РП;

— наличие других определений (особенно *этот* и *тот*, которые употребляются с И/В пп.);

— зависимость определения от существительного или от числительного;

— характер согласования со сказуемым (если сказуемое при числовой группе стоит во мн. числе, то определение будет скорее в И/В пп.) и др.

¹ См. также в [Янко 2002: 168–181]: счетная форма и форма И/В пп. мн. числа у существительного ж. рода часто совпадают, у существительных м. рода, напротив, эти формы различны; а при числовых группах типа «2–4 + сущ. в ж. роде» характерны определения в И/В пп. мн. числа, а при «2–4 + сущ. в м. роде» — в РП мн. числа.

В сложных группах с числительными большого количества типа «числ. + опред. + сущ.» определение употребляется только в форме родительного множественного: *тридцать новых книг*.

1.2. Согласно [Супрун 1969: 156–157], праславянскую систему употребления определений при числовом сочетании можно реконструировать следующим образом.

А. Определение при числительном² в составе числового сочетания:

— с 1–4³ определения не сочетались, так как данные числительные сами являлись определениями;

— с числительными 5–9, которые были словами **i*-склонения ж. рода ед. числа, определение выступало в форме ж. рода ед. числа;

— с числительным 10 определение согласовывалось или по м. роду, или, позднее, по женскому, ср. с [Жолобов 2007: 9], где для *десять* в древнеславянском постулируется смешанный грамматический род;

— с числительным 100, словом ср. рода **ǫ*-склонения, определение согласовывалось в форме ср. рода ед. числа [Супрун 1969: 156–157].

Б. Определения в составе числовых сочетаний согласовывались с существительными [Там же]: в сложных числовых группах в И/В пп. с *два* — в И/В пп. дв. числа, с *трие/четыре* — в И/В пп. мн. числа, с числительными большого количества — в РП мн. числа.

В. Определения к числовой группе могли иметь форму мн. числа, по аналогии с определениями существительных в сочетаниях с числительными 3/4 [Там же]. Ср.: уже в старославянских памятниках фиксируются примеры со смысловым согласованием определения во мн. числе со всей числовой группой, см., например: *оба на десяте ученика едины* (Мар., Мф. 20, 17) [Там же: 158].

Дальнейшие изменения в сложных числовых группах в И/В пп. во многом связаны с распространением данных форм определений (в первую очередь И/В пп. мн. ч. // РП мн. ч. // И/В пп. ед. ч. ж. рода⁴) на позиции, в «исконной» системе им не свойственные (см. пп. А–В), а также с периодами экспансии той или иной формы.

В древнерусский период форма определения в **ж. роде ед. числа** стала употребляться в не книжных и гибридных источниках при любых числовых

² В вопросе о частеречной принадлежности числительных мы придерживаемся концепции О. Ф. Жолобова, согласно которой древнерусские числительные являются самостоятельной частью речи, см., например, [Жолобов 2006: 12].

³ Мы используем здесь цифровые обозначения для компактности описания материала.

⁴ Интересно, что форма ср. рода ед. числа определения также могла получать распространение, такие формы встречаются, например, в западнорусских памятниках, в записях «Онежских былин»: *друго три годы служил я в стольниках*; см. об этом [Супрун 1969: 165, 169].

сочетаниях⁵, а не только при группах с числительными 5–9 [Глускина 1957: 199–222; Супрун 1969: 165; Зализняк 2004: 168]. Наиболее ранние примеры распространения формы ж. рода определения на сочетания с числительными, не являвшимися исконно словами ж. рода, зафиксированы в новгородских не книжных и гибридных источниках и относятся к XIII — нач. XIV в.: *30 гр(и)вьнь бѣжи(ц)ькал* (Новг. бер. гр. № 718, XIII) [Зализняк 2004: 168]; *...а то поиде в ту же двенадцать тысячи серебра* (Новг. гр., 1316 г., 23) [Глускина 1957: 209]. Согласно [Там же: 203], при числительных, исконно имевших категорию ж. рода, определения в ж. роде, ед. числе употреблялись как в книжных, так и в бытовых контекстах. По [Потебня 1968: 3, 352], «определение (...) числит. 5–10 стоит в единственном числе жен. р. истари и (...) даже до кон. XVII в.»⁶. В XV–XVII вв. употребление формы ж. рода ед. числа при числовых группах уже не является типичным, наиболее частотное определение в И/В пп. мн. числа [Там же]. Однако в памятниках западнорусской письменности XV–XVI вв. формы ж. рода ед. числа определения при числовых сочетаниях, по словам С. М. Глускиной [1957: 211–215], более устойчивы, чем в великорусских источниках; об этом см. также [Супрун 1969: 165].

Как отмечает А. Е. Супрун [Там же: 167], в древнерусский период формы **РП мн. числа** определения — под влиянием форм определения при группах с числительными большого количества — начинают употребляться при числительных малого количества. Особенности распространения И/В пп. и РП мн. числа определения связываются со степенью книжности, а также с диалектной принадлежностью источника. Так, в памятниках западнорусской письменности XIV–XVII вв. при числовых группах типа «2–4 + сущ.» преобладают определения в РП [Там же: 162–163]. По [Там же], такое распределение вызвано большой распространенностью числовых сочетаний типа *дний два* (*Автобиография И. Турчиновского*), *по сто челоуька казаквь* (*Летопись Самовидца*), — отражающих стремление к унификации формы существительного при числительных малого и большого количества. Согласно [Горшкова, Хабургаев 1981: 275–276], с конца XVI в. в периферийных текстах определения при числовых сочетаниях с *два, три, четыре* всегда оказываются в форме РП мн. числа; причем формы РП мн.

⁵ То есть при сочетаниях с числительными 2–4, которые исконно «не имели самостоятельного грамматического рода», с числительным *сорокъ* — словом м. рода, с числительным ср. рода *сто*, при конструкциях половинного счета и т. д.; см. [Глускина 1957: 209–211].

⁶ Согласование определения с числовым сочетанием в ж. роде ед. числа отмечается, уже как архаизм, даже в сочинениях М. В. Ломоносова [Кузнецов 1953: 181]. С. М. Глускина [1957: 206] предполагает, что данная особенность у М. В. Ломоносова может быть отражением его родного диалекта, поскольку согласование определения в ж. р. ед. ч. при числовых сочетаниях зафиксировано А. А. Шахматовым [1911: 209] в холмогорском говоре.

числа определения при числовых группах типа «2–4 + сущ.» указывают на то, что формы существительных в данных числовых группах стали осмысляться как РП ед. числа, см. об этом также в [Хабургаев 1990: 277]. Что касается распределения форм И/В пп. и РП мн. числа с точки зрения степени книжности источника, то генитивные формы определений более употребительны в деловых источниках, для книжных текстов характерен **И/В пп. мн. числа** определения [Bogusławski 1966: 232–237; Супрун 1969: 162–163].

Важнейшие факторы распространения форм **РП мн. числа** определения при числовых группах типа «2–4 + сущ.», по [Супрун 1969: 168]:

— стремление к унификации форм определения при всех числовых группах;

— ключевым фактором является восприятие форм существительных в числовых группах типа «2–4 + сущ.» как РП ед. числа после изменения групп с числительными малого количества по типу *три стола*;

— вероятно влияние сложных числовых групп с собирательными числительными, поскольку при собирательных числительных «выравнивается» форма существительного, ср.: *двое мальчиков, пятеро мальчиков и два мальчика, пять мальчиков*.

— активизация распространения РП мн. числа определения наблюдается после установления в сложных числовых группах порядка слов «числ. + опред. + сущ.»: в позиции перед существительным определение, по-видимому, в большей степени испытывало влияние существительного;

— кроме того, как второстепенный источник генитивных конструкций рассматриваются числовые сочетания типа *два рубля московских денег*.

Согласно [Жолобов 2003: 180], генитивные формы при числовых группах «2–4 + сущ.» распространились по аналогии с сочетаниями типа *трицать пятеры гужы моржовых (Тмж⁷, 1633–1636, 30)* — конструкциями с составными числительными, «в которых РП мн. ч. прилагательных первоначально зависел от обозначений десятков».

Как отмечается в [Bogusławski 1966: 236–237], в XVII в. основной разновидностью сложной числовой группы с определением была 1) «числ. + сущ. + прил. в РП мн. ч.». В XVIII в. начал распространяться тип 2) «числ. + прил. в И/В пп. мн. ч. + сущ.»; наряду с последним формируется модель «числ. + прил. в РП мн. ч. + сущ.» — как контаминация моделей сложных числовых групп типа 1) и 2) [Там же].

1.3. По словам А. Е. Супруна [1969: 166], современные русские нормы употребления форм И/В пп. // РП мн. ч. определения возникают в XVI–XVII вв. Как известно, в старорусский период синтаксис числительных претерпевает значительные изменения: наблюдаются разрушение искон-

⁷ Цит. по [Жолобов 2003]: Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. I: Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1636 гг. М.; Л., 1950.

ной системы древнерусских числительных и постепенное формирование новой. Именно поэтому в настоящей статье рассматриваются особенности употребления форм определения в сложных числовых группах в И/В пп., представленные в старорусских памятниках кон. XIV — XVII вв., в особенности взаимосвязь формы определения с синтаксическим устройством числовой группы («числ. + сущ.»), а также с порядком слов сложной числовой группы.

Материалом для исследования послужили памятники, различные по степени книжности и территориальной принадлежности:

— летописные источники⁸: Типографская летопись (кон. XIV — XV вв.; далее — ТЛ), Никоновская летопись (далее — НЛ); Псковская III летопись (далее — ПЛ), а также тексты двух поздних севернорусских летописей — Холмогорской (далее — ХЛ) и Двинского летописца (XVII — нач. XVIII вв.; далее — ДЛ);

— некнижные тексты представлены материалами актов: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV — нач. XVI в. (далее — АСЭИ), Акты Русского государства (далее — АРГ), Можайские акты (далее — МА).

Кроме того, в разделе 2 привлекаются данные старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

Дальнейшее изложение строится по следующему принципу. Раздел 2 посвящен представленности форм ж. рода ед. числа определения при числовых сочетаниях в рассматриваемых источниках; для ПЛ — памятника с преобладанием форм определения в ж. роде ед. числа — для сопоставления с ними приводится анализ сложных числовых групп и с другими формами определений. В разделе 3 рассматриваются разновидности сложных числовых групп с определением в памятниках с преобладанием И/В пп. мн. числа определения при числовых группах «2–4 + сущ.», а в разделе 4 — с преобладанием РП мн. числа определения.

2. Памятники с отражением форм ж. рода ед. числа определения при числовых сочетаниях

Форма ж. рода ед. числа определения распространилась на все числовые сочетания по аналогии с числовыми сочетаниями «5–9 + сущ.» [Глушкина 1957: 209; Супрун 1969: 165; Зализняк 2004: 168], вероятно, благодаря количественному превосходству нумеральных групп с числительными большого количества. Данный тип согласования фиксируется и в исследованных старорусских памятниках, однако его распространение неоднородно.

⁸ Из них мы опираемся на материал, который по году записи, кроме специально оговоренных случаев, относится к периоду XV–XVII вв. При цитировании указан лист рукописи.

В ТЛ (XV в.) примеры сложных числовых групп с определением в ед. числе ж. роде не зафиксированы. По одному надежному примеру отражает согласование определения в ед. числе ж. роде в ХЛ и НЛ:

- (2.1) (1471) *дали откупа 100 рублей **новгородскую*** (ХЛ, 389);
 (2.2) (1558) *а **всю** двѣ недѣли стрѣляютъ* (НЛ, 293).

Особая употребительность форм определения в ж. роде ед. числа при числовых сочетаниях характеризует материалы актов кон. XIV — XV вв. и особенно XVI в. Так, в АСЭИ за кон. XIV — XV вв. данная модель согласования представлена в трех примерах:

- (2.3) *а серебра головнова пятдесят рублей **новгородская** и четыре рубли* (АСЭИ, № 71, ок. 1430);
 (2.4) *и даша на том сели... девяносто рублей **новгородскую*** (АСЭИ, № 2, ок. 1380–1417);
 (2.5) *и яз оу нег(о) **ту** семь нивѣ купил, а дал есмь ему на **ней** сорок алтын* (АСЭИ, № 223, 1448/9–1455).

В АРГ XVI в. конструкция с определением в ед. числе представлена семью примерами:

- (2.6) *и приказчики б мои заплатили Костянтиновым дѣ[тем] **всю** девят(ь) рублей* (АСЭИ, № 196, ок. 1521–1522);
 (2.7) *а приняль е у Онѣдрѣя сорокъ рублей **москоскую** (так!)* (АСЭИ, № 244, 1524–1525);
 (2.8) *а придал есмь яз... сорок рублей денег **московскую*** (АСЭИ, № 245, 1524–1525);
 (2.9) *о чем вы им в **ту** сорок лѣт молчали...* (АСЭИ, № 77, ок. 1510–1511 — 1515–1516);
 (2.10) *ни на медвѣди в **ту** пят(ь) лѣт лю[деи] у нег(о) с тое д(е)р(е)вни не гѣмлют* (АСЭИ, № 228, 1524);
 (2.11) *и **та** им восемь деревен(ь) надѣл* (АСЭИ, № 196, ок. 1521–1522);
 (2.12) *на пят(ь) лѣтъ... а как отсидят свои (так!) **урочную** пят(ь) лѣтъ...* (АСЭИ, № 187, 1520).

Примечательно, что в примере (2.12) адъективы *свои* и *урочную* при группе *пят(ь) лѣтъ* имеют разное согласование: по мн. и по ед. числу соответственно.

В исследованных памятниках XVII в., как летописных — ДЛ, так и деловых — МА, надежных примеров согласования определения в ед. числе ж. роде при числовых сочетаниях не обнаружено. Однако данные старорусского подкорпуса НКРЯ за XVII — нач. XVIII вв. отражают спорадическое употребление определений в ед. числе ж. рода, см. некоторые примеры: *вельти бѣ тое ихъ **досталную** 5 пудъ соли, по договору, выдать* (Грамота митрополита Корнилия архимандриту Иосифу о выдаче двоим крестьянам Семеновской пустыни 5 пудов соли, недоданной им за поставленный лес,

1689); *прими, молю ты, тридесят рублев сию...* (Интермедии. (Междоречие). Посл. четв. XVII в. — нач. XVIII в.).

Наиболее широко представлены формы ж. рода ед. числа определения при числовых сочетаниях в **Строевском списке Псковской III летописи**. Всего зафиксировано 12 надежных примеров, в большей части которых определение представлено местоимением и в трех — кратким прилагательным в постпозиции:

- (2.13) (1461) *позволил намъ... дати перемирье на тоую 5 лѣтъ* (ПЛ, 97 об.);
 (2.14) (1461) *а в тоую 5 лѣтъ на спорном мѣсте ловити псковичемъ* (ПЛ, 98);
 (2.15) (1461) *что тое перемирье держати крѣпко в тоу 5 лѣтъ* (ПЛ 98);
 (2.16) (1477) *а былъ во Псковѣ... всю 4 недели* (ПЛ, 178 об.);
 (2.17) (1476) *а былъ в Новегороде 9 недель полноу* (ПЛ, 171 об.);
 (2.18) (1478) *стоялъ по оттворени града 4 недели полноу* (ПЛ, 191 об.);
 (2.19) (1476) *а были в Новегороде 4 недели полноу послы псковскыя* (ПЛ, 170);
 (2.20) (1471) *в тоую полтора дни по Новгородской земли* (ПЛ, 145);
 (2.21) (1463) *чтобы таа 9 лѣтъ Норовского миру издержати крѣпко* (ПЛ, 107 об.);
 (2.22) (1463) *что тая 9 лѣтъ издержати...* (ПЛ, 108 об.);
 (2.23) (1464) *что таа останется 9 лѣтъ издержати* (ПЛ, 110);
 (2.24) (1461) *а что тая 5 лѣтъ держати крѣпко* (ПЛ, 98 об.).

Интересно, что в [Глускина 1957: 211–215; Супрун 1969: 165] указывается на особую распространенность ж. рода ед. числа определений при числовых сочетаниях в западнорусских источниках (например: *тую двѣ части* (Литовский статут, 1566), *тую три тысеци копѣ* (Владимирск. градск. кн., 1605)), в то время как Псковская III летопись — памятник северо-западной локализации. Кроме того, именно Строевский список ПЛ известен широким отражением разнообразных диалектных особенностей и черт не книжного синтаксиса [Зализняк 2008: 149].

Остановимся подробнее на примере (2.20), в котором определение согласовано в ж. роде ед. числе при конструкции половинного счета. Как известно, в исконной модели конструкций половинного счета существительное муж. рода *поль* управляет РП ед. числа существительного, с которым, в свою очередь, согласуется порядковое числительное. Таким образом, (2.20), наряду с примерами типа (2.16), свидетельствует о распространении формы определения в ж. роде ед. числа на все числовые сочетания; см. об этом выше.

Ряд примеров сложных числовых групп с формой местоимения *вся* допускает двоякую интерпретацию — формы определения можно рассматривать и как ИП ед. числа ж. рода, и как книжные формы ИП мн. числа⁹, см. (2.25)–(2.28):

⁹ Ср. контексты из ПЛ: (1169) *на вся полкы роускыя* (168 об.) vs. (1267) *и славна бысть вся земля* (7).

- (2.25) (1440) и оусрѣтоша иконоу **вся** 3 сбора и архимандритъ Галаси, и вся священники молящяся богу (ПЛ, 78 об.);
- (2.26) (1442) и князь Олександръ Федоровичъ... и попы **вся** 3 сборы по-гадавшие со псковичи, и поставиша церковь (ПЛ, 80 об.);
- (2.27) (1469) священноиноки и священники, **вся** 5 соборов, ... рекоша (ПЛ, 120);
- (2.28) (1466) и литургию свершивъ **вся** 5 сборовъ, и разидошася коздо въ своаси (ПЛ, 117 об.).

Отметим, что в (2.25)–(2.28) сложная числовая группа «*вся* + числ. + сущ.» находится в ряду однородных подлежащих, с которыми согласовано сказуемое в форме аориста мн. числа; ср. с фактором из [Мельчук 1985: 126–127], влияющим на выбор И/В пп. мн. числа определения в СРЯ: если сказуемое при числовой группе стоит во мн. числе, то определение будет скорее в И/В пп.¹⁰ Кроме того, числовое сочетание *5 соборов* из (2.27) употребляется далее в том же контексте с местоимением *всѣ*, см. (2.33).

В примере (2.29) форма *немецкаа* также может рассматриваться двояко: как ед. число ж. рода и как бывшая форма дв. числа¹¹:

- (2.29) (1448) и с ними два князя *немецкаа* яша (ПЛ, 83 об.).

Можно предположить, что омонимия книжного окончания И/В пп. мн. числа мягких основ местоименного склонения *-я* и ед. числа ж. рода тех же основ (*вся церкви // вся земля*), а также бывших форм прил. дв. числа при числовых сочетаниях типа «2 + сущ.» и двусложных адъективных форм типа *тая (два князя немецкаа // тая 5 лѣт)* способствовали взаимодействию этих моделей в гибридном языке летописи и, как следствие, активному распространению согласования определения в ед. числе ж. роде.

В семи примерах определение при числовом сочетании однозначно употреблено в форме **мн. числа И/В пп.**, см. (2.30)–(2.36):

- (2.30) (1477) в **тыя** 2 недели (ПЛ, 177);
- (2.31) (1473) и се **вси** шесть насад *псковскихъ* и лодиа многи (ПЛ, 153);
- (2.32) (1468) нача находити дождь силенъ **вси** четыреъ месеци (ПЛ, 120);
- (2.33) (1469) **всѣ** 5 соборов... написавъ грамотоу... и в ларь положиша (ПЛ, 121);
- (2.34) (1383) заложиха 3 церкви **камены** (ПЛ, 39);
- (2.35) совершиха 4 церкви **камены** (ПЛ, 208 об., 1540);
- (2.36) (1567) и воевали четыре городки **литовские** (ПЛ, 237 об.).

¹⁰ Однако для др.-р. языка характерно согласование сказуемого при собирательных существительных во мн. числе; см., например, [Борковский, Кузнецов 1963/2006: 324–330; Зализняк 2004: 183–184].

¹¹ Ср. с контекстом с определением в ж. рода из ПЛ: (1368) *внезапоу оударися на них рать немецкаа* (176 об.).

По всей видимости, распространенность форм ед. числа ж. рода определения при числовых сочетаниях характерна прежде всего для некнижного синтаксиса. На это указывает их частотность в деловых памятниках, а также в некнижных контекстах летописей. Так, в ПЛ формы определения в ед. числе ж. роде при числовых сочетаниях встречаются в менее книжных контекстах (в частности, в прямой речи), чем формы определения в И/В пп. мн. числа; ср. глагольные формы в «надежных» примерах (2.13)–(2.20) и (2.30)–(2.36): *позволишь, былъ, стоялъ, были* — в контекстах с ед. числом ж. рода определения и формы аориста *нача находити, положишиа, заложшиа, совершишиа* — в контекстах с определениями в И/В пп. мн. числа.

РП мн. числа определения в ПЛ характерен для сочетаний с числительными большого количества, при этом можно выделить две основные модели порядка слов:

Тип 1 «определение + сущ. + числ.» — препозиция определения к числовой группе, в которой числительное занимает конечную позицию:

- (2.37) (1478) *и поима с собою новгородских бояръ 6* (ПЛ, 192);
 (2.38) (1463) *и ту поимаша роукама наших человекъ 8* (ПЛ, 107);
 (2.39) (1341) *на память святыхъ мученикъ 10* (ПЛ, 21).

Тип 2 «числ. + сущ. + определение» — постпозиция определения, числительное в препозиции:

- (2.40) (1471) *а с ним 13 посадникъ псковских* (ПЛ, 141 об.);
 (2.41) (1560) *и тоуто оубили наших человекъ 15 детеи боярских* (ПЛ, 224 об.);
 (2.42) (1463) *и пришедши да два исада болшихъ выжгоша* (ПЛ, 102 об.).

Отметим, что в примере (2.42) форма определения РП мн. числа употребляется при числовой группе типа «2 + сущ.». По мнению А. Е. Супруна [1969: 168], на распространение РП мн. числа определения при сочетаниях с числительными малого количества могли повлиять числительные второго десятка 12, 13, 14. Однако в доказательство данного утверждения приводятся примеры исключительно с числительным 12: *12 жонке въщих* (Пск. II лет., 185 об., 1411), *Кузма дал... ни 12 своїхъ...* (Нов. берест. гр. № 393, XIII — нач. XIV в.) [Там же]. Вероятно, РП мн. числа определения распространился в первую очередь на группы с числительным *два* (12, 22 и др.), поскольку именно в этих числовых сочетаниях изначально появилась инновационная форма существительного. Форма существительного *жонке* в примере из Пск. II лет. может быть как дв. числом, так и диалектным РП ед. числа. Напомним, что в древнепсковском диалекте была представлена система **а*-склонения, в которой форма Р/Д/М пп. совпадала, при этом сохранялось различие между твердым и мягким вариантами склонения

(Р/Д/М пп. *женъ*, но *земли*) [Алпатова 2005: 1–3]. Образование этой системы, видимо, относится к поздней праславянской эпохе; с начала письменного периода до начала XVII в. псковскими говорами был пройден путь от доминирования в Р/Д/М пп. флексии *-ъ* к примерно равному распространению конкурирующих флексий *-ъ* и *-и* [Там же]. Следовательно, система **a*-склонения псковских говоров допускала как стандартное распределение И/В пп. дв. числа *женъ* ≠ РП ед. числа *жены*, так и диалектное И/В пп. дв. числа *женъ*, *земли* = РП ед. числа *женъ*, *земли*; ср. с ситуацией в древне-новгородском диалекте [Зализняк 2004: 97]: в твердом варианте в РП ед. числа нормой является окончание *-ъ*. Данное обстоятельство, вероятно, создало дополнительные благоприятные условия для преобразования синтаксической связи в группе «2 + сущ.» по типу *два города* и, как следствие, более активное распространение РП мн. числа определения при сочетаниях с числительным 2.

Что касается числовых сочетаний типа «3/4 + сущ. + прил.», то в ПЛ при таких сочетаниях определения зафиксированы только в форме И/В пп. мн. числа, см. примеры (2.34)–(2.36). Это может быть связано с тем, что в данном памятнике примеры групп «3/4 + сущ.» типа *3/4 мужи* с И/В пп. мн. числа существительного преобладают над числовыми группами с инновационной синтаксической связью типа *3/4 мужа*.

Остановимся также на модели, отличной от основных типов:

(2.43) (1482) *и взяша немъцкого города 2* (ПЛ, 201).

Особенностью сложной числовой группы (2.43) *немъцкого города 2* является то, что определение употреблено в форме РП ед. числа. По всей видимости, такое согласование стало возможным благодаря порядку слов типа 1 «опред. + сущ. + числ.», при котором определение оказалось в контактной препозиции с существительным; ср. с идеей А. Е. Супруна [1969: 168–169] о том, что усиление тенденции к распространению РП (но мн. числа) определения может быть связано с перестройкой порядка слов в числовых сочетаниях: «числ. + сущ. + опред.» → «числ. + **опред.** + **сущ.**» (положение определения перед существительным, по-видимому, способствовало большему влиянию существительного на форму определения). Интересно, что согласование определения в РП ед. числа типа *два ловчего*, *два малого* (с субстантивированным прилагательным) распространено, по словам А. Е. Супруна, в «пушкинских местах»¹² и отмечено Л. А. Булаховским [1948: 386] в «Каменном госте» А. С. Пушкина — *два ласкового слова*, см. об этом [Супрун 1969: 169]. Вероятно, РП ед. числа определения указывает на осмысление форм существительных в числовых группах типа «2 + сущ.» как форм РП ед. числа. Как известно, формы существительного на *-а* в числовых сочетаниях характеризуются неопределенным морфологическим статусом [Жолобов 2003–2004: 15]. По мнению О. Ф. Жолобова,

¹² То есть, с большой долей вероятности, в псковских говорах.

на осмысление таких форм, как РП ед. числа, указывают «редкие случаи употребления» генитивных форм на -у в числовых группах типа «2 + сущ.». В ПЛ зафиксирован один такой пример: (2.45) (1465) *а былъ той морь... и по 2 годоу* (115 об.).

3. Памятники с преобладанием форм И/В пп. мн. числа определения

3.1. Преобладание форм И/В пп. мн. числа определения наблюдается в деловых памятниках кон. XIV — XVI вв. Материалы АСЭИ кон. XIV — XV вв., как и АРГ XVI в., отражают все три типа согласования: в ж. роде ед. числа, И/В пп. мн. числа и РП мн. числе, при этом преобладает И/В пп. мн.

Для АСЭИ характерны следующие модели сложных числовых групп с определением:

— «числ. + сущ. + опред.-прил.»: (3.1) *да три поженки Чяромские* (АСЭИ2, 1476–1482, № 238) — наиболее частотный тип, всего 45 примеров; в двух примерах существительное вынесено в тему: (3.1а) *а полосы двъ Федюнины* (АСЭИ2, ок. 1460-х, № 184);

— «опред.-мест. + числ. + сущ.»: (3.2) *а ть три дубки в монастырской земль в Почяпской* (АСЭИ, 1496–1505, № 610) — всего 9 примеров;

— «числ. + сущ. + сущ. + опред.-прил.», приведены все примеры: (3.3) *а дали есмь... двацат(ь) алтын ден(е)гъ ходлчих* (АСЭИ, 1496/1497, № 605), а также «числ. + сущ. + опред.-прил. + сущ.»: (3.4) *а дал есми им... десат(ь) рублев московских денег* (АСЭИ, 1502/1503, № 277), *а взял есми... шесть рублевъ московских денег* (АСЭИ, ок. 1470–1480-х, № 481);

— спорадически встречается тип «опред.-прил. + числ. + сущ.», приведены все примеры: (3.5) *отвел есми... их монастырьские два наволока* (АСЭИ, ок. 1495 — 1497, № 210); (3.6) *Репоховьскии двъ пустоши* (АСЭИ, 1434–1447, № 115); (3.7) *далъ есмь... ему своеъ земли Непотяговскиъ полсемъ нивы* (АСЭИ, 1448/1449–1455, № 223);

— в одном примере зафиксирован тип с вынесенными в тему определением и существительным в РП мн. числа — «(тема в РП: опред.-прил. + сущ.) + числ.»: (3.8) *а страдных лошадеи двацат(ь)* (АСЭИ, ок. 1430, № 71).

В примерах с препозицией определения — типы «опред.-мест. + числ. + сущ.» и «опред.-прил. + числ. + сущ.» — в абсолютном большинстве употребляется ИП мн. числа определения, в одном примере зафиксирована форма определения в ед. числе ж. роде, см. выше пример (2.5). В сложных числовых группах типов «числ. + сущ. + сущ. + опред.-прил.» и «числ. + сущ. + опред.-прил. + сущ.» возможны исключительно формы РП мн. числа определения. Для типа «числ. + сущ. + опред.-прил.» отмечается вариативность. В двух примерах — см. выше (2.3)–(2.4) — определение употреблено в ж. роде ед. числа.

Для сложных групп с числительными большого количества характерна форма РП мн. числа определения, например:

(3.9) *дал есми на ней плт(ь) рублев **ноугородских*** (АСЭИ2, ок. 1492, № 289).

Обратим внимание, что в сложных группах типа «числ. + сущ. + опред.-прил.» с числительными малого количества в АСЭИ наблюдаются как формы И/В пп. мн. числа, так и РП мн. числа определения; причем для большинства (около 30) примеров характерен ИП мн. числа определения: (3.10) *на две березы на **великие**... на два кургана на **великие*** (АСЭИ, 1496–1498, № 609); (3.11) *да три пугвицы с женьчиги **золоты*** (АСЭИ, перед 1454, № 251); (3.12) *а дал есмь полтора рубля **новгороцкіе*** (АСЭИ2, 1448–1470, № 119).

Отметим, что при конструкциях половинного счета в АСЭИ также фиксируются определения в ИП мн. числа, см. (3.7) и (3.12).

В шести примерах типа «числ. + сущ. + опред.-прил.» с числительными малого количества определение употреблено в РП мн. числа, см. (3.13)–(3.17):

- (3.13) *возмет... два рубля **ноугородьских*** (АСЭИ2, 1448–1470, № 106);
 (3.14) *а у них есмь взял два лужка **монастырьских*** (АСЭИ, 1467–1474, № 355);
 (3.15) *чтобы еси довал... по два осетра **живых***¹³ (АСЭИ, ранее 1459/1460, № 172);
 (3.16) *а дает... по полтора рубля **московьских*** (АСЭИ, 1448/1449, № 221);
 (3.17) *а възль есми у них... четыре рубли **московьских*** (АСЭИ, 1498/1499, № 622).

Показательно, что в абсолютном большинстве примеров РП мн. числа определения зафиксирован при нумеральной группе с числительным *два*, а также при конструкции половинного счета¹⁴.

Числовые группы типа «3/4 + сущ.» в АСЭИ отражают исконные синтаксические отношения согласования числительного с существительным типа *три столы* с И/В пп. мн. числа существительного: не обнаруживается даже спорадического проникновения инновационных форм на *-а*. В связи с этим особенно интересен пример (3.17) с числовой группой «4 + сущ. в ВП мн. ч.», при которой определение употреблено в РП мн. числа: форма РП определения в данном примере появляется при числовой группе типа «3/4 + сущ.» без влияния инновационной формы существительного.

См. Таблицу 1 с распределением форм И/В пп. и РП мн. числа определения-прил. при группах с числительными малого количества в АСЭИ кон. XIV — XV вв.:

¹³ Пример повторяется дважды.

¹⁴ Интересно, что АСЭИ, как и ПЛ, отражают употребление групп «2 + сущ.» с особой генитивной формой существительного м. рода на *-у*.

Таблица 1

	И/В пп. мн. ч. определения	РП мн. ч. определения
«2 + сущ.»	30 примеров	2 примера
«3/4 + сущ.»	2 примера	1 пример

Определение при группах с числительными в АРГ XVI в. также в абсолютном большинстве употреблений выступает в форме И/В пп. мн. числа. Модели сложных числовых групп с определением, зафиксированные в АСЭИ кон. XIV — XV вв., характерны и для АРГ XVI в.; наиболее употребительным является и тип «числ. + сущ. + **опред.-прил.**» с постпозицией определения:

— «числ. + сущ. + **опред.-прил.**»: (3.18) *да на два пня на березовые* (АРГ, 1523/1524, № 223), (3.19) *да четыре седла вьючные* (АРГ, ок. 1521–1522, № 196); (3.20) *а заложил у меня три чярки серебряны* (АРГ, не позже 1519, № 179); (3.21) *воз(ь)мет... два рубли московские* (АРГ, 1506, № 18) — наиболее употребительная модель, всего 37 примеров;

— «**опред.-мест.** + числ. + сущ.»: (3.22) *а через **тѣ** два срока иных на них сроков не намѣтывають* (АРГ, 1525, № 249); (3.23) *а **тѣ** три кормы... на вес(ь) год* (АРГ, 1506, № 18); (3.24) *а тиуну его дадут кормь со ити ж д(е)р(е)в(е)нь на **всѣ** **тѣ** три праздники вполы тог(о)* (АРГ, 1506, № 18) — всего 15 примеров;

— «числ. + сущ. + сущ. + **опред.-прил.**»: (3.25) *десят(ь) рублей денег московских* (АРГ, 1510/1511, № 68); (3.26) *а дал есми им на тои д(е)р(е)вне шестьдесят рублей д(е)н(е)гъ м(о)н(а)стырских* (АРГ, 1518, № 161) — всего 5 примеров;

— «числ. + сущ. + **опред.-прил.** + сущ.»: (3.27) *шестьдесят алтын кабал(ь)ных денег взял* (АРГ, 1505/1506, № 2); (3.28) *заняли... ос(ь)мнатцать рублей московских д(е)н(е)гъ* (АРГ, 1505/1506, № 2) — всего 2 примера;

— «**опред.-прил.** + числ. + сущ.»: (3.29) *м(о)н(а)ст(ь)рские четыре варницы* (АРГ, 1517, № 147); (3.30) *а [о]тоидут урочные пять лѣтъ...* (АРГ, 1515, № 118); (3.31) *а как отсидят свои урочные пят(ь) лѣтъ...* (АРГ, 1520, № 188) — всего 4 примера¹⁵;

— в одном контексте зафиксирован тип с вынесенными в тему определением и существительным в РП мн. числа «(тема в РП: **опред.-прил.** + сущ.) + числ.»: (3.32) *и **всѣх** езов монастырских зимних и вешних 5, а **крестьянских** езов зимних 17* (АРГ, ок. 1520, № 190).

Важнейшая инновация АРГ — появление сложных числовых групп типа «числ. + **опред.** + сущ.» (ср. со сложными числовыми группами с нейтральным порядком слов в СРЯ):

¹⁵ См. также пример (2.12).

— «числ. + опред.-прил. + сущ.»: (3.33) *да из одног(о) корени на два березовы пни* (АРГ, 1518/1519, № 172); (3.34) *на два ол(ь)ховые пни* (АРГ, 1518/1519, № 172); (3.35) *да на две безверхие березы из одного корени* (АРГ, 1518/1519, № 172); (3.36) *да на две угол(ь)ные ж ямы* (АРГ, 1524, № 229) — всего 9 случаев в двух документах (№ 172 и № 229), во всех примерах определение в И/В пп. мн. числа.

Для типа «опред.-мест. + числ. + сущ.» характерны определения в И/В пп. мн. числа, а также в ед. числе ж. рода, см. выше примеры (2.6), (2.9)–(2.11). В моделях «числ. + сущ. + сущ. + опред.-прил.» и «числ. + сущ. + опред.-прил. + сущ.» закономерно преобладает РП мн. числа определения, поскольку существительное в абсолютном большинстве подобных примеров относится ко второму существительному. Однако в одном примере зафиксирована форма ж. рода ед. числа определения — (2.8) *а придал есмь яз... сорок рублей денег московскую* (АСЭИ, 1524/1525, № 245). Один пример сложной числовой группы с определением в ж. роде ед. числа встретился в модели типа «опред.-прил. + числ. + сущ.», т. е. с препозицией определения-прил. — см. (2.12); кроме того, в одном примере — (3.30) — определение в И/В пп. мн. числа употреблено при группе с числительным большого количества. В сложных числовых группах типа «числ. + сущ. + опред.-прил.» возможны как И/В пп. и РП мн. числа, так и ед. число, ж. род определения. Формы РП мн. числа определения зафиксированы в четырех примерах, один из которых содержит группу с числительным большого количества:

(3.37) *да пят(ь) жиковин золотых* (АРГ, 1513/1514, № 111);

(3.38) *на три пни на дубовых*¹⁶ (АРГ, 1526/1527, № 298);

(3.39) *да под д(е)р(е)вню под Суховерховою 3 гзы хр(е)стьянских зимние* (АРГ, ок. 1520, № 190).

Отдельно отметим пример (3.39), в котором определение в РП мн. числе употреблено вместе с определением в ИП мн. числа при числовой группе с существительным в **ИП мн. числа**; см. расширенный контекст, где далее идут все формы ИП мн. числа определений: *да под д(е)р(е)вню под Суховерховою 3 гзы хр(е)стьянских зимние*. <...> *Да под д(е)р(е)вню под Вороб(ь)евою 3 гзы зимние кр(е)стьянские*. *Да под селцом под Люботицами 3 гзы зимние кр(е)стьянские* (АРГ, ок. 1520, № 190).

Как и в АСЭИ, для числовых групп типа «3/4 + сущ.» в АРГ характерны исконные синтаксические отношения: на 77 примеров с формой существительного в И/В пп. мн. числа приходится только три примера с инновационной формой существительного, причем все примеры нового типа зафиксированы в одном документе и в едином контексте.

См. Таблицу 2 с распределением форм И/В пп. и РП мн. числа определения-прил. при числовых группах типа «2–4 + сущ.» в АРГ XVI в.:

¹⁶ Пример повторяется дважды.

Таблица 2

	И/В пп. мн. ч. определения	РП мн. ч. определения
«2 + сущ.»	38 примеров	нет примеров
«3/4 + сущ.»	15 примеров	1 пример

В московской **Никоновской летописи** — обширном летописном своде, созданном в первоначальной редакции при московской митрополичьей кафедре в кон. 20-х гг. XVI в. [Клосс 1980: 3–4], как и в материалах актов кон. XIV — XVI вв., для определения при группе с числительными малого количества преобладает форма И/В пп. мн. числа.

Наиболее распространенной моделью сложной числовой группы с определением в НЛ также является тип «числ. + сущ. + **опред.-прил.**»: (3.40) *принесены быша двѣ иконы **чюдотворные*** (НЛ, 1531–1532); (3.41) *привели два мурзы **Крымские*** (НЛ, 1556–1557); (3.42) *здѣлали двѣ церкви **каменные*** (НЛ, 1532–1533); (3.43) *а девять Татариньвъ **живыхъ** изымалъ* (НЛ, 1541) — всего 8 примеров. Кроме того, для НЛ характерны модели:

— «**опред.-мест. + числ. + сущ.**»: (3.44) *и **всѣ** пятьсотъ стрѣльцовъ великого князя* (НЛ, 1552); (3.45) *и въ **тѣ** три дни роздалъ государь казны своей...* (НЛ, 1553); (3.46) *и **сія** двѣ жены со инѣми многими бяху во осаду* (НЛ, 1522) — всего 4 примера¹⁷; см. также пример с существительным, вынесенным в тему: (3.47) *и тюрьмы **всѣ** три згорѣли* (НЛ, 1531–1532);

— «**опред.-прил. + числ. + сущ.**»: (3.48) *едины двѣ церкви Богъ съхранилъ* (НЛ, 1547); (3.49) *Евангельская четыре заповѣди* (НЛ, 1552); (3.50) *принесены быша... **чюдотворныя** двѣ иконы* (НЛ, 1540); (3.51) *и **живыхъ** двѣста человекъ изымали* (НЛ, 1553) — всего 6 примеров;

— в четырех примерах зафиксирована инновационная модель «числ. + **опред.-прил. + сущ.**»: (3.52) *на двѣ тысячи **золотыхъ** соболей* (НЛ, 1557); (3.53) *два **нелѣпная** молитвеника* (НЛ, 1530); (3.54) *стоаше... **четыредесять** тысящъ **Литовскихъ** людей* (НЛ, 1535–1539); (3.55) *и побили их... тысящу **пятьсотъ** шездесять **именныхъ** людей* (НЛ, 1555);

— приведем также некоторые примеры с вынесенными в тему существительными // «сущ. + **опред.**»: «(тема в РП: **опред.-прил. + сущ.**) + числ.»: (3.56) *а **боярскихъ** людей пять тысящъ* (НЛ, 1555); (3.57) *убили... **боярскихъ** человекъ съ **пятнадцать*** (НЛ, 1558); «(тема в РП: **сущ. + **опред.-прил.****) + числ.»: (3.58) *а людей... было **съвжихъ** 60000* (НЛ, 1555) — везде определение в РП мн. числа.

Во всех примерах с числительными большого количества определение употребляется в РП мн. числа, см., например, (3.43).

В сочетаниях типа «числ. + сущ. + **опред.-прил.**» с числительным *два* зафиксирована исключительно форма И/В пп. определения. В единствен-

¹⁷ См. также пример (2.2).

ном примере с числовой группой типа «3/4 + сущ.» определение употреблено в форме РП мн. числа: (3.59) *прислалъ три языки Крымскихъ* (НЛ, 1557), — отметим, что в данном примере определение в РП мн. числа зафиксировано при числовой группе с существительным в ВП мн. числа. Важно: как и материалы актов кон. XIV — XVI вв., абсолютное большинство примеров с группой «3/4 + сущ.» в НЛ отражают исконный тип синтаксических отношений с И/В пп. мн. числа существительного. На 30 примеров типа *три столы* зафиксировано всего три случая с инновационной синтаксической связью типа *три стола*, все они появляются в одной погодной записи в одинаковом контексте.

Для типа «**опред.-мест. + числ. + сущ.**» характерны формы И/В пп. мн. числа определения, см. также один надежный пример с формой ж. рода ед. числа определения выше — (2.2)¹⁸. В примерах типа «**опред.-прил. + числ. + сущ.**» и «**числ. + опред.-прил. + сущ.**» определения при группах с числительными малого количества зафиксированы в И/В пп. мн. числа.

См. Таблицу 3 с распределением форм И/В пп. и РП мн. числа определения-прил. при сочетаниях с числительными малого количества в НЛ:

Таблица 3

	И/В пп. мн. ч. определения	РП мн. ч. определения
«2 + сущ.»	6 примеров	нет примеров
«3/4 + сущ.»	1 пример	1 пример

3.2. В отличие от НЛ, в ДЛ XVII в., напротив, абсолютное большинство примеров группы «3/4 + сущ.» отражают инновационные синтаксические отношения типа *три стола*; сочетания типа *три столы* с архаичным И/В пп. мн. числа существительного единичны. При этом большинство сложных групп с числительными малого количества содержат форму И/В пп. мн. числа определения (всего 13 примеров):

(3.60) (1671) *а в Холмогорском городе два погребя казенные деревянные* (ДЛ простр.ред., 19 об.);

(3.61) (1671) *в Колмогорском городе два казенные погребы деревянные* (ДЛ простр.ред., прил., 165 об.);

(3.62) (1674) *обсадил с четырех сторон, и четыре городки близ стены города земляные построил* (ДЛ простр.ред., прил., 171 об.);

(3.63) (1674) *зделал 4 городка земляные* (ДЛ, 28);

¹⁸ См. определения в (3.46) и (3.53), которые также могут рассматриваться как формы ед. числа ж. рода. Ср. с контекстом из НЛ: *сія же икона пречистая Богородица принесена бысть изо Царяграда въ Киевъ къ великому князю Юрью Долгорукому* (1160).

(3.64) (1696) *сделал два **малые** фрегаты да три яхты* (ДЛ простр.ред., 36 об.);

(3.65) (1555) *пришли <...> **англинские** четыре корабля* (ДЛ простр.ред., 7 об.).

И только в трех примерах с числительными малого количества определение употреблено в форме РП мн. числа:

(3.66) (1679) *да с ним же диаконом вышли **два человека** полоненных <...> оба в немецком платье* (ДЛ простр.ред., 23 об.);

(3.67) (1555) *пришли на Двинское устье **англинских 4** корабля* (ДЛ, 10);

(3.68) (1701) *а было только **три маленьких*** (ДЛ простр.ред., 38 об.).

Интересно, что ДЛ, несмотря на активность инновационной синтаксической связи типа *3/4 стола*, отражает примеры числовых групп «2 + сущ.» типа *два столы* с И/В пп. сущ. мн. числа, см. примеры (3.61), (3.64) и (3.69):

(3.69) (1693) *в начале певчие в лучшем облачении, <...> по ним **священники два**, <...> **два дьяконы** с рипиды* (ДЛ простр.ред., 30 об.).

См. Таблицу 4 с распределением форм И/В пп. и РП мн. числа определения-прил. при сочетаниях с числительными малого количества в ДЛ:

Таблица 4

	И/В пп. мн. ч. определения	РП мн. ч. определения
«2 + сущ.»	9 примеров	1 пример
«3/4 + сущ.»	4 примера	2 примера

При группах с числительными большого количества определение зафиксировано исключительно в РП мн. числе: (3.70) (1668) *за **244080 гвоздей двоественных и одностенных** кузнецам <...> дано за двоеств по 1-му рублю по 6 алтын по 4 деньги, за одностенное по 10 алтын за 1000 гвоздей* (ДЛ простр.ред., 17 об.); (3.71) (1691) *...дано 364 рубли 28 алтын 2 деньги. И в том числе **архиерейских келейных 200 рублей*** (ДЛ простр.ред., 29).

Отметим также основные модели сложных числовых групп в ДЛ:

— наиболее частотной разновидностью является тип «**числ. + сущ. + опред.-прил.**»: (3.72) (1668) *за **244080 гвоздей двоественных и одностенных** кузнецам <...> дано* (ДЛ, 17 об.); (3.73) (1668) *за **225789 тесниц ломовых и кровельных*** (ДЛ, 17); (3.74) (1733) *пришли <...> 2 корабля **российские*** (ДЛ простр.ред., 47 об.) — 11 примеров;

— «**опред.-прил. + числ. + сущ.**»: (3.75) (1691) *вышло <...>, в том числе **архиерейских келейных 200 рублей*** (ДЛ простр.ред., 29); (3.76) (1668) *прислано <...> **сумских и кемских сто человек стрельцов*** (ДЛ простр.ред., прил., 162 об.); (3.77) (1735) *а на них привезли на **новопостроенные** два корабля **каталаж или снасти всякия*** (ДЛ простр.ред., 48) — 7 примеров;

— «(тема в РП: **опред.-прил. + сущ.**) + числ.»: (3.78) (1737) *обывательских дворов 2527* (ДЛ простр.ред., 49); (3.79) (1737) *каменных и деревянных покоев теплых и холодных 9145* (ДЛ простр.ред., 49);

— «числ.+сущ. + **опред.-прил. + сущ.**»: (3.80) (1668) *велено взять с собою 100 человек **двинских** стрельцов* (ДЛ простр.ред., 17 об.); (3.81) (1675) *присланы с Москвы два человека **огнестрельные** мастера* (ДЛ простр. ред., прил., 172 об.); (3.82) (1674) *приехал..., да 15 человек **московских** стрельцов* (ДЛ простр.ред., прил., 169) — всего 6 примеров; в одном примере отмечается препозиция определения: (3.83) (1672) *послать... **двинских** 500 человек стрельцов* (ДЛ простр.ред., прил., 167);

— два примера отражают инновационную модель «числ. + **опред.-прил. + сущ.**»: см. примеры (3.61) и (3.64).

Итак, подведем итоги данного раздела:

— в абсолютном большинстве источников — летописных за XIV–XVII вв. и деловых за XIV–XVI вв. — при сочетаниях с числительными малого количества преобладает форма И/В пп. мн. числа;

— формы РП мн. числа определения при числовых группах типа «2–4 + сущ.» употребляются спорадически, причем РП определения фиксируется как при числовых группах типа *2 стола*, в которых форма существительного может осознаваться как РП, так и при числовых группах типа *3/4 столы* с И/В пп. существительного;

— для большинства источников с преобладанием И/В пп. мн. числа определения при «2–4 + сущ.» числовые сочетания типа «3/4 + сущ.» характеризуются исконными синтаксическими отношениями: *3 столы*;

— в сложных группах с числительными большого количества для определений характерна форма РП мн. числа, И/В пп. мн. числа определения возможен в сложных числовых группах с препозицией определения;

— наиболее частотной разновидностью сложной числовой группы с точки зрения порядка слов является тип «числ. + сущ. + **опред.-прил.**», модель типа «числ. + **опред.-прил.** + сущ.» фиксируется в летописных и деловых памятниках начиная с XVI в.

4. Памятники с преобладанием форм РП мн. числа определения

Активное распространение форм РП мн. числа определения в составе сложных групп с числительными малого количества отмечается только в двух из исследованных источников — ХЛ и МА XVII в.

В ХЛ большая часть сложных групп в И/В пп. с определением имеет следующее строение: «числ. + сущ. + **опред.-прил. в РП**»: (4.1) (1346) *литы на Москве три колоколы **больших**, а два **меньших*** (ХЛ, 255 об.); (4.2) (1342) *поиде князь великий Семен в Орду, иже бе сел на царстве, уби два брати **своих*** (ХЛ, 255); (4.3) (1240) *явися в полку его шесть муж **храбрых, сильных*** (ХЛ, 209 об.); (4.4) (1453) *и видеша со стены три браты **пять муж от них **турских****, биюще сильно граждан* (ХЛ, 362); (4.5) (1471)

а добиша челом великому князю 16000 рублев новгородских (ХЛ, 391) — всего 9 примеров¹⁹. См. также примеры с краткой формой прилагательного в постпозиции: (4.6) (1118) *и с ним два епископа мелетинска* (ХЛ, 121); (4.7) (1375) *два моста сотвориша велика* (ХЛ, 269); (4.8) (1317) *два бо облака светла в ноц всю осеняста над телом его* (ХЛ, 246 об.), — в которых форму определения можно рассматривать как дв. число или как РП ед. числа. В сложных числовых группах с числительными малого количества типа «числ. + сущ. + опред.» в трех контекстах зафиксирована форма РП мн. числа определения (см. примеры (4.1) и (4.2)) и два примера с определением в краткой форме в И/В пп. мн. числа: (4.9) (1262) *о три стены каменны* (ХЛ, 223 об.); (4.10) (1141) *быша три солнца сияющи между собою* (ХЛ, 125).

Для модели с препозицией определения «опред.-прил. + числ. + сущ.» также характерна форма РП мн. числа определения: (4.11) (1162) *иныхъ 4 града* (ХЛ, 153); (4.12) (1555) *пришли на Двинское устье аглинских 4 карабли* (ХЛ, 446 об.); (4.13) (1483) *и Емхичеевых два сына княжи поимаша* (ХЛ, 393); (4.13а) (1044) *выгребоша из земли кости мертвых два князя*²⁰, *Ярополка и Олга Святославичев* (ХЛ, 101) — всего 4 примера с РП мн. числа определения. В двух примерах с числительными большого количества определения употреблены в форме И/В пп. мн. числа: (4.14) (1438) *да отселе не злословиши на святыи семь соборов святых отец* (Холм 319об); (4.15) (1375) *нарядив новгородстии 70 ушкулов, а их 2000* (ХЛ, 269). В одном примере отмечается препозиция краткой формы на -а: (4.15а) (898) *и хитра два сына у него философа* (ХЛ, 29). См. также пример с ж. родом ед. числом определения — (2.1).

Отметим, что в ХЛ встречаются сложные числовые группы типа «числ. + опред.-прил. + сущ.»: (4.16) (1240) *и паки сретоша его 3000 избранных турков, и сечахуся с ним* (ХЛ, 209 об.); (4.17) (1453) *а на царя послал 3000 избранных вой* (ХЛ, 365 об.); (4.18) (1438) *а семь святых соборов не поминати* (ХЛ, 316 об.), — во всех трех примерах определение в форме РП. мн. числа.

Интересно, что ХЛ в основном сохраняет исконное согласование в группах «3/4 + сущ.»; примеры с инновационной синтаксической связью малочисленны. Можно предположить, что устойчивое употребление РП мн. числа прилагательного поддерживается сложными числовыми группами с постпозицией числительного относительно существительного²¹, см. не-

¹⁹ Отметим, что в подсчеты примеров внутри «моделей» включены также сложные числовые группы с числительными большого количества (для которых форма РП мн. числа определений является исконной), поскольку учитывается общее количество примеров для каждой отдельной модели.

²⁰ По всей видимости, пример содержит опisku: числовая группа в ВП вместо РП.

²¹ Вероятно, это более архаичный порядок слов в числовых сочетаниях, сохраняющийся в книжной традиции, в то время как в живом языке нейтральным по-

которые примеры: (4.19) (1185) *князей одных половеческих 417* (ХЛ, 170); (4.20) (1175) *всех неверных убицу 20* (ХЛ, 161 об.); (4.21) (1453) *и поместиша мертвых турков 18000* (ХЛ, 347 об.); (4.22) (1453) *и собраша мертвых греков и фрягов 5700* (ХЛ, 350 об.); (4.23) (946) *избраша нарочитых мужей 50* (ХЛ, 44 об.). Только в одном примере с постпозицией числительного определение и существительное употреблены в ИП мн. числе: (4.24) *звезды зодейныя 12 и планит седьмь* (ХЛ, 429).

В МА XVII в. абсолютное большинство примеров сложных числовых групп содержат форму РП мн. числа определения. При этом наиболее активной моделью сложной числовой группы является тип «числ. + сущ. + опред.-прил.». См. типы сложных числовых групп в МА:

— «числ. + сущ. + опред.-прил.»: (4.25) *и на той пустоши они старицы поселили четыре двора крестьянских* (МА, 1686, № 41); (4.26) *да семдесят девять мѣсть пустых* (МА, 1629, № 16); (4.27) *да по четыре окна варовых* (МА, 1626, № 11); (4.28) *да въ казнѣ три яица морскихъ съ кистями* (МА, 1627, № 12); (4.29) *да въ стѣнѣ жь всходѣ на городѣ 2 лѣстницы каменных* (МА, 1626, № 11); (4.30) *на образу двѣ гривны серебряны* (МА, 1627, № 12); (4.31) *два охтая письмены в десть* (МА, 1627, № 12); (4.32) *да два наляя деревянныхъ обложены дорогами полосатыми ветхи* (МА, 1627, № 12) — всего более 300 примеров;

— «опред.-мест. + числ. + сущ.»: (4.33) *сдѣлано тѣхъ Петровскихъ ворот всѣ четыре стѣны* (МА, 1626, № 11); (4.34) *а жалованья, государь, мнѣ холопу вашему во всѣ въ тѣ въ три годы не дано* (МА, 1626, № 11); (4.35) *а были въ Можайску по всѣ три годы безотступно* (МА, 1626, № 11); (4.36) *а поля всѣ три отведены сряду* (МА, 1653, № 20); (4.37) *всѣ четыре стѣны въ длину по пол-четверти сажени стѣна* (МА, 1626, № 11) — всего 11 примеров;

— «опред.-прил. + числ. + сущ.»: (4.38) *и всего бобыльскихъ четыре двора* (МА, 1614, № 5); (4.39) *подошевныхъ 10 боевъ да середнихъ 3 бои* (МА, 1626, № 11); (4.40) *да церковныхъ три мѣста дворовыхъ* (МА, 1678, № 32); (4.41) *да пустыхъ два мѣста дворовыхъ* (МА, , 1653, № 20); (4.42) *да въ посадѣ жь бобыльскихъ девятнадцать дворовъ* (МА, 1616, № 8) — всего 24 примера.

Отметим, что инновационные сложные числовые группы типа «числ. + опред.-прил. + сущ.» для МА XVII в. не характерны.

В сложных числовых группах типа «опред.-прил. + числ. + сущ.» только один пример содержит определение в ИП мн. числа: (4.43) *а другіе двѣ стѣны по четыре сажени съ полусаженью* (МА, 1626, № 11).

Большая часть форм И/В пп. мн. числа определения зафиксирована в сложных числовых группах типа «числ. + сущ. + опред.-прил.». Во всех примерах в МА формы И/В пп. мн. числа определения входят в сложные

рядком слов стала препозиция числительного и постпозиция существительного; см. также примеры (2.37)–(2.39) в ПЛ.

числовые группы исключительно с числительными малого количества, причем как с числительным *два*, так и с числительными *три/четыре* (всего 14 примеров): (4.45) *въ городъ двѣ палатки каменные* (МА, 1626, № 11); (4.46) *а у подлазу двои дверцы невелики* (МА, 1626, № 11); (4.47) *три поникадила мѣдныя вѣтъ цѣлы* (МА, 1627, № 12); (4.48) *три мѣста дворовыя и огородныя* (МА, 1653, № 20); (4.49) *да на колокольницѣ два колокола не велики мѣрскихъ людей* (МА, 1628, № 13). Причем при числовых группах с существительными ж. рода формы И/В пп. мн. числа определения преобладают над формами РП мн. числа (7 примеров к 4).

По всей видимости, активность РП определения связана с распространенностью в МА числовых групп «3/4 + сущ.» с инновационной синтаксической связью типа *три стола*. Для актов первой трети XVII в. характерно равное распределение групп «3/4 + сущ.» с традиционной (*3/4 столы*) и инновационной (*3/4 стола*) синтаксической связью, с незначительным преобладанием примеров типа *3/4 стола* (16 примеров к 19). Однако большая часть примеров групп с И/В пп. мн. числа сущ. зафиксирована в одном документе (№ 5, 1614 г.) в одинаковых контекстах: *и всего бобыльских четыре дворы* (МА, 1614, № 5); *и всего три дворы бобыльскихъ* (МА, 1614, № 5). После 1626 г. встретился только один пример с ИП мн. числа существительного.

Как отмечалось выше, в летописном источнике XVII в. — ДЛ — зафиксировано преобладание И/В пп. мн. числа определения, несмотря на активность инновационной синтаксической связи типа *3/4 стола*. Распространение форм РП мн. числа определений в МА XVII в., по-видимому, связано с не книжностью этих документов — принадлежностью их к деловому регистру.

5. Заключение

Таким образом, данные исследованных старорусских памятников отражают следующие особенности употребления сложных числовых групп с определением.

— Определение в ж. роде ед. числа встречается в летописных и деловых памятниках кон. XIV — XVI вв.: в Никоновской, Холмогорской летописях и особенно широко представлено в Псковской III летописи и материалах актов кон. XIV — XVI вв., для источников XVII в. определение в ж. роде ед. числа не характерно. Формы ж. рода ед. числа более употребительны в не книжных контекстах, в гибридных памятниках данная форма поддерживается, вероятно, благодаря омонимии с книжными формами мн. числа мягкой разновидности, а также формами бывшего дв. числа прилагательных.

— При числовых группах типа «2–4 + сущ.» в большинстве источников определение употребляется в И/В пп. мн. числа, при этом для исследован-

ных памятников характерны исконные синтаксические отношения в группах «3/4 + сущ.» типа *три столы* с И/В пп. мн. числа существительного — данная особенность подтверждает гипотезу о связи активного проникновения РП мн. числа определения в сложные группы с числительными малого количества с изменением числовых групп по типу *три стола*.

— Активное распространение РП мн. числа определения при группах с числительными малого количества отмечается в записях Холмогорской летописи XVI в. и в Можайских актах XVII в. Интересно, что в Холмогорской летописи, в отличие от актов XVII в., преобладают числовые группы типа *три столы*, более того, формы И/В пп. мн. числа существительного проникают и в числовые группы типа «2 + сущ.».

— Что касается порядка слов в сложных числовых группах, то наиболее распространенный тип — «числ. + сущ. + опред.-прил.»; тип «числ. + опред.-прил. + сущ.», характерный для нейтрального порядка слов в СРЯ, встречается sporadически в некоторых источниках XVI–XVII вв.

Источники

АРГ — Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I–III. М., 1952–1964.

ДЛ — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Двинской летописец. Л., 1977.

МА — Можайские акты: 1506–1775. М., 1892.

НЛ — Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Никоновская летопись. СПб., 1901.

Новг.гр. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ПЛ — Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

ТЛ — Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. СПб., 1921.

ХЛ — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Л., 1977.

Литература

Алпатова 2005 — Е. А. Алпатова. Форма родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV–XVII веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Борковский, Кузнецов 1963/2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006.

Булаховский 1948 — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Т. II. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев, 1948.

Глускина 1957 — С. М. Г л у с к и н а. Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка. (К истории сложения числительных в часть речи). // Ученые записки Псков. гос. пед. ин-та. Вып. IV. Псков: ПГПИ, 1957. С. 199–222.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. школа, 1981.

Жолобов 2003 — О. Ф. Ж о л о б о в. К истории малого квантитатива: аднумеративные формы прилагательных и существительных // Russian Linguistics. 2003. Vol. 27. P. 177–197.

Жолобов 2003–2004 — О. Ф. Ж о л о б о в. К истории малого квантитатива и форм множественного числа на -á. // Вестник ВолГУ. Серия 2. Вып. 3. 2003. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-malogo-kvantitativa-i-form-mnozhestvennogo-chisla-na>.

Жолобов 2006 — О. Ф. Ж о л о б о в. Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М.: Азбуковник, 2006.

Жолобов 2007 — О. Ф. Ж о л о б о в. Древнеславянские числительные как часть речи. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007.

Зализняк 1967 — А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Клосс 1980 — Б. М. К л о с с. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980.

Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1953.

Мельчук 1985 — И. А. М е л ь ч у к. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach 16. Wien: Institut für Slawistik der Universität Wien, 1985.

Потебня 1968 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Просвещение, 1968.

Сичинава 2018 — Д. В. С и ч и н а в а. Части речи // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III: Части речи и лексико-грамматические классы / Отв. ред. вып. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 9–39.

Супрун 1969 — А. Е. С у п р у н. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969.

Хабургаев 1990 — Г. А. Х а б у р г а е в. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Шахматов 1911 — А. А. Ш а х м а т о в. Курс истории русского языка. Ч. 3. СПб., 1911.

Шкапа 2011 — М. В. Ш к а п а. Синтаксис: Согласование определения с существительным при числительных два, три, четыре. 2011. URL: http://studiorum-rusc.org.ru/stylistics/syntax_numeral/.

Янко 2002 — Т. Е. Я н к о. Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 168–182.

Bogusławski 1966 — A. B o g u s ł a w s k i. Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1966.

Corbett 1993 — G. G. C o r b e t t. The head of Russian numeral expressions // Heads in Grammatical Theory / G. G. Corbett, N. M. Fraser, S. McGlashan (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 1993. P. 11–35.

Worth 1959 — D. S. W o r t h. Grammatical and lexical quantification in the syntax of Russian numerals // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 1–2. 1959. P. 117–132.

Статья получена 12.04.2023

Alexandra N. Antonova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
alexa.antonova96@yandex.ru

NUMERAL PHRASES WITH THE CONCORDANT ATTRIBUTE IN THE MIDDLE RUSSIAN CHRONICLES AND NOTARIAL ACTS

This paper discusses the types of numeral phrases with the concordant attribute in the Russian chronicles and notarial acts of the late 14th–17th centuries. The material for the study was: *Tipografskaya letopis* (the late 14th–15th cent.), *Nikonovskaya letopis* (16th cent.), *Pskovskaya III letopis* (16th cent.), *Kholmogorskaya letopis* (16th cent.), *Dvinskoj letopisec* (17th cent.), *Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526*, Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia (the late 14th — early 16th cent.), *Mozhajske akty* (17th cent.). It can be concluded that coordination of the attribute in the sing. fem. is used both in studied chronicles and notarial documents of the late 14th–17th centuries, but the sing. fem. forms are more common in non-bookish contexts. In numeral phrases with *two*, *three*, *four*, the nom. and acc. pl. forms are the most frequent; gen. pl. forms are common only in *Kholmogorskaya letopis* and *Mozhajske akty*. The most frequent model of numeral phrases with the concordant attribute is «numeral+noun+ attribute». The earliest examples of the model «numeral+attribute+noun» date back to the 16th century.

Keywords: numeral phrases with the concordant attribute, the syntax of numerals, Russian manuscripts of the late 14th — 17th centuries, Russian notarial acts of the late 14th — 17th centuries.

References

Alpatova, E. A. (2005). *Forma roditel'nogo-datel'nogo-mestnogo padezhei edinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh s istoricheskoi osnovoi na *-a v pamiatnikakh pskovskoi pis'mennosti XIV–XVII vekov* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Bogusławski, A. (1966). *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Borkovskii, V. I., & Kuznetsov, P. S. (2006). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*. 3rd ed. Moscow: KomKniga.

Corbett, G. G. (1993). The head of Russian numeral expressions. In G. G. Corbett, N. M. Fraser, & S. McGlashan (Eds.), *Heads in Grammatical Theory* (pp. 11–35). Cambridge: Cambridge University Press.

Gluskina, S. M. (1957). Kategoriiia grammaticheskogo roda imen chislitel'nykh v istorii russkogo iazyka. (K istorii slozheniia chislitel'nykh v chast' rechi). *Uchenye zapiski Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 4, 199–222.

Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.

Khaburgaev, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka. Imena*. Moscow: Izd-vo MGU.

Kloss, B. M. (1980). *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov*. Moscow: Nauka.

Kuznetsov, P. S. (1953). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Morfologiia*. Moscow: Izd-vo MGU.

Mel'chuk, I. A. (1985). *Poverkhnostnyi sintaksis russkikh chislovykh vyrazhenii*. Vienna: Institut für Slavistik der Universität Wien.

Potebnia, A. A. (1968). *Iz zapisok po russkoi grammatike* (Vol. 3). Moscow: Prosveshchenie.

Shkapa, M. V. (2011). *Sintaksis: Soglasovanie opredeleniia s sushchestvitel'nykh pri chislitel'nykh dva, tri, chetyre*. Retrieved from http://studiorum-ruscorpora.ru/stylistics/syntax_numeral/

Sichinava, D. V. (2018). Chasti rechi. In V. A. Plungian, & N. M. Stoinova (Eds.), *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka. Vol. 3: Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* (pp. 9–39). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Suprun, A. E. (1969). *Slavianskie chislitel'nye. Stanovlenie chislitel'nykh kak osoboi chasti rechi*. Minsk: Izd-vo BGU im. V. I. Lenina.

Worth, D. S. (1959). Grammatical and lexical quantification in the syntax of Russian numerals. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1–2, 117–132.

Yanko, T. E. (2002). Russkie chislitel'nye kak klassifikatory sushchestvitel'nykh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(3), 168–182.

Zalizniak, A. A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow: Nauka.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008). «Slovo o polku Igoreve»: vzgliad lingvista. 3rd ed. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Zholobov, O. F. (2003a). K istorii malogo kvantitativa: adnumerativnye formy prilagatel'nykh i sushchestvitel'nykh. *Russian Linguistics*, 27, 177–197.

Zholobov, O. F. (2003b). K istorii malogo kvantitativa i form mnozhestvennogo chisla na -á. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, 3*, 15–24. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-malogo-kvantitativa-i-form-mnozhestvennogo-chisla-na>

Zholobov, O. F. (2006). *Chislitel'nye. Istoricheskaia grammatika drevnerusskogo iazyka* (Vol. 4). Moscow: Azbukovnik.

Zholobov, O. F. (2007). *Drevneslavianskie chislitel'nye kak chast' rechi*. Kazan: Izd-vo Kazan. gos. un-ta.

Received on April 12, 2023

**Из материалов конференции
«ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ»
(13–15 июня 2022 Г., Институт им. В. В. Виноградова РАН)**

doi.org/10.31912/rjano-2023.2.5

С. В. ДЬЯЧЕНКО

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svet-lan-a@list.ru

А. В. ТЕР-АВАНЕСОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
teravan@mail.ru

**ФОНЕМЫ /Е/ И /Ъ/ В ЗАИМСТВОВАННЫХ ОСНОВАХ
ПО ДАННЫМ ЮЖНОРУССКИХ И СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ***

*Светлой памяти Валерии Григорьевны Чургановой
и к 50-летию выхода в свет ее книги
«Очерки русской морфологии»*

В русских говорах, различающих фонем /е/ и /ъ/, в основах заимствованных слов, этимоны которых содержат ударный гласный *e*, могут выступать обе фонемы, причем за каждой основой обычно закреплена одна из них. В статье рассмотрено около 200 лексем из текстов, записанных в начале XX — XXI вв. в говорах к юго-востоку и востоку от Москвы (рязанских, елецких, оскольских, восточных среднерусских). Большая часть лексем является заимствованиями из западноевропейских языков через посредство стандартного русского языка или городского просторечия, профессиональных и официально-деловой разновидностей стандартного языка; около четверти лексем заимствованы из церковнославянского языка, в основном это личные имена; несколькими словами представлены заимствования из языка идиш и из некоторого финно-угорского источника. Этот материал демонстрирует единство принципов огласовки заимствованных основ. Немаркированным способом субституции ударного *e* слов-этимонов является фонема /е/. Однако в тех фрагментах основ, которые, повторяясь в нескольких лексемах, по своему внешнему виду (морфологической структуре, позиции в основе) напоминают суффиксы, ударный *e* заменяется на фонему /ъ/. В качестве таких суффиксальных субморфов, вычленимых в сложных заимствованных корнях, в нашем материале выступают -ѣт, -ѣр, -ѣй у существительных м. рода и -ѣт-а, -тѣк-а, -ѣр-а, -р-ѣл-а (из -л-ѣр-а), -ѣл-ь, -ѣй-а у существительных ж. рода. Единственным субморфом, в котором выступает фонема /е/, является -ент. Северные говоры показывают сходства с юго-

* Авторы благодарят М. А. Даниэля, И. Б. Иткина, С. В. Князева, С. А. Крылова, А. А. Пичхадзе и анонимного рецензента за ценные поправки и замечания, которые помогли улучшить эту работу как по содержанию, так и по форме.

восточными у церковнославянизмов и отличия у лексики, заимствованной из западно-европейских языков.

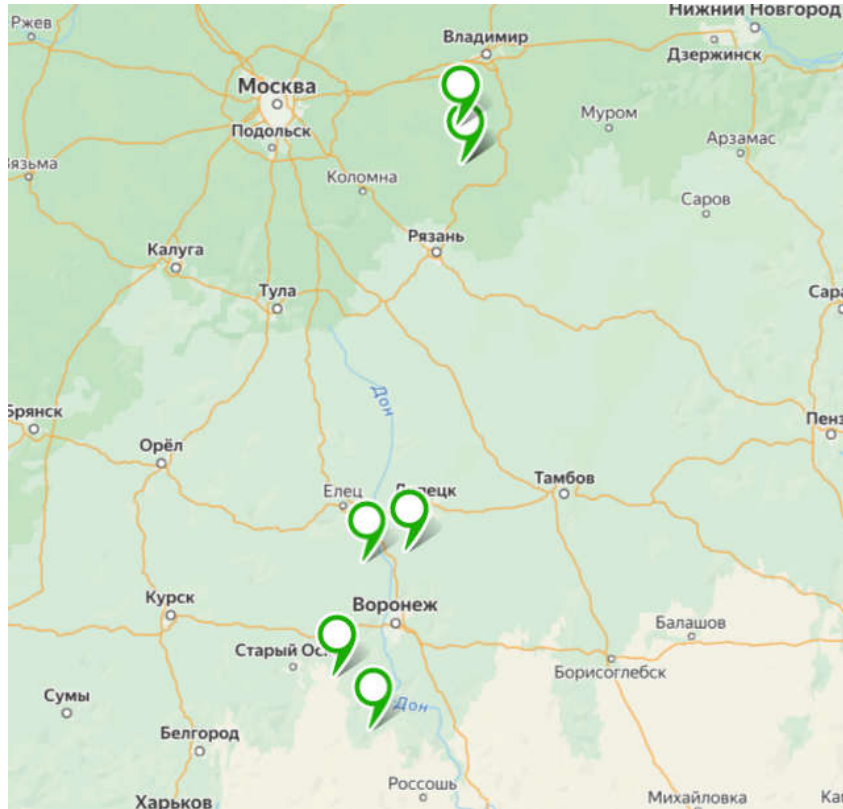
Варьирование /e/ и /ɛ/ в одной основе встречается сравнительно редко и отчасти может быть связано с представлениями носителей говоров о «правильном» произношении и «правильном» чтении буквы «е». Образованные носители говоров считают, что правильным чтением буквы «е» является фонема /e/ их говоров, что фонеме /e/ литературного языка соответствует в их говоре фонема /e/, а фонема /ɛ/ является специфически диалектной.

Ключевые слова: русские говоры, вокализм, заимствованная лексика.

Тема этой статьи непосредственно связана с вопросом о фонетической адаптации заимствованных слов к фонетико-фонологической системе идиома-реципиента. Речь пойдет о том, по какому принципу в русских говорах с различением фонем /e/ и /ɛ/ выбирается одна из этих двух близких по звучанию фонем для подстановки на место ударного *e* в основах заимствованных слов.

В работе использованы данные рязанских, оскольских, елецких и восточных среднерусских говоров, записанные в начале XX — XXI вв. Большая часть материала получена из диалектных корпусов сел Роговатое (Роговатка) Старооскольского р-на Белгородской обл. и Малинино Хлевенского р-на Липецкой обл. и из Базы данных по говору села Роговатое, которые построены на основе записей речи носителей говоров главным образом 1916–1949 гг. р. Записи относятся к 2000–2010-м гг. К основному материалу добавлены данные значительно меньшего объема по говорам с. Веретье Острогожского района Воронежской области и с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. из публикаций [Тер-Аванесова 2008; Дьяченко 2010]. С этими «новейшими» по времени записи данными сопоставлены данные начала XX в. из опубликованных А. А. Шахматовым записей В. И. Тростянского, сделанных в Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии на рубеже XIX и XX вв., и из записей И. С. Гришкина, носителя говора д. Лека (Лѣка) Егорьевского уезда Рязанской губернии (ныне Шатурского р-на Московской обл.), сделанных им между 1912 и 1915 гг. [Шахматов 1916]. Расположение населенных пунктов см. на карте ниже.

Эти данные демонстрируют если не тождество, то значительное совпадение «огласовок» заимствованных основ, позволяющее говорить о единстве принципов выбора фонем /e/ и /ɛ/ в говорах к юго-востоку и востоку от Москвы в XIX–XXI вв. при освоении заимствованных слов с ударным *e* в основах. Определение границ ареала этого явления находится за пределами настоящей работы, поскольку в ней проанализированы не все данные, имеющие отношение к теме. Вместе с тем границы ареала естественно определяются территорией современного распространения говоров с различением фонем /e/ и /ɛ/ [ДАРЯ I, карты 40, 41], с которой к востоку и юго-востоку от Москвы совпадает ареал различения фонем /o/ и /ɔ/ [Там же, карта 42] и в значительной степени совпадает более широкий ареал

Расположение обследованных говоров на карте, с севера на юг: Пустоша, Лека, Малинино, центр Задонского р-на Липецкой обл., Роговатое, Веретье

диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного типов предударного вокализма [Там же, карты 3, 8]; в те же границы «вписываются» изоглоссы неполного смягчения согласных перед гласными переднего ряда [Там же, карта 65]¹. И типы предударного вокализма, и (в части говоров) характер смягчения согласных важны для контроля правильности оценки качества гласного под ударением и отнесения аллофона ударного гласного к фонеме /e/ или /ѐ/.

Северная часть этого ареала может быть соотнесена с рязанскими землями: на севере она включает Мещеру, на юге приблизительно определя-

¹ О типах предударного вокализма в южнорусских говорах см. [Касаткин 2005; Пожарицкая 2005; Савинов 2013; Дьяченко 2021]; о говорах с различием двух фонем «типа о» и «типа е» см. [Зализняк 1985/2010, Тер-Аванесова 2006; Савинов 2013; Николаев 2015; Дьяченко 2021]; о неполном смягчении согласных в русских говорах см. [Пауфошима 1961; Азарх 1967; Касаткин 1999; Тер-Аванесова 2006; Дьяченко 2017].

ется водоразделом Дона и Оки, проходя по Куликову и Михайлову полю, но заходит и дальше на юг по течению р. Воронеж (ср. «рязанский» говор с. Малинино). Южная часть ареала — это говоры преимущественно «позднего заселения» (с конца XVI в.), исторически связанные с рязанскими, елецкими и, видимо, говорами Верховских княжеств; в своей основе это восточнорусские говоры.

В работе рассмотрено около 200 лексем, большая часть которых представляет собой слова, заимствованные из западноевропейских языков через посредство стандартного русского языка или городского просторечия (*нёрвы, ёвро, интересный, матёрия, лёнтка, тарёлка, газётка, фатёра* и др.), профессиональных и официально-деловой разновидностей стандартного языка (*зоотёхник, документ, пёнсия/пёнзия, пенсионёр* и др.), а также имена собственные разного происхождения, заимствованные из стандартного языка: географические названия и фамилии (*Тюмень, Одёсса, Тёрек, Метревели, Пёха* и др.); по нескольку слов заимствовано из языка идиш (*пёсики, хёдер* в оскольском говоре) и из финно-угорского источника (топонимы *Тельма, Воймега* в говорах Мещеры). Около четверти лексем — слова, вошедшие в диалекты из или через посредство церковнославянского языка (но некоторые из них, возможно, заимствованы через посредство литературного языка), большинство их — личные имена (*Алексёй, Марёя, Елёна* и др.) и их производные: гипокористические образования, отчества, фамилии, притяжательные прилагательные (*Саватёв* (отчество), *Сёргов дёнь, Пётёя, Фёдёя*), а также несколько основ с неполногласием (*пён, врёд, врёмя*, В. ед. *срёду*).

По крайней мере часть личных имен является древнейшими, с начала христианского времени, заимствованиями в говоры². Раннее вхождение в говоры надо предполагать и для местных иноязычных топонимов (*Воймега* и др.). Подавляющее большинство заимствований из и через посредство русского литературного языка — это слова, вошедшие в говоры в XX в. (время вхождения в говоры некоторых из них можно определить довольно точно, например слов *метр, фазенда, евро, Ленин* и др.). Источником иноязычных слов, вошедших в говоры в более раннее время, — какая-то их часть зафиксирована в фольклорных и диалектных записях конца XIX — первой четверти XX в., — видимо, было городское просторечие³. Без сомнения, заимствование в говоры происходило через устную речь.

В русских говорах с различием фонем /e/ и /ѣ/ в основах заимствованных слов, этимоны которых содержат ударный гласный *e*, могут выступать обе фонемы, при этом за каждой основой, как правило, закреплена одна из них. Для юго-восточных говоров характерно единство принципов огласовки

² Заимствования в праславянский язык и в диалекты «дописьменной эпохи» здесь не рассматриваются.

³ В том числе и заимствований из языка идиш, которые в оскольском говоре могли появиться в результате контактов с жителями Харькова.

заимствованных основ, независимо от источника заимствования. Немаркированным способом субституции ударного *e* слов-этимонов является фонема /e/ (видимо, во всех случаях, когда основа представляется говорящим нечленимой). Однако в некоторых фрагментах неодносложных основ, которые, повторяясь в ряде лексем, по своим внешним признакам подобны суффиксам (в частности, по положению в словоформе после частей основ, в отношении своей морфонологической структуры подобных корням, а также по типичной для именных суффиксов структуре -VC- большинства из них), ударный *e* заменяется не на фонему /e/, а на фонему /ɤ/. Такими фрагментами заимствованных основ в нашем материале являются **-ѣт**, **-ѣр**, **-ѣй** у существительных м. рода и **-ѣт-а**, **-(т)ѣк-а**, **-ѣр-а**, **-(р)-ѣл-а** (из **-(л)-ѣр-а**), **-ѣл-ь**, **-ѣй-а** у существительных ж. рода. Вместе с тем в других фрагментах основ с морфонологическими свойствами суффиксов выступает фонема /e/; из них наибольшим количеством примеров представлен **-ент**. После основ с указанными завершителями могут следовать суффиксы регулярного словообразования (например суффикс диминутивов **-к-**, суффиксы прилагательных **-ов/-ев-**, **-н-** и другие: *конфѣтка*, *Андрѣева*, *безбилѣтнай*).

Фрагменты основ с таким характером вычленимости в традиции отечественной морфонологии принято называть субморфами [Чурганова 1973: 37–40; Поливанова 1976; Иткин 2007]⁴. Классифицируя «субморфы-завершители по организующим их согласным морфонемам» в русском языке (причем рассматривая в одном ряду исконные и заимствованные основы), В. Г. Чурганова [1973: 50–72] выделяет следующие субморфы с нечередующейся гласной морфемой {e}:

eI (у существительных этот субморф в литературном языке не встречается под ударением⁵),

⁴ В книге «Очерк русской морфонологии» В. Г. Чурганова говорит о морфонологически членимых сложных корнях, которые представляют собой «биномы, состоящие из двух разноструктурных элементов. Первый элемент совпадает в большинстве случаев по структуре (CVC. — С. Д., А. Т.) с элементарной корневой морфемой или ее вариантами с сочетаниями согласных в консонантных позициях. Второй элемент состоит или из порядка VC, или из одиночного консонанта ⟨...⟩. Структура второго элемента обычно совпадает со структурой суффиксальной морфемы, подчиняется тем же правилам выбора и сама участвует в тех же определительных отношениях выбора, что и суффиксальная морфема. В этом случае можно говорить о том, что второй элемент корня выражается тем же субморфом, что и соответствующий суффикс. В тех же случаях, когда такого совпадения не наблюдается, вторую часть членимого на морфонологическом уровне корня следует рассматривать также как субморф, хотя он не встречается в словообразовательной и словоизменительной системах. Но и субморфы последнего типа определенным образом связываются с первым типом, обычно по сходству морфонологической структуры, и входят в те же ряды морфонологических отношений, что и первый, чем, в сущности, и определяется их вычленимость» [Чурганова 1973: 49–50].

⁵ Однако в говоре Роговатки — *кѣнѣла* ‘группа людей, артель, бригада’. Авторы благодарят Л. В. Куркину за этимологический комментарий к этому слову: ссыла-

eI' (*шинель, колыбель, апрель* и др.⁶),
er (*пецера*),
 er' (в большинстве случаев безударный субморф, за исключением *костёр*),
 ep' (*курень, мишень* и др.),
em (*гарем*),
ej (*кипрей, еврей, лотерея* и др.),
ek (*калека*),
 ex (*лемех*),
et (*скелет, монета* и др.),
es (*балбес, бельмес*),
 ež (*надёж, рубёж, манёж* и др.),
 est (*крест, место, невеста, арест, протест* и др.),
ekt (*комплéкт, дефéкт* и др. заимствованные основы),
 ent (*элемент, презент* и др.),
 ert (*конвёрт, десёрт* и др.),
 end (*аренда, дивиденды* и др.),
 erb (*верба, ущерб, герб*)⁷.

В нашей выборке примеров представлены не все перечисленные субморфы. В списке из книги В. Г. Чургановой жирным шрифтом нами выделены те субморфы, которые в говорах к востоку и юго-востоку от Москвы содержат (мор)фонему /ʎ/, в том числе em (*Ахрёмово*) и ekt (*комплéкт*), каждый из них представлен одним примером. В том же списке курсивом выделены субморфы, в которых в говорах выступает фонема /e/, — это ent и представленные малым количеством примеров ert и end. Субморф es в говорах показывает колебания в разных группах лексики (с одной стороны, *калли́сать, куралёсы*, с другой — *интерес* и топонимы *Одэс(с)а, Туголёс*). Таким образом, в диалектном материале просматривается тенденция к выбору /ʎ/ при огласовке суффиксальных субморфов, оканчивающихся на одиночный сонант или на глухой смычный (одиночный или сочетание глухих смычных), и к немаркированной огласовке /e/, если суффиксальный субморф завершается кластером сонант + шумный⁸; однако для оконча-

ясь на [СРНГ], она предлагает видеть здесь основу *kop-el-, обычно фиксируемую в русских говорах с переходом e > o, т. е. *копёл*-. В составе заимствованных основ этот субморф как будто содержит /ʎ/, однако имеются примеры лишь двух лексем с перестановкой согласных p и л: *тарёлка, хорёла*.

⁶ В этом списке субморфов примеры В. Г. Чургановой приводятся не полностью.

⁷ По приведенным примерам из «Очерка русской морфонологии» видно, что данные субморфы В. Г. Чурганова выделяет не только в сложных, но и в простых корнях.

⁸ И. Б. Иткин высказал мысль о том, что наш материал необходимо проанализировать с точки зрения роли консонантных кластеров в выборе огласовки суффиксальных субморфов.

тельного вывода о зависимости огласовок от структуры завершителя субморфа наш материал недостаточен⁹.

Варьирование /e/ и /ѣ/ в одной заимствованной основе встречается довольно редко. По крайней мере часть случаев варьирования может быть объяснена стремлением образованных носителей говоров произносить слова, в особенности недостаточно освоенные, в соответствии со своими представлениями о норме литературного языка и правилах чтения. У носителей всех известных нам говоров с различием /e/ и /ѣ/ эти представления одинаковы и основываются на понимании того, что в их говорах гласных «звуков» больше, чем в литературном языке, и в отражающей звуковой состав литературного языка русской азбуке нет букв для передачи всех гласных «звуков» их говоров. Такими гласными «звуками» своих говоров, для передачи которых в русской азбуке нет специальных букв, их носители считают /ѣ/ и /ѡ/; основными реализациями этих фонем в юго-восточных говорах являются дифтонги типа [ие] и [уо], в северных и западных говорах это, по-видимому, монофтонги верхне-среднего подъема, но на оценку их носителями говоров как специфических, диалектных это различие, очевидно, не влияет. По их мнению, буквы «е» и «о» передают /e/ и /o/ литературного языка, и «правильным» считается чтение этих букв как диалектных монофтонгов [e] и [o] (подробнее см. [Дьяченко, Тер-Аванесова 2018]). Очевидно, что эти метаязыковые и «общекультурные» представления носителей говоров, каков бы ни был их источник, свидетельствуют о парности фонем /e/ и /ѣ/, /o/ и /ѡ/, причем /ѣ/ и /ѡ/ выступают в качестве маркированных членов соответствующих пар. Маркированность фонем /ѣ/ и /ѡ/ и немаркированность /e/ и /o/ в полной мере проявляется в принципах огласовки заимствованных основ¹⁰.

Сопоставление данных юго-восточных и северо-восточных русских говоров по заимствованным основам с использованием материала северо-восточных говоров: вологодского тотемского говора по описанию Олафа Брока [1907], небольших текстов в записи неизвестного автора из Котельничского и Орловского уездов Вятской губернии, опубликованных А. А. Шахматовым [1916], текстов из Харовского и Биряковского районов

⁹ Работ, посвященных выбранной нами теме, нет. Опубликовано ранее исследование на материале говора с. Роговатое [Дьяченко, Тер-Аванесова 2018] позволило установить принцип выбора между /e/ и /ѣ/ в основах заимствований из церковнославянского языка, но выявить принцип их выбора в заимствованиях из западноевропейских языков стало возможным только в результате увеличения материала более чем в два раза за счет данных по говору с. Малинино и из записей начала XX в. Введение нового материала, как можно видеть, приводит к необходимости его дальнейшего увеличения.

¹⁰ И. Б. Иткин справедливо указал на существование отношений маркированности /ѣ/ и /ѡ/ и немаркированности /e/ и /o/, не упомянутое в первоначальном варианте этой статьи (в отличие от наших предыдущих публикаций, например [Тер-Аванесова 2008]).

Вологодской области, записанных во второй половине XX в. [Бюллетень], — выявило различия в распределении /e/ и /ɤ/ в основах новых и новейших заимствований между говорами этих двух крупных ареалов, однако церковнославянизмы показали в отношении этого распределения очень большую близость, вплоть до полного совпадения. Севернорусские данные по огласовке заимствованных основ также приводятся в настоящей работе: они подчеркивают «ареальный» характер огласовок заимствований через посредство литературного языка и единство принципов огласовки церковнославянизмов в русских говорах независимо от территории их распространения.

Ниже материал приводится в нашей транскрипции (диалектные корпуса) или в записи оригинала. Что касается фонетической стороны противопоставления фонем /e/ и /ɤ/, то в юго-восточной диалектной зоне эти фонемы различаются как гласные с равным началом (реализации фонемы /e/, их мы обозначаем как *e* после мягких и *э* после твердых согласных фонем) и дифтонги ([ie], реализации фонемы /ɤ/, наше обозначение *ɛ*); в быстрой речи и вне фразового ударения это противопоставление может сглаживаться. В южной части ареала, в зоне архаических типов предударного вокализма, к которой относятся говоры Роговатки и Веретья (оскольской группы говоров, см. [Захарова, Орлова 1970]), эти фонемы противопоставлены отчетливо: фонема /ɤ/ выражена «истинными» дифтонгами, в явном виде выступающими после губных, а после дентальных начальная фаза дифтонга, включая участок коартикуляции, может быть даже более длительной, чем конечная фаза; фонема /e/ представлена ярким диалектным звукотипом — монофтонгом переднего ряда среднего или верхне-среднего подъема; под фразовым акцентом репрезентанты /e/ иногда дифтонгизируются, приобретая в конце звучания *и*-образный элемент: [e^и], см. результаты инструментального исследования гласных Роговатки в [Савинов 2013; Дьяченко 2017; Дьяченко, Тер-Аванесова 2018; Дьяченко 2021]. Стоит добавить, что этим противопоставлением до сих пор владеют все коренные жители Роговатки независимо от возраста (устное сообщение И. И. Исаева). Можно думать, что отчетливое различие /e/ и /ɤ/ свойственно и задонскому говору, который был записан В. И. Тростянским (елецкой группы, согласно [Захарова, Орлова 1970]), также с архаическим типом предударного вокализма после мягких согласных, но с сильным аканьем — после твердых.

В северной части юго-восточного ареала различия /e/ и /ɤ/ — в «рязанских» говорах с. Малинина, с новоселковским ассимилятивно-диссимилятивным яканьем в 1-м предударном слого, и д. Лека¹¹, с еканьем [Высот-

¹¹ Согласно классификации русских говоров [Захарова, Орлова 1970], говор Леки относится к среднерусским акающим говорам, однако в нем отчетливо проявляется влияние рязанских говоров; говор Малинина, будучи по той же классификации рязанским, испытал, подобно другим говорам по течению рек Дон и Воронеж, сильное влияние соседних елецких говоров и, следовательно, говоров юго-западной диалектной зоны.

ский 1949)], — противопоставление /e/ и /ɛ/ более сглажено и в полной мере проявляется (во всяком случае, на наш слух) только в речи носителей архаичной разновидности говоров; относительно Леки это отмечал и С. С. Высотский [Там же]. По сути, в этих говорах фонемы /e/ и /ɛ/ представлены теми же звукотипами, что и в Роговатке, однако в рязанских говорах в стадии разрушения находится консонантизм, специфический для говоров с семью гласными фонемами, для которого характерно отсутствие смягчения согласных перед гласными переднего ряда, отверждение палатализованных перед согласными, но сохранение мягкости на конце слова. В говорах типа Роговатки, хорошо сохраняющих старый консонантизм, «степень палатализованности» согласных перед [и] значительно, чем перед [e], что наиболее ярко проявляется в различии сочетаний [le] (со «средним» л) и [л'и] (с сильнее палатализованным л); немягкость согласных перед гласными переднего ряда проявляется в специфической коартикуляции согласного с последующим гласным, напоминающей коартикуляцию в английском языке [Дьяченко 2017]. Разрушение старого консонантизма состоит в постепенном развитии смягчения согласных перед гласными переднего ряда; в рязанских говорах смягчение эпизодически появляется даже у старшего поколения, что приводит к дифтонгизации репрезентантов /e/ вследствие коартикуляции и неразличению или слабому различению фонем /e/ и /ɛ/.

В примерах из Роговатки мы сохраняем обозначение смягчения согласных, полного (на конце слова) и неполного (перед гласными переднего ряда, перед согласными) при помощи апострофа, как это нами было принято в расшифровках для Базы данных по говору¹². В материалах из Малинина мы отражаем варьирование согласных полного и неполного смягчения: мягкость первых обозначается апострофом, «полумягкость» вторых никак не обозначена.

В говорах с диссимильативным предударным вокализмом такого типа, при котором предударные гласные по-разному реагируют на ударные гласные фонемы верхне-среднего и среднего подъемов, дополнительными средствами «различения» и «контроля правильности различения» фонем /e/ и /ɛ/ является качество предударных гласных — реализаций фонем неверхнего подъема. В Малинине это в основном предударные гласные после мягких согласных фонем: в слоге перед ударной /e/ в соответствии с гласными фонемами неверхнего подъема произносится [и] или [e] (*антирѣсна, интерѣсна*), в слоге перед ударной /ɛ/ — [а] (*Ал'акс'ѣф, йавр'ѣй*); в Рого-

¹² Такого же принципа обозначения полного и неполного смягчения согласных придерживался О. Брок в описании говора Тотемского у., с комментарием о неполном смягчении согласных перед гласными переднего ряда и о разнице в степени их палатализованности перед *e* и перед *i* [Брок 1907]. Д. В. Бубрих [1914] в описании говора Пустошей разработал собственную нотацию, различающую степени смягчения согласных.

ватке и Веретье к этому добавляется качество предупредных реализаций фонем неверхнего подъема после твердых согласных: [ɤ] (шва) в слогe перед ударной /e/: *пръ нефт'*, [a] — в слогe перед ударной /ɤ/: *тарѣлка*.

В записях И. С. Гришкина из Леки и в изданных А. А. Шахматовым материалах из вятских говоров различие фонем /e/ и /ɤ/ передается буквами *e* и *ɤ*. В то же время А. А. Шахматов, видимо, сохраняет нотацию В. И. Тростянского, который передает фонему /e/ буквой *e*, а фонему /ɤ/ — сочетанием *ié*. В известной работе о тотемском говоре О. Брок в соответствии с /e/ использует символ *e*, в соответствии с фонемой /ɤ/ — символ *ê*. Не вполне последовательно обозначение различия между /e/ и /ɤ/ в вологодских записях, изданных в [Бюллетень]: здесь на месте /e/ встречается обозначение *э* после парных по твердости/мягкости согласных, очевидно, передающее неполное смягчение согласного. Кроме того, это последнее издание и [Брок 1907] фиксируют [и] на месте **ě* между мягкими согласными, свойственное говорам вологодско-вятской группы (например, *Ondrijof* (Андреев) у О. Брока и под.).

Ниже приводится материал в виде небольших словариков, в которых заимствованная лексика сгруппирована в зависимости от ее формальных особенностей и происхождения.

1. Фонемы /e/ и /ɤ/ в нечленимых основах

*1. Заимствования из западноевропейских языков
и имена собственные разного происхождения,
вошедшие в говоры из русского литературного языка или из просторечия*

1.1. Фонема /e/ ([э], реже [e])

после парных твердых согласных фонем

Часть заимствованных слов в говорах воспроизводит свойственные стандартному языку сочетания парных твердых согласных фонем с /e/. Говоры могут сохранять в отдельных словах устаревшее в литературном языке произношение с твердым согласным перед /e/, как *музэй* в Роговатке; такое произношение имеет помету «неправильное» в [Еськова 2014]. Твердость в *зътэхн'ик* (зоотехник) — видимо, устаревшая особенность профессионального языка, ныне встречающаяся только в названии этой специальности или профессии во многих говорах русского языка у лиц старшего возраста, ср. однокоренные лексемы со смягчением согласного перед /e/: Роговатка *т'эхн'ика*, *т'эхн'икум*.

купé Рог.¹³ *купэ* МК;

макрамé Мал. *макрамэ* НД;

¹³ При цитировании примеров используются следующие сокращения: Рог. — Роговатка, Мал. — Малинино, Вер. — Веретье, Зд. — Задонский и Землянский уу. Воронежской губ. Инициалы информантов расшифрованы в конце работы.

антэна¹⁴ Рог. *ънтэна* АФ; Мал. *антэна* МД;
котэдж, котэжик Рог. *Йей ъста́в'ил у кьтэ́джу, а сáм к мáт'ир'и ушóл*
 ДР; *кьтэ́жык* МК;
штэкер Рог. *штэкер* МР;
протэз Мал. *пратэзы* АС;
зоотэхник Рог. *Прь зьтэ́хн'икь нъл'исáт', как он зьн'имáицць у ка-*
рóвъх ДР;
музэй Рог. *музэй* АФ (но Мал. *муз'эй* МД, см. раздел 5.8);
фазэнда¹⁵ (шутл. 'поместье; двор (у однодворцев)') Рог. *хвьзэ́нды* НИ¹⁶;
майонэз Мал. *майнэс* ПС.
 То же в иноязычных именах собственных и их производных:
Метревэлины Рог. *М'итр'эвэл'ины* ТН, АФ, ДР и др.¹⁷;
бандёр 'выходец из Западной Украины' Рог. *А у цэр'к'w'и у нáс —*
бьндэр НИ¹⁸;
Ирэна Мал. *Ирэна* 2× АГ¹⁹.

¹⁴ В заголовках статей мы стараемся, с одной стороны, передать фонемный состав слова в говоре, с другой — дать запись, максимально близкую к стандартной. При передаче безударных гласных, как правило, используется стандартная орфографическая запись; аканье и нестандартный вокализм отражаются в тех случаях, когда фонетический облик слова в говоре сильно искажен.

¹⁵ В заголовках статей не обозначается варьирование репрезентантов /ф/: в Роговатке это распределенные по позициям [хв] и [х], варьирующие с [ф]; то же, видимо, в говорах Задонского у. по записям В. И. Тростянского, ср. *ахвициер*. В Малинине и Леке — обычно [ф], а [х], [хв] сохраняются лишь в собственных именах.

¹⁶ Слово *фазенда* вошло в разговоры в 1990-е гг. после показа по центральному телевидению бразильских телесериалов; подстановка в этом слове *хв* на место *ф* в Роговатке свидетельствует о том, что в говоре в наши дни существует «норма» передачи литературной /ф/ сочетанием *хв*, ср. также *хвóрт-хвóкус* (марка автомобиля) и под. Стоит отметить значение 'поместье', весьма актуальное для Роговатки, жители которой в прошлом принадлежали к сословию однодворцев и сохранили память о родовом владении *двором* (земельные угодья и дом). В селе до сих пор сохраняются названия дворов (в современной реальности — домов и приусадебных территорий) по фамилиям их исконных владельцев и традиция именования *по двору / подворью*. Например, нашу собеседницу с фамилией Плутахина (фамилия по мужу, указанная в ее паспорте) в селе знали только как Гузееву (по подворью); «официальная» фамилия ее мужа, владевшего *Гузеевым подворьем* по наследству, таким образом, не совпала с названием подворья.

¹⁷ Прозвище *Метревэли* в честь футболиста С. Метревели получил капитан сельской футбольной команды В. Фомин, затем *Метревэлины* стало семейным прозвищем (так называют не только жену, детей и внуков В. Фомина (Метревели), но и его родных братьев и членов их семей).

¹⁸ Запись 2012 г.; имеется в виду священник, направленный в Роговатку из Роуенской или Луцкой епархии РПЦ Московского Патриархата.

¹⁹ Имя племянницы АГ, родившейся и выросшей в Литве.

1.2. Фонема /e/: [э] после непарных твердых согласных; после гласного; [e] после /j/ ²⁰

цэ́нтер, цэ́нтнер ‘центнер’ Рог. *цэ́н’т’ер* ПФ; Мал. Р. мн. *цэ́н’т’ирьв* 2×, *цэ́н’т’н’ирьв* ПС, *цэ́н’т’ирьв* АГ, *цэ́н’т’ерьв* МД 9×, ф *цэ́н’т’ьри*, И. *цэ́н’т’ир* 2×, *цэ́н’т’иры*, Р. *ат цэ́н’т’ира*, И. *цэ́н’т’ьры* МД; Вер. *три ц[э́]нтнера* [Дьяченко 2010: 126];

цэ́нтр, цэ́нтра ‘центр, центр села’ Рог. *цэ́нтра, на цэ́нтру* ЕС 4×, АД 2×, ДИ, МА, *цэ́нтр* МР; Мал. И. *цэ́нтр*, Р. *цэ́нтра*, В. ф *цэ́нтру, ф цэ́нтр* МД;

цэ́мент Рог. *цэ́м’ент* ЕЖ;

цэ́нь Рог. *цэ́н’* ДР, НИ;

транше́я Рог. В. мн. *трьниэи* 2× ЕЖ (ср. материал в разделе 5.9);

диэ́та Рог. *дийэ́та* ПФ (ср. материал в разделе 5.2);

э́вро Рог. И. мн. *йэ́вры* ММ;

поэ́т Рог. *тэ́да не́ была э́тих, пэ́тьф-тэ́ съч’ин’ат’, а ўс’о́ сам’и, ўс’э́ п’э́сн’и, ўс’э́ на́шы* НИ.

То же в именах собственных после /j/:

Ельцы́н Рог. *Йэ́л’цын* ДР; *пр’и Йэ́л’цыну* АФ;

Пьэ́ха Мал. *Эд’и́ту П’и́эху* АС.

1.3. Фонема /e/ после парных мягких согласных фонем

пэ́нсия, пэ́нзия Рог. *п’э́нз’и́я* ИФ 2×, *п’э́нс’и́я* АД 6×, НИ 9×, МП 2×, МК, АФ, МА 5×, ЕФ, ЕН, ДР 6×, ЕС; Мал. В. *пэ́н’з’и́ю* ВС, И. *пэ́н’с’и́ь* ПС 8×; АС 6×, АГ 2×, 12× МД; *пэ́н’с’и́ю* АС, МД 8×; *п’э́н’с’и́ю* АС, МД 2×; Вер. [на³ п’э́]нсии [Дьяченко 2010: 131];

припэ́нзия ‘претензия’ Зд. *припэ́нзия* ²¹;

инспэ́ктор Рог. *инсп’э́ктър* ДР 2×;

профэ́сия ‘профессия’ Рог. В. ед. *прэ́хв’э́с’и́ь* НИ; Мал. *пэ́ праф’э́с’и́* 2× ПС, *тр’и праф’э́сии* АС;

фэ́рма, фэ́рмер Рог. *хв’э́рма* ДР; Мал. *на фэ́рм’и* АГ, *фэ́рмы* МД, АГ, *фэ́рм’ерьм* АС, *у ф’э́рм’ера* ПС, *ф’э́рм’иры* НС 2×, АС;

фэ́льшер ‘фельдшер’ Мал. Тв. *фэ́л’и́шьрм* ПС;

мэ́дик Рог. *м’э́д’ик* МК;

тэ́ма Рог. *н’и пэ́ т’э́м’е* АФ;

²⁰ После /ц/ и /j/ в говорах различаются /e/ и /ɤ/, ср. с приведенными примерами *цэ́лай, цэ́п* ‘орудие для ручной молотыбы’ ([цыз-]), в том числе /ɤ/ встречается в заимствованных основах: *ахви́цйэ́ра* (Зд.); в позиции после гласной непереднего ряда фонемы /e/ и /ɤ/ даже в заимствованной лексике встречаются крайне редко — в нашем материале только /e/ в лексеме *поэ́т*; в исконной лексике после шипящих — только /e/.

²¹ Полу жирным курсивом выделены примеры из записей начала XX в.

тэхника, тэхникум Рог. *т'эхн'икум* МА, *т'эхн'ика* ДР, НИ 2×, МК; Мал. М. ед. *т'эхн'икум'и* ПС 3×; однако под сильным фразовым акцентом: *т'иэхника* НС (ср. *зоотэхник* в разделе 1.1);

матэрья, матэрьяца 'сукно домашней выработки', 'ткань' Рог. И-В. ед. *мът'эр'йь* ДИ; *мът'эр'ицъ* ИФ;

сэсия 'сессия' Рог. *с'эс'ийь* ДР 5×; Мал. *на с'эс'ийу* МД;

элэктрик, элэктрика Мал. *был ылэктрикъм*, В. *элэктрику* ВС;

пилэпсия 'эпилепсия' Рог. *п'илэпс'иь* ЕЖ;

нэръвы Рог. *нэръвы*²² ДР, АФ 2×; Мал. *нэръвы* 2×, *н'эръвы* 2×, *н'эръвъ* АГ;

нэфть Рог. *пръ н'эфт'* АФ 2×;

прэмия Рог. *прэмиия* ДР;

грэйдер Вер. *че[р'из гр'э]йдер* [Там же: 135]²³;

дирэктор Мал. *дирэктър, дирэктъръм* ПС, АГ;

интерэс, интересно, антерэсно, интересный, антерэсный: Рог. *инт'ер'эсна*, *ин'т'ир'эсна* АД 2×, ЕН 2×, ТН, НИ, АФ 3×, ДР 5×; Мал. *антирэснь* ВС 3×, *интирэснь* ПС 4×, АС, МД, *интерэсна* МД 4×, *инт'ьрэснь* НС, *интерэснья*, *инт'ирэснья* АС 2×, НС 2×, АГ; *антирэсньйь* 2× ВС, *интирэсньи* ПС, *дл'ъ интирэсу* МД; Вер. *ин[т'ир'э]сно* [Там же: 134]²⁴;

рентгэн Мал. *рэнгэн* ПС, *нъ ринтг'эн-тъ* МД.

То же в именах собственных — топонимах и фамилиях:

Америка, Амэрика Рог. *Ам'эр'ика* ММ; в *ъм'эр'ику* НИ; Мал. *Амэ-р'ика* МД, НС (ср. слова с «суффиксом» **-ър-**, раздел 5.5);

Тюмэнь Рог. *Т'ум'эн'* МК; Мал. *Т'ум'эн'* ПС;

Одэсса Зд. М. ед. *Ой вы гóрадя вы Адэстя*;

Тэрек Рог. *Бржэнь'ик'ид'з'ицк'ий край, стáнцийь Т'эр'ек* ЕН;

Лэнин, Лэнин-Стáлин, Лэнинград, Лэнынград Рог. *Лэн'ин* ЕН 2×; *этъ къдá был Лэнин-Стáл'ин; при Лэнину при Стáл'ину л'уд'эй съжáл'и* АД; ДР; *Лэнинград* ИФ 2×; АД 3×; *Лэнынград*²⁵ ЕН; ИФ; Мал. *Лэн'ин, Л'эн'ин* АС; в *Л'эн'инград'и* ВС 3×, АС 3×, АГ 5×, в *Л'энинград* МД, ВС 2×, АГ 3×, АС; с *Л'энинграда* АС, АГ;

Брэжнев Рог. *Брэжн'ев* ДР, АФ.

²² Согласные *н, р* и заднеязычные перед гласными переднего ряда, на наш слух, палатализируются особенно слабо, поэтому их смягчение даже в Рог. указывается только в наиболее явных случаях.

²³ Во всех рассмотренных здесь южнорусских говорах фонема /г/ реализуется фарингальным фрикативным [h], в севернорусских и в Леке — взрывным [g]; это различие мы не отражаем в записи.

²⁴ Вариант *интерес*, таким образом, представлен только у ВС 1916 г. р. из Малинино, у прочих — *интерес*.

²⁵ Вариант *Лэнин*, очевидно, появляется под влиянием широко распространенных в южнорусских говорах притяжательных прилагательных с не смягчающим предшествующий твердый губной или денгальный согласный суффиксом *-ын*, ср. Рог. *мáмын, с'эстрын*, но *Кл'ук'ин*.

Сюда же может быть отнесено название поселка в Шатурском р-не Московской обл., известное в произношении жителей расположенного неподалеку с. Пустоша (говор с семифонемным вокализмом):

Туголѣс вост.-среднерусск. Пустоша *Tugoléc*²⁶.

2. Заимствования из церковнославянского языка и через его посредство

2.1. Фонема /е/ в корнях с неполногласием

Следующие лексемы с неполногласием в корнях формально являются в русском языке церковнославянизмами, однако едва ли все они вошли в говоры непосредственно из церковнославянского языка: возможно, все или какая-то их часть заимствованы через посредство литературного языка или городского просторечия. Как бы то ни было, во всех русских говорах с различием фонем /е/ и /ѣ/ корни с неполногласием содержат /е/, ср. материал, приведенный в [Тер-Аванесова 2008], что соответствует русской церковнославянской традиции, за исключением *плѣнь* [Соболевский 1907/2004: 71]. В юго-восточных говорах эта последняя основа тоже содержит /е/:

врѣднѣй Рог. *врѣднѣй* НИ; Мал. *вр'ѣднѣй* ПС;

врѣмя Рог. *врѣм'е* ДИ, АФ 3×; ЕЖ; Мал. *врѣм'е* ПС 6×, МД 2×, АГ 6×, *фс'о врѣм'е* АГ; *вр'ѣм'е* НД 3×, АС 3×, ВС 2×;

запрѣст 'запрет' Рог. Р. *зѣпр'ѣсту* ЕС;

срѣду Мал. В. *ср'ѣду* АС 4×;

плѣн, плѣнный Рог. *плѣн, плѣннѣй* ИФ.

2.2. Личные имена с фонемами /е/ и /ѣ/ в нечленимых основах²⁷

Как и основы с полногласием, имена собственные из следующего списка и из списка в разделе 7 хотя и входят в православный месяцеслов, по видимому, сильно различаются по времени и путям появления в говорах. Часть их представляет собой гипокористические образования и их производные (*Фѣдька, Пѣтька, Лѣна, Гѣнка*, название деревни *Дѣмино* и др.), другие являются народными формами церковных имен и их производными

²⁶ Этимология этого топонима нам неясна; старое (с XVII в.) название местности, где находится современный поселок Туголес, — *Туголи*, позже на картах фигурирует деревня *Туголец, Туголицы* [Поспелов 2000]. Некоторые жители Пустошей произносят в этом слове /ѣ/: [тугол'иѣс], исходя из ощущаемой ими внутренней формы топонима 'местность, где туго, плохо растет лес' или, наоборот, 'местность, где растет «тугой», строевой лес' (оба понимания опираются на реальность, так как рядом с поселком есть и болота с низкорослым лесом, и возвышенности, где в старину были сосновые боры, сейчас полностью сведенные). «Традиционалисты» произносят [туголѣс], трактуя основу топонима как немотивированную и нечленимую.

²⁷ В этом разделе, а также в разделе 6, посвященном фонемному составу личных имен на **-ѣй-**, **-ей-**, мы приводим не только данные юго-восточных говоров, но и полностью совпадающие с ними небольшие по объему севернорусские данные.

и могут претендовать на то, что отражают достаточно старые традиции усвоения говорами канонических церковных имен (фамилии *Демѣнтева*, *Матрѣнцев*, отчества *Парфѣнтъич*, *Авксѣнтъевич*, *Терѣнтъевич*, притяжательное прилагательное *Сѣргов*, местное «неофициальное» название деревни *Ахрѣмово*); далее, это литературные формы имен и их производные (*Елена*²⁸, *Ефремовская*²⁹); наконец, относительно некоторых имен можно предполагать, что они сравнительно недавно «вошли в моду» и заимствованы из городского / литературного языка (*Евгения*, *Валерий*, *Глеб*).

У подавляющего большинства этих слов корневая ударная фонема /e/ соответствует их церковнославянскому написанию и написанию по правилам дореформенной орфографии. Исключениями являются *Глеб* (ср. *Глѣбъ* в старой орфографии), однако /e/ в этом имени находится в русле общей тенденции к огласовке нечленимых корней заимствованных слов; с другой стороны, *Ахрѣмово* противоречит этой тенденции и отличается от церковнослав. **Ѣфрѣмъ**. Можно предполагать, что /ѣ/ в *Ахрѣмово* объясняется выделением в основе этого имени субморфа **-ѣм-** (и тем самым этот пример относится к числу рассмотренных в разделе 5, ср. там же об имени *Елизавета*), однако в нашем материале примером на данный субморф является только это имя собственное.

Глѣб Рог. *Глѣп* НИ;

Валѣра, Валѣрка, **Валѣрьевна** Рог. *Вѣлѣрка* МП; Мал. *Вал'ѣр'ѣевна* 2×, *Вал'ѣра* 2× АС;

Демѣнтева Рог. *Д'им'ѣн'т'ева* АД;

Парфѣнтъич волог. биряковск. Селищи *Парфѣнтъич* [Бюллетень: 87];

Авксѣнтъевич волог. биряковск. Селищи *Афксѣнтъевичъ* [Там же: 89];

Терѣнтъевич, Терѣнтъич вятск. **Терентъевичъ** [Шахматов 1916: 72], **Терентъичъ** [Там же: 73];

Елена, Лѣна, Лѣночка, Лѣнка, Лѣнкин Рог. *Йелѣна*, *Лѣнѣч'к'а* 4×, *бабушк'а Лѣнѣ* ЕН; Мал. *Лѣнк'ин*; Р. *Лѣнк'и* ВС, *Йел'ѣн Ивѣнна* ПС (аллегр.);

Матрѣнцев (прозвище?) Рог. *Мѣтрѣнцѣу* ЕС;

Сѣргов Рог. *С'ѣргѣw д'ѣн'* ЕС 2×; Мал. *Сѣргѣw Пасѣт* ПС 2×;

Евгѣния Мал. *Йивгѣн'ѣя* ПС; ср. также *Жѣн'а* 15× ПС;

Гѣнка Мал. *Гѣнка* ПС;

Пѣтъка, Пѣтѣушка Рог. *Пѣт'к'а*, *Пѣт'ушка* АД; НИ 3×; МР 2×; МК; *этѣ ш как'ѣ нѣрвы у этѣга Пѣтки* АФ; Мал. *с Пѣт'к'ѣй* ПС 2×;

Фѣдѣкя Рог. *Хв'ѣт'к'е* АФ; ДР 4×;

²⁸ В Роговатке одно и то же лицо официально именуется *Йелѣна Бндрѣивна Н'ѣч'ѣива* (фамилия по официальной фамилии мужа), неофициально — *Бл'ѣна Н'амѣх* (прозвище по мужу, отец которого был немцем). Именем *Лѣнѣч'к'а* ее называл (в ее передаче) друг молодости, во время ее работы в Москве, *бабушк'а Лѣнѣ* — ее внучки, живущие в Старом Осколе.

²⁹ Официальное название деревни, ср. выше местное название той же деревни *Ахрѣмово* в записях И. С. Гришкина из Леки.

Дѣмино (название деревни) Лека *Дѣмина*;
Ефрѣмовская, Ахрѣмово (название деревни) Лека *Ефрѣмыфская, Ахрѣмыва*.

2.3. Фонемы /е/ и /ѣ/ в основах нарицательных существительных не перед j

Нарицательные существительные, заимствованные через посредство церковнославянского языка, имеют под ударением в корне /е/ или /ѣ/, совпадающие с церковнославянским написанием:

кѣсарь Зд. *Мы ни мѣли царя крамя кѣсаря*; ср. церк., ст.-слав., др.-русс. *кѣсарь* [Фасмер II: 226];

апрѣль Рог. с *апр'ѣл' м'ѣс'ицъ* НИ; Мал. Р. *апр'ѣл'а* ВС, АГ, *апрѣл'а* (аллегр.?), в *апр'иѣли* АГ; однако др.-р. **априль** [Фасмер I: 82], дореформенная орфография: *апрѣль*, см. причины появления *е/ѣ* вместо *и* в [Аникин I: 247]; см. также раздел 5.7 о *-гъль* и раздел 8 о словах с фонемой /ѣ/ на месте *i;

калилѣснить, **закалилѣсниться**, **калилѣсный** 'вести себя разнузданно, нарушать моральные нормы' Рог. *къл'ил'ѣс'ит'*, *зъкъл'ил'ѣс'ил'ис'*, И. мн. *къл'ил'ѣснаи* ДР 4×; а также **куралѣсы** 'карусели' Зд. *куралѣсы*; ср. др.-рус. *кирольсу*, *курелеисонъ*, *кирелеисонъ* [Фасмер II: 427–428]; на огласовку в задонском говоре может влиять фонемный состав диалектного *карусѣль* и других слов на *-гъль*, см. раздел 5.7.

3. Заимствования не через посредство русского литературного и церковнославянского языков

3.1. Фонема /е/ в основах заимствований из языка идиш в говоре Роговатки

пѣсики 'виски' *п'ѣс'ик'и* ЕН;

хѣдер: на *вѣсь хѣдер* 'очень громко'. *Йа там выступалъ, пѣдрѣвл'алъ, мѣжъ хтѣ знѣй, крич'алъ нѣ вѣс' х'ѣд'ър; Н'и тудѣ кур'ицъ пѣшла, а ѣн кѣзыр'к'ѣм* (матом) *нѣ вѣс' х'ѣд'ер; Дѣ х'ѣд'ер ид'ѣ-йтъ у машѣн'е, рабѣтъѣе х'ѣд'ер. Щас уш ых н'ѣту ѣт'их х'ид'арѣw* (ответ на вопрос, что такое хедер) ДР.

3.2. Фонемы /е/ и /ѣ/ в основах топонимов — заимствованиях из финно-угорских языков в говорах Мещеры

Немногочисленные топонимы финно-угорского происхождения демонстрируют разноречие в огласовках. В говоре с. Пустоша (Шатурский р-н Московской обл., бывш. Судогодский у. Владимирской губ.) находим фонему /е/ в гидрониме *Воймѣга* (название реки, приток р. Поля). В говорах Ялмоти (области, находящейся примерно в 40 км к югу от Пустошей, ныне Шатурский р-н Московской обл., в прошлом — Егорьевский у. Рязанской губ.)

встретился топоним, предположительно, финно-угорского происхождения с варьированием фонем /e/ и /ѣ/ в корне: Лека *Тѣльма* / *Тельма* (название деревни, возможно, по микрогидрониму)³⁰.

4. «Исключения»

Фонема /ѣ/ или варьирование /ѣ/ и /e/ после парных мягких согласных фонем в нечленимых основах заимствованных слов, в дополнение к приведенным выше случаям варьирования в топонимах: Рог. *Ам'ѣр'ика* и *в ѣм'ѣр'ику*; Пустоша *Тугол'ѣс* и *Тугол'ѣс*; Лека *Ефрѣмыфская* и *Ахрѣмыва*; *Тѣльма* и *Тельма* — а также /ѣ/ в *апр'ѣл'*, *кѣл'ил'ѣс'ит'*, *курал'ѣсы*, отмечены в следующих основах:

мѣтр, **сантимѣтр**; **мѣтрики** 'свидетельство о рождении' Рог. *м'ѣтр* 5×, *Н'ѣ былѣ мѣжѣ м'ѣтрѣв*, и *лѣкткѣм'и м'ѣр'ил'и* ДР; *м'ѣтр'ик'и* НИ; Мал. *сѣнт'им'ѣтрѣм* МД; **мѣтр**, **сантимѣтр** Мал. Р. мн. *сѣнт'им'ѣтрѣв* ПС, Р. *м'ѣтра* АГ; ср. о севернорус. *мѣтр* в разделе 6;

лѣнка, лѣночка, **лѣнта**, лѣнточка Рог. 'ленточка'; 'полоска содранной коры для плетения лаптей и корзин' *л'ѣнка*, *л'ѣнач'к'а* ДР 2×; Зд. *Иишиѣ л'ѣнту на пратяшкѣ*; Мал. 'лента в косу; ленточка как отделка кофты, юбки' *л'ѣнк'и* 7× АГ, ПС, МД; Т. *л'ѣнк'им'и* МД, ПС, *л'ѣнты*, *л'ѣнтѣч'к'и* АС;

комплѣкт Рог. *кампл'ѣктѣв* ДР (возможно выделение субморфа **-ѣкт-**, ср. раздел 5).

То же в иноязычной фамилии: **Тѣльман** Мал. *завѣт Т'ѣл'мѣна* МД 2×.

II. Фонемы /ѣ/ и /e/ в суффиксальных субморфах

5. Заимствования из западноевропейских языков и имена собственные разного происхождения, вошедшие в разговоры из стандартного русского языка или городского просторечия

5.1. **-ѣт-** (-ѣт-ик), -ет-

лисапѣт 'велосипед' Рог. *л'исап'ѣты* АД, АФ, ДР;

комитѣт Мал. *ф км'ит'ѣт'и* АГ;

ниситѣт 'университет' Зд. *нисит'ѣт*, ср. *ниситѣт* в разделе 5.4;

кабинѣт Рог. *кѣб'ин'ѣт* НИ;

билѣт, **белѣт** 'билет' Рог. *б'ал'ѣт* МК, АД; Мал. *б'ил'ѣт*, *б'ил'ѣты* ПС; Зд. *безбил'ѣтной чилав'ѣк*³¹;

³⁰ С. С. Высотский [1949: 33] указывает на возможное отражение в этом топониме редукции гласного в заударном слоге до нуля, исходя из того, что в «Списке населенных мест Российской Империи. Рязанская губ.» (СПб., 1862) та же деревня значилась как *Телема*. Ср. в разделе 4 созвучное имя собственное *Тѣльман*.

³¹ Вариант *белѣт* представлен только у части информантов из Роговатки, у другой части и в остальных источниках — *билѣт*.

туалѣт, тувалѣт, туалѣт Рог. *туал'ѣт* ДР 2×; *туѣлѣт* АФ; Мал. И.-В. ед. (ф) *туал'ѣт* МД 3×, НС, АС 2×, И. мн. *туал'ѣты* АС; *тувал'ѣт* АГ, аллегр. *туал'ѣт* МД и ф *туалѣт* ХХ;

патрѣт 'портрет' Рог. *патр'ѣт* ЕЖ;

букѣт Рог. *бук'ѣт уч'ерá нѣрвѣлá úжъшнѣй* ДР; *из вот ѣт'их вот см'ийáл'ис'е из бук'ѣтѣw* (над букетами) ДР;

пакѣт, пакѣтик: Рог. *пак'ѣт, пак'ѣт'ик* НИ 2×, ДР;

однако /е/ в **жакѣт**: Мал. *жык'ѣт* ПС.

5.2. -ѣт-а, -ѣт-ка (-ѣт-очка), -ет-ка

конфѣта, конфѣтка, конфѣточка Рог. *кан'х'в'ѣты* 5×, *кан'х'в'ѣт'к'и* 6×; *канх'ѣтк'и* АД, *карѣнку канф'ѣт ѣа рѣз'д'ал'илѣ* ДР; Мал. В. мн. *канф'ѣты*, Р. ед., В. мн. *канф'ѣтк'и* АС, *канф'ѣтку, д'в'е канф'ѣтѣчки* МД; Лека **канфѣтами**;

газѣта Рог. *газ'ѣта* ДР, АФ, НИ, МР; Мал. *газ'ѣта* ПС 3×, АС, *газ'ѣту* ПС, МД, АС; В. мн. *газ'ѣты* АС 2×, МД; *газ'ѣт* МД, АС, аллегр. *газ'ѣт* АС, ПС, в *газ'ѣтых* МД, ПС;

касѣта 'касета, видеокассета' Рог. *кас'ѣта* ТН 3×;

карѣта Зд. *Запрегáй милáй каріѣту*;

монѣта Лека *манѣту*;

котлѣта, котлѣтка Рог. *катл'ѣта* ДР, МП; Мал. аллегр.? *катлѣтку* ВИ;

салфѣтка Мал. В. мн. *салф'ѣтк'и* АГ;

розѣтка Рог. *раз'ѣтка* АФ;

таблѣтка Рог. *табл'ѣтка* МК;

тубарѣтка 'табурет' Рог. *тубар'ѣтку* АД; Мал. Т. ед. *с тѣбар'ѣткѣй*³² МД, ПС 4×;

в имени собственном: **Лизавѣта**, Лизавѣтушка Зд. *Пад ѣтай пад грушей Лизавѣта стаяла; Па сѣничкѣм Лизавѣтушка хадíла.*

Фонема /е/ зафиксирована в том же субморфе после непарного по твердости/мягкости согласного: *диѣта*, см. раздел 1.

5.3. -тѣк-а (-тѣк-арь), -тека

аптѣка Рог. *апт'ѣка* 3×, *апт'ѣч'к'а* МК, Мал. *в апт'ѣк'и* АГ;

библиотѣка, библиотѣка, библиотѣкарь Рог. *б'ибл'иат'ѣка* 2× ДР, *б'ибл'иѣт'ѣка* НИ; Мал. М. ед. *в б'ибл'иѣт'ѣк'и* МД 3×, *б'ибл'иѣт'ѣкър'ѣм, библиѣт'ѣкър'* АС;

ипотѣка Мал. В. ед. *ипат'ѣку* АС.

5.4. -ѣр, -ионѣр, -ер

ниситѣр 'университет' Зд. *ниситѣр*, ср. *ниситѣт* в разделе 5.1;

офицѣр, офицѣр Зд. *Íдя нустрѣчѣ ахвицѣр маладóй; Ахвицѣру прадалá, с ахвицѣра за ту цѣѣну рупѣ с палтíнай узялá;*

³² С делабилизацией гласного во 2-м предударном слоге.

милионѣр ‘миллионер’ Лека *милианѣры*;
милиционѣр Рог. *м’ил’цѣан’ѣр* 2× АД, МР; Мал. *м’ил’цан’ѣр* МД,
м’ил’ицѣан’ѣрѣм ПС;
пенсионѣр, пенсионѣр Рог. *п’ин’с’иан’ѣр* МК, МР; *п’ѣнс’иѣнѣры* АФ;
 Мал. *п’инс’иѣн’ѣры* АС, *п’инс’ан’ѣр* АГ;
 Однако с фонемой /e/ у молодой информантки: **пионѣр** Мал. Тв. *пѣн’ѣ-*
рѣми, Р. ед. ж. *пѣн’ѣрскѣй* НД³³.

5.5. -ѣр-а (и -ѣр-ика?)

квартѣра, фатѣра Рог. *хвѣт’ѣра* ‘временное, съёмное или «казенное»
 жилище, казарма’ 12×, ‘городская квартира’ 3×, *квѣрт’ѣра* 2×; Зд. *Чужѣя*
хвѣт’ѣра; *На хвѣт’ѣру зашли*; в Мал. зафиксировано только новое заимст-
 вование из литературного языка: *квѣрт’ѣру* 22×;

фанѣра Рог. *А доши нѣ неуб’нѣбут’ѣл, ѣтч’ѣр’ану’шѣлѣс’ свѣрху тѣн-*
кѣйѣ хван’ѣрѣ, стал плѣхѣй стѣл АФ;

Возможно, сюда же: *Амѣрика/Америка* (см. раздел 1.3).

5.6. -(р)-ѣл-а, -(р)-ѣл-к-а (из *-(л)-ѣр-а, *-(л)-ѣр-к-а)

хорѣла ‘холера’ Зд. *хар’ѣла*;

тарѣлка Рог. *тар’ѣлка* ДР 4×, МК; Мал. *тар’ѣлка*, Р. *тар’ѣлк* ПС 2×, АГ.

5.7. -ѣль

карусѣль Лека *карусѣль*; Рог. *Кѣрус’ѣл’* (народное название одного из
 районов Старого Оскола); ср. *курѣлѣсы* ‘карусели’ (раздел 2.3);

артѣль Мал. *Чѣпѣифскѣйѣ арт’ѣл’* АГ 2×. Ср. также *апѣрѣль* в разделе 2.3.

5.8. -ѣй

юбилѣй Рог. *ѣуб’ѣл’ѣй* АФ;

еврѣй Рог. *ѣавр’ѣй* НИ 10×; Вер. [ѣавр’ѣ]и [Дьяченко 2010: 134];

архирѣй, алхирѣй ‘архиерей’ Лека *архирѣй*; Зд. *алхир’ѣй*;

хокѣй ‘хоккей’ Рог. *хѣк’ѣй* ДР 2×;

лакѣй Зд. *Зѣкрѣчу’ѣ ус’ѣѣм лак’ѣѣѣм кучерѣм*;

музѣй Мал. *муз’ѣй* МД, ср. Рог. *муз’ѣй* АФ;

Однако с фонемой /e/: **гамазѣй** ‘магазин’ Зд. *гамаз’ѣй*.

5.9. -ѣя, -ѣй-к-а

канарѣйка Зд. *Ох, канар’ѣѣйка тѣ, мая душа*;

батарѣя, батарѣйка, батарѣйка Мал. И-В. ед. *батар’ѣѣк’ѣ, батар’ѣѣ-*
к’ѣ 5×, *батар’ѣѣк’ѣ*, И. мн. *бѣтар’ѣѣк’ѣ*, Т. ед. з *бѣтар’ѣѣк’ѣ* МД; *ад бѣта-*
р’ѣѣ НС;

³³ Возможно, на огласовку этой основы повлияло более старое произношение [пианѣр] с твердым *н*.

в имени собственном: **Расѣя** Зд. Ты **Расіѣя**, ты **Расіѣя**, Ой да ты **Расіѣйская** земля, ср. примеры с /ь/ на месте ударного *и*, раздел 8.

Фонема /е/ зафиксирована в том же субморфе после непарного по твердости / мягкости согласного: В. мн. *трѣниэи* 2×, см. разделы 1 и 5.2.

Перед суффиксами прилагательных регулярно находится ударный формант *-эй-* — завершитель заимствованных основ, входящий в чередования *-э-/эй-*, *-ий-/эй-*: Мал. *куп'ейный* ПС; И. мн. *ар'м'ейск'ии*, *ар'м'ейск'ие* ПС; Рог., Мал. *м'ил'ицѣйскѣу* 3×, В. ед. м. *милицѣйскѣи* ПС.

5.10. Фонема /е/ в суффиксальных субморфах, оканчивающихся на кластер с первым сонантом

Наибольшим количеством примеров представлен субморф **-(м)ент-**: **документ** Рог. *дѣкументы* (паспорт, вид на жительство) ЕС 9×; НИ 2×; Мал. И. мн. *дѣкументы* АГ 2×, ПС, ВС;

алименты Мал. *ал'именты* МД 2×, *алим'енты* АС;

цемент Мал. *цым'ент* НС;

инструмент Мал. *инструмент* 2× ПС;

момент Мал. *мам'ент* НС, *А мы эт'им маментѣм сѣмку насѣпим* МД 2×;

студент 'студент' Зд. *стюдѣнтѣ*;

шпент: *дойти до шпенту* 'исхудать' Рог. *дѣшла дѣ шп'енту* АД 2×;

клиент Рог. *клиѣнт* АД;

процент Рог. *прѣцѣнт* ММ 2×; Мал. *працѣнты* 4×, Р. мн. *-ѣф* ХХ.

Имеется также один пример с субморфом **-енд-** (только после парного твердого согласного в слове *фазѣнда*, см. раздел 1.1) и два примера с **-ерт-**:

десерт Мал. *нѣ д'ис'ерт* НД;

концерт Мал. *каниѣрт* АС.

6. Выбор между /е/ и /ь/ в суффиксальных субморфах в севернорусских говорах

В севернорусских говорах при огласовке заимствованных основ, как правило, предпочтение отдается немаркированной фонеме /е/. Весь севернорусский материал происходит из одного региона: юго-западной части Вологодской обл., Харовского (д. Полутиха) и Биряковского р-нов (д. Селищи), и приводится по [Бюллетень]. Говор Тотемского у. Вологодской губ., где в 1902 г. побывал О. Брок, расположен на территории нынешнего Биряковского р-на, в частности, броковская д. Ихалица находится в нескольких километрах от д. Селищи.

Нечленимые основы:

фѣришал, за *фѣришалом* (Полутиха Хар.); *мѣтры* 2× (Селищи Бир.).

Суффиксальные субморфы:

-ѣт-а, **-ѣт-ка**: *канѣѣту* 3×; *тапѣѣта* 2×, *тапѣѣтка* [Брок 1907];

-ет-: *патрѣѣт* [Там же]; *кабинѣт* (Селищи Бир.);

-ек-а: *опрѣѣка* [Там же];

-ер-а, **-ер-ка**: *на фатѣѣре*; *акушѣѣрка* [Там же];

-р-ел-ка: *tořélka* [Там же].

Вологодские примеры с /e/ и /ѣ/ под ударением в нечленимых основах соответствуют юго-восточному распределению: можно предполагать обычную в «корнях» фонему /e/ и фонему /ѣ/ в корне *-мѣтр-*, см. разделы 1, 4. В суффиксальных субморфах вологодские говоры обычно выбирают /e/; исключение составляет **-ѣт-а**, **-ѣт-ка** (только у существительных ж. рода).

7. Церковнославянизмы: личные имена на *-гѣй-* и *-ей-*

Возможно, принцип огласовок ударного слога заимствованных слов, в соответствии с которым в нечленимых основах под ударением выступает фонема /e/, а в определенных суффиксальных субморфах — /ѣ/, первоначально выработался у личных имен, заимствованных из церковнославянского языка.

К числу наиболее частотных завершителей основ церковнославянских личных имен изначально относились *-гѣй-*, *-ей-* и *-ѣй-* (*-и-*). Ранние славянские написания личных имен, вошедших в церковнославянский язык из греческого, показывают следующие относительно регулярные соответствия между греческими и славянскими завершителями их основ: греч. *-αιος* : слав. *-гѣи*, греч. *-εας*, *-εος* : слав. *-ей*, греч. *-ιος* : слав. *-ѣи*, *-иш*, *-ей*; эти соответствия приводятся, в частности, в словарных статьях в [Фасмер I–IV; Аникин 1–16]. Вместе с тем А. И. Соболевский [1907/2004: 72–73] указывает, что написания мужских имен на *-гѣи* в соответствии с греческими именами на *-ιος*, *-εας* известны уже в старославянских и древнерусских текстах, а особенное распространение в восточнославянских памятниках разных территорий они получают с XIV в. А. И. Соболевский также приводит примеры женских имен на *-гѣя*, соответствующие каноническим именам на *-ия*, начиная с древнерусского периода. Современные церковнославянские написания личных имен на *-гѣй-* и *-ей-* и их написания по правилам дореформенной орфографии лишь отчасти следуют древней традиции [Грот 1894: 65–66; Соболевский 1907/2004: 72].

Современные русские говоры с различием /e/ и /ѣ/, по-видимому, повсеместно обобщили завершитель основ *-гѣй-* у мужских имен церковнославянского происхождения. В этом отношении русские говоры совпадают с украинским языком, в том числе с его диалектами. Связь с более старой традицией проявляется только в сохранении варьирования *Андрей/Андрѣй* в некоторых русских говорах: в оскольском говоре Роговатки, в вятских и в вологодском тотемском говоре в записи О. Брока³⁴. Женские имена на *-гѣя* и *-ея*, вероятно, представляют собой региональное явление (свойственное по крайней мере современным юго-восточным русским говорам). Уда-

³⁴ В севернорусских говорах и в украинском языке в именах на *-гѣй-*, *-ей-* произносится [i], в соответствии со свойственным украинскому языку отражением *ĕ > [i] в любой позиции и с севернорусским отражением *ĕ > [i] в позиции перед мягким согласным: *Oleks 'i*.

рение на элементе *-гѣй, -гѣя* (*-ия*), согласно исследованию Б. А. Успенского, соответствует великорусской канонической традиции XVI–XVII вв. [Успенский 1969: 72–76].

Ниже приводится русский диалектный материал в сопоставлении с греческим, церковнославянским, русским литературным — в дореформенной орфографической записи.

Мужские имена на *-гѣй* и *-еѣ*

Андрѣй/Андрѣй, Андрѣвна, Андрѣев/Андрѣев Рог. *Ъндрѣѣй*, *д'ад'и Ъндрѣева шапка* ЕН 2×; *Андр'ѣй*, *Андр'ѣвна* ЕН 3×, МК; Лека *Андрѣй*, *Андрѣюшка*, *Андрѣгѣва*; Мал. *Андрѣй* МД 3×, АС 3×, *Андрѣвну*, *Андрѣвна*, *Андлѣвна*³⁵ 2×, *Андлѣвну* 2× МД; ср. волог. тотемск. *Ondrѣѣf*, *Ondrѣѣj*, *Ondrѣѣf*, *Ondrѣѣf* [Брок 1907: 85]; вятск. *Андрѣевъ/Андрѣева* [Бюллетень: 70] — греч. Ἀνδρέας: ст.-сл. **Анѣдрѣи**, наряду с более ранним **Анѣдрѣа**, им. ед. (и то и др. из Супрасльской рукописи) [Фасмер I: 78], рус. ц.-слав. *Андрей* [Дьяченко 1900: 17], рус. лит. *Андрей* [Грот 1894: 65];

Матвѣй, Матвѣв Рог. *Мат'в'ѣйевъ* ЕС; ср. волог. тотемск. *Matvѣj* [Брок 1907] — греч. Ματθαῖος (апостол Матфей) и Ματθίας (евангелист Матфей): др.-р., ст.-слав. **Матѣи** (Супрасльская рукопись), **Матѣи**, **Матѣи** [Фасмер II: 580], рус. ц.-слав. *Матѣй* (апостол евангелист Матфей), *Матѣй* (апостол Матфей, преподобный Матфей) [Дьяченко 1900: 300; Успенский 1969: 215], рус. лит. *Матвѣй* [Грот 1894: 65]; в греческих святцах также дифференцированы Ματθαῖος (апостол Матфей) и Ματθίας (евангелист Матфей) [Успенский 1969: 217];

Елесѣй волог. тотемск. *jelesѣj* [Брок 1907] — греч. Ἐλισσαῖος: рус. лит. *Елисѣй* [Грот 1894: 65]; но рус. ц.-слав. *Елѣсѣй* [Требник 1916], *Елиссѣй* [Дьяченко 1900: 173], ср. [Фасмер II: 16]: «*елисѣй* 'плут, льстец', диал. от собств. *Елисѣй*»;

Филелѣв Лека *Филелѣва* — греч. Φαλ(λ)ελαῖος, у Фасмера Φαλέλαιος; но рус. *Фалалѣй* (также *фалалѣй*, *фалелѣй* 'повеса, зевака' (Даль)) [Фасмер IV: 183]; рус. ц.-слав. *Фалалѣй* [Требник 1916];

Дорофѣв Лека *Драфѣва* — греч. Δωρόθεος: рус. ц.-слав. *Доровѣй* [Там же];

Тимофѣй волог. тотемск. *Timofѣj* [Брок 1907] — греч. Τιμόθεος: рус. лит. *Тимовѣй* [Грот 1894: 65], рус. ц.-слав. *Тѣмовѣй* [Требник 1916];

Алексѣй, Алексѣв³⁶, Алексѣвна, Алексѣвка Рог. *Ъл'акс'ѣвна* ДР, МА; Мал. *Антѣпа Ал'акс'ѣва*, *Антѣп Ал'акс'ѣв*; Р. *Ал'акс'ѣвны*, Зв. *Ал'акс'ѣвн* МД; однако Вер. А[л'икс'ѣ]евка, А[л'икс'ѣ]евку [Дьяченко 2010: 134]: гласный

³⁵ Изображается речь ребенка.

³⁶ В южных рязанских говорах представлено стяжение сочетаний /ѣе/, /ае/ в отчествах; к приведенному материалу еще — *Михал Никалав* (Малинино). /ѣ/ в стяженных формах, скорее всего, представляет собой первый гласный исходного сочетания.

[и] как аллофон фонемы неверхнего подъема в первом предупредном слоге перед ударным слогом с фонемой /ѣ/ не соответствует правилу обоянского яканья³⁷; ср. волог. тотемск. *Oleksij*³⁸ [Брок 1907] — греч. Ἀλέξιος; др.-рус. **Алексни** [Фасмер I: 70], рус. ц.-слав. *Алексій* [Дьяченко 1900: 11], *Алезій* [Требник 1916]; но рус. лит. *Алексъй* [Грот 1894: 65];

Сергъй, Сергъевич Лека *Сергъявиць*; Вер. С[’ирг’э]евича, С[’арг’э]евна [Дьяченко 2010: 134]; ср. волог. бириковск. Селищи *Сергъя-то* [Бюллетень: 87] — греч. Σέργιος; рус. ц.-слав. *Сѣргій* [Требник 1916], но рус. лит. *Сергъй* [Грот 1894: 65];

Саватъв Мал. *Хѣ’ил’ин Сават’ѣв* (отчество) 3х МД — греч. Σαββάτιος; рус. ц.-слав. *Савватіи* [Требник 1916];

Федосъич Рог. *Х’в’идаѣ’ѣич’* МК — греч. Θεοδοσίος; др.-рус. **Феодосни** [Фасмер IV: 188], рус. ц.-слав. *Феодосій* [Дьяченко 1900: 860], *Феодосій* [Требник 1916], рус. лит. *Федосѣй*, *Федосій*, *Феодосій*.

Подобно собственным именам в юго-восточных говорах ведут себя нарицательные существительные м. рода на *-гъй-* и *-ей-*, заимствованные из греческого через церковнославянское посредство: *евргъй* и *архиергъй*, см. выше раздел 5.8 — ср. ἑβραῖος, ц.-слав. *евреи*, ст.-слав. **евренскъ** [Фасмер II: 6]; ἀρχιερεύς, рус. ц.-слав. *архиерги* Остром., ст.-сл. **архирен** Супрасльская рукопись [Фасмер I: 91]. В говорах *евргъй* является, по-видимому, довольно поздним заимствованием из литературного языка, ср. положение дел в Роговатке [Дьяченко, Тер-Аванесова 2018: сн. 7]; *архиергъй* известно из диалектологических записей начала XX в. В украинском языке на нарицательные существительные огласовка /ѣ/ не распространяется, по севернорусским говорам нет данных.

Женские имена на *-гъя* и *-ея*

Евдокъя Рог. *Йивдак’ѣйе* ЕС;

³⁷ Несоответствие может объясняться тем, что носители говора Веретья копируют произношение в говоре Алексеевки или стандартное произношение. Подражание литературному иканью в заимствованных словах мы наблюдали в говоре Рог. на большом количестве примеров [Дьяченко, Тер-Аванесова 2018; Дьяченко 2021]. Аналогичные данные получены из Мал.; ср. *пир’с’ицкаи* ‘персидские’; *апил’с’ины*; *т’ил’иуи́з’ир* ИФ 2х, АД 2х, НИ 3х, ММ 2х, МП; *т’ил’ив’и́зър* ДР 2х, ТН; но *пъ т’ил’ав’и́зъру* АФ (Рог.); *пъ тилеві́зеру* 2х ПС, ВС, *пъ тиливі́зеру* 3х АС (Мал.); *т’ил’ихвѣдн* НИ 2х, ЕН 2х, ЕФ; *т’ил’ифѣдн* НИ; но *пъ свайѣд т’ѣл’ахвѣдну* ДР; *т’ил’афѣдны* НИ (Рог.); *пъ тилифѣдны* МД (Мал.); *д’ѣз’ирт’ир* НИ, *з’ихв’иры* МП, *к’их’в’ир* ПФ (Рог.), *кифѣру-зифѣру кутѣл* (т. е. городских лакомств) МД (Мал.); *ил’иктр’и́ч’ескѣй* АФ, МР; *ыксп’ирт’и́за* МР; *инт’ир’исѣи́цъ* ТН; *д’ил’у́гѣт* 2х ЕС; *п’ад’у́иктѣр* МК, *ѣл’ира́цыѣа* АД, *т’итрѣтка* АД (Рог.). О подражании городскому иканью как типичном явлении в говорах начала XX в. см. [Миртов 1929].

³⁸ В примерах из Тотмы и др. видим характерную для севернорусских говоров начальную фонему /о/ в соответствии с *а* в заимствованных основах: *Oleksij*, *On-drijof*.

Марѣя, Марѣя Рог. *Царствъ ѳей н'еб'есныйъ, Мар'ѳи, нѳвѳр'еставл'еный* ЕН; однако Зд. *Расплáчитца Мáтерь Бѳжя Марѣя*; ср. н'епарѳч'нѳа д'ѳва *Мар'ѳа* НИ;

Палагѣя Лека *Пылагѣя*.

8. Приложение к рассмотренному материалу:
фонема /ѣ/ на месте /и/ в исконных и заимствованных словах

графѣн 'графин' Лека съ *графѣнамъ* и *бальшимъ стаканамъ*;

коврѣга 'буханка хлеба' Мал. И. мн., Сч. *кавр'ѳг'и* АГ, ПС;

просвѣрка 'булочка'³⁹ Мал. *прасв'ѳрки, прасв'ѳрка* ВС;

Кѣев (Киев) Зд. *Лятіѳл сѳкал ис Кѣива мѳма тѳрима*; Лека ф *Кѣяфъ*.

9. Заключение

Говоры с различением фонем /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѳ/ на современной диалектологической карте русского языка образуют значительные по величине ареалы в пределах севернорусского, южнорусского наречий и среднерусских говоров, преимущественно расположенные в восточной части Европейской территории России. В системах вокализма таких говоров фонемы /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѳ/ образуют пары, в которых противопоставленные по степени подъема или дифтонгичности/недифтонгичности фонемы соотносятся как маркированный и немаркированный члены противопоставления. В качестве маркированных членов выступают фонемы /ѣ/ и /ѳ/, немаркированных — /е/ и /о/, что проявляется, в частности, в выборе той или иной фонемы для подстановки на место ударных гласных *е* и *о* в заимствованных основах. В современных говорах ударный *е* или *о* слов-этимонов обычно субституируется немаркированными членами оппозиции /е/ или /о/ и лишь в особых случаях — маркированными /ѣ/ или /ѳ/. Этот системный и функциональный статус /е/ и /о/, с одной стороны, и /ѣ/ и /ѳ/ — с другой, отражается в метаязыковых высказываниях носителей говоров и их представлениях о стандартном произношении и правилах чтения, согласно которым фонемы /е/ и /о/ их говоров соответствуют фонемам /е/ и /о/ литературного языка и, таким образом, «правильным» является чтение букв «е» и «о» как фонем /е/ и /о/ их говоров.

В современной ситуации употребления носителями говоров новых слов, усвоенных из средств массовой информации или из личного общения, выбор огласовки ударного слога осуществляется в пользу немаркированных /е/ и /о/, если не вступают в действие более сложные факторы, влияющие на выбор огласовки. То же происходит, если носители таких говоров имеют намерение произносить слова «правильно», в соответствии с нормой литературного языка. Даже если заимствованное слово уже до-

³⁹ В том числе в Мал., в Новоселках Рыбновск. р-на Рязанской обл. это обязательная выпечка на Благовещенье, когда просверки пекут для каждого члена семьи и в одну из них запекают монетку-«счастье».

статочно освоено и по тем или иным причинам употребляется в говоре с маркированными «огласовками» /ѣ/ или /о/ уже не один десяток лет, например *библиатѣка, туалѣт, Амѣрика, пинсианѣр, кѣхвие* в говоре Роговатки, некоторые говорящие могут иногда демонстрировать «правильное», «литературное» произношение этих слов с /е/ и /о/: *Амѣрика, туѣлѣт, библиѣтѣка, пинсиѣнѣр, кѣфѣ*. Этим объясняется по крайней мере часть случаев варьирования /е/ и /ѣ/ в одной заимствованной основе, в том числе у одного и того же говорящего, несмотря на то что в говорах фонемный состав заимствованных основ стабилен. Так, варианты с /е/ в перечисленных лексемах встретились исключительно у двух младших по возрасту и наиболее образованных носителей говоров.

В настоящей работе представлен обзор заимствованных слов с ударными /е/ и /ѣ/ в основах, довольно разнообразных с точки зрения предполагаемого времени вхождения в говоры и источников заимствования, которые, однако, объединяются правилами выбора огласовки /е/ или /ѣ/ и местом фиксации — принадлежностью к обширному диалектному региону к востоку и юго-востоку от Москвы. В этот «случайный» материал, почерпнутый исключительно из диалектных текстов, не включены заимствования праславянского периода; наиболее старыми заимствованиями являются церковнославянизмы и местные топонимы финно-угорского происхождения, а приблизительно три четверти рассматриваемых лексем заимствованы из западноевропейских языков через посредство русского литературного языка или просторечия в недавнее время. Выбор огласовки /е/ или /ѣ/ определяется морфонологической членимостью основы (корня): если в нечленимых корнях главный способ субституции ударного *e* слов-этимонов — это /е/, т. е. немаркированный член оппозиции /е/ : /ѣ/, то в таких фрагментах сложных основ, которые представляют собой суффиксальные субморфы, выбор осуществляется в пользу маркированного /ѣ/. На действие этого правила, однако, накладываются ограничения фонологического и морфонологического характера: предшествующая парная твердая согласная фонема и кластеры «сонант + шумный согласный» в качестве консонантного завершителя субморфа блокируют появление /ѣ/. Список суффиксальных субморфов заимствованных основ, выбирающих в говорах фонему /ѣ/, с учетом упомянутых ограничений, совпадает со списком субморфов-завершителей сложных корней, установленных В. Г. Чургановой в русском литературном языке. Этот факт можно считать подтверждением верности и актуальности предложенного В. Г. Чургановой анализа морфонологической структуры основ, в том числе вычленения субморфов в составе морфологически не членимых сложных корней.

В говорах к востоку и юго-востоку от Москвы принципы огласовки заимствованных основ едины для всех групп заимствованной лексики, а соответствующие примеры фиксируются как в недавних диалектологических записях, так и в записях начала XX в. (отражающих употребление более раннего времени — как минимум второй половины XIX в.). Видимо,

к этому времени относится активное проникновение в сельскую культуру городских реалий и понятий, ср. такие заимствованные слова в текстах начала XX в., как *припѣнзѣя* (претензия), *лѣнта*, *карѣта*, *билѣт*, *ниситѣт* и *ниситѣр* (университет), *ахвицѣр* и *ахвицѣр*, *хватѣра*, *харѣла* (холера), *алхирѣй*, *лакѣй*, *канарѣйкѣя*, *стюдѣнтѣ* из задонских говоров; *канфѣта*, *манѣта*, *миланѣр*, *архирѣй*, *карусѣль* из говора Леки, *канфѣту*, *манѣта*, *патѣт*, *опѣка*, *фатѣра*, *акушѣрка*, *тоѣлка* из вологодского говора; некоторые из этих слов могли войти в говоры и раньше середины XIX в.

В восточных и юго-восточных говорах новые заимствованные слова обнаруживают тот же принцип выбора между /ѣ/ и /e/ в основах, что и слова церковнославянского происхождения. Распространение фонемы /ѣ/ в финали *-ей-* (и *-ѣй-*) основ собственных имен, заимствованных из греческого языка через посредство церковнославянского, начавшееся в древнерусском языке и широко представленное с XIV в. в письменных памятниках, в устной речи завершилось практически полной победой /ѣ/ — как в южнорусских, так и в севернорусских и украинских говорах. Можно предполагать, что в юго-восточных и восточных русских говорах завершитель основ церковнославянских личных имен *-ѣй-* (и нарицательных наподобие *архирѣй*, *еврѣй*) послужил образцом не только для других заимствованных основ на *-ей-* (*лакѣй*, *канарѣйкѣя* и под.), но и для церковнославянских по происхождению личных имен с иными завершителями основ (*Лизавѣта*, *Охрѣм*); после чего фонема /ѣ/ могла распространиться и на все субморфы сложных заимствованных корней с нечередующейся /e/ и консонантными завершителями определенного качества. Украинские говоры не затронуло распространение /ѣ/ в субморфах-завершителях сложных основ нарицательных существительных, а севернорусские говоры коснулось в очень малой степени.

Диалектные корпуса

Дьяченко С. В., Крылов С. А., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. База данных по говору села Роговатое. М., 2015 (не опубликована).

Тер-Аванесова А. В., Балабин Ф. А., Дьяченко С. В., Малышева А. В., Панова А. Б., Морозова В. А. Корпус говора села Малинино. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/malinino/>.

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Кolesnikova E. V., Малышева А. В., Ignatenko D. I., Panova A. B., Dobrushina N. R. Corpus of Rogovotka dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: <http://lingconlab.ru/rogovotka/>.

Источники и словари

Аникин 1–16 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–16. М., 2007–2022.

Бюллетень — Р. Ф. К а с а т к и н а (ред.). Бюллетень фонетического фонда русского языка. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры. М.; Бохум, 1991.

ДАРЯ 1 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.

Дьяченко 1900 — Г. М. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1900.

Еськова 2014 — Н. А. Еськова (ред.), С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, примеры употребления. М., 2014.

Миртов 1929 — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.

Поспелов 2000 — Е. М. Поспелов. Топонимический словарь Московской области. М., 2000.

Требник 1916 — Требник в двух частях. М., 1916.

Фасмер I–IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Шахматов 1916 — А. А. Шахматов (ред.). Материалы, собранные И. С. Гришкиным, В. Н. Тростянским и др. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. ХСV. № 1. Пг., 1916. С. 1–158.

Литература

Азарх 1967 — Ю. С. Азарх. Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 137–152.

Брок 1907 — О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб., 1907.

Бубрих 1914 — Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора д. Пустоша // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Т. 18. СПб., 1914. С. 306–346.

Высотский 1949 — С. С. Высотский. О говоре деревни Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М., 1949. С. 3–71.

Грот 1894 — Я. К. Грот. Русское правописание. 11-е изд. СПб., 1894.

Дьяченко 2010 — С. В. Дьяченко. К вопросу о соотношении между предударными гласными после твердых и мягких согласных в южнорусских говорах (на примере говора с архаическим типом вокализма) // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 120–142.

Дьяченко 2017 — С. В. Дьяченко. Особенности коартикуляции в южнорусском говоре // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 12. Диалектология. 2017. С. 11–34.

Дьяченко 2021 — С. В. Дьяченко. Инструментально-фонетическое исследование южнорусского говора в ареальном контексте. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Дьяченко, Тер-Аванесова 2018 — С. В. Дьяченко, А. В. Тер-Аванесова. Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с семифо-

немным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Институт славяноведения, 2018. С. 36–67.

Зализняк 1985/2010 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. (Переиздано в: А. А. З а л и з н я к. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2010).

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.

Иткин 2007 — И. Б. И т к и н. Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007.

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Современная диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 1999.

Касаткин 2005 — Л. Л. К а с а т к и н (ред.), С. В. Б р о м л е й, Л. Н. Б у л а т о в а, О. Г. Г е ц о в а, К. Ф. З а х а р о в а, И. Б. К у з ь м и н а, О. Н. М о р а х о в с к а я, Е. В. Н е м ч е н к о, В. Г. О р л о в а, О. Г. Р о в н о в а. Русская диалектология. М.: Издательский центр «Академия», 2005.

Николаев 2015 — С. Л. Н и к о л а е в. Новые данные о рефлексах *о и *ѣ в русских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М.: Институт славяноведения, 2015. С. 90–188.

Пауфшима 1961 — Р. Ф. П а у ф о ш и м а. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского р-на Вологодской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961. С. 74–77.

Поливанова 1976 — А. К. П о л и в а н о в а. Морфонология русского субстантивного основообразования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

Пожаричкая 2005 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Русская диалектология. М.: Изд-во МГУ, 2005.

Савинов 2013 — Д. М. С а в и н о в. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013.

Соболевский 1907/2004 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. (Репринтное переиздание: А. И. С о б о л е в с к и й. Труды по истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1).

Тер-Аванесова 2006 — А. В. Т е р - А в а н е с о в а. Отклонения от правила распределения двух фонем «типа о» в восточнорусском говоре Пустошей // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М.: Институт славяноведения, 2006. С. 60–93.

Тер-Аванесова 2008 — А. В. Т е р - А в а н е с о в а. О фонетике заимствований в современных русских народных говорах // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2008. Вып. 2 (12). С. 121–126.

Успенский 1969 — Б. А. У с п е н с к и й. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М.: МГУ, 1969.

Чурганова 1973 — В. Г. Ч у р г а н о в а. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973.

Список информантов

Роговатое: ЕС — Евдокия Кузьминична Серикова, 1919–2012, неграм.; ДР — Дарья Ильинична Рожкова, 1923–2015, 10 кл.; АД — Анастасия Андриановна Дементьева, 1926–2013, в школе не училась, грамотная; МП — Мария Ивановна Плутахина (*Гузеева*), 1926, 2 кл.; МК — Мария Сергеевна Колесникова (*Козлиха*), 1929, 3 кл.; МР — Мария Родионовна Кудрина (*Двоюшиха*), 1930, неграм.; ИФ — Ирина Ивановна Фомина (*Арина Монахова*), 1931–2016, 1 кл.; ЕН — Елена Андреевна Нечаева (*Алена Немых, Капралова*), 1931, неграм.; МА — Мария Алексеевна Макарова, 1932, 7 кл.; ЕЖ — Екатерина Андреевна Жильникова (*Держачиха*), 1935–2017, 5 кл.; ЕФ — Екатерина Никитична Фомина (*Гульончикова*), 1935, 5 кл.; ММ — Мария (*Мириха* по свекру), 1936; НИ — Нина Дмитриевна Исакова, 1937–2016; 7 кл.; ДИ — Дмитрий Исаков, 1937; ПФ — Прасковья Ивановна Фомина, 1940; АФ — Анна Ивановна Фомина (*Метревелина*), 1948, средн. спец. образование; ТН — Татьяна Васильевна Нечаева, 1949, высш. образование.

Малинино: ВС — Валентина Николаевна Свешникова, 1916; ПС — Прасковья Алексеевна Свешникова, 1930, 7 кл.; МД — Мария Гавриловна Дудова, 1932, 4 кл.; АГ — Александра Григорьевна Горлова, 1933, 10 кл.; ВИ — Валентина Ивановна Свешникова, 1939, 7 кл.; АС — Александра Михайловна Свешникова, 1941, 8 кл.; НС — Николай Свешников (сын ВС), около 1950, средн. спец. образование; НД — Надежда Владимировна Дудова, 1968 (дочь АГ, невестка МД, племянница ПС), средн. спец. образование; ХХ — женщина средних лет, участница посиделок.

Статья получена 21.04.2023

Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
svet-lan-a@list.ru

Alexandra V. Ter-Avanesova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
teravan@mail.ru

PHONEMES /E/ AND /Ê/ IN THE BORROWED STEMS IN SOUTHERN AND CENTRAL RUSSIAN DIALECTS

In Russian dialects with the distinction of phonemes /e/ and /ê/ both of these phonemes can reflect the stressed vowel *e* of the etymons in the stems of borrowings, one of them being usually assigned to a certain stem. The paper considers about 200 lexemes taken from the dialect records of the early XX — XXI centuries made in the surroundings of Ryazan, Zadonsk and Staryj Oskol. Most of them are borrowings from Western European languages through the medium of standard Russian in its professional and official varieties; about a quarter of lexemes are borrowed from Church Slavonic, most of them are personal names; a few words represent borrowings from Yiddish and from some Finno-Ugric source. The data describes the situation in Russian dialects to the

southeast and east of Moscow, which is characterized by the unity of the principles of vocalization of borrowed stems. The ‘unmarked’ way of substituting the accented *e* in the etymons is the phoneme /e/. However, in the fragments of stems which, occurring in several lexemes, look like suffixes (due to their morphological structure and the position in the stem), the stressed *e* is replaced by the phoneme /ѣ/. Such suffix-like fragments of the stems are *-ѣt*, *-ѣr*, *-ѣj* in masculine nouns, *-ѣt-a*, *-tѣk-a*, *-ѣr-a*, *-r-ѣl-a* (< *-l-ѣr-a*), *-ѣl-b*, *-ѣj-a* in feminine nouns. The only suffix-like fragment where the phoneme /e/ stands for *e* of the etymons is *-ent*. The northern dialects, judging by fragmentary data, are similar to the southeastern dialects when it comes to Church Slavonicisms and differ from them in regard to the vocabulary borrowed from Western European languages.

The variation of /e/ and /ѣ/ in one stem is relatively rare and may partly be due to the ideas of the dialect speakers about the standard pronunciation and correct reading of the letter ‘e’. Educated speakers of dialects believe that the proper reading of the letter ‘e’ is the phoneme /e/ of their dialects; and that the phoneme /e/ of the standard language corresponds to the phoneme /e/ (monophthong) in their dialects, while the phoneme /ѣ/ (diphthong) is specifically dialectal.

Keywords: Russian dialects, vocalism, borrowed vocabulary.

References

- Azarkh, Yu. S. (1967). Otverdenie parnykh miagkikh soglasnykh pered glasnymi v vologodsko-kirovskikh govorakh. In L. L. Kasatkina (Ed.), *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* (pp. 137–152). Moscow: Nauka.
- Churganova, V. G. (1973). *Ocherk russkoi morfonologii*. Moscow: Nauka.
- D'iachenko, S. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2018). Fonetika zaimstvovaniia i zaimstvovannaiia fonetika v russkom govore s semifonemnym vokalizmom: osnovy, sodержashchie e-obraznye fonemy. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Vol. 19–20: Slavianskie dialekty v sovremennoi iazykovoii situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov* (pp. 36–67). Moscow: Institut slavianovedeniia.
- D'iachenko, S. V. (2010). K voprosu o sootnoshenii mezhdu predudarnymi glasnymi posle tverdykh i miagkikh soglasnykh v iuzhnorusskikh govorakh (na primere govora s arkhaiskimi tipom vokalizma). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(20), 120–142.
- D'iachenko, S. V. (2017). Osobennosti koartikulatsii v iuzhnorusskom govore. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 12, 11–34.
- D'iachenko, S. V. (2021). *Instrumental'no-foneticheskoe issledovanie iuzhnorusskogo govora v areal'nom kontekste* (Doctoral dissertation). The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
- Itkin, I. B. (2007). *Russkaia morfonologija*. Moscow: Gnozis.
- Kasatkin, L. L. (1999). *Sovremennaiia dialektnaia i literaturnaia fonetika kak istochnik dlia istorii russkogo iazyka*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Kasatkin, L. L., Bromlei, S. V., Bulatova, L. N., Getsova, O. G., Zakharova, K. F., Kuz'mina, I. B., Morakhovskaia, O. N., Nemchenko, E. V., Orlova, V. G., Rovnova, O. G. (2005). *Russkaia dialektologija*. Moscow: Akademiia.
- Nikolaev, S. L. (2015). Novye dannye o refleksakh *o i *ѣ v russkikh dialektakh. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Vol. 17: Sud'ba slavian-*

skikh dialektov i perspektivy slavianskoi dialektologii v XXI veke (pp. 90–188). Moscow: Institut slavianovedeniia.

Paufoshima, R. F. (1961). Soglasnye nepolnogo smiagcheniia pered glasnymi perednego obrazovaniia v govorakh Kharovskogo r-na Vologodskoi oblasti. In V. G. Orlova (Ed.), *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii. Novaia seriia* (Vol. 2, pp. 74–77). Moscow: Nauka.

Polivanova, A. K. (1976). *Morfonologiia russkogo substantivnogo osnovoobrazovaniia* (Doctoral dissertation summary). Moscow State University, Moscow.

Pozharitskaia, S. K. (2005). *Russkaia dialektologiia*. Moscow: Izd-vo MGU.

Savinov, D. M. (2013). *Evoliutsiia sistem vokalizma v iuzhnorusskikh govorakh*. Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN.

Ter-Avanesova, A. V. (2006). Otkloneniia ot pravila raspredeleniia dvukh fonem «tipa o» v vostochnorusskom govore Pustoshei. In L. E. Kalyn', & G. P. Klepikova (Eds.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Vol. 6: Slavianskaia dialektologiia i istoriia iazyka* (pp. 60–93). Moscow: Institut slavianovedeniia.

Ter-Avanesova, A. V. (2008). O fonetike zaimstvovaniia v sovremennykh russkikh narodnykh govorakh. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 3: Filologiia*, 2(12), 121–126.

Uspenskii, B. A. (1969). *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*. Moscow: MGU.

Zakharova, K. F., & Orlova, V. G. (1970). *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka*. Moscow: Prosveshchenie.

Zalizniak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Received on April 21, 2023

А. Б. ЛЕТУЧИЙ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
alexander.letuchiy@gmail.com

ПОДЧИНЕНИЕ В НЕСТАНДАРТНОМ КОНТЕКСТЕ: НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Статья посвящена нестандартным подчинительным конструкциям типа *Миша понимал одно: здесь что-то нечисто* или — *Я знаю, что думает отец, — мне нужно научиться готовить*. В таких контекстах синтаксическая единица (клауза) семантически подчинена некоторой вершине (заполняет её валентность, например валентность глагола *думать*), а синтаксические свойства мешают признать её строго подчинённой. Такое бывает, в частности, когда оформление единицы мешает признать её синтаксически зависимой при данной вершине, когда подчинённая составляющая находится не в той же клаузе, что предполагаемая вершина, и/или когда вторая клауза не содержит показателей подчинения. Как выясняется, хотя обсуждаемые конструкции имеют разные функции и устройство, у них есть существенные общие черты (и существенные отличия от стандартных подчинительных конструкций). В частности, многие из них допускают несколько вариантов, одни из которых ближе к стандартному подчинению, а другие дальше. Кроме этого, их конкретные свойства зависят от семантических и дискурсивных параметров: например, от того, совпадает ли субъект с говорящим и возможна ли для конструкции дейктическая интерпретация. При этом некоторые фундаментальные отличия этих конструкций от стандартных подчинительных (почти полная невозможность отрицания и опущения субъекта в зависимой клаузе) не сводятся к функциям одной конкретной конструкции. Речь о том, что при отсутствии подчинительных показателей коммуникативный статус второй части повышается — она склонна становиться отдельной ассерцией. В то же время между конструкциями есть и различия — например, в разной мере возможна относительная интерпретация времени. Так ведут себя свойства, для которых ключевым является не присутствие показателя подчинения, а связность частей, которая для разных конструкций разная.

Ключевые слова: подчинение, бессоюзная связь, выделительные конструкции, ответы на вопросы, интерпретация местоимений, отрицание, опущение субъекта, дейктическая интерпретация, вариативность свойств.

1. Вопрос о семантическом определении подчинения

Для синтаксиса ключевое значение имеет противопоставление подчинения и сочинения. Однако следует помнить, что подчинение можно рас-

сма­тривать и в синтаксическом, и в семан­тиче­ском измерении, и эти изме­рения часто расходятся между собой. И если в стандартной конструкции типа *Я знаю эту историю / что ты приехал / что теперь делать* не­со­м­ненно, что подчёркнутая часть подчинена глаголу *знать* и семан­тиче­ски, и синтаксически, то в менее стандартных конструкциях вопрос о под­чи­нен­ии не всегда очевиден. Это верно, например, для случаев типа *Я знаю, что ты думаешь*, — *всё равно ничего не получится* или *Как сказал один знакомый, здесь ловить нечего*. Семан­тиче­ски подчёркнутая часть и здесь понимается как зависящее при глаголах *знать* и *сказать* (она обозначает содержание мысли или речи). Однако синтаксически в первом случае часть *всё равно ничего не получится* никак не маркирована как подчинённая; во втором же случае расхождение даже сильнее — маркером подчинения — союзом *как* — маркируется как раз клауза с глаголом *сказать*. Мы рассмотрим такие конструкции, где семан­тиче­ски одна клауза подчинена глаголу в другой (заполняет её валентность), а синтаксические свойства не очевидны, и попытаемся выяснить, в какой мере данные конструкции похожи на синтаксически подчинительные, а в какой мере отличаются от них.

Известно, что семан­тиче­ский подход к подчинению не является самым продуктивным (см., в частности, [Пекелис 2015]). У этого подхода есть несколько недостатков, которые мешают на его основе строить оппозицию подчинения и сочинения или типологию подчинения. Упомянем здесь несколько из них.

- 1) Противопоставление случаев, когда первая и вторая части предложения симметричны и когда они не симметричны, в значительной мере вытекает из наших представлений об устройстве мира, при этом граница между симметричными и несимметричными случаями размыта.
- 2) Сами традиционные термины для типов подчинительных и сочинительных конструкций противопоставлены недостаточно чётко: например, тот факт, что конструкции с *хотя* называются уступительными, а конструкции с *но* — противительными, вытекает из наших представлений о том, что первые синтаксически асимметричны, а вторые симметричны. В этом смысле данные термины так или иначе не являются строго семантическими.
- 3) В различение конструкций вмешиваются дискурсивные отношения и информационная структура: например, внутри причинных отношений, как показано в [Там же], противопоставлены конструкции с *потому что* и с *поскольку*.
- 4) Дробность разбиения различна для разных частей системы: при семан­тиче­ском подходе сентенциальные обстоятельства делятся дробно (целевые, временные, уступительные, условные, причинные и др.), а для сентенциальных актантов такого дробного деления не существует. Однако вряд ли можно быть уверенным, что семан­тиче­ский

вклад второй части в случаях типа *мечтать, что; говорить, что; меня раздражает, что* одинаков¹.

Тем не менее, как мы покажем, есть случаи, когда чисто синтаксического подхода тоже недостаточно. Речь идёт о контекстах, где семантически и дискурсивно вторая часть связана с первой, однако выявить эту связь, основываясь на исключительно синтаксических критериях, не удаётся. Конструкции не проявляют всех признаков подчинительной конструкции. Мы покажем, что необходим комплексный подход к подчинению, причём разные критерии говорят разное о свойствах конструкций.

Статья имеет следующую структуру. В части 2 описывается материал исследования. Часть 3 подробнее характеризует каждую из исследуемых конструкций. Дополнительно, в части 4 рассказывается о других нестандартных конструкциях, которые не исследуются в деталях в силу того, что их свойства резко отграничивают их от основного материала. В части 5 применяются критерии проверки свойств конструкций и показывается, что нестандартные конструкции не являются однородными. Дополнительные соображения о свойствах конструкций указываются в части 6. Часть 7 посвящена сочетаемостным ограничениям на материал конструкций, как на первую (главную), так и на вторую (подчинённую) часть. В части 8 соотносятся между собой близкие, но не тождественные, варианты конструкций — показано, что различия в устройстве конструкций напрямую ведут к различному поведению по синтаксическим критериям. Наконец, в заключении подводятся итоги работы — результаты касаются и свойств самих конструкций, и неоднородности применяемых нами критериев.

2. Материал исследования

Идея нашего исследования связана с наличием интересных примеров типа (1)–(2). Мы будем называть их **немаркированными ответами**.

- (1) *А вот как частный человек? Об этом известно менее. Был женат на Варваре Прозоровской. Имел двоих детей. Приревновав, жену бросил* (Ю. Безелянский. В садах любви (1993)).
- (2) *Что ты знаешь о нем? — Он делал что-то для спутников. — Что именно? — Для спутников что-то...* (<https://otvet.mail.ru/question/190420028>)².

¹ Все эти соображения, впрочем, не отменяют полезности подходов, сочетающих семантические и синтаксические методы: такие подходы представлены, например, в [Haspelmath 2007; Noonan 2007; Belyaev 2015]. Некоторые, казалось бы, преимущественно синтаксически ориентированные исследования, как, например, [Kazenin, Testelefs 2004], тоже не отвергают важности семантических соображений.

² Данные конструкции попадают в широкий класс конструкций с фрагментированием, исследованных, например, в работе [Merchant 2004] и [Merchant et al. 2013].

Два случая имеют общую черту. С одной стороны, вторая часть явно связана с первой: *был женат на Варваре Прозоровской* — это и есть то, что известно о Суворове, *он делал что-то для спутников* — содержание знания. С другой стороны, первая и вторая части маркированы пунктуацией, как отдельные предложения, причём никаких показателей подчинения: нефинитных форм, союзов типа *что* или *чтобы*, общего подлежащего — эти конструкции не содержат. Это означает, что нам только предстоит выяснить, имеет ли место синтаксическое подчинение.

Кроме данных конструкций, исследование включает некоторые другие виды конструкций:

- Конструкции типа *так он считал*.
- Конструкции с неканоническим употреблением клауз с *как* типа *как мы все думали*.
- Конструкции типа *Вот что я думаю — у нас ничего не получится*.
- Конструкции с кванторными элементами вида *Он хотел одного / двух вещей: помыться и как следует поужинать*.
- Конструкции с парцелляцией типа *Он ужасно боялся. Что его не примут всерьёз, что будут смеяться*.

Все эти конструкции объединяет то, что семантическое соотношение ситуаций в них хотя бы частично расходится с синтаксическим устройством. Семантически данные конструкции похожи на стандартные конструкции с сентенциальными актантами: в них есть предикат, у которого есть зависимая ситуация — она имеет семантическую роль стимула, содержания при ментальном состоянии или другую. В этом смысле ситуации соотносятся так же, как в стандартных конструкциях с подчинением финитной клаузы посредством союза (*Я знаю, что был неправ*) или с инфинитивным оборотом (*Мне надоело писать письма*). Синтаксически же все эти конструкции отклоняются от стандарта подчинительной конструкции: подчинение может быть не маркировано, две ситуации могут выражаться в разных предложениях, место актанта при матричном предикате может занимать именная группа или её аналог (*вот что, одно, две вещи*), а сентенциальное зависимое в этом случае выражается дополнительно.

Кроме этого, как будет показано в разделе 4 ниже, есть некоторые особые случаи, которые мы рассматриваем менее подробно:

Однако от многих других случаев фрагментирования они отличаются опущением связующего элемента — союза. По сути, в этих контекстах ответ выглядит как независимое предложение и не несёт никаких признаков подчинённости. В более стандартном случае показатель синтаксической связи — союз, нефинитная форма глагола, предлог или падеж — сохраняется при фрагментировании. Ср., например:

- *Что же ты там увидел? — Что даже президент не уверен в себе.*
- *Чего тебе хочется больше всего на свете? — Проснуться в час дня и никуда не спешить.*
- *На кого ты больше всего рассчитываешь? — На свою тётю.*
- *Чем у вас можно завесить окно? — Газетой.*

- Семантическое подчинение с неканоническим употреблением деепричастия.
- Последовательности подчинённых клауз.

3. Таксономия явлений

Рассматриваемые конструкции можно разделить на несколько классов. В основе деления лежат следующие различительные признаки.

- 1) Есть ли в конструкции маркер подчинения (например, в случае Он боялся. Что кто-нибудь его осудит или Как сказал Петя, мы сделали ошибку уже в самом начале он есть, а в случае Он знал: его никто не осудит отсутствует).
- 2) Представляют ли собой первая и вторая клаузы элементы одного предложения (*Я уверен, Вы не натворите глупостей*) или разных (*— Что ты о нём знаешь? — Он работал в Италии*).
- 3) Есть ли в конструкции выделительные элементы, дублирующие зависимые клаузы (например, *одно* в случае *Он знал одно: его никто не осудит* или *вот что* в *Я вот что понял — нас опять обманули*).

Отдельно отметим, что в данной статье мы не рассматриваем места явлений в типологии прямой/косвенной речи и эвиденциальных значений — данные вопросы подробно исследуются в применении к русскому языку, например, в [Подлесская 2017] и [Левонтина 2020].

3.1. Немаркированные ответы

При немаркированных ответах ответ на вопрос с вопросительным словом не содержит маркеров подчинения. При этом ответ является отдельным предложением. К этому же типу относится случай, в котором вопрос является косвенным, подчинён главному предикату — но ответ также не содержит маркера подчинения.

Казалось бы, немаркированные ответы очень похожи на синтаксически независимые предложения. Однако у них есть одна особенность: в них не могут содержаться прямые вопросы.

- (3) — *Чего же он не понял / О чём он спрашивал? — Вернётся ли Вася к жене?*
- (4) # — *Чего же он не понял / О чём он спрашивал? — Вася вернётся к жене?*

3.2. Выделительные конструкции с *одно*, *две вещи* и *вот что*

Несколько конструкций — мы рассматриваем из этого класса конструкции с показателями *одно*, *две вещи*, *вот что* — служат для выделения зависимой ситуации (конструкция с выделительным элементом *одно* была описана в [Летучий 2016]). При этом конструкция с *вот что* отличается от

прочих тем, что свободно может быть отделена от самой зависимой ситуации языковым материалом. Для двух других конструкций это нехарактерно:

- (5) *Но вот что* меня беспокоит: что если маменька предупредила сегодня Татьяну Ивановну о завтрашнем предложении? (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)).
- (6) — *Я вот что* решил: что мы, дети, что ли, только глупостями занимаемся? (Р. Ибрагимбеков. Забытый август // «Юность», 1972).

При этом все три конструкции имеют по два варианта: с союзом и без союза. В (7) содержание понимания никак не маркируется как зависимая клауза, тогда как в (8) вторая часть оформлена союзом *что*. Точно так же в (9) и (10) конструкция с маркером *одно* употреблена без союза, а в (11) сопровождается союзом.

- (7) *Тут-то мысли и набегают. Но вот что я понял.* Когда мысли приходят сами по себе и уснуть из-за этого очень трудно — надо начать думать специально (Д. Сабитова. Где нет зимы (2011)).
- (8) *А вот что будет: что ты через десять лет со своей дивизией будешь их штурмом брать!* (А. А. Керсновский. История Русской армии (1933–1938)).
- (9) *Это значило только одно: я был не нужен им в их развеселой компании!* (А. Г. Евтушенко. Дневник (2010)).
- (10) *Пока расстраивает одно — он не кушает вообще* (<https://www.belhunter.org/forum/index.php?topic=32944.15>).
- (11) *Когда я спрашиваю, как ты думаешь, это означает только одно: что мне на самом деле хочется заставить тебя думать* (М. Петросян. Дом, в котором... (2009)).

Несмотря на внешнюю близость данных конструкций, мы покажем, что синтаксические свойства вариантов с союзом и без союза не тождественны.

3.3. Конструкция с *как* типа *как он сказал*

В отличие от многих других рассматриваемых конструкций, конструкция с *как* типа (12) имеет довольно строгую семантическую специализацию. Она служит для пересказа чужой речи, когнитивного состояния (знания, мнения и т. д.), эмоций или чувственного восприятия.

- (12) *Как считает главврач ЦРБ Николай Сушенцов, в недалеком будущем в больнице могут остаться одни пенсионеры* (Заманивать будут рублем (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 10.01.2003).

Пересказывательный оборот с *как* может располагаться в любой позиции относительно другой части — перед ней, как в (12), после неё, как в (13), или внутри, как в (14):

- (13) *В недалёком будущем в больнице могут остаться пенсионеры, как считает главврач.*
- (14) *В недалёком будущем, как считает главврач, в больнице могут остаться одни пенсионеры.*

3.4. Бессоюзные конструкции

В круг описываемых явлений попадают и бессоюзные конструкции — т. е. случаи, когда валентность глагола в первой клаузе семантически и отчасти синтаксически заполнена второй клаузой, не маркированной показателями подчинения (см. о свойствах таких конструкций [Ширяев 1986; Сердобольская 2017; Летучий 2023]). Бессоюзные конструкции делятся на более слитные и менее слитные — на письме первые стандартно маркируются запятой (15), а вторые двоеточием или тире (16)–(17). Синтаксические свойства двух типов конструкций не идентичны, однако здесь мы не будем касаться различий между ними.

- (15) — *А я думал, ты понял... — протянул он, как-то странно растягивая губы и шурясь* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)).
- (16) — *Да, я понял: ты замерзла, а я теплый* (Т. Устинова. Персональный ангел (2002)).
- (17) *Я понял — Ты моя единственная радость* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)).

3.5. Парцелляция

Особое место среди описываемых явлений занимает парцелляция. В отличие от многих прочих конструкций, при ней отсутствуют какие-либо маркеры, преобразующие конструкцию (типа *одно* или *две вещи*) или расхождение между моделью управления матричного предиката и формой зависимого. Речь только об интонационном и / или пунктуационном разделении вершины и зависимого.

При парцелляции допустимы многие стандартные для зависимых клауз процессы. Например, время может присваиваться как относительно, так и абсолютно.

- (18) *Никто не мог понять: что же он пытался сказать?*
- (19) *Никто не знал: что он пытается сделать?*

Особенно легко парцелляции подвергаются косвенные вопросы (20). Однако, как показывают примеры (21)–(30), парцелляция возможна и для невопросительных типов сентенциальных актантов с союзами *чтобы* и *что*.

- (20) *Рецензенты не понимали: что хотел сказать автор романа «Синдром Никифорова»? (Ю. В. Трифонов. Время и место (1980)).*
- (21) *После операции я тоже боялась: что никогда не пройдет боль (а на второй день действительно было больно), что никогда не снимут бинты (а первые несколько дней ты ходишь в шлеме из бинтов,*

- и у тебя не глаза, а узкие щелочки), что умру от голода (пить можно только через соломинку, а есть — только крохотными кусочками, чтобы не широко открывать рот)...*
- (22) *Ты постарайся придумать, а я пока придумала одно — нехорошо, неудобно: что ты приедешь в Петербург, и я буду к тебе приходить, а ты к нам нет...* (В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)).
- (23) *Да он уже и сам не верил в мечты свои, знал, что надеяться не на что; а все-таки **надеялся**: что если государь пожелает видеть его, — он скажет ему все, — и тот поймет* (Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922)).
- (24) *Я рассказал: что мы делаем и что думаем делать. (Жалко, что из Продовольственной программы не рассказал об овощах — это было бы выигрышно)* (В. И. Конотоп. Дневник (1983)).
- (24') *Все просил нас с Павлом поцеловаться, подходил ко мне пожимал мне руку и доверительно рассказывал: что он может напоить всю Мошу* (Г. П. Зайцева. Дневник (1982)).
- (25) *Виталий Николаевич просто улыбнулся — что попал в цель, видимо — и чуть переделал, — вспоминает Савостюк* (Открылась ретроспективная выставка художника Виталия Горяева // Vesti.ru, 2012.01).
- (26) *Но **требую**: чтобы все, что мне может не понравиться, было абсолютно ликвидировано* (В. Катанян. Лиля Брик. Жизнь (1999)).
- (27) *Только я прошу — чтобы в прессе ни слова не было об этой истории* (А. Белозеров. Чайка (2001)).
- (28) *Вот мыслящая курица и **просит** — чтобы я вас всех гнал отсюда по вашим номерам* (Э. Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского (1981)).
- (29) *Я всем **врага** — что муж на фронте погиб, лежит в братской могиле* (Е. П. Злобин. Дневник (1994)).
- (30) *Как я **докажу** — что я это я?* (Б. Е. Клетинич. Моё частное бессмертие (2015) // «Волга», 2016).

В то же время некоторые черты отличают конструкции с парцелляцией от конструкций без неё. В первую очередь это поведение кванторов и полярности. Как кажется, кванторы типа *каждый* с трудом связывают в таких конструкциях анафорические местоимения.

- (31) *Каждый **боялся**, что его обманут.*
- (32) *[?]Каждый **боялся**: что его обманут.*

Что касается полярности, то при парцелляции требуется, чтобы полярность главного предложения была связана с положительной полярностью зависимого. Например, парцелляция возможна при *бояться*, но не при *не бояться*, как в (34): в этом случае требование полярности нарушается, и отрицание при *бояться* не связано с положительной полярностью зависимого.

(33) *Все боялись: что их обманут, что будут считать лохами.*

(34) ^{??}*Люди не боялись: что их обманут, что будут считать лохами.*

Точно так же при косвенном вопросе главный предикат не может выражать отсутствие вопроса. В этом смысле допустимы отрицательные конструкции с фактивными предикатами типа *не понять, не знать, не помнить* и аналогичное по полярности *забыть* и неприемлемы конструкции *понять, знать, помнить, не забыть*.

(35) *Издана УМСА бедная, пустопорожня, чухлая книга — почти без образов, без красок, — прочтя ее, так и не знаешь: что же за человек был Мережковский* (К. И. Чуковский. Дневник (1961)).

(36) **Прочтя эту книгу, знаешь: что же за человек был Мережковский.*

В основе этого ограничения лежит тот же принцип: при парцелляции вторая часть ведёт себя как отдельная ассерция. В предложениях (37) и (38) между второй ассерцией и первой возникает конфликт:

(37) Ассерция 1: ‘Предполагается, что людей не обманут’.

Ассерция 2: ‘Предполагается, что людей обманут’.

(38) Ассерция 1: ‘Читатель знает, что за человек был Мережковский, вопроса нет’.

Ассерция 2: ‘Возникает вопрос, что за человек был Мережковский’.

С примерами выше не следует путать тип (39), не подпадающий под данное ограничение. В нём глаголу *знать* при парцелляции подчинён не обычный, а риторический вопрос: вторая часть означает ‘все эти новые срубы, крыши, стены ничего бы не стоили без богатого урожая и радости’. Здесь конфликта между знанием и собственно ассерцией, являющейся содержанием знания, не возникает.

(39) *И только Бах знал: чего бы стоили все эти новые срубы, крыши, саманные стены — без богатого урожая и радости тех, кто этот урожай собирает, без их веры и их желания? Ничего бы не стоили — так и стояли бы пустыми, как год-два назад* (Г. Яхина. Дети мои (2018)).

Особую, хотя и близкую, конструкцию представляет собой парцелляция с повтором. Её дискурсивная функция несколько отличается от функции стандартной парцелляции. Ключевым является намерение говорящего подчеркнуть сначала само наличие когнитивного или эмоционального состояния, а уже затем зафиксировать его точное содержание.

(40) — *Он боялся. Боялся, что война закончится без его участия*³.

³ http://wiki.edc-samara.ru/index.php?title=%D0%93%D1%83%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%B0

- (41) — *До этого мы планировали вместе встретить новый год, но тогда я уже знал. Знал, что всё. Конец*⁴.
- (42) *Значит, он понял. Понял, что она имела в виду, и что прямой вопрос, от которого невозможно увильнуть, он в самом деле так ни разу и не задал*⁵.

Несмотря на то, что эта конструкция очень похожа на стандартное сложное предложение, даже она подпадает под некоторые специфические ограничения. В частности, сомнительна конструкция с квантором, связывающим местоимения:

- (43) *??И каждый уже знал. Знал, что его уволят.*
- (44) *??И каждый понял. Понял, что он здесь ни к чему.*

4. Особые случаи

Кроме стандартных случаев, указанных выше, есть конструкции, которые также можно причислить к семантическому подчинению, но от других они отличаются. Как правило, это случаи, когда главная или зависимая часть имеет сложную структуру (например, получена сочинением клауз). Возможна одна из двух конфигураций:

- (45) *вершина & вершина & вершина [зависимое]*
- (46) *вершина [зависимое & зависимое & зависимое]*

При этом может оказаться, что одна из сочинённых вершин или одно из сочинённых зависимых по своим морфосинтаксическим свойствам (финитности, падежному оформлению, набору участников и т. д.) не соответствует требованию связанной составляющей. Однако в силу того, что другие члены сочинительной конструкции таким требованиям соответствуют, конструкция грамматична.

4.1. Главные клаузы при деепричастиях

Один из подобных случаев иллюстрируют конструкции с деепричастиями. В этом случае вершина не подвергается эллипсису, а вот зависимое слово — деепричастие — может выражаться один раз на две составляющих.

- (47) — *Что они первым делом сделали, приехав в Америку? — Костя пошёл в гости, а Вася на Бродвей.*

В подобных случаях может оказываться, что семантически или синтаксически деепричастный оборот подчинён только одной из сочинённых составляющих. Ниже в (48) конструкция *Вася в тот раз вообще не поехал*

⁴ <https://proza.ru/2017/01/01/1671>

⁵ <https://ficbook.net/readfic/11170597/32797299>

семантически не сочетается с деепричастным оборотом *приехав в Америку* (**Приехав в Америку, Вася вообще не поехал*). В (49) имеется синтаксическая аномалия: в клаузе *его брата кормили на работе* субъект не совпадает с субъектом деепричастного оборота *живя в Америке*.

- (48) — *Что они первым делом сделали, приехав в Америку? — Костя пошёл в бар, а Вася в тот раз вообще не поехал.*
 (49) — *Где они питались, живя в Америке? — [Живя в Америке], Серёжа ел бургеры в соседнем кафе, а его брата кормили на работе.*

Если считать, что при фрагментировании опускается нефокусная часть исходного предложения, это не позволяет объяснить допустимость предложения. Вторая часть ответа не может быть контролёром деепричастия:

- (50) **Живя в Америке, его брата кормили на работе.*

По-видимому, нужно считать, что только семантически часть *живя в Америке* связана с обоими конъюнктами при сочинении (действительно, имеется в виду, что и Серёжа, и его брат жили в Америке). Синтаксически же с деепричастным оборотом связана только первая часть *Серёжа ел бургеры в соседнем кафе*.

4.2. Зависимые клаузы

Те же проблемы возникают при описании зависимых клауз в полипредикативных конструкциях. Так, например, устроено большинство конструкций с показателем *тем, что* (*порадовать X-а тем, что; победить X-а тем, что; убедить X-а тем, что; обидеть X-а тем, что; расстроить X-а тем, что*). Хотя финитные зависимые клаузы не накладывают жёсткого требования совпадения субъекта, стандартно они подразумевают, что зависимая клауза — это способ или инструмент при главном действии, а значит, субъект у них совпадает. Если предложение содержит однородный ряд таких конструкций, требование совпадения субъекта не всегда соблюдается. Семантически данные ряды также бывают аномальны: возможны случаи, когда не весь ряд зависимых клауз по смыслу связан с матричной.

- (51) *Не имея собственного авторитета/власти, слабейшая сторона надеется одолеть сильнейшую тем, что породит ужас в обществе, общество изменит мнение, предпочтет уступить, а общественное мнение имеет принудительную силу для адресата — демократической власти и т. д. и т. д.* (А. Левинсон. Театр ужаса (2003) // «Неприкосновенный запас», 04.03.2003).

Оба наиболее простых синтаксических подхода, возможных для (51), не покрывают всех его свойств. Речь идёт о следующих подходах:

- 1) Все однородные клаузы синтаксически зависят от матричного глагола *одолеть*.

- 2) Только первая клауза синтаксически зависит от матричного глагола *одолеть*, а остальные находятся на том же уровне структуры, что и *одолеть* (или даже на том же, что главный глагол *надеется*).

Первый подход с трудом подходит для описания второй и третьей из ряда зависимых клауз и прямо конфликтует с четвёртой:

- (52) *Слабейшая сторона надеется **одолеть** сильнейшую тем, что общество изменит мнение / тем, что общество предпочтёт уступить.*
 (53) *Сильнейшая сторона надеется **одолеть** сильнейшую тем, что общественное мнение имеет принудительную силу для адресата.*

Даже ситуация ‘общество изменит мнение’ уже, скорее всего, не связана ни семантически, ни синтаксически с матричным глаголом *одолеть*: изменение мнения общества — возможно, не способ одолеть сильнейшую сторону, а уже проявление того, что соотношение сил изменится. Последняя же клауза *общественное мнение имеет принудительную силу* — это скорее пояснение ситуации в целом, которое тем более не связано с глаголом *одолеть*.

При втором подходе стандартное присоединение ряда зависимых клауз невозможно. На одном уровне с *одолеть* все эти клаузы не могут присоединиться в связи с тем, что не несут никаких признаков подчинения — например, не содержат инфинитива или союза *что*, которые сочетаются с матричным глаголом *надеяться*. Скорее при таком анализе мы ожидали бы оформления, как в (54), где *сделать* оформлено инфинитивом, как и *одолеть*:

- (54) *Слабейшая сторона надеется **одолеть** сильнейшую тем, что породит ужас в обществе, и сделать так, что общество изменит мнение.*

4.3. Инфинитив при деепричастиях

Существуют обратные случаи, когда клауза или другая единица как раз синтаксически участвует в подчинении, тогда как семантически вряд ли подчинена. Здесь уместно рассмотреть примеры неканонического употребления деепричастия. Речь идёт о случаях, когда в предложении нет актанта в номинативе, который бы контролировал деепричастие.

- (55) *Глядя ему вслед, так и **хотелось** крикнуть: — СЧАСТЛИВОГО ПУТИ ТЕБЕ, АРТИСТ!* (Г. Горин. Иронические мемуары (1990–1998)).
 (56) *??Глядя ему вслед, **хотелось** домой.*
 (57) *Глядя на это, мне **было тяжело** исполнять песни, но я справилась со своей задачей и получила благодарность публики⁶.*
 (58) *??Глядя на это, мне **было тяжело**.*

⁶ <https://ficbook.net/readfic/309129/1636260>

Первые примеры в каждой паре содержат инфинитивный оборот. Синтаксически, видимо, они облегчают употребление деепричастия. Как кажется, первые примеры почти нормативны, тогда как вторые крайне сомнительны (хотя и возможны в разговорном регистре). Причина вроде бы лежит на поверхности: инфинитивный оборот содержит нулевое подлежащее (PRO), которое и в литературном, и в разговорном языке является допустимым контролёром деепричастия. В примере (59) контроль деепричастия допустим и явно обеспечивается PRO — заметим, что понимание, при котором заканчивает все дела говорящий, невозможно, т. е. субъект главной клаузы (и даже второй инфинитивной) не может контролировать деепричастие «через клаузу»:

(59) *Я хочу предложить ему, закончив все дела, приехать к нам на дачу.*

Однако, если присмотреться к семантике (55), окажется, что дело обстоит сложнее. Если бы смысл предложения соответствовал контролю деепричастия PRO инфинитива, семантика выглядела бы так:

(55') 'мне хотелось, чтобы я, глядя на него, крикнул: «Счастливого пути тебе, артист!»'.

Это представление явно не соответствует намерению автора. Речь не идёт о том, что крик должен быть в то время, когда говорящий смотрит на артиста. Скорее желание крикнуть возникает тогда же, когда и взгляд, — т. е. семантически деепричастие зависит от главной клаузы (*мне*) *хотелось*. А контроль от PRO при инфинитиве — это только синтаксическое явление, которое не находит параллели в семантике.

5. Способы проверки синтаксических свойств

Перейдём теперь к проверке свойств исследуемых конструкций. Поскольку расположение двух частей по отношению друг к другу отличается от стандартного (если считать стандартным расположение внутри сложного предложения), нашей целью является проверить, в какой мере поведение этих конструкций отвечает критериям синтаксического подчинения. Для проверки статуса данных конструкций будут использоваться несколько синтаксических критериев, которые стандартно считаются связанными с подчинением.

- Связывание анафорических местоимений универсальным квантором *каждый* (*Каждый_i понимает, что он_i рискует*)⁷.

⁷ Согласно работе [Freu 2016], это свойство характеризует не все подчинённые клаузы. Однако, во всяком случае, практически все инфинитивные обороты и синтаксические актанты с союзом имеют это свойство: ср. *Каждый из них попросил меня прочесть его рукопись; Каждый хотел, чтобы его похвалили.*

- Опускание повторяющегося субъекта (*Подсудимый_i сказал, что \emptyset_i признаёт свою вину*).
- Опускание объекта (*Я его_i узнаю, если ещё раз увижу \emptyset_i*).
- Относительное время (*Все знали, что автобус идёт в парк ‘Шёл тогда, когда они об этом знали’*).
- Возможность отрицания отдельно первой и отдельно второй части предложения (*Он не знал, что его брат придет; Он знал, что его брат не придет*).

В работах [Сердобольская 2017; Летучий 2023] показано, что ряд этих критериев даёт нестандартные результаты для бессоюзного соединения и для нестандартных цитативных конструкций. Здесь мы проверим их и на другом материале.

5.1. Полярность

Как показано в работе [Летучий 2023], все бессоюзные конструкции ограничены по полярности (ранее эта черта была отмечена в работе [Сердобольская 2017] для некоторых конструкций с глаголом *думать*). Ограничение касается на самом деле не отрицательного показателя *не*, а связи главной и зависимой клаузы: в бессоюзных конструкциях полярность главной клаузы не должна предполагать, что зависимая ситуация не имеет места. Поэтому в главной клаузе невозможно сочетание *не уверен*, и наоборот, глагол *сомневаться* возможен только с отрицанием (как в (62)), поскольку сочетание *не сомневаюсь* предполагает высокую вероятность того, что зависимая ситуация имеет место.

- (60) *Уверен, он держится именно этой версии: личная месть — пылко, романтично, идиотски наивно...* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)).
- (61) **Не уверен, он держится этой версии.*
- (62) *Не сомневаюсь: приди они в наш жанр изначально, имей не только образцы для подражания, но и школу, их ждал бы настоящий успех* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)).
- (63) **Сомневаюсь: приди они в наш жанр изначально, их ждал бы настоящий успех.*

Оказывается, что эта черта присуща и некоторым другим конструкциям. Например, так же ведут себя конструкции с *одно*. При этом ограничение особенно строго действует, если союза во второй части нет, — при его наличии, как в (65) и (67), отрицание маргинально возможно.

- (64) *Готлиф Михаил Янович боялся одного — от смеха лопнуть* (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016).
- (65) ?? *Он не боялся одного: лопнуть от смеха.*
- (66) *⟨...⟩ он боялся одного — как бы царь не заключил мира* (Н. Эйдельман. Последний летописец (1983));

- (67) ?? *Он не боялся одного — как бы царь не заключил мира;*
 (68) *Я твердо уверен в одном: сбылись пророческие слова дяди Миши, жившего в сарае в нашем дворе на Тишинке* (Л. Кислинская. Не верь, не бойся, не проси (2003) // «Совершенно секретно», 02.03.2003);
 (69) **Я не уверен в одном: сбылись пророческие слова дяди Миши.*

В обеих конструкциях правило нарушается в одном случае: при фактивных глаголах. Для этого класса глаголов содержание когнитивного акта находится в пресуппозиции. Поэтому отрицание первой части возможно — вторая часть, следовательно, синтаксически является независимой.

- (70) *Ты никогда не понимал одного: первых не бывает, не может быть, первые всегда самые последние и самые несчастные...* (П. Л. Проскурин. Число зверя. Часть вторая // Роман-газета, 1999).
 (71) [*Каля (жен)*] *Ты же не знаешь, она шесть раз травилась* (Л. С. Петрушевская. Я болею за Швецию (1977)).

Как показано выше, сходные требования есть и у конструкций с парцелляцией. По-видимому, тенденция к положительной полярности связана с тем, что вторая часть конструкций, не присоединённых с помощью союза, имеет некоторые свойства самостоятельной клаузы. Логическая связь выглядит примерно так:

Вторая часть сильно структурно и интонационно отделена от первой —
 вторая часть не в полной мере подчинена первой — вторая часть семантически автономна — утверждается существование второй части.

Точно так же ведут себя выделительные конструкции с *вот* или *так*.

- (72) — *Я вот что думаю, — сказала Нина. — Это просто испытание* (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева (2006–2007)).
 (73) **Я вот чего не думаю — это просто испытание.*

Конструкции с *как* также не допускают отрицания, однако в их случае причина, видимо, другая. Конструкция с *как* — это ренарративная конструкция, она служит для пересказа чужого мнения, знания, эмоционального состояния. Если же мы не уверены, что данное состояние вообще имело место, то употребление конструкции с *как* бессмысленно.

- (74) *Он еще в утробе, как считал Лерин папа, всех братьев и сестер растолкал* (Н. В. Нестерова. Лялька, или Квартирный вопрос (2012)).
 (75) **Он еще в утробе, как не считал Лерин папа, всех братьев и сестер растолкал.*

У этого правила есть исключения. В некоторых контекстах, особенно в ситуации противопоставления, допустимы употребления с отрицанием — тогда противопоставляется реальный источник речи или мнения и его отсутствие во втором случае.

- (76) *Во мгновение ока откристаллизовалась прозрачная закономерность: химическое поведение атомов зависит от величины заряда атомного ядра! Все-таки зависит от ядра?.. Да, но не от его массивности, как думали до тех пор все, а от его заряженности, как не думал до тех пор никто* (Д. С. Данин. Нильс Бор (1969–1975)).
- (77) *Ого, да после постов ГА вы подняли актив прям так, как никто из нас не думал.*

При этом все три выделительных конструкции становятся более толерантны к отрицанию, если содержат союз *что* или подчиняют инфинитивное зависимое.

- (78) *Но я не уверен в одном — что Смит, избегая позора, пустит себе пулю в голову* (М. Нестеров. Агент ливийского полковника. 2012).
- (79) *Я не люблю двух вещей: врать и опаздывать.*

Несмотря на невозможность отрицания, почти все рассматриваемые конструкции допускают индифферентность говорящего относительно верности зависимой пропозиции, а именно, все они способны обозначать, что вторая часть — это лишь содержание речевого или мыслительного акта. В независимом предложении отсутствие отрицания предполагает, что ситуация действительно имеет место:

- (80) *Вася уезжает в Норвегию.*

Наши же конструкции допускают более слабые эпистемические статусы, доступные в стандартных подчинительных конструкциях:

- (81) *Петя сказал, что Вася уезжает в Норвегию.*
- (82) — *Что он тебе сказал? — Он хочет со мной дружить*⁸.
- (83) *Наверняка уверен в одном: где бы Сабонис ни провел следующий сезон, он изменит команду качественно* (Е. Чежегов. Центральной планеты всей. Арвидас Сабонис возвращается в активный баскетбол (2002) // «Известия», 16.07.2002).

5.2. Опускание субъекта

Одним из критериев подчинения, связанных с выражением актантов, является возможность замены субъекта нулевым местоимением (*pro*). В русском языке она широко распространена и обычно находится в свободной вариативности с выраженным подлежащим. Такое опускание в зависимой клаузе не связано слишком тесно с дискурсивными параметрами — это отличает его от *pro* в независимых предложениях типа *Иду вчера по улице*.

- (84) *Петя знал, что (он) не попадает на собрание.*

⁸ <https://ficbook.net/readfic/6626887/16956893>

В конструкциях без союза опущение обычно невозможно (см. подробнее об этом и близких запретах в [Летучий 2023]). Это связано с неполными подчинёнными свойствами зависимой клаузы:

(85) *Петя знал: *ошибся*.

Точно так же ведёт себя конструкция с *одно* — и, как и в случае отрицания, при наличии при *одно* союза опущение становится грамматично (87).

(86) Петя сожалел об одном: *что не попадёт на собрание / ??не попадёт на собрание*.

(87) Она боялась только одного: *что не умеет целоваться* (Е. Евтушенко. Ягодные места (1982)).

При ответах на вопрос опущение допустимо, но ограничено:

(88) — *Чему Вася был рад?* — *Что наконец-то сможет / ?наконец-то сможет поехать к детям*.

В конструкциях с *как* опущение обычно невозможно ни в одной, ни в другой части предложения. Это показывает, что ни одна из них не является в полном смысле подчинённой клаузой — ср. обстоятельственные и сравнительные конструкции, допускающие опущение во второй части:

(89) *Вася, как он всегда говорил друзьям / *как всегда говорил друзьям, не умел ничего скрывать*.

(90) *Вася, когда приезжал в Москву, всегда шёл в Пушкинский музей*.

(91) *Вася встал на месте, как будто превратился в статую*.

Тем не менее ограниченно опущение всё-таки встречается. Это бывает, когда субъект главного предложения выражен местоимением, — тогда в зависимом он может быть выражен нулём.

(92) *В ходе беседы он, как потом рассказал, почувствовал, что «мозги закипают», нестерпимо хотелось спать⁹*.

В конструкциях с выделением с помощью *так* опущение невозможно вообще — это связано с тем, что часть с *так* содержит анафорический элемент и обычно является второй. Точно так же запрещено опущение в конструкциях с *вот*.

(93) *Петя планировал так: он выйдет из дома / *выйдет из дома в шесть*.

(94) **Петя вот чего боится: не успеет на поезд*.

При них интонационная дистанция между частями предложения слишком велика. В то же время для парцелляции опущение возможно в той же мере, что и в стандартных подчинительных конструкциях, — здесь пауза

⁹ <https://versia.ru/vse-piramidy-proisxodyat-ot-kajlasa>

между частями не мешает ни появлению *pro*, ни эксплицитному выражению субъекта:

- (95) *Петя боялся. Что (он) не сможет сделать того, чего от него ждут.*
 (96) *Петя боялся. Боялся, что (он) не сможет сделать того, чего от него ждут.*

Сильные ограничения на подчинение субъекта показывают, что рассматриваемые конструкции не относятся к стандарту подчинения. Однако это не делает их ближе к сочинительным — ведь при сочинении выражение субъекта один раз на два конъюнкта тоже очень распространено:

- (97) *Он поймал мяч, но потом вдруг выпустил его из рук.*

Скорее опущение субъекта — это процесс, который требует понижения автономности второй части и её встраивание в структуру первой с помощью союза. Если соединение не маркируется, связность двух частей слишком мала, чтобы выражать субъект однократно. Ближе всего это к ограничению на опущение субъекта в последовательности со значением временного порядка, если она выражена двумя отдельными предложениями.

- (98) *Петя вошел в комнату и не узнал её / *и он не узнал её.*
 (99) *Петя вошёл в комнату. Он не узнал её. / ^{??}Не узнал её.*

5.3. Опущение объекта

Отчасти параллельно субъектному *pro* опущение объекта. Отличие заключается в том, что объектное опущение сильнее завязано на тип зависимой клаузы. Для этого типа опущения предпочтительны именно контексты, где связь между частями слабая. В частности, оно полностью невозможно при инфинитивах, а лучше всего допускается как раз в обстоятельственных клаузах:

- (100) *Я любого из них узнаю, если встречу.*
 (101) ²*Петя сказал каждому из нас, что примет на работу.*
 (102) **Петя обещал каждому из нас повести в ресторан.*

Опущение объекта невозможно при немаркированном подчинении. Это связано, скорее всего, с тем, что субъект в данных конструкциях также не опускается. Почти во всех типах подчинительных клауз русского языка действует правило, что объект может быть опущен только при условии опущения субъекта. Отсюда невозможность или крайняя сомнительность конструкций вида **Родители его ругают, потому что они любят; *Федя узнает тебя, сразу как он увидит; ^{??}Полина ест огурцы, хотя она и не любит.* Поэтому контексты типа (103), если выражен субъект *она*, не допускает опущенного объекта — ср. второй вариант предложения. С этим же связана невозможность бессоюзного зависимого (104), зависимого с *одно* и *две вещи* (105) и конструкции с *вот что* (107):

- (103) *Машиа обнимаеи Петю каждый раз, когда видит / *когда она видит / когда она его видит.*
- (104) **Он сказал брату, подвёл.*
- (105) *Машиа сказала Пете одно: она его любит / *она любит / *любит.*
- (106) *Машиа сказала Пете две вещи: что любит его и что хочет поехать с ним на море.*
- (107) *Начальник вот что пообещал Иванову: (он) примет обратно.*

С другой стороны, при инфинитиве опущение объекта как раз становится возможно. Дело в том, что при инфинитивах субъект всегда замещается PRO — невозстановимым нулевым подлежащим. Следовательно, опущение объекта в инфинитивной конструкции уже не связано с выраженностью субъекта.

- (108) *Тогда, на волне эйфории, Филипп много чего ей обещал — развестись с Пугачевой, жениться, быть всегда вместе...¹⁰*
- (109) *Он много чего мне обещал: и сводить в театр, и отвезти на море.*
- (110) ²²*Он обещал мне сводить в театр.*

5.4. Маркирование времени

Одним из критериев подчинения является относительное маркирование времени. Если абсолютное время может маркироваться и в зависимой, и в независимой клаузах, то для относительного маркирования нужен «якорь». Стандартно, если время маркируется относительно, это значит, что выше в структуре есть что-то, относительно чего оно маркируется¹¹.

Казалось бы, мы можем считать, что если относительное время при семантическом подчинении возможно, то эти конструкции действительно подчинительные. Если же оно невозможно, это не подчинение. Особенно надёжным кажется второе: ведь дефолтной стратегией для русских синтаксических актантов является именно относительное маркирование. Тем не менее в выбор времени вмешивается возмущающий фактор: якорь для маркирования не обязательно находится именно в вышестоящей клаузе. Если обозначение речевого, мыслительного, эмоционального акта, содержанием которого является выражаемая до или после этого ситуация, даже находится в близком контексте, но не рядом, оно тоже может служить яко-

¹⁰ <https://otzvezd.ru/na-sluhu/priznanie/anastasija-stockaja-ja-do-sih-por-ego-ochen-lyublyu.html>

¹¹ Сказанное не касается некоторых типов нарративного времени: например, настоящего исторического (*Вхожу в автобус и вижу, едет мой одноклассник*) и литературных произведений, в которых всё повествование ведётся именно в настоящем. Такое настоящее время хотя и не соответствует расположению события во времени относительно речевого акта, относительным не является тоже: это как бы системный перенос рассказчика, слушателя и всего ряда событий в другое время, синхронизация с событиями, поэтому и якорь для него не нужен.

рем. В (111) оборот *как мне тогда казалось* синтаксически не является в буквальном смысле главным предложением по отношению к *я должен много работать*, однако задаёт относительное маркирование (*я должен, а не я должен был*).

(111) *В 2013 году я был директором департамента министерства, имел жутко нервную работу, командировки в Женеву, Амстердам, Будапешт. Космически много денег я не зарабатывал (патологически честный человек) и пропадал на работе с утра до ночи. Как мне тогда казалось, я должен много работать для расширения круга знакомств. Это позволило бы в будущем дать семье ресурсы*¹².

Тем не менее видно, что разные конструкции с семантическим подчинением имеют разный потенциал маркирования времени. Собственно конструкции, где даже в контексте нет синтаксического подчинения, допускают относительное время. Эллиптические же конструкции его не допускают. Начнём с первого типа: например, в (112) будущее *объяснять будет* — явно относительное (оно не имеет отношения ко времени относительно речевого акта). Однако даже при наличии союза оно не могло бы быть связано с матричным глаголом *научить*: этот глагол допускает только косвенные вопросы и инфинитивные конструкции:

(112) *Иванов научил Пылаева — где встретит, как отдавать рапорт, а уж показывать, отвечать на вопросы, объяснять будет он сам* (С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946–1976)).

(113) **Иванов научил Пылаева, что объяснять он будет сам.*

Напротив, конструкций типа (114) не найдено и, по-видимому, в рассматриваемом значении они неграмматичны.

(114) # — *Что ты знал о Рыбкине? — Он работает механиком.*

(115) *Я знал о Рыбкине, что он работает механиком.*

Хотя в близком контексте появлялся матричный глагол *знать*, во второй части оно уже не может мыслиться как якорь для относительного настоящего. В частности, в (116) настоящее время — не относительное, а абсолютное: тело является тёплым и дышит всегда, а не только в то время, о котором пишет Гаспаров.

(116) *Что люди знали о своем живом теле до сих пор? Оно теплое (а мертвое становится холодным). Оно дышит (а мертвое не дышит).*

(117) — *Что ты о нём тогда знал? — Что он работал механиком.*

В примере (118) употребление настоящего времени (*он вообще-то капитан*) понимается неоднозначно. Однако кажется, что, если о беседе с ка-

¹² <https://antiwomen.ru/viewtopic.php?t=56939&start=25>

питаном было рассказано позже и герой мог перестать быть капитаном, предпочтительно всё-таки употребить конструкцию с союзом *что он вообще-то капитан*. В (119) присутствует ещё один тип соотношения: прошедшее время матричного глагола *решил* актуально, тем самым *решил* означает приблизительно ‘думаешь’. Будущее *буду есть крыс* фиксирует позицию относительно момента речи:

- (118) *Что он рассказал? Он вообще-то капитан, в армии служил кажется (точно не скажу) в каких-то «химических» войсках. Ну и как только случился Чернобыль он тут же был направлен именно туда.*
- (119) *Ну, что ты решил? — Буду есть крыс*¹³.

Другие конструкции ведут себя по-разному относительно этого критерия. Например, конструкции с *вот что* отличаются от немаркированных ответов — маркирование относительного времени возможно. Тем не менее несомненная относительная интерпретация встречается редко. В примере (119) прошедшее время *слышал* выражает предшествование. Тем самым оно может быть и абсолютным, и относительным, но в данном случае более вероятно абсолютное прочтение. В (120) допустимо только вневременное понимание: настоящее время *дело доходит* и конструкция с нулевой связкой *один из самых мощных видов оружия — это упрямство* выражают факты, которые имеют место всегда как свойство мира. Наконец, в (122) речь идёт о локализованной во времени ситуации, однако предполагается, что ситуация *учёные определяют причины* имела место как в момент доклада, так и в момент речи. Таким образом, выделительная конструкция с *вот* почти не встречается в контекстах, где время несомненно маркируется относительно.

- (119) *И вот что он рассказал. Он слышал, что будто русские каждого, кто попадает в их руки, подвешивают за ноги вниз головой или сжигают заживо*¹⁴.
- (120) *Вот что я узнал: когда дело доходит до воплощения мечты в реальность, одним из самых мощных видов оружия в вашем распоряжении — это упрямое, баранье упорство.*
- (121) *Моя коллега, девушка, увидела как-то украшение, которое сделал мой московский друг. Оно ей понравилось — попросила меня заказать у него такое же. Я пообещал, но было слишком много командировок по стране, в Москву никак не удавалось залететь. Снова говорить, что не успел, было неудобно, и я решил сделать украшение сам. Мы вообще не можем никому гарантировать завтра, вот что я тогда понял*¹⁵.

¹³ <https://vvord.ru/tekst-filma/Konformist/11>

¹⁴ <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/budni-razvedchika>

¹⁵ https://m.vk.com/wall552625968_3

- (122) *Вот что я тогда понял из его доклада. Причины колебания уровня Каспийского моря учёные определяют по-разному*¹⁶.
- (123) *И вот, что я понял... Я приобрету душевный покой только тогда — когда обрету то что Вы описали в своих прозаических миниатюрах*¹⁷.

Особое место занимают примеры типа (124): здесь, как мы видим, время маркируется относительно, причём альтернатива с абсолютным временем даже практически невозможна. В (125) форма с относительной интерпретацией *глядят* допустима наряду с абсолютным *глядели*.

- (124) *Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер* (Е. Л. Шварц. Сказка о потерянном времени (1940–1950)) (**и вот что увидели: летел трамвай*).
- (125) *Я косо повернул глаза, чтоб узнать, в чем дело, и вот что я увидел: публика поднялась с мест, иные даже стали на стулья и глядят в угол — посмотреть, что я в том углу увидел* (Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932)).

Конструкции с выделительными маркерами *одно* или *две вещи* относительное время не только допускают, но и часто встречаются в сочетании с ним.

- (126) *Я понимал одно — у него в руках водка, и я согласился. Я был вынужден пить водку*¹⁸.

По-видимому, для относительного прочтения существенна дистанция между выделительным маркером и вложенным предикатом. В конструкции с *одно* и *две вещи* — и тем более в бессоюзных — подчинённая клауза следует сразу после кореферентного ей маркера. Показатель *вот что* находится ближе к началу предложения, и относительная интерпретация времени менее стандартна. Однако даже и при этих конструкциях относительное время ограничено. В целом можно сказать, что все три выделительных конструкции без союза — с *вот что*, *одно* и *две вещи* — допускают относительное время прежде всего тогда, когда говорящий как бы зрительно воспроизводит ситуацию, пытается поместить себя и адресата внутрь неё и дать возможность непосредственно представить, как разворачивались события. Этим данные употребления сходны с настоящим историческим: пример (124) был бы нормальным и без первой части:

- (124') *И вдруг летит трамвай, девятый номер!*

В этом смысле относительное время в нестандартных конструкциях — не совсем стандартное. В частности, относительное маркирование практи-

¹⁶ <https://mir-knigi.info/books/detskie/detskaya-proza/page-28-36146-smotryashchie-vpered-observatoriya-v-dyunah.html>

¹⁷ <https://proza.ru/2015/10/18/103>

¹⁸ https://vk.com/wall-40316705_47295594

чески невозможно для маркирования содержания при когнитивных актах и обозначениях эмоций:

(126')#*Меня пугало одно: Серёжа не приходит и не звонит* (возможно только при абсолютном прочтении — ср. допустимое относительное прочтение для *Меня пугало, что Серёжа не приходит и не звонит*).

Без подобных ограничений допускают относительное время бессюжные конструкции и конструкции с парцелляцией.

(127) *Я знал: он трус, он один из тех, кто вечно надеется, что его спасут от правды...*¹⁹

(128) *Все стали ругаться: что я ничего не говорю по сути.*

5.5. Дистрибутивное прочтение

Стандартно в зависимых клаузах возможно дистрибутивное прочтение местоимений. Например, в (129) местоимение *он* относится в отдельности к каждому из референтов, обозначенному местоимением *каждый*:

(129) *Каждый знал, что он стоит на страже рубежей Родины* (Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011)).

Почти во всех конструкциях такой контроль допустим. В частности, оказывается, что его возможность не связана напрямую с направлением подчинения. В конструкции с пересказывательным *как* разрешена конфигурация с квантором в клаузе с *как* и местоимение в немаркированной (ср. (130), (131)), хотя допустимо и обратное (132).

(130) *Для верующего человека — Это Бог, который, как считает каждый верующий, видит не только его доходы и расходы, но и мысли, и чувства*²⁰.

(131) *...которое, как считал каждый из них, было украдено у него другими.*

(132) *Ведь каждый, как он считал, хоть немного, да помогал господину во время создания его бессмертной, в чем они нисколько не сомневались, драмы*²¹.

Ограничено дистрибутивное прочтение другим параметром — степенью связности и контактными расположением частей с квантором и с местоимением. При парцелляции и конструкциях с *вот* данное прочтение затруднено. Осложнено оно и при немаркированных ответах. При этом в конструк-

¹⁹ <https://www.livelib.ru/quote/669472-puteshestvie-na-kraj-nochi-luiferdinan-selin>

²⁰ <https://topwar.ru/179370-prodlenie-dogovora-snv-3-jeto-oshibka.html>

²¹ https://semyaivera.ru/2016/08/21/rasskazyi-o-varnavyi-kniga-3-ya-stranitsa-11-ya/?doing_wp_cron=1678524513.3396909236907958984375

циях с *одно*, где собственно слово *одно* и кореферентная ему клауза находятся обычно рядом, оно допустимо и легко обнаруживается в текстах.

- (133) ²*И вот что каждый знал: ему могут помочь.*
 (134) ²*Каждый уже знает. **Знает**, что ему могут помочь.*
 (135) ²*Каждый из них начал **просить**. Чтобы ему помогли, чтобы его не наказывали.*
 (135') ²— *Что же каждый из них знает? — Он может получить помощь.*
 (135'') *Но каждый **знает одно**: он наследник той или иной фамилии, тех нравственных ценностей, что закладывали ещё его предки с незапамятных времён²². (Ср. также возможную бессознательную конструкцию *Каждый знает: он наследник той или иной фамилии.*)*

5.6. Сочинительные конструкции

У наших нестандартных конструкций есть и ещё некоторые свойства, отличающие их от обычных подчинительных конструкций. Например, стандартные зависимые клаузы с маркером подчинения способны сочиняться между собой с повтором союза. Это возможно и тогда, когда эти клаузы являются компонентом ответа с подчинительным союзом. При этом две ситуации могут быть связаны друг с другом логически или через общих участников (так, в первом примере общим компонентом является Танзания) или независимы (второй пример):

- (136) — *Что ты **знаешь** о Танзании? — Что она находится в Африке и что там есть большой природный заповедник.*
 (137) — *Что начальник тебе сказал? — Что скоро наш офис переедет в другое место и что Володя Сергеев собирается начать новый проект.*

Если же специальный показатель подчинения отсутствует, ситуация меняется. Сочинение двух немаркированных ответов возможно только в случае, если они логически связаны.

- (138) — *Что ты о нём **знаешь**? — Он родился в Норильске и много сделал для развития города.*

В этом смысле подчинённые клаузы ведут себя как независимые предложения. Независимые предложения тоже могут сочиняться с помощью *и* только в том случае, когда имеют общий компонент и/или логически связаны друг с другом.

- (139) *Танзания находится в Африке, и там есть большой природный заповедник.*

²² <https://astrahan.bezformata.com/listnews/lyubvi-astrahantcev-opalyonnoy-voynoy/89653485/>

- (140) *#Наш офис скоро переедет в другое место, и Володя Сергеев собирается начать новый проект* (возможно в том случае, когда начало нового проекта напрямую связано с переездом офиса).

Если же две ситуации никак не связаны логически и объединены только тем, что находятся в рамках одного речевого или мыслительного акта, то более естественно употребить союз *а*:

- (141) *Наш офис скоро переедет в другое место, а Володя Сергеев собирается начать новый проект.*

По-видимому, все остальные рассматриваемые конструкции также не допускают сочинения с помощью *и* ситуаций, не зависящих друг от друга. Ниже показано, что такие сочинительные конструкции невозможны при бессоюзной связи и бессоюзной связи с сочетаниями *две вещи* и выделительным *вот что*:

- (142) *#Он точно знал: наш офис скоро переедет в другое место, и Володя Сергеев собирается начать новый проект.*
(143) *#Он точно знал две вещи / Вот что он точно знал: наш офис скоро переедет в другое место, и Володя Сергеев собирается начать новый проект.*

Этот результат не свидетельствует о том, что вторые части данных конструкций не ведут себя как подчинённые. Однако он показывает, что ни одно из зависимых не содержит группы, аналогичной группе комплементаризера (актантного подчинительного союза) в примерах типа (137).

5.7. Конструкции с *это*

Некоторые тесты на подчинительное поведение применимы только к части конструкций. Однако и они ценны, поскольку показывают различия внутри некоторых минимальных пар, а именно между зависимыми со *что* и без него.

В целом в русском языке, как и во многих других, в связочных конструкциях могут выступать и именные, и сентенциальные актаны. Именные зависимые могут принимать и исходную форму (именительный падеж, как в (144)), и форму, диктуемую моделью управления, как в (145), хотя именной падеж более распространён. Сентенциальные актаны обычно выступают в сочетании с союзом или с инфинитивной вершиной.

- (144) *В фильме всё, что он **купил** — это маленькая старая ферма, где он раньше жил*²³.
(145) *Все, что я знал, это историю о зарезавшемся из-за нее художнике и обстоятельствах, при каких портрет попал к нему. Спиридову* (Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана (1903)).

²³ <https://www.factroom.ru/facts/50307/>

- (146) *Все, что он **понял** — это что ему нужно собрать неизвестно что из непонятно каких деталей...*²⁴.

Сентенциальные актанты, не маркированные союзом, способны выступать в связочных конструкциях. Однако есть одно ограничение: невозможна конструкция с *это*.

- (147) *Все что он **понял** — ему предстояло отработать на общественных полях полгода*²⁵.
 (148) ****Всё**, что он **понял** — это ему предстояло отработать на общественных полях полгода.*

Тем самым бессоюзная конструкция в случаях типа (148) семантически подчинена глаголу *понял*, а синтаксически не является в полной мере подчинённой. Она может отождествляться с содержанием при матричном глаголе *понять*, однако неспособна (поскольку является независимой клаузой) выступать при местоимении *это*. При любом подчиняющем маркере — не только при *что*, но и, например, при союзном слове вроде *когда*, *насколько*, *почему* или при союзе *чтобы* или *как* — сочетания с *это* возможны.

5.8. Расстояние

Свойства исследуемых нами конструкций не сводятся к их собственно синтаксическому поведению. В частности, релевантны бывают такие особенности, которые сложно отнести к структурным, — скорее они имеют прагматическую или дискурсивную природу. Тем не менее игнорировать их нельзя — как показано в работах Дж. Хокинза [Hawkins 1991; 1992], дискурсивные характеристики типа длины и расстояния между составляющими могут влиять на собственно грамматическое поведение единиц и получать статус жёстких грамматических правил.

Ключевое из рассматриваемых дискурсивных свойств — ограничение на расстояние между первой и второй клаузами. Например, оно легко обнаруживается для немаркированных ответов: стандартно ответ, если он не содержит союза, должен находиться близко (как правило, вообще не быть отделён) от вопроса. Чем расстояние больше, тем лучше, по сравнению с нестандартной конструкцией, становится вариант с союзом или с повтором матричного глагола. Для примеров (150) и (152) интерпретация второй части как немаркированного ответа хуже, чем в (149) и (151): в (150) и (152) легче интерпретировать части *Мне это общество не нравится* и *Он негуманоид. Похож на медведя* уже как полностью независимые высказывания.

²⁴ https://smoking-room.ru/data/fantastic/nesterenko_duel.html

²⁵ <https://mir-knigi.info/books/fantastika-i-fentezi/boevaya-fantastika/page-4-95388-polnyi-perebor-si.html>

- (149) *И что же ты **понял**? — Мне это общество не нравится.*
- (150) *И что же ты **понял**? — Да я тебе же это уже сто раз говорил. Мне это общество не нравится.*
- (151) *Вот, вкратце, что он **рассказал**. Он негуманоид. Похож на медведя.*
- (152) *Вот, вкратце, что он **рассказал**. Я это потом пересказал друзьям. Он негуманоид. Похож на медведя.*

Похожими свойствами обладают другие конструкции. Например, бессоюзные конструкции без маркера и конструкции с маркером *одно* также сомнительны, если между матричным глаголом и подчинённой предикацией находится речевой отрезок, не относящийся к данному сложному предложению.

- (153) *Его расстривало **одно**: никто не видел его триумфа / что никто не видел его триумфа.*
- (154) *Его расстривало **одно** — и последние дни он особенно много об этом думал — что никто не видел его триумфа / ?никто не видел его триумфа.*

Выделительные конструкции с *вот* не подчиняются этому ограничению. Поскольку выделительный элемент в них вынесен в начало, контактное расположение и не предполагается.

- (155) — ***Вот это-то** я и **понял** главным образом: что все это, мое горе, мои страдания, — это пока роман (В. Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972)).*

По-видимому, стандартные подчинительные конструкции также не подчиняются такому ограничению. Например, зависимые клаузы со *что* легко могут быть отделены от матричного глагола вводным оборотом (156) или обстоятельством (157).

- (156) *Немногие **поняли**, к сожалению, что если вода ушла, то она вернется обратно с огромной разрушительной силой* (А. М. Городницкий. Тайны и мифы науки. В поисках истины (2014)).
- (157) [Кузнецов Андрей (nick)] *Для офицеров альфы, которые **поняли** в январе, что их делают «крайними», это был хороший урок* (Форум: 1991 год. Страницы дневника. Обсуждение (10.2012)).

Ср. бессоюзную конструкцию, аналогичную (157), где вставление дополнительных элементов делает конструкцию хуже:

- (158) *Офицеры **поняли** (?? в январе / ??уже давно): их делают крайними.*

Тем не менее точная степень релевантности расстояния требует количественного исследования — на сегодняшний день мы его не проводили.

5.9. *Main clause phenomena*

Ещё один тип единиц, которые помогают при определении статуса предложения, — это так называемые явления главной клаузы (*main clause phenomena*). Это показатели, слова, конструкции, которые используются в независимой клаузе или главной клаузе сложного предложения, однако крайне нехарактерны или даже запрещены в зависимых клаузах. Часто это связано с тем, что они выражают те или иные компоненты значения, связанные с оценкой ситуации или модальностью, вводимой говорящим. Например, формы сослагательного наклонения с *бы* в значении пожелания с трудом переносятся в зависимую клаузу:

(159) *Скорей бы пришёл Иван!*

(160) **Он надеялся, что Иван скорей бы придёт!*

(161) ?*Он говорил, что скорей бы пришёл Иван.*

Часть из рассматриваемых конструкций допускает эти компоненты, а часть выглядит с ними сомнительно. Например, конструкция с *как* сильно ограничивает применение *main clause phenomena*:

(162) **Как все считали/говорили, скорей бы пришёл Иван.*

(163) **Как все говорили, что же он за сволочь.*

Интересно при этом, что предложения (162) и (163) недопустимы не в силу того, что вторая часть является явно подчинённой. Подчинительным маркером *как* маркируется как раз первая часть. Данный запрет скорее показывает, что *main clause phenomena* ориентируются не только на синтаксические подчинительные отношения, но и на прагматику. В норме эти элементы интерпретируются как принадлежащие суждению или эмоциям говорящего (т. е. дейктически), тогда как пересказывательная конструкция с *как* требовала бы от них вторичной интерпретации — в качестве элементов суждения или эмоции субъекта, которому принадлежит вложенное высказывание.

Бессоюзные конструкции и конструкции с *одно* в той или иной мере допускают *main clause phenomena*. При этом сильнее эта черта выражена в стандартной бессоюзной конструкции. При наличии *одно* некоторые из *main clause phenomena* могут быть сомнительны. Это, в частности, касается риторических вопросов и восклицаний, как в (165) и (168), — ср. бессоюзную конструкцию (166), где тот же тип зависимых возможен.

(164) *Кот не понимал, да что же он такой неуклюжий! Где пресловутая кошачья грация?*²⁶

(165) ?*Кот не понимал одного — да что же он такой неуклюжий!*

(166) ... а потом вдруг **понял**: да он же, ха-ха, да он же отработывает строевые приёмы²⁷.

²⁶ <https://ficbook.net/readfic/13273507/34039933>

²⁷ <https://dzen.ru/media/russiandino/poslednii-podvig-polkovnika-pavlova--andrei-iankus-619bd8443bbdb169baa76b5b>

- (167) *И валяясь в больнице, Боярский вдруг понял — да он же любит свою Ларку!*²⁸
 (168) *Валяясь в больнице, он понял одно: да он же любит свою Ларку!*

Интересно, что так же ведёт себя и конструкция с немаркированными ответами на вопросы. Хотя, казалось бы, эти ответы имеют большинство свойств главной клаузы, именно main clause phenomena в них выглядят сомнительно.

- (169) #— *И что ты тогда подумал? — Скорей бы пришёл Иван.*
 (170) — *Что ты понял? — Он ничего не понимает в науке / #Он же ничего не понимает в науке*²⁹.

Выделительные конструкции с *вот что* в целом допускают main clause phenomena. Тем не менее контексты с ними не слишком типичны: прежде всего потому, что конструкции с *вот* — это конструкции логического изложения мнения, в которых появление оценочных и эмоциональных элементов не слишком вероятно. Именно эмоциональная окраска и оценка часто составляют ядро семантики main clause phenomena. Оказывается, что примеры типа (171), где main clause phenomena (в данном случае — выделительное употребление частицы *же*) возможны, обычно допускают действительскую интерпретацию. Иначе говоря, в таких контекстах первая часть маркирует эпистемический статус второй, однако при отсутствии первой части вторая по-прежнему соответствовала бы иллюкутивному намерению говорящего.

- (171) *Я вот что думаю. Он же тогда на грибах был (или на чём там), когда тот альбом писал. Слова помнил, видимо, очень примерно*³⁰.

Если же лицо говорящего не первое и действительская интерпретация неестественна, снижается и возможность использования main clause phenomena.

- (172) *Петя вот что подумал — мы же не нарочно в него врезались.*

Тем самым в целом в выделительных конструкциях main clause phenomena возможны тогда, когда могут интерпретироваться действительски (т. е. в том числе относительно главного говорящего и момента речи).

5.10. Сочетаемость с типами зависимых

Последний критерий непосредственно связан с моделью управления матричного предиката. Если верно, что в наших конструкциях вторая часть не является в полном смысле слова подчинённой, то правильно ли, что она может содержать любые типы клауз, допустимые в независимых предложениях?

²⁸ <https://ussr-akter.ru/articles/nikогда-ne-otkazyvalsya-ot-seksa>

²⁹ Пример (170) в принципе возможен и во второй версии, однако в этом случае вторая часть не интерпретируется как ответ на вопрос, что именно понял слушающий.

³⁰ <https://humus.livejournal.com/3917129.html>

Ответ на этот вопрос оказывается отрицательным. Практически все типы не допускают во второй части прямого вопроса, т. е. вопроса без маркера косвенного вопроса *ли*, альтернативного *или* либо вопросительно-относительного местоимения. Это касается и немаркированных ответов (см. выше), и бессоюзных конструкций с *вот что* и *одно* без маркера подчинения, и, конечно, с союзом *что*. Примеры (173)–(176) иллюстрируют возможность вопросов с вопросительным словом или маркером косвенного вопроса, а примеры (177)–(180) — невозможность прямых общих вопросов.

- (173) *Она оглянулась на окно, в котором сияла луна, и сказала: — А вот чего я не понимаю... Что же, это все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 2 (1929–1940)).
- (174) *Но я вот что не пойму: откуда в людях такая жалкость?* (И. Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)).
- (175) *Я вот чего не понимаю. Откуда у обычного рабочего ключи от кабинета директора?*
- (176) *Но зачем ему все это — вот чего Аля не понимала!* (А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)).
- (177) *??Вот чего Аля не понимала — он придёт?*
- (178) *??Вот чего Аля не понимала: поход состоится?*
- (179) **Серёжа не понимал одного: магазин сегодня работает?*
- (180) **Петя не знал: он сможет сдать экзамен?*

Как и предыдущий критерий, сочетаемость с типами зависимых непосредственно связана с возможностью дейктической интерпретации. Если субъектом первой части является говорящий и дейктическая интерпретация возможна, прямой вопрос допустим.

- (181) *Я одного не понимаю: магазин сегодня работает?*

6. Дополнительные синтаксические свойства

6.1. Роль степени вложенности

Некоторые из рассматриваемых нами типов явлений связаны с ещё одним синтаксическим параметром. А именно, иногда то, насколько эти типы демонстрируют подчинительное поведение, зависит от того, подчинена ли вся конструкция ещё одной, самой главной в предложении клаузе. Наиболее наглядно этот факт иллюстрирует поведение конструкций с *как*. Так, если вся конструкция находится внутри относительного придаточного, *как*-клауза обнаруживает свойства главной клаузы — например, может содержать квантор, к которому в следующей клаузе реферирует анафорическое местоимение.

- (182) *Для верующего человека — Это Бог, который, как считает каждый верующий, видит не только его доходы и расходы, но и мысли, и чувства*³¹.
- (183) *Когда политики собираются в прокуренной комнате и решают создать к выборам имидж кандидата в президенты, который, как знает каждый из них, не соответствует его истинной личности, — это тоже заговор против нашего мышления*³².

Однако минимальные пары этих предложений, где дополнительной вложенности нет, выглядят хуже. Некоторые примеры такого рода существуют, но не иллюстрируют стандартное употребление квантора — конструкции типа *каждый второй* содержат не квантор всеобщности, а слитное сочетание со значением пропорции.

- (184) *Бог, как считает каждый верующий, видит его доходы и расходы.*
- (185) *Как считает каждый второй россиянин, его родительский опыт помогает ему в работе.*

По-видимому, нестандартное расположение квантора и местоимение облегчено при подчинении. Некоторые другие процессы также связаны со степенью вложенности. Например, немаркированные ответы сомнительны, если в главной части стоит глагол мнения. Однако если вопрос является косвенным, то он может включать глагол мнения.

- (186) *Хотя отец никогда не выражает это вслух, но я знаю, что он думает: если бы я не ленилась и научилась готовить мясной рулет, свиной гуляш и суп с печеночными кнедличками, возможно, меня кто-нибудь бы и взял в жёны*³³.
- (187) *— А что он думает? — Если бы я не ленилась, меня кто-нибудь бы и взял в жёны.*

Такое «либеральное» поведение составляющих в подчинённом контексте не уникально. Например, так же ведёт себя вынос элемента из второй части сложноподчинённого предложения. Они выглядят более приемлемыми, если выносятся относительное местоимение, а вся конструкция в целом подчинена ещё одной клаузе.

6.2. Вопрос об эллипсисе

Отметим ещё одну вещь. Некоторые рассматриваемые конструкции допускают и другую трактовку, а именно, мы можем считать, что в них про-

³¹ <https://topwar.ru/179370-prodlenie-dogovora-snv-3-jeto-oshibka.html>

³² https://bookap.info/popular/shtayner_stsenarii_zhizni_lyudey_shkola_erika_berna/gl63.shtm

³³ <https://loveread.club/books/sovremennaya-proza/page-13-38720-mihal-viveg-igra-na-vylet.html>

исходит эллипсис союза. Например, немаркированный ответ в (188) в этом случае будет иметь такую форму:

(188) Что ты знаешь о нём? — [Я знаю о нём, что] он делал что-то для спутников.

Однако к этому анализу есть два возражения. Во-первых, не все свойства конструкций с семантическим подчинением совпадают со свойствами союзных придаточных. Во-вторых, в целом для русского языка эллипсис такого вида нехарактерен: если подчинение обеспечивается не только формой подчинённого слова, но и служебным словом, последнее обычно с трудом опускается. Ср., например, предложные конструкции, в которых эллипсису может подвергаться глагольное сказуемое, но не глагольное сказуемое вместе с предлогом:

(189) — На кого ты больше всего надеешься? — [Я надеюсь] На Костю / *[Я надеюсь на] Костю.

Эллипсис такого рода возможен только при некоторых производных предлогах. Однако у них есть и другие свойства, показывающие, что в полной мере служебными словами данные единицы не являются:

(190) — Благодаря чему вам удалось неплохо пристроиться в жизни?
— Внешности и мозгам³⁴.

7. Ограничения на заполнение конструкций

Несмотря на заметные различия между нашими нестандартными конструкциями и собственно подчинительными, эти типы единиц имеют и существенные общие черты. В частности, ответы тесно связаны с моделью управления матричного глагола — причём речь не только о сохранении модели управления матричного глагола в ответе, но и о невозможности ответов при некоторых предикатах. Например, не принимают таких ответов глаголы, присоединяющие зависимые со *чтобы*.

(191) — Чего хочет начальник? Чтобы мы все пришли к девяти / *Мы все придём к девяти / *Мы все пришли к девяти.

(192) Да, с позиции Ренца, возможно, это выглядит как нелепица, но что он предлагает? Просто перейти из состояния А (где ты страдаешь) в состояние Б (где как Карл Ренц) по щелчку пальцев? (ср. невозможное *просто перешёл).

Тем не менее в целом ограничения на заполнение имеют не совсем такую природу, как модель управления при стандартных подчинённых клаузах. Нельзя считать, что если некоторый тип зависимых при некотором

³⁴ <https://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/5449584/>

глаголе допускается и форма глагола не ограничена (как это происходит при союзе *чтобы*), то данное зависимое в сочетании с тем же глаголом возможно и в нестандартной конструкции. При этом различия в ограничениях могут быть обоих возможных типов: с одной стороны, нестандартные конструкции могут запрещать некоторые типы зависимых, возможные с тем же предикатом при стандартном подчинении. С другой стороны, иногда в нестандартных конструкциях возможен такой тип зависимых, который невозможен при том же глаголе в стандартной подчинительной конструкции.

В частности, в немаркированных ответах, хотя главным классом являются предикаты знания и речи, возможны также предикаты мнения, как в примерах (193)–(196), другие когнитивные предикаты (197) и глаголы эмоций (198).

- (193) — *Молчишь... я знаю что ты думаешь... у тебя не было выхода, ты боялся Катерины и так далее.... Но ты подумал что с тобой будет после...*³⁵
- (194) *Я знаю, что он думает: он не сделал ничего, кроме того, что создал музыку, которой можно наслаждаться, и направлял миру послание надежды, любви и гуманизма, и осознания того, как мы должны относиться друг к другу — особенно к детям — и все же его обвинили в том, что он обидел ребенка*³⁶.
- (195) *Я имею в виду, я знаю, что ты думаешь: она оборотень, поэтому она захочет играть на барабанах.*
- (196) *Хотя отец никогда не выражает это вслух, но я знаю, что он думает: если бы я не ленилась и научилась готовить мясной рулет, свиной гуляш и суп с печеночными кнедличками, возможно, меня кто-нибудь бы и взял в жены*³⁷.
- (197) *Я понимаю, на что он надеялся: книги эти не переведены на русский язык, но есть оригинальные тексты в открытом доступе в сети*³⁸.
- (198) — *что тебя во мне **бесит**? — ты социопат. Меня раздражает что ты далеко от людей держишься*³⁹.

Прочие типы конструкций также ограничивают класс матричных глаголов — эти ограничения различаются от одной конструкции к другой. Например, как показано в [Летучий 2023], бессоюзные конструкции не сочетаются с глаголами эмоций:

³⁵ http://samlib.ru/l/liman_aleksandr_aleksandrowich/budushee.shtml

³⁶ https://dzen.ru/media/id/5f48dc9a7883971b1887a387/ty-ne-odinok-maiki-glazami-brata-5fbf36829e832457051497aa?utm_referer=www.google.com

³⁷ <https://loveread.club/books/sovremennaya-proza/page-13-38720-mihal-viveg-igrana-vylet.html>

³⁸ https://issuu.com/docs/renome_31

³⁹ <https://mobile.twitter.com/7ts6nkyguc3sq7w>

(199) *Его бесило, что его команда проиграла.*

(200) **Его бесило: его команда проиграла.*

При этом небольшое изменение конструкции может влиять на ограничение. Например, конструкция с *одно* уже допускает глаголы эмоций — причём как во варианте с союзом, так и без него.

(201) *В армии его расстраивало одно: как медленно идет продвижение по службе* (Стирает ли джинсы гендиректор Levi's // Ведомости, 2019.03).

(202) *Одно огорчает — в ЮАР я поеду лишь туристом...* (А. Матвеев. «Одно огорчает — в ЮАР поеду туристом». Гус Хиддинк в своих колонках уже не вспоминает о России // Советский спорт, 2010.05).

8. Вариативность структуры

Все рассмотренные конструкции имеют одну общую черту. Поскольку, как мы показали выше, их свойства не полностью соответствуют подчинительным, у говорящего есть выбор, в какой мере оформить вторую часть именно как подчинённую. Этот выбор обеспечивается несколькими средствами:

- 1) Возможность структуры с союзом или без союза.
- 2) Возможность оформления второй части со сдвигом лиц, характерным для косвенной речи, или без него.
- 3) Возможность дейктической или анафорической интерпретации.

Первая возможность была продемонстрирована на примере конструкций с выделительными элементами *одно* и *вот что*: именно варианты без союзов ведут себя нестандартно, варианты же с союзами допускают такие характерные для подчинительных конструкций явления, как опущение субъекта или отрицание в первой клаузе:

(203) (= (86)) *Петя сожалеет об одном: что не попадёт на собрание / ^{??}не попадёт на собрание.*

Второй тип вариативности можно продемонстрировать на следующей паре:

(204) *Днями он сидел в наркоматовских кабинетах, исчерпываяюще полно отвечая на: «Ну, и как там у нас в Америке?», но на самом деле пытаюсь сказать одно: я не с Литвиновым, я с вами, я помогу, если надо топить, желаю иметь возможность доказать свою преданность императору и новому наркому* (А. Терехов. Каменный мост (1997–2008)).

(205) *Он пытался сказать одно: он не с Литвиновым, он с ними.*

Наконец, на примере сочетаемости с *main clause phenomena* и с прямыми вопросами мы показали, что имеет значение возможность дейктической интерпретации второй части предложения. Если она допустима, т. е. вторая часть предложения не меняет интерпретации и истинностного значе-

ния в отсутствие первой части (интерпретируется относительно внешнего говорящего и акта речи), то одновременно становятся допустимы некоторые явления, характерные для главного предложения.

Иначе говоря, в силу того, что структурное соотношение между частями отличается от стандартного подчинительного, вторая часть может быть оформлена сходно с зависимыми клаузами или сходно с главными. Такое двойное поведение наших конструкций может быть описано по-разному. Например, мы можем считать, что конструкции «с подчинённой второй частью» (*Я вот что понял — что никто мной не интересуется*) или «с неподчинённой второй частью» (*Я вот что понял — мной никто не интересуется*) возникают независимо и разными путями. Однако более обоснованной нам кажется другая точка зрения. Поскольку при обоих типах поведения второй части в первой части есть матричный предикат, семантически связанный со второй частью (и, более того, и на матричный предикат, и на вторую часть конструкции накладываются ограничения), мы считаем, что изначально речь идёт о выделительном или другом преобразовании структуры. Из нейтральной структуры (206) получена (207), где внимание акцентируется на стимуле эмоции. Далее статус стимула повышается — в некоторой степени он приобретает свойства независимого предложения (208).

(206) *Меня злило, что меня опять обманули.*

↓

(207) *Меня злило одно: что меня опять обманули.*

↓

(208) *Меня **злило** одно: меня опять обманули.*

Тем самым данные конструкции с отсутствием стандартного подчинения дают возможность повысить статус зависимой клаузы, приблизив её к независимой. Отметим, что симметричной возможности почти нет в выделительных конструкциях с именной частью. Конструкции типа (209) или (210) не имеют соответствий типа (211) или (212) — или эти соответствия носят сильный разговорный оттенок и часто находятся на нижней границе приемлемости.

(209) *Я вот с чем не могу **смириться** — с ленью и хамством.*

(210) *В моих глазах **нет прощения** двум вещам: предательству и жадности.*

(211) ^{??} *Я вот с чем не могу **смириться** — лень и хамство.*

(212) **В моих глазах **нет прощения** двум вещам — предательство и жадность.*

Специфика конструкций, которые мы рассматриваем, заключается в том, что зависимым в них является клауза. У клаузы есть потенциал повысить свой статус и занять более высокую позицию, чем стандартная подчинённая клауза, — хотя некоторые свойства подчинительных клауз при этом сохраняются.

Заключение

Итак, как мы выяснили, рассмотренные нестандартные конструкции не похожи на обычные, образуемые с помощью союза. Поэтому их нельзя считать просто случаями эллипсиса союза. В то же время тот факт, что все конструкции, включая немаркированные ответы, остаются связными, показывает, что семантически одна часть явно зависит от другой. С одной стороны, сочинительные конструкции, образуемые в данных контекстах, не похожи на те, которые образуются с участием союза. В этом смысле над материалом ответа не достраивается главная предикация или хотя бы маркер подчинения. С другой стороны, тот факт, что конструкции с ответами без союза являются связными, показывает, что семантически эти ответы всё-таки связаны с вопросом.

При этом рассмотренные конструкции в разной мере похожи на стандартные подчинительные. В частности, только в некоторых из них (в конструкциях с *одно* или *две вещи*, но не в немаркированных ответах) возможно относительное маркирование времени.

Данный материал показывает, что синтаксическое устройство конструкций, отличных от стандартных сложных предложений, неоднородно. Если говорящий в качестве стратегии выбирает разделение семантически главной и семантически подчинённой ситуации, то структурное расстояние между ними и степень проницаемости границ составляющих могут быть разными.

Важной чертой рассмотренных конструкций является то, что вторая часть не полностью подчинена первой. Это означает, что утверждения во второй части до определённой степени ведут себя как главная ассерция, а вопросы — как прямые вопросы. Следовательно, отсюда сомнительность отрицания.

В то же время нельзя отождествить наш материал с явлением *insubordination* (инсубординации, употребления стандартно зависимых типов клауз в качестве независимых), в деталях описанным, например, в работах [Калинина 2001] и [Evans, Watanabe 2016]. При инсубординации предельная точка процесса — это полная независимость клаузы — например, употребление причастной конструкции ‘человек, пришедший домой’ или номинализации вида ‘красота её глаз’ как главной (‘Человек уже пришёл домой’, ‘Какие у неё красивые глаза!’). В нашем случае нет диахронического продвижения зависимых клауз к состоянию полной автономности. Нестандартный синтаксический контекст связан просто с дискурсивными значениями: контрастом и эмфазой (конструкции с *вот что* или *одно*), диалогическим режимом (немаркированные ответы) или пересказывательным значением (конструкции с *как*).

Более того, наш материал показывает, что ключевым для нестандартного поведения вовсе не является малая связность клауз. Хотя большинство из наших конструкций действительно предполагает сильную автономность

одной клаузы от другой, для бессоюзных конструкций это неверно. Скорее ключевой факт состоит в том, что вторая часть не маркирована эксплицитно как зависимая от первой. Она получает некоторые свойства, характерные для независимого предложения.

Ещё один общий вывод заключается в следующем: межклаузальные процессы, типичные для сложного предложения, распадаются на несколько основных классов. Для одних из них (например, для стандартного связывания местоимений) подчинительного отношения между двумя частями не требуется вообще. Для других процессов (связывания местоимений кванторами, *pro* в субъектной позиции) необходима ещё и высокая степень связности — в пределах одного предложения или при контактном расположении. Именно поэтому в выделительных конструкциях эти процессы блокируются — однако в конструкциях с *как* возможны. Для третьего класса процессов (относительное понимание времени) барьером является только граница целого предложения. Четвёртый же класс (опущение субъекта и отрицание в главной клаузе) возможен только в стандартной подчинительной конструкции с союзом в семантически подчинённой части.

При этом расхождения между конструкциями показывают, что нужно различать две тенденции: одна состоит в том, что вторая часть наших конструкций представляет из себя отдельную ассерцию, а другая — в том, что ситуация имела место, т. е. вторая часть истинна. Первая тенденция верна не для всех конструкций: например, при бессоюзных конструкциях на месте матричного предиката невозможны глаголы эмоций, а при конструкциях с *одно* они возможны. В этом смысле появление местоимения *одно* снижает ассертивность второй части. Вторая тенденция характеризует более широкий класс конструкций — например, и конструкции с *одно*, и простые бессоюзные, и немаркированные ответы на вопрос не допускают или почти не допускают отрицания в первой клаузе в связи с тем, что это отрицание снижает вероятность того, что вторая часть истинна.

В связи с изложенным стоит напомнить об оппозиции способов подчинения, которые Соня Кристофаро [Cristofaro 1998; 2003] называет «balanced» и «deranked». К первым относятся случаи типа *Он вспомнил, что у него с собой нет денег* — составляющая *у него с собой нет денег* способна быть и независимым предложением, а подчинённой клаузой становится при использовании связующего элемента *что*. Вторые представлены конструкциями типа *Он забыл позвонить в университет* — здесь конструкция *позвонить в университет* стоит в нефинитной форме и не обладает финитностью: она уже по форме может выступать только в качестве зависимой клаузы.

Наш же материал в некотором смысле противоположен типу «deranked». Речь идёт как раз о том, что при сохранении семантической связи между клаузами та из них, которая по смыслу является актантом глагола из другой, выносится из стандартного контекста подчинения. И если смысловое

соотношение сохраняется, то синтаксические свойства подчинительной клаузы во многом теряются.

Тем не менее полностью независимыми считать клаузы в данных конструкциях всё-таки нельзя. На это указывает сильное ограничение — почти абсолютная невозможность прямых вопросов во второй части. Возможны только те вопросы, которые могут употребляться в зависимых клаузах, — например, с частицей *ли* или частные с вопросительным словом.

Л и т е р а т у р а

Калинина 2001 — Е. Ю. К а л и н и н а. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Левонтина 2020 — И. Б. Л е в о н т и н а. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 52–77.

Летучий 2016 — А. Б. Л е т у ч и й. *Всё об одном*: об одной конструкции с сентенциальными актантами в русском языке // Девятая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: посвящается 80-летию В. С. Храковского. Материалы / Под ред. С. С. Сая, Н. В. Заики, С. Ю. Дмитренко. СПб.: ИЛИ РАН, 2016. С. 114–120.

Летучий 2021 — А. Б. Л е т у ч и й. Русский язык о ситуациях. Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке. СПб.: Алетейя, 2021.

Летучий 2023 — А. Б. Л е т у ч и й. Особенности разговорного употребления союза *что*: цитативность и другие нестандартные свойства // Вопросы языкознания. 2023. № 3. С. 27–59.

Пекелис 2015 — О. Е. П е к е л и с. Сочинение и подчинение // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

Подлеская 2017 — В. И. П о д л е с к а я. «Я скажу тебе с последней прямой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2017». Вып. 16 (23), т. 2. М.: Изд-во РГГУ, 2017. С. 355–371.

Сердобольская 2017 — Н. В. С е р д о б о л ь с к а я. Бессоюзные сложные предложения с глаголом *думать* в русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 7–35.

Ширяев 1986 — Е. Н. Ш и р я е в. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986.

Belyaev 2015 — O. B e l y a e v. Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination // *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata* / P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina, S. Tatevosov (eds.). Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2015. P. 35–66.

Cristofaro 1998 — S. C r i s t o f a r o. Deranking and Balancing in Different Subordination Relations: a Typological Study // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1998. Vol. 51. P. 3–42.

Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. Subordination. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Dalrymple et al. 2004 — M. Dalrymple, H. Dyvik, T. Holloway King. Postcopular complements: closed or open? // Proceedings of the LFG04 Conference / M. Butt, T. Holloway King (eds.). CSLI Publications, 2004. P. 188–198.

Evans, Watanabe 2016 — N. Evans, H. Watanabe (eds.). Insubordination. [Typological studies in language 115]. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2016.

Frey 2016 — W. Frey. On some correlations between formal and interpretative properties of causal clauses // Co- and subordination in German and other languages [Linguistische Berichte Sonderhefte 21] / I. Reich, A. Speyer (eds.). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2016. P. 153–179.

Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Coordination // Language typology and syntactic description / T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. 2. P. 1–51.

Hawkins 1991 — J. Hawkins. A parsing theory of word order universals // Linguistic Inquiry. 1991. Vol. 21. P. 223–261.

Hawkins 1992 — J. A. Hawkins. Syntactic weight versus information structure in word order variation // Informationsstruktur und Grammatik [Linguistische Berichte Sonderhefte] / J. Jacobs (ed.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1992. P. 196–219.

Kazenin, Testelefs 2004 — K. I. Kazenin, Ya. G. Testelefs. Where Coordination meets Subordination. Converb Constructions in Tsakhur (Dagestani) // Coordinating Constructions (Typological Studies in Language 58) / M. Haspelmath (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 227–239.

Merchant 2004 — J. Merchant. Fragments and ellipsis // Linguistics and Philosophy. 2004. Vol. 27. P. 661–738.

Merchant et al. 2013 — J. Merchant, L. Frazier, Ch. Clifton, Jr., Th. Weskott. Fragments answers to questions: A case of inaudible syntax // Brevity / L. Goldstein (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 20–35.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation // Shopen T. (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–150.

Статья получена 20.06.2023

Alexander B. Letuchiy

National Research University Higher School of Economics
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
alexander.letuchiy@gmail.com

SUBORDINATION IN NONSTANDARD CONTEXTS: NONSTANDARD SUBORDINATE CONSTRUCTIONS AND THEIR SYNTACTIC PROPERTIES

The article focuses on nonstandard subordinate constructions like *I know what my father thinks — I should learn to cook*. In these context, the second clause semantically fills a valency slot of some head (in this case, the verb *thinks*), but its syntactic properties

are not canonically subordinate. This happens when the form of the clause does not correspond to the argument structure of the head, when the subordinate clause is not in the same clause as the alleged head and/or if the second clause does not contain any subordination markers. In the article, it is demonstrated that, though the constructions under analysis differ in their functions and internal organization, they have many common features that distinguish them from standard subordinate constructions. For instance, many of them occur in several variants, some of which are closer to standard subordination and some are distinct from it. Besides this, the precise properties of the constructions depend on semantic and discourse parameters: for example, whether the subject is co-referent to the speaker and whether deictic interpretation is possible. Importantly, some fundamental differences between nonstandard and standard subordinate constructions (such as almost entire impossibility of negation and of subject omission in the second clause) are not reducible to the functions and properties of one individual construction. We rather deal with a general tendency: in the absence of subordinate markers the communicative status of the second part increases and it tends to become a separate assertion. At the same time, there are some differences between constructions: for example, only some of them allow relative tense interpretation. These differences show that some syntactic properties depend on the strength of syntactic link between the two clauses, which is different for each of constructions.

Keywords: syntax, subordination, unmarked subordinate constructions, emphatic constructions, answers to questions, pronoun interpretation, negation, subject omission, deictic interpretation, feature variance.

References

- Belyaev, O. (2015). Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. In P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina, & S. Tatevosov (Eds.), *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata* (pp. 35–66). Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur.
- Cristofaro, S. (1998). Deranking and Balancing in Different Subordination Relations: a Typological Study. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 51, 3–42.
- Cristofaro, S. (2003). *Subordination*. Oxford: Oxford University Press.
- Dalrymple, M., Dyvik, H., & Holloway King, T. (2004). Postcopular complements: closed or open? In M. Butt, & T. Holloway King (Eds.), *Proceedings of the LFG04 Conference* (pp. 188–198). CSLI Publications.
- Evans N., & Watanabe, H. (Eds.). (2016). *Insubordination*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Frey, W. (2016). On some correlations between formal and interpretative properties of causal clauses. In I. Reich, & A. Speyer (Eds.), *Co- and subordination in German and other languages* (pp. 153–179). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2016.
- Haspelmath, M. (2007). Coordination. In T. Shopen (Ed.), *Language typology and syntactic description* (Vol. 2, pp. 1–51). Cambridge: Cambridge University Press.
- Hawkins, J. (1991). A parsing theory of word order universals. *Linguistic Inquiry*, 21, 223–261.
- Hawkins, J. A. (1992). Syntactic weight versus information structure in word order variation. In J. Jacobs (Ed.), *Informationsstruktur und Grammatik* (pp. 196–219). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Kalinina, E. Yu. (2001). *Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predlozhenii*. Moscow: IMLI RAN.

Kazenin, K. I., & Testeleets, Ya. G. (2004). Where Coordination meets Subordination. Converb Constructions in Tsakhur (Daghestanian). In M. Haspelmath (Ed.), *Coordinating Constructions* (pp. 227–239). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Letuchii, A. B. (2016). Vse ob odnom: ob odnoi konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v russkom iazyke. In S. S. Sai, N. V. Zaika, & S. Yu. Dmitrenko (Eds.), *Deviataya konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei: posviashchaetsia 80-letiiu V. S. Khrakovskogo. Materialy* (pp. 114–120). St Petersburg: ILI RAN.

Letuchii, A. B. (2021). Russkii iazyk o situatsiakh. Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v russkom iazyke. St Petersburg: Aleteiia.

Letuchii, A. B. (2023). Osobennosti razgovornogo upotrebleniia soiuza chto: tsitativnost' i drugie nestandartnye svoistva. *Voprosy jazykoznanii*, 3, 27–59.

Levontina, I. B. (2020). Ob arsenale ksenopokazatelei v russkom iazyke. *Voprosy jazykoznanii*, 3, 52–77.

Merchant, J., Frazier L., Clifton Jr., Ch., & Weskott, Th. (2013). Fragments answers to questions: A case of inaudible syntax. In L. Goldstein (Ed.), *Brevity* (pp. 20–35). Oxford: Oxford University Press.

Merchant, J. (2004). Fragments and ellipsis. *Linguistics and Philosophy*, 27, 661–738.

Noonan, M. (2007). Complementation. In T. Shopen (Ed.), *Language typology and syntactic description* (Vol. 2, pp. 52–150). Cambridge: Cambridge University Press.

Podlesskaia, V. I. (2017). «Ia skazhu tebe s poslednei priamotoi»: priamaia i kosvennaia rech' po dannym korpusa s prosodicheskoi razmetkoi. In V. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2017»* (Vol. 16(23), iss. 2, pp. 355–371). Moscow: Izd-vo RGGU.

Serdobol'skaia, N. V. (2017). Bessoiuznye slozhnye predlozheniia s glagolom *dumat'* v russkom iazyke. *Voprosy jazykoznanii*, 5, 7–35.

Shiriaev, E. N. (1986). *Bessoiuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom iazyke*. Moscow: Nauka.

Received on June 20, 2023

А. А. ГЕРАСИМОВА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
anastasiagerasimova432@gmail.com

ЗНАЧИМОСТЬ ПОРЯДКА ИМЕННЫХ ГРУПП ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ БИНОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ*

В статье исследуется роль порядка именных составляющих в биноминативном предложении в сравнении с их денотативным статусом. Два типа биноминативных предложений, предикативные и специфицирующие, противопоставляются на основании того, какой является именная группа, предшествующая связке: более референтной или менее референтной относительно именной группы, расположенной после связки. Вместе с тем многие исследователи отмечают различие в денотативном статусе менее референтной именной составляющей: в специфицирующих предложениях соответствующая именная группа имеет атрибутивное прочтение. С помощью синтаксического эксперимента мы исследуем влияние фактора порядка и фактора денотативного статуса на приемлемость биноминативного предложения. Результаты показывают асимметрию в оценках для прямого и инвертированного порядка именных групп в специфицирующих предложениях. Данный результат наблюдается только в случае согласования с первой именной группой, но не при согласовании со второй. Несмотря на то, что взаимодействие факторов не является универсальным и наблюдается только в случае согласования с первой именной группой, экспериментальные результаты позволяют утверждать, что для формирования оппозиции предикативных и специфицирующих предложений одного критерия порядка недостаточно. Мы делаем вывод, что статус менее референтной именной группы в специфицирующих и предикативных предложениях отличается, что должно быть отражено в формальной модели биноминативного предложения.

Ключевые слова: специфицирующие биноминативные предложения, денотативный статус, порядок слов, оценка приемлемости, русский язык.

1. Введение

В данной статье мы исследуем природу оппозиции специфицирующих и предикативных биноминативных предложений на материале русского языка. Биноминативное предложение — это предложение, образованное

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ им. М. В. Ломоносова (<https://rscf.ru/project/22-18-00037/>).

двумя именными группами в именительном падеже (структурная схема N1 — N1 [Русская грамматика 1980]). Предикативные и специфицирующие биноминативные предложения демонстрируют ряд отличий в синтаксическом поведении, в связи с чем актуальным становится вопрос о том, какие формальные критерии задают два класса конструкций.

Большая часть исследований синтаксиса биноминативных предложений проводилась на материале германских языков. основополагающим критерием для формулирования противопоставления становится референтный статус именных групп, которые входят в биноминативное предложение. Часть исследователей интерпретируют данный критерий в сопоставительном аспекте, учитывая порядок более референтной именной группы и менее референтной именной группы¹ [Moro 1991; 1997; den Dikken 2006; Neusock 1995; Hartmann 2019]. Согласно данному подходу, в предикативных предложениях первая именная группа, предшествующая связке, является более референтной (1a), в специфицирующих предложениях первая именная группа менее референтная по сравнению со второй (1b).

(1) [den Dikken 2006: (17), (18)]

a. *Mary is a pretty girl.*

Мэри AUX INDF красивый девушка
'Мэри — красивая девушка'.

b. *The bank robber is John Thomas.*

DET банк грабитель AUX Джон Томас
'Грабитель банка — Джон Томас'.

Другие авторы задают классификацию биноминативных предложений, учитывая непосредственно денотативный статус именных групп [Акматян 1979; Higgins 1979; Mikkelsen 2005; 2011]. В соответствии с данным подходом в специфицирующих предложениях линейно первая именная группа задает некоторое множество, одним из элементов которого является референт, выраженный именной группой, расположенной после связки. В терминологии К. С. Доннелана [Donnellan 1966; 1968] и Е. В. Падучевой [1985] первая именная группа в специфицирующих биноминативных предложе-

¹ Несмотря на то, что большое количество авторов используют характеристику именных групп по референтности, алгоритм определения степени референтности не предоставляется ни в одной известной нам работе по классификации биноминативных клауз. Более того, количество степеней референтности зачастую определяется тем, какие типы биноминативных предложений выделяет конкретный автор: ср. бинарное противопоставление (referential vs. non-referential) в [den Dikken 2006] и четыре градации (strongly referring vs. referring vs. weakly referring vs. non-referring) в [Declerck 1988]. Насколько мы можем судить по языковым примерам из статей по теме, имплицитно предполагается, что наиболее референтными являются референтные употребления в терминах классификации денотативных статусов Е. В. Падучевой, далее идут нереперентные употребления, наконец, наименее референтными являются предикатные употребления.

ниях употребляется атрибутивно, т. е. обозначает лицо или предмет, которые удовлетворяют данной дескрипции без конкретного указания референта. Семантика предикативных предложений устроена иначе: в них первая именная группа вводит референт, а вторая именная группа описывает его свойства, т. е. является предикатной.

В русском языке биноминативные предложения рассматривались прежде всего через призму вопроса о выделении подлежащей и сказуемой именных групп. Наиболее полная из имеющихся классификация биноминативных предложений в русском языке, разработанная Е. В. Падучевой и В. А. Успенским, задается актуальным членением в клаузе, а также тем, какая из двух именных составляющих является контролером согласования [Падучева, Успенский 1997]. Однако, как показывают рассуждения в работе [Герасимова 2022], приемлемость моделей согласования может определяться дополнительными факторами — как из области коммуникативных преобразований, так и связанных с конкретными значениями грамматических категорий контролера согласования. Следовательно, использование согласовательных характеристик предложения в качестве критерия для классификации не имеет достаточных оснований. Адаптация оппозиции предикативных и специфицирующих предложений к материалу русского языка, проведенная в работе Л. Гайст [Geist 2008], при этом оказывается неудовлетворительной, поскольку не учитывает особенности употребления русских биноминативных предложений, связанные с актуальным членением.

В исследовании [Герасимова 2022] в качестве основного критерия для классификации биноминативных предложений предлагается использовать соотношение денотативных статусов именных групп, причем без ограничения на фиксированное взаимное расположение именных компонентов. Такое решение связано с доступностью в русском языке коммуникативных преобразований, которые позволяют менять расположение более и менее референтных именных составляющих. Данный подход соответствует определению референциального критерия в духе [Higgins 1979] и др., сформулированному на материале германских языков. Однако ввиду того, что большое количество исследователей связывают различия в типах биноминативных предложений исключительно с порядком следования именных групп, утверждение о том, что различия в типах клауз определяются только денотативным статусом, нуждается в дополнительной проверке.

В данной статье мы приводим результаты экспериментального исследования, в котором сравнивается, как два фактора, предположительно задающие различия в типах биноминативных конструкций, влияют на приемлемость биноминативного предложения. В разделе 2 мы обсудим, на основании каких характеристик биноминативных предложений проводится разделение на два класса клауз в германских языках и в русском языке. Раздел 3 посвящен описанию экспериментального исследования, призванного определить роль линейного порядка именных групп с различным денотативным статусом в задаче различения двух классов биноминативных

предложений. В разделе 4 обсуждаются результаты эксперимента и предлагается их интерпретация в контексте проблематики согласования. Раздел 5 подводит итоги исследования.

2. Оппозиция предикативных и специфицирующих биноминативных предложений

В литературе приводятся множественные свидетельства того, что предикативные и специфицирующие предложения демонстрируют различное синтаксическое поведение. Для английских специфицирующих предложений устанавливаются ограничения на передвижение *wh*-элементов [Grosu 1972; Heggie 1988; Moro 1991; 1997; Neuscock, Kroch 1999; den Dikken 2006], ограничения на употребление с глаголами с исключительным падежным маркированием без выраженной связки [Moro 1991; 1997; Mikkelsen 2011]. В фарерском, исландском, немецком, нидерландском языках специфицирующие предложения допускают вариативность в выборе контролера предикативного согласования [Hartmann, Neuscock 2020]. Вариативность осложняется омонимией двух классов: одно и то же биноминативное предложение может иметь как предикативное, так и специфицирующее прочтение в зависимости от того, в каком контексте оно встречается.

Вопрос о причинах различий между предикативными и специфицирующими биноминативными предложениями допускает разные варианты ответа. Л. Миккельсен выделяет три основных способа, с помощью которых исследователи задают отличия двух классов предложений в синтаксисе [Mikkelsen 2011]. Во-первых, часть исследователей определяет оппозицию исключительно по семантическим критериям, ориентируясь на значения отдельных составляющих биноминативного предложения, а также их семантическую композицию [Partee 1986; Schlenker 2003]. Особенности различных типов биноминативных клауз определяются семантикой глагола-связки и моделируются с помощью включения в семантическую структуру предложения специальных семантических операторов. Другой взгляд на оппозицию интерпретирует ее как синтактико-семантическое противопоставление, обусловленное особенностями информационной структуры биноминативных предложений [Mikkelsen 2005; Geist 2008]. Наконец, третий подход противопоставляет различные функции, которые могут выполнять биноминативные предложения, и предполагает, что различные типы клауз представляют собой поверхностные реализации единой глубинной структуры [Heggie 1988; Moro 1997; den Dikken 2006].

Формально ориентированные подходы к анализу биноминативных предложений принимают последнюю из перечисленных нами позиций. Так называемый анализ с инверсией, представленный в различных модификациях, предполагает, что изначально как предикативные, так и специфицирующие предложения имеют форму малой клаузы, в которой некоторая

функциональная вершина соединяет субъектную и предикатную именные группы [Heggie 1988; Moro 1991; 1997; Neuscock 1995; Mikkelsen 2005; den Dikken 2006; Hartmann 2019; Hartmann, Neuscock 2020]. При деривации предикативного предложения относительный порядок субъектной и предикатной именных составляющих сохраняется. При деривации специфицирующего предложения, напротив, в результате череды передвижений, которые могут мотивироваться различными способами, порядок оказывается инвертированным.

Легко видеть, что в рамках представленного подхода отличия между двумя типами биноминативных клауз возникают только в поверхностном выражении и касаются взаимного расположения субъектной именной группы, которая является более референтной, и менее референтной предикатной именной группы. Передвижение в случае специфицирующего прочтения задается общими соображениями деривации, например, необходимостью изменить изначальную конфигурацию именных групп, чтобы структура могла быть линейаризована (см. подробнее обзор вариантов анализа в [den Dikken 2006]). В рамках данного подхода конкретные денотативные статусы именных групп оказываются несущественными для синтаксического разделения двух типов клауз.

Альтернативная мотивация передвижения связана с особенностями информационной структуры, а именно с признаком топика, который может иметь одна из именных групп в малой клаузе (см. [Mikkelsen 2005; Shlonsky, Rizzi 2018]). Характерная особенность специфицирующих биноминативных предложений состоит в том, что именная составляющая, занимающая позицию после связки, находится в фокусе, т. е. является информационно выделенной [Heggie 1988; Neuscock 1995; Hartmann 2019]. Как следствие, фокус на менее референтной именной группе возможен только в случае предикативного типа биноминативной клаузы, но не допустим при специфицирующем прочтении. Такая линия рассуждения предполагает исключительные характеристики одной из именных групп в специфицирующем предложении, а следовательно, порядок двух именных групп, отличающихся большей/меньшей референтностью, уже перестает быть единственным отличием в синтаксической структуре двух типов клауз.

На экспериментальное подтверждение различий в информационной структуре биноминативных предложений было нацелено исследование Ю. Хартманн [Hartmann 2019], проведенное на материале английского языка. В двух экспериментах проверялась гипотеза о том, что в специфицирующих предложениях фокус на предикатной именной группе неприемлем как при наличии контекста, который лицензирует фокус, так и в его отсутствии. При этом в предикативных предложениях ожидалось, что фокус допускается на любой из двух именных групп вне зависимости от контекста.

Результаты экспериментов подтвердили ожидания исследователя. Несмотря на то, что экспериментальная гипотеза была подтверждена, мы видим следующую проблему: два типа конструкций в исследовании

Ю. Хартманн имели идентичное лексическое наполнение. Одна именная группа была определенной дескрипцией, другая именная группа — именем собственным, которое обозначало конкретного референта. Различия между двумя классами определялись порядком компонентов: для предикативных предложений на первом месте было имя собственное, для специфицирующих — определенная дескрипция (2). Примечательно, что лексика также может склонять к определенному прочтению, в частности, выделяется прототипическое наполнение специфицирующих и предикативных предложений [Hartmann, Neusock 2020]. Представленные в статье примеры (2) скорее соответствуют наполнению предикативных предложений, а не специфицирующих.

(2) [Hartmann 2019: Table 1, (15), (16)]

a. (предикативное предложение. — *A. G.*)

Trevor Bailey is the wittiest host.

Тревор Бейли AUX DET самый остроумный ведущий
‘Тревор Бейли — самый остроумный ведущий’.

b. (специфицирующее предложение. — *A. G.*)

The wittiest host is Trevor Bailey.

DET самый остроумный ведущий AUX Тревор Бейли
‘Самый остроумный ведущий — Тревор Бейли’.

Если предположить, что лексический материал в исследовании подбирался под предикативное прочтение, тогда результаты можно было бы использовать как аргумент в пользу применения порядка составляющих как центрального критерия для различения двух классов. Если особенности информационной структуры, характерные для специфицирующего прочтения, обнаруживаются при инверсии предикативного предложения без необходимости менять денотативный статус именных групп, тогда именно порядок определяет изменения свойств предложения. Однако лексика в экспериментальном исследовании Ю. Хартманн отдельно не контролировалась. Ввиду того, что материалы исследования не опубликованы, нет возможности и самостоятельно убедиться в том, что лексическое наполнение было действительно однородным.

Наконец, контекст, который должен был ограничить положение фокуса на одной из двух именных групп, был одинаковым для двух типов биноминативных предложений, хотя в ряде работ говорится о том, что контекст также может влиять на выбор того или иного прочтения [Neusock 1995; Neusock, Kroch 2002]. Нет оснований считать, что специфицирующие предложения во всех случаях были прочитаны так, как задумывал автор эксперимента.

Таким образом, преобладающий вариант анализа биноминативных предложений предполагает, что различия в синтаксическом поведении предикативных и специфицирующих клауз являются результатом инверсии именных компонентов большей и меньшей референтности. Тем не ме-

нее имеющихся на текущий момент эмпирических данных, учитывающих противопоставление двух классов предложений, оказывается недостаточно для того, чтобы подтвердить легитимность порядкового критерия для классификации биноминативных клауз.

2.1. Классификация биноминативных предложений в русском языке

В литературе о русских биноминативных предложениях центральный вопрос следующий: какая из двух именных групп является подлежащим, а какая — сказуемым? Часть исследователей считала, что главные члены в биноминативных клаузах не различимы [Дурново 1929; Шмелев 1976; Ревзин 1978]. Предлагалось определение подлежащего на основании согласования связки [Пешковский 1938], на основании порядка слов [Русская грамматика 1980]. Наиболее полной стала классификация русских биноминативных предложений из статьи Е. В. Падучевой и В. А. Успенского, в которой авторы разработали референциальный критерий различения подлежащего и сказуемого [Падучева, Успенский 1997]. В их классификации при выделении типов биноминативных предложений учитывается денотативный статус именных групп, а отличия между типами постулируются в том числе на основании тема-рематического членения. Однако окончательное деление биноминативных предложений на различные группы основывается на том, с какой именной группой происходит согласование связки. Несомненным достоинством данной классификации является описание различных типов биноминативных предложений на основании формальных критериев (тема-рематическое членение, денотативный статус). Недостаток же состоит в том, что разделение по этим критериям проводится непоследовательно, а в выделенных группах отрицается варьирование при согласовании (которое отмечается, например, в [Русская грамматика 1980]). Наконец, выделяется обширная группа проблемных случаев, которые авторам классифицировать не удалось.

В истории изучения русских биноминативных предложений была предпринята попытка спроецировать противопоставление специфицирующих и предикативных предложений из трудов [Higgins 1979; Akmajian 1979; Mikkelsen 2005; 2011] на русский язык. Вслед за работами на материале английского языка Л. Гайст привязывает классификацию биноминативных предложений к порядку следования именных групп, одна из которых является референтной [Geist 2008]. Характерная черта классификации Л. Гайст состоит в том, что в группу биноминативных предложений были также определены те предложения, в которых одна из именных групп может маркироваться творительным падежом. Сравнение классификации из статьи [Падучева, Успенский 1997] с классификацией, представленной в работе Л. Гайст, обнаруживает, что классификация по порядку именных групп неспособна зафиксировать различия, связанные с коммуникативной структурой предложений, наблюдаемые в русском языке [Герасимова 2022].

В [Там же] было показано, что в русском языке разумно выделять специфицирующий и предикативный типы биноминативных предложений, исходя из соотношения денотативных статусов, но не привязываясь к порядку следования именных групп с соответствующими статусами. Против обобщения о том, что порядок именных групп определенного типа строго фиксирован, говорит возможность инверсии компонентов биноминативных предложений: эмфатическое преобразование для предикативных клауз, представленное в [Падучева, Успенский 1997] (3), а также инверсия специфицирующих клауз, доступная в контексте специальной коммуникативной задачи, продемонстрированная в [Герасимова 2022] (4).

- (3) а. [Падучева, Успенский 1997: (3а)]²
Шахматы ↗ *всегда были его любимое занятие* ↘.
 тема рема
- б. [Там же: (3с)] (тема-рематическая разметка моя. — А. Г.)
Его любимое занятие ↘ *были шахматы*.
 рема тема
- (4) а. [Там же]
Настоящий хозяин в доме ↗ *была его жена* ↘.
 тема рема
- б. [Герасимова 2022: (34)]
А: Кто был настоящим хозяином в доме?
Б: Его жена ↘ *была настоящим хозяином в доме*.
 рема тема

При формулировании критериев для классификации в [Герасимова 2022] первостепенными становятся данные о коммуникативных преобразованиях русских биноминативных предложений. Ниже мы покажем, что данное решение может быть мотивировано не только набором коммуникативных преобразований, доступных в русском языке, но вытекает из наблюдений на материале биноминативных предложений в германских языках.

2.2. Денотативный статус именных групп в биноминативных предложениях

Противопоставление предикативных и специфицирующих предложений, основанное на порядке составляющих могло бы быть удовлетворительным, если бы предикативное и специфицирующее прочтение находились в отношении свободного варьирования и были бы доступны при любом лексическом материале. Тем не менее практически все авторы исследований на материале германских языков, упомянутые ранее, выделяют особое

² В статье используется следующая разметка коммуникативной структуры: X↗ — тематический акцент на составляющей X, X↘ — рематический акцент на составляющей X. Тема-рематическая разметка в примерах в соответствии с текстом статьи [Падучева, Успенский 1997] моя. — А. Г.

семантическое отношение, в которое вступают именные составляющие специфицирующего предложения, а именно отношение множества и элемента этого множества или отношение переменной и значения этой переменной. В единственном экспериментальном исследовании данной проблематики, представленном выше, характерное значение предикатной именной группы никак не учитывалось.

Различия в информационной структуре могут быть связаны не просто с разным порядком более референтной и менее референтной именных групп в предложениях двух типов, но с конкретным денотативным статусом менее референтной именной группы. Хотя многие авторы в определении оппозиции специфицирующих и предикативных предложений пишут о том, что предикатная именная группа в специфицирующем предложении имеет атрибутивный статус, данная идея не находит отражения в формальных моделях биноминативных предложений. Напомним, что деривационный подход предполагает единую базовую структуру для всех биноминативных предложений, а отличия возникают в результате инверсии структуры малой клаузы. Мы предполагаем, что именно различия в денотативном статусе менее референтной именной группы способствуют наблюдаемой асимметрии информационной структуры.

В работах [den Dikken et al. 2000; Schlenker 2003] отмечается характерная особенность предложений со специфицирующим прочтением. Семантически их можно представить как вопросно-ответную пару, в которой элемент, означающий вопрос, идет перед связкой, а ответ следует за связкой. Мы предполагаем, что подобная интуиция исследователей связана с атрибутивным статусом именной группы, которая отсылает к лицу или предмету, удовлетворяющим дескрипции. Иными словами, именная группа, расположенная перед связкой в специфицирующих предложениях, катафорична: она задает множество и отсылает вперед повествования. М. ден Диккен также отмечает, что составляющая, которая выполняет функцию элемента множества или списка в биноминативных предложениях и псевдоклефтах (в случае специфицирующих биноминативных предложений — референтная именная группа после связки), не может быть анафорична [den Dikken 2006]. Получается, что доступность фокуса на второй именной группе обусловлена статусом соответствующего референта как новой информации.

В экспериментальном исследовании на материале русского языка мы планируем проверить, как на оценки биноминативных предложений повлияет обратный порядок именных групп в предложениях двух типов. Противопоставление специфицирующих и предикативных предложений будет проводиться за счет использования «прототипической» для каждого из классов лексики, которая была предложена в статье [Hartmann, Neusock 2020]. Через данную лексику в том числе отражаются различия в денотативном статусе менее референтных именных групп. Если приведенное выше рассуждение справедливо, тогда при инверсии специфицирующего

предложения эффект катафоры в специфицирующих предложениях должен пропадать, соответственно, должно пропадать и специфицирующее прочтение (предполагаем, что тогда прочтение будет предикативным). Напротив, инверсия предикативного предложения не должна приводить к возникновению подобного эффекта: именная группа с предикатным статусом не будет интерпретироваться как в специфицирующем предложении — как открывающая множество или список.

Таким образом, в терминах оценок приемлемости наши ожидания таковы. Если оппозиция специфицирующих и предикативных предложений определяется исключительно деривационными особенностями, тогда мы не ожидаем никаких изменений в оценках приемлемости для предложений с прямым и инвертированным порядком именных групп. Более того, мы можем ожидать, что оценки для предложений одного типа с прямым порядком совпадут с оценками другого типа с инвертированным порядком. Если же оппозиция задается за счет разницы в денотативном статусе менее референтной именной группы, мы можем ожидать, что специфицирующие предложения с прямым порядком будут получать более высокие оценки по сравнению со специфицирующими предложениями с инвертированным порядком. Для предикативных предложений отличий в оценках не ожидается.

3. Экспериментальное исследование

Цели исследования определили дизайн эксперимента. В качестве первого экспериментального фактора выступил ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (предикативное/специфицирующее). Противопоставление предикативных и специфицирующих предложений задавалось с помощью «прототипического» лексического содержания, определенного в работе [Hartmann, Neusock 2020]. Для прототипического специфицирующего прочтения в качестве менее референтной именной группы использовались определенные дескрипции, обозначающие роли (*владелец особняка, помощник лектора*), или абстрактные именные группы (*причина спора, первая цель*). Именно данная лексика должна способствовать атрибутивному прочтению именной группы. Для предикативного прочтения в качестве менее референтной именной группы мы использовали именные группы, которые не имели атрибутивного прочтения: не могли интерпретироваться как роль, которую выполняет референт, не задавали список или множество, в который может попасть референт. Кроме того, контролировалось, чтобы не было метафорического прочтения предикатной именной группы. В качестве более референтной именной группы в обоих случаях использовались определенные дескрипции, обозначающие отдельные лица, предметы, события (*семья директора, семейство Джонсон, дела о банкротстве, утренние сборы*).

Вторым экспериментальным фактором стал ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП (прямой/инвертированный). Внутри каждого типа биноминативных предложений менялся линейный порядок именных групп с различным статусом. Соответственно, если принять предположение о ключевой роли порядка именных групп при выделении классов биноминативных предложений, предикативные предложения с инвертированным порядком слов соответствовали каноническим специфицирующим предложениям, а инвертированные специфицирующие предложения — каноническим предикативным.

Наконец, поскольку для русских биноминативных предложений фиксируется варьирование при согласовании с глаголом-связкой, но данные о распределении моделей согласования отсутствуют, третьим экспериментальным фактором стала МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПО ЧИСЛУ (согласование с первой именной группой (ИГ1) / согласование со второй именной группой (ИГ2)). Предварительных предположений о том, как распределение денотативных статусов или порядок именных групп могут влиять на выбор контролера согласования, не было³.

В эксперименте мы использовали методику извлечения суждений о приемлемости языковых выражений по шкале Ликерта 1–7, где оценки 1, 2 соответствовали предложениям, которые звучат плохо, «не по-русски», а 6, 7 были предназначены для хороших предложений. В соответствии с перечисленными факторами эксперимент имел дизайн $2 \times 2 \times 2$ и включал 8 экспериментальных условий (5), (6). На каждое условие было составлено 4 экспериментальных предложения, на каждый тип биноминативных клауз приходилось 32 лексикализации. Материал эксперимента распределялся по правилу латинского квадрата по четырем листам. Предложения в листе воспроизводились в случайном порядке и чередовались с филлерами⁴ в соотношении один к одному. В качестве филлеров использовались переходные предложения двух типов: грамматичные и неграмматичные, которые содержали ошибку в управлении предиката (7).

(5) Предикативные предложения (далее — [пред.]):

- a. *Утренние сборы были любопытное зрелище.*
- b. *Утренние сборы было любопытное зрелище.*
- c. *Любопытное зрелище было утренние сборы.*
- d. *Любопытное зрелище были утренние сборы.*

(6) Специфицирующие предложения (далее — [спец.]):

- a. *Свидетели конфликта были экипаж из Китая.*

³ Включение данного фактора также отчасти обусловлено общей канвой исследования биноминативных предложений, проводимого в рамках проекта РФФ № 22-18-00037.

⁴ Филлерные предложения призваны отвлекать респондента от сути исследования и маскировать манипуляции исследователя.

- b. *Свидетели конфликта был экипаж из Китая.*
 - c. *Экипаж из Китая был свидетели конфликта.*
 - d. *Экипаж из Китая были свидетели конфликта.*
- (7) Грамматичные филлеры:
- a. *Помощник машиниста написал заявление об увольнении.*
 - b. *Сотрудники музея приступили к составлению отчета.*
- Неграмматичные филлеры:
- c. *Дежурный оператор | догадался за причины неисправности.*
 - d. *Сотрудница банка спорила | к назойливому посетителю.*

Эксперимент был разработан и проводился на платформе PCibex Farm [Zehr, Schwarz 2018]. После заполнения короткой социолингвистической анкеты и знакомства с инструкцией респонденты оценивали предложения, на оценку одного предложения отводилось 10 секунд. В качестве контрольного параметра использовались вопросы к грамматичным филлерам.

В эксперименте приняли участие 80 респондентов, но ответы 16 человек (20 %) были исключены из анализа ввиду некорректного использования шкалы оценивания в отношении филлеров. В итоге мы проанализировали ответы 64 респондентов (38 муж., 26 жен., мин. возраст 20, макс. возраст 71, SD возраста 12). Анализ с использованием линейных смешанных моделей регрессии⁵ показал, что значимыми оказались факторы ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ($\beta = 0,23$; SE = 0,09; $t = 2,56$; p-value = 0,012 *), ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП ($\beta = -0,22$; SE = 0,09; $t = -2,53$; p-value = 0,013 *), а также взаимодействие факторов МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПО ЧИСЛУ и ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП ($\beta = 0,25$; SE = 0,1; $t = 2,45$; p-value = 0,016 *). Факторы МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПО ЧИСЛУ и взаимодействие фактора ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ с факторами МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПО ЧИСЛУ и ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП оказались незначимыми. Все экспериментальные условия оказались значимо более приемлемыми по сравнению с неграмматичными филлерами (*t-критерий Уэлча, критерий Вилкоксона*: p-value << 0,001 *).

Для начала сопоставим оценки предложений с разным порядком именных групп внутри каждого типа (см. рис. 1). Различие между прямым и инвертированным порядком слов оказывается значимым только в случае

⁵ Статистический анализ результатов проводился в соответствии с рекомендациями [Gries 2021] и [Bates et al. 2015]. В результате последовательного сопоставления моделей регрессии наиболее удачной оказалась линейная смешанная модель, в которую включены фиксированные эффекты ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПО ЧИСЛУ, ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП, попарные взаимодействия факторов, а также случайные эффекты: случайный отрезок и угол наклона для фактора ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ в зависимости от респондента и случайный отрезок в зависимости от стимульного предложения. Для подсчета значимости фиксированных эффектов использовалась библиотека *lmerTest* [Kuznetsova et al. 2017].

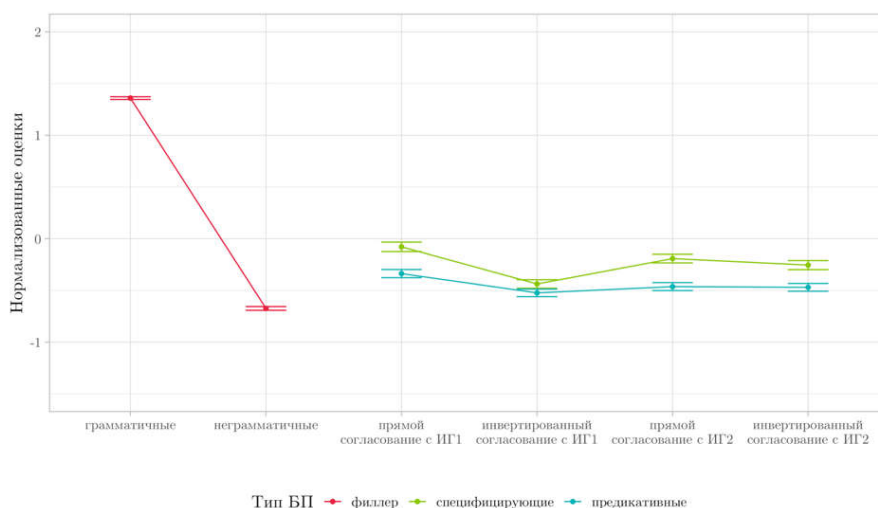

Рис. 1. Нормализованные оценки приемлемости на графике взаимодействия факторов ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП, МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПО ЧИСЛУ в сравнении с филлерами

специфицирующих предложений при согласовании с первой именной группой (8)⁶ (критерий Тьюки: estimate = 0,33; SE = 0,09; df = 119; t.ratio = 3,78; p-value = 0,006 *).

- (8) а. *Свидетели конфликта были экипаж из Китая.* [спец.]
 с. *Экипаж из Китая был свидетели конфликта.* [спец.]

Далее, перейдем к межтиповому сравнению: фактор ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ оказался значимым, хотя его взаимодействие с фактором ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП незначимо. В отношении порядка более и менее референтной именных групп следующие пары условий оказываются равными: предикативные предложения с прямым порядком и специфицирующие предложения с инвертированным порядком (<более референтная именная группа, менее референтная именная группа>) (9), специфицирующие с прямым порядком и предикативные с инвертированным порядком (<менее референтная именная группа, более референтная именная группа>) (10). В отношении согласования в данных парах мы наблюдаем только одно значимое отличие: при согласовании с первой именной группой (предикатной) специфицирующие предложения с прямым по-

⁶ В иллюстративных целях в примерах статьи фигурируют одни и те же предложения-стимулы. Более подробно ознакомиться со стимульным материалом можно на сайте «Московской группы экспериментального синтаксиса» (expsynt.com/ru/) или отправив запрос автору.

рядком (10а) более приемлемы, чем предикативные с инвертированным (*критерий Тьюки*: estimate = 0,45; SE = 0,1; df = 122; t.ratio = 4,4; p-value = 0,001 *). Вместе с тем специфицирующие предложения с инвертированным порядком не отличаются по оценкам от предикативных с прямым порядком именных компонентов (при любом контролере согласования) (9).

- (9) а. *Утренние сборы были/было любопытное зрелище.* [пред.]
 б. *Экипаж из Китая был/были свидетели конфликта.* [спец.]
- (10) а. *Свидетели конфликта были экипаж из Китая.* [спец.]
 б. *Свидетели конфликта был экипаж из Китая.* [спец.]
 с. *Любопытное зрелище было/были утренние сборы.* [пред.]

Наконец, заметим, что при сравнении специфицирующих и предикативных предложений с одинаковым контролером согласования обнаруживается только одно значимое отличие между предикативными и специфицирующими предложениями при согласовании со второй именной группой (*критерий Тьюки*: estimate = -0,31; SE = 0,09; df = 123; t.ratio = -3,5; p-value = 0,014 *), которое, по-видимому, связано со значимым взаимодействием факторов МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПО ЧИСЛУ и ПОРЯДОК ИМЕННЫХ ГРУПП. Согласование со второй именной группой в канонических предикативных предложениях (11а) значимо менее приемлемо, чем подобная модель согласования в канонических специфицирующих предложениях (11б).

- (11) а. *Утренние сборы было любопытное зрелище.* [пред.]
 б. *Экипаж из Китая были свидетели конфликта.* [спец.]

4. Обсуждение результатов

Результаты эксперимента показывают, что оценки приемлемости биноминативных предложений являются существенно сниженными по сравнению с оценками, которые получают грамматичные филлеры. Подобную особенность распределения оценок можно объяснить тем, что у обоих типов биноминативных предложений есть более частотная альтернатива, а именно предложения с творительным предикативным, ср. (12).

- (12) а. *Утренние сборы были любопытным зрелищем.* [пред.]
 б. *Свидетелями конфликта был экипаж из Китая.* [спец.]

Значимые различия, связанные с порядком слов, касаются условия, в котором специфицирующее биноминативное предложение имеет прямой порядок именных групп. Данное условие оказывается более приемлемым, чем условия с инвертированным порядком как в предикативных, так и в специфицирующих предложениях. Иными словами, в соответствии с ранее высказанной гипотезой, именная группа с атрибутивным статусом воспринимается более естественно в той позиции, в которой она может нести ката-

форическую функцию (13а). Инвертированные предикативные предложения подобное прочтение не получают, поскольку в них первая именная группа лишена соответствующего денотативного статуса, и оцениваются на уровне канонических предикативных предложений (14). При этом инвертированные специфицирующие предложения по оценкам совпадают с предикативными предложениями, т. е. теряют специфицирующее прочтение (15).

- (13) а. *Свидетели конфликта были/был экипаж из Китая.* [спец.]
 с. *Экипаж из Китая был/были свидетели конфликта.* [пред.]
- (14) а. *Утренние сборы были/было любопытное зрелище.* [пред.]
 д. *Любопытное зрелище было/были утренние сборы.* [пред.]
- (15) а. *Экипаж из Китая был/были свидетели конфликта.* [спец.]
 в. *Утренние сборы были/было любопытное зрелище.* [пред.]

Обратимся также к значимому различию между специфицирующими и предикативными предложениями с прямым порядком именных составляющих, которое наблюдается при согласовании со второй именной группой (16). Подобную асимметрию можно связать с тем, что в предикативных предложениях в данном случае контролером согласования выступает предикатная именная группа, а в специфицирующих — референтная именная группа. Возможно, изменение в оценках связано с тем, что согласование с именной группой, не являющейся референтной, вне контекста выглядит маркированно (аналогичную идею см. в [Hartmann 2019]).

- (16) а. *Утренние сборы было любопытное зрелище.* [пред.]
 б. *Экипаж из Китая были свидетели конфликта.* [спец.]

Единственным ограничением для предложенной интерпретации результатов становится тот факт, что подобная закономерность наблюдается лишь в случае согласования с первой именной группой. Неочевидно, почему подобная асимметрия отсутствует при согласовании со второй именной группой. Мы предполагаем, что причина может быть в различных частотных показателях двух стратегий согласований. Вероятно, согласование со второй именной группой хотя и допустимо, не является основной согласовательной стратегией и, как следствие, приводит к неразличению других характеристик биноминативного предложения. На текущий момент мы не обладаем сведениями о частотном распределении стратегий согласования в русских биноминативных предложениях, так что расширение исследования в данном направлении могло бы прояснить источник наблюдаемых различий.

Тем не менее результаты эксперимента явно показывают, что приемлемость инверсии предикативного предложения не всегда совпадает с приемлемостью канонических предложений со специфицирующим прочтением. На наш взгляд, данный результат свидетельствует о том, что специфицирующие предложения получают не только с помощью инверсии предикативной структуры, но и за счет включения в семантику предложения

компонента, связанного с атрибутивным статусом первой именной группы. Следовательно, мы делаем вывод: различие между чисто предикатным и атрибутивным статусом именных групп в предикативных и специфицирующих предложениях соответственно должно учитываться в формальной модели биноминативного предложения. Наконец, использование критерия денотативных статусов для классификации русских биноминативных предложений, предложенное в [Герасимова 2022], является полностью оправданным.

5. Заключение

В данной статье мы исследовали набор критериев для выделения различных типов биноминативных предложений. На материале русского языка мы проанализировали взаимодействие двух факторов, которые в явном и неявном виде выделялись в предшествующей литературе: линейного порядка именных групп с более и менее референтным денотативным статусом и собственно денотативного статуса именных групп в биноминативном предложении. Материал русского языка позволил сравнить два фактора, поскольку, по наблюдению исследователей, именно русские биноминативные предложения допускают широкий спектр коммуникативных преобразований. Экспериментальные результаты подтвердили интуицию многих исследователей, связывающую специфицирующее прочтение с атрибутивным статусом одной из именных групп. Тем не менее асимметрия в оценках приемлемости, позволяющая сделать такой вывод, наблюдается только при одной из двух доступных моделей согласования. Теоретическое осмысление причин того, что установленные закономерности в оценках приемлемости не являются универсальными, возможно только при привлечении дополнительных эмпирических данных о распределении стратегий согласования в русских биноминативных предложениях.

Л и т е р а т у р а

Герасимова 2022 — А. А. Герасимова. К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке // *Rhema. Рема*. 2022. № 2. С. 32–66.

Дурново 1929 — Н. Н. Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. II. Синтаксис. Ч. I. Введение к учению о формах словосочетаний. 6-е изд. М.; Л., 1929.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Падучева, Успенский 1997 — Е. В. Падучева, В. А. Успенский. Биноминативное предложение: проблема согласования связки // *Облик слова: сборник статей памяти Д. Н. Шмелева* / Сост. и отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Индрик, 1997. С. 170–182.

- Пешковский 1938 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Ревзин 1978 — И. И. Ревзин. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.
- Шмелев 1976 — Д. Н. Шмелев. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке: сборник научных трудов. М.: Наука, 1976.
- Akmajian 1979 — A. Akmajian. Aspects of the grammar of focus in English. New York: Garland, 1979.
- Bates et al. 2015 — D. Bates. Parsimonious mixed models / D. Bates, R. Kliegl, S. Vasishth, H. Baayen // arXiv preprint arXiv:1506.04967. 2015. 21 p. URL: <https://arxiv.org/abs/1506.04967> (retrieved: 10.03.2021).
- Declerck 1988 — R. Declerck. Studies on copular sentences, clefts and pseudoclefts. Leuven: Leuven University Press: Foris Publications, 1988.
- den Dikken 2000 et al. — M. den Dikken, A. Meinunger, C. Wilder. Pseudoclefts and ellipsis // *Studia Linguistica*. 2000. No. 54. P. 41–89.
- den Dikken 2006 — M. den Dikken. Specificational copular sentences and pseudoclefts // *The Blackwell Companion to Syntax*. Wiley-Blackwell, 2006. Vol. IV. P. 292–409.
- Donnellan 1966 — K. S. Donnellan. Reference and definite descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75. No. 3. P. 281–304.
- Donnellan 1968 — K. S. Donnellan. Putting humpty dumpty together again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77. No. 2. P. 203–215.
- Geist 2008 — L. Geist. Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English // *Studies in Linguistics and Philosophy: Existence: Semantics and syntax* / I. Comorovski, K. von Stechow (eds.). Dordrecht: Springer, 2008. Vol. 84. P. 79–105.
- Gries 2021 — S. T. Gries. Statistics for linguistics with R. Berlin/Boston: De Gruyter, 2021.
- Grosu 1972 — A. Grosu. The strategic content of island constraints: Doctoral dissertation // *The Ohio State University Working Papers in Linguistics*. The Ohio State University, 1972. Vol. 13.
- Hartmann 2019 — J. M. Hartmann. Focus and prosody in nominal copular clauses // *Information structure and semantic processing* / S. Featherston, R. Hörnig, S. von Stechow, S. Winkler (eds.). Berlin; Munich; Boston: De Gruyter, 2019. P. 71–104.
- Hartmann, Heycock 2020 — J. M. Hartmann, C. Heycock. (Morpho) syntactic variation in agreement: specificational copular clauses across Germanic // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 10. Art. 2994. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02994/full> (retrieved: 01.11.2020). Digital text.
- Heggie 1988 — L. A. Heggie. The syntax of copular structures: Doctoral dissertation / University of Southern California. Los Angeles, 1988.
- Heycock 1995 — C. Heycock. The internal structure of small clauses // *Proceedings of the 25th North East Linguistics Society (NELS)*. 1995. Vol. 25. No. 5. P. 223–238.
- Heycock, Kroch 1999 — C. Heycock, A. Kroch. Pseudocleft connectedness: Implications for the LF interface level // *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. P. 365–398.
- Heycock, Kroch 2002 — Topic, focus, and syntactic representation / C. Heycock, A. Kroch // *Proceedings of WCCFL 21* / L. Mikkelsen, C. Potts (eds.). Somerville, MA: Cascadia Press, 2002. P. 141–165.

Higgins 1979 — F. R. Higgins. The pseudo-cleft construction in English. New York, NY: Garland, 1979.

Kuznetsova et al. 2017 — A. Kuznetsova, P. B. Brockhoff, R. H. B. Christensen. lmerTest Package: Tests in linear mixed effects models // Journal of Statistical Software. 2017. Vol. 82. No. 13. P. 1–26.

Mikkelsen 2005 — L. Mikkelsen. Copular clauses. Specification, predication and equation. Amsterdam: Benjamins, 2005. 210 p.

Mikkelsen 2011 — L. Mikkelsen. Copular clauses // Semantics: An international handbook of natural language meaning / K. von Stechow, C. Maienborn, P. Portner (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. Vol. 2. P. 1805–1829.

Moro 1991 — A. Moro. The raising of predicates // MIT Working Papers in Linguistics. 1991. Vol. 15. P. 193–218.

Moro 1997 — A. Moro. The raising of predicates: Predicative noun phrases and the theory of clause structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Partee 1986 — B. H. Partee. Ambiguous pseudoclefts with unambiguous be // Proceedings of the North Eastern Linguistic Society (= NELS) 16 / S. Berman, J. Choe, J. McDonough (eds.). Amherst, MA: GLSA, 1986. P. 354–366.

Partee — B. H. Partee. Specificational copular sentences in Russian and English // Oslo Studies in Language. 2010. Vol. 2. No. 1. P. 25–49.

Schlenker 2003 — P. Schlenker. Clausal equations: A note on the connectivity problem // Natural Language and Linguistic Theory. 2003. Vol. 21. No. 1. P. 157–214.

Shlonsky, Rizzi 2018 — U. Shlonsky, L. Rizzi. Criterial freezing in small clauses and the cartography of copular constructions // Freezing. Theoretical approaches and empirical domains / J. M. Hartmann, M. Jäger, A. Kehl, A. Konietzko, S. Winkler (eds.). Berlin; Boston, MA: De Gruyter Mouton, 2018. P. 29–65.

Zehr, Schwarz 2018 — J. Zehr, F. Schwarz. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018. URL: <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/MD832> (retrieved: 11.07.2022).

Статья получена 14.06.2023

Anastasia A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
anastasiagerasimova432@gmail.com

THE RELEVANCY OF WORD ORDER FOR CLASSIFYING BINOMINATIVE CLAUSES*

The paper discusses the order of noun phrases within the binominative clause with respect to their referential status. The two types of binominative copular clauses, predicational and specificational, are usually distinguished based on the characteristics of the noun phrase preceding the copula: whether it is more referential or less referential than the noun phrase following the copula. Meanwhile, some researchers specify the referen-

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>).

tial status of noun phrases defining specificational clauses as those in which the noun phrase that precedes the copula is attributive. Using a judgment experiment, we examine the effect of the word order of noun phrases and the effect of their referential status on acceptability. The results suggest that in case of the specificational clause there is asymmetry in acceptability ratings for the direct and inverted order of the noun phrases. This result is observed only when the copula agrees with the first noun phrase. Nevertheless, the experimental results are enough to claim that the word order of a more referential and a less referential noun phrase is not a sufficient criterion for distinguishing the two types of binominative copular clauses. These results emphasize that information on referential status should be incorporated in the formal model of a binominative clause.

Keywords: specificational copular clauses, referential status, word order, acceptability judgments, Russian.

References

- Akmajian, A. (1979). *Aspects of the grammar of focus in English*. New York: Garland.
- Bates, D., Kliegl, R., Vasishth, S., & Baayen, H. (2015). *Parsimonious mixed models*. Retrieved from <https://arxiv.org/abs/1506.04967>
- Declerck, R. (1988). *Studies on copular sentences, clefts and pseudo-clefts*. Leuven: Leuven University Press; Foris Publications.
- Dikken, M. den, Meinunger, A., & Wilder, C. (2000). Pseudoclefts and ellipsis. *Studia Linguistica*, 54, 41–89.
- Dikken, M. den. (2006). Specificational copular sentences and pseudoclefts. *The Blackwell Companion to Syntax*, 4, 292–409.
- Donnellan, K. S. (1966). Reference and definite descriptions. *The Philosophical Review*, 75(3), 281–304.
- Donnellan, K. S. (1968). Putting humpty dumpty together again. *The Philosophical Review*, 77(2), 203–215.
- Geist, L. (2008). Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English. In I. Comorovski, & K. von Heusinger (Eds.), *Studies in Linguistics and Philosophy: Existence: Semantics and syntax* (Vol. 84, pp. 79–105). Dordrecht: Springer.
- Gerasimova, A. A. (2022). K voprosu o tipakh binominativnykh predlozhenii v russkom iazyke. *Rhema. Rema*, 2, 32–66.
- Gries, S. T. (2021). *Statistics for linguistics with R*. Berlin/Boston: De Gruyter.
- Grosu, A. (1972). *The strategic content of island constraints* (Doctoral dissertation). The Ohio State University.
- Hartmann, J. M., & Heycock, C. (2020). (Morpho) syntactic variation in agreement: specificational copular clauses across Germanic. *Frontiers in Psychology*, 10, 2994. Retrieved from <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02994/full>
- Hartmann, J. M. (2019). Focus and prosody in nominal copular clauses. In S. Featherston, R. Hörnig, S. von Wietersheim, & S. Winkler (Eds.), *Information structure and semantic processing* (pp. 71–104). Berlin; Munich; Boston: De Gruyter.
- Heggie, L. A. (1988). *The syntax of copular structures* (Doctoral dissertation). University of Southern California, Los Angeles.
- Heycock, C. (1995). The internal structure of small clauses. *Proceedings of the 25th North East Linguistics Society (NELS)*, 25(5), 223–238.

- Heycock, C., & Kroch, A. (1999). Pseudocleft connectedness: Implications for the LF interface level. *Linguistic Inquiry*, 30, 365–398.
- Heycock, C., & Kroch, A. (2002). Topic, focus, and syntactic representation. In L. Mikkelsen, & C. Potts (Eds.), *Proceedings of WCCFL 21* (pp. 141–165). Somerville, MA: Cascadilla Press.
- Higgins, F. R. (1979). *The pseudo-cleft construction in English*. New York, NY: Garland.
- Kuznetsova, A., Brockhoff, P. B., & Christensen, R. H. B. (2017). lmerTest Package: Tests in linear mixed effects models. *Journal of Statistical Software*, 82(13), 1–26.
- Mikkelsen, L. (2005). *Copular clauses. Specification, predication and equation*. Amsterdam: Benjamins.
- Mikkelsen, L. (2011). Copular clauses. In K. von Stechow, C. Maienborn, & P. Portner (Eds.), *Semantics: An international handbook of natural language meaning* (Vol. 2, pp. 1805–1829). Berlin: De Gruyter Mouton.
- Moro, A. (1991). The raising of predicates. *MIT Working Papers in Linguistics*, 15, 193–218.
- Moro, A. (1997). *The raising of predicates: Predicative noun phrases and the theory of clause structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu*. Moscow: Nauka.
- Paducheva, E. V., & Uspenskii, V. A. (1997). Binominativnoe predlozhenie: problema soglasovaniia svyazki. In L. P. Krysin (Ed.), *Oblik slova: sbornik statei pamiati D. N. Shmeleva* (pp. 170–182). Moscow: Indrik.
- Partee, B. H. (1986). Ambiguous pseudoclefts with unambiguous be. In S. Berman, J. Choe, & J. McDonough (Eds.), *Proceedings of the North Eastern Linguistic Society (=NELS)* (Vol. 16, pp. 354–366). Amherst, MA: GLSA.
- Partee, B. H. (2010). Specificational copular sentences in Russian and English. *Oslo Studies in Language*, 2(1), 25–49.
- Revzin, I. I. (1978). *Struktura iazyka kak modeliruiushchei sistemy*. Moscow: Nauka.
- Schlenker, P. (2003). Clausal equations: A note on the connectivity problem. *Natural Language and Linguistic Theory*, 21(1), 157–214.
- Shlonsky, U., & Rizzi, L. (2018). Criterial freezing in small clauses and the cartography of copular constructions. In J. M. Hartmann, M. Jäger, A. Kehl, A. Konietzko, S. Winkler (Eds.), *Freezing. Theoretical approaches and empirical domains* (pp. 29–65). Berlin; Boston, MA: De Gruyter Mouton.
- Shmelev, D. N. (1976). *Sintaksicheskaiia chlenimost' vyskazyvaniia v sovremennom russkom iazyke*. Moscow: Nauka.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika 1980 — Russkaia grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.
- Zehr, J., & Schwarz, F. (2018). *PennController for Internet Based Experiments (IBEX)*. Retrieved from <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/MD832>

Received on June 14, 2023

Е. А. ЛЮТИКОВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
lyutikova2008@gmail.com

О СОГЛАСОВАТЕЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

В статье рассматриваются случаи предикативного согласования в русском языке, когда согласовательные признаки мишени согласования не выражены на контролере согласования. Предлагается анализ, в соответствии с которым при согласовании с контролера на мишень копируется полный набор формальных признаков, а затем операции обеднения происходят в обоих узлах независимо друг от друга. Вследствие этого один из классов вариативного согласования — согласование, опирающееся на признаки референта, не выраженные в обозначающем его именном выражении, — получает принципиальное объяснение и может анализироваться как каноническое согласование. Еще один контекст осложненного согласования, где возникает варьирование — предикативное согласование в относительной клаузе с подлежащим — относительным местоимением, определяющей местоименную вершину, — в рамках предложенного подхода также не требует обращения к неканоническому контролеру — местоименной вершине. Варьирование моделируется при помощи изменения тайминга операции копирования признаков по отношению к операции обеднения относительного местоимения. Предпринятое обсуждение открывает новые перспективы в изучении вариативного согласования, которое может основываться не только на синтаксически омонимичных конструкциях и конкурирующих стратегиях установления отношения согласования, но и на вариативном порядке применения постсинтаксических операций, создающих различные признаковые характеристики мишени согласования.

Ключевые слова: предикативное согласование, варьирование, распределенная морфология, обеднение, русский язык.

1. Введение

Согласовательная вариативность является широко распространенным феноменом в языках с богатым согласованием. Для русского языка варьирование допустимых форм в различных согласовательных контекстах фиксируется в грамматиках [Грамматика 1960; Русская грамматика 1980; Кор-

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ им. М. В. Ломоносова

пусная грамматика], обсуждается в пособиях по стилистике [Былинский, Розенталь 1961; Розенталь, Теленкова 1976; Голуб 2010] и моделируется в теоретических и прикладных исследованиях русского морфосинтаксиса [Corbett 1983; Иомдин 1990; Мельчук 1993]. Во многих случаях фиксация вариативного согласования поддерживается сбором количественных данных о частотности вариантов и влиянии разных факторов на выбор носителей языка в опросах, корпусных и экспериментальных исследованиях (см. [Панов 1968; Мучник 1971; Граудина и др. 1976; Кувшинская 2013; Герасимова 2018; Герасимова, Лютикова 2020] и мн. др.).

Теоретическое осмысление вариативного согласования обычно имплементируется в синтаксическую модель согласования. Каноническое, или стандартное, согласование рассматривается как наиболее простая ситуация, когда контролер, мишень и набор признаков, по которым происходит согласование, однозначно определены. Вариативное согласование рассматривается как частный случай осложненного согласования (термин Л. Л. Иомдина [1990: 93]), когда семантические или грамматические особенности контролера согласования либо внешний синтаксический контекст, в который вложены согласующиеся единицы, делают возможным или вынуждают отклонение от стандартного согласования. К последним относятся, например, вариативное предикативное согласование по числу с количественной группой (1a) [Лютикова 2015], вариативное атрибутивное и предикативное согласование по роду с гибридными существительными (1b) [Герасимова, Лютикова 2020], вариативное согласование по роду и числу в биноминативных предложениях (1c) [Герасимова 2022].

- (1) а. В двух комнатах живет/живут пять человек.
- b. Наш/наша директор порадовал/порадовала нас внеочередной премией.
- c. Причина аварии была/были неисправные тормоза.

Моделирование вариативного согласования в теоретическом синтаксисе обычно опирается на постулирование двух различных признаковых матриц у канонического контролера согласования (например, грамматического и семантического числа в (1a), грамматического и референциального рода в (1b)) либо на постулирование двух конкурирующих контролеров согласования (например, предглагольной и заглагольной именной группы в (1c)). Альтернативные признаковые наборы, как правило, связывают со структурной омонимией контролеров согласования: например, выражение *пять человек* в (1a) может соответствовать количественной группе, QP, и тогда не имеет признака числа и вызывает дефолтное согласование или же максимальной именной проекции, DP, и в этом случае обладает признаком множественного числа [Pereltsvaig 2006; Лютикова 2015]:

- (2) а. В двух комнатах живет [QP пять человек].
- b. В двух комнатах живут [DP Ø_D [QP пять человек]].

При конкуренции контролеров согласования предполагается либо структурная омонимия конструкции предложения (контролером всегда является подлежащее, но этот статус имеют разные именные группы в зависимости от согласования), либо возможность множественного согласования с двумя контролерами, удовлетворяющими локальным и падежным ограничениям на контролер [Падучева, Успенский 1997; Герасимова 2022]:

- (3) а. [_{SUBJ} Причина аварии] была неисправные тормоза.
 б. Причина аварии были [_{SUBJ} неисправные тормоза].
 в. Причина аварии {была / были} неисправные тормоза.
-

Успешность аналитических подходов, очерченных выше, для объяснения вариативного согласования опирается на независимые свидетельства того, что в ситуации согласовательной вариативности имеет место структурная омонимия. Например, гипотеза о том, что вариативное согласование в (1а) связано с синтаксической категорией контролера (2а–б), поддерживается различиями в синтаксических и семантических свойствах вызывающих и не вызывающих числовое согласование количественных групп. Так, например, QP, в отличие от DP, неспособна контролировать референцию PRO, связывать анафоры, иметь конкретную референцию. Предположение о возможности подлежащего статуса каждой из именных групп в (3а–б) или множественном согласовании с обеими группами (3с) основывается на деривационной истории связочных конструкций, предполагающей возможность инверсии предиката и равноудаленность двух именных групп от предикативной вершины [den Dikken 2006; Герасимова 2022].

В настоящей статье я обращаюсь к случаям вариативного согласования, в которых рассмотренные выше аналитические техники не работают: это ситуации, когда постулировать структурную омонимию одного контролера либо доступность двух различных контролеров в конфигурации согласования невозможно. Объединяет их тот факт, что мишень согласования получает маркирование по категории, не выражаемой на контролере согласования. Я предполагаю показать, что решением проблемы может стать отнесение возникающей вариативности к работе морфологического компонента, и предлагаю анализ в рамках теории распределенной морфологии.

2. Категории контролера и предикативное согласование

Обратимся к стандартному предикативному согласованию в русском языке, выражаемому в финитной форме глагола. Известно, что формы прошедшего и настояще-будущего времени глагола выражают предикативное согласование по разным категориям — рода и числа в прошедшем времени и лица и числа в настояще-будущем. Определенную проблему представляет анализ согласовательной формы прошедшего времени при

подлежащем 1–2-го лица единственного числа (4а); аналогичные проблемы возникают и при анализе атрибутивного согласования (4b):

- (4) а. Я/ты вернулся/вернулась/[?]вернулось.
б. прежний я / прежняя я.

Грамматики либо вообще не отмечают это варьирование как следствие согласования или координации сказуемого с подлежащим (ср. [Русская грамматика 1980: § 2244; Иомдин 1990: 110]), либо относят различия в (4) на счет принадлежности личных местоимений к нескольким согласовательным классам одновременно [Сичинава 2011: п. 2.4.1]; выбор согласовательного класса в конкретном контексте определяется свойствами референта. Очевидно, что обе идеи плохо встраиваются в формальную модель согласования: в первом случае род предиката или атрибутивного зависимого, обычно означиваемый правилами согласования, определяется в результате особой процедуры; во втором случае приходится постулировать несколько омонимичных лексем (например, я <м. р.>, я <ж. р.>, я <ср. р.>), аналогично существительным общего рода.

Дополнительные сложности возникают при анализе согласования с вежливой формой *Вы*, относящейся к единичному адресату. Помимо того, что эта форма при атрибутивном согласовании проявляет признаки рода и числа, определяемые референтом (*прежний Вы / прежняя Вы / #прежние Вы*), что объединяет ее с личными местоимениями *я* и *ты*, при предикативном согласовании вежливая форма вызывает в глаголе признак множественного числа не только в настояще-будущем, но и в прошедшем времени (*Вы вернулись/*вернулась*). При том что родо-числовое согласование глагола прошедшего времени с местоимениями *я* и *ты* можно считать референциальным (родовая форма выбирается на основании характеристик референта), то же согласование с вежливым *Вы* оказывается грамматическим (числовая форма выбирается формально, независимо от единичности или множественности референта). Налицо отклонение от иерархического принципа в выборе формальной vs. семантической стратегии согласования [Corbett 1979; 1983], в соответствии с которым для атрибутивного контекста формальное согласование более ожидаемо, чем для предикативного. Итак, мы можем заключить, что согласование с личными местоимениями по роду и вежливой формой *Вы* по роду и числу представляет проблему для моделирования в рамках синтаксического компонента: грамматическому и референциальному согласованию не может быть сопоставлена синтаксическая репрезентация, их распределение не совпадает друг с другом и не соответствует нашим ожиданиям об иерархии контекстов согласования.

Еще один контекст, в котором мишень согласования может получать маркирование по категории, не выражаемой на каноническом контролере согласования, — это аппозитивные относительные клаузы, определяющие личное местоимение, с мишенью релятивизации — подлежащим [Холодцова 2014; 2015; Лютикова 2012; 2015]. Наряду со стандартной стратегией

согласования по признакам относительного местоимения (3-е лицо, число и род), ср. (5), возможно и согласование по признакам личного местоимения, которое определяет относительная клауза (6).

- (5) а. И даже я, **которая** много **знает** о совместной работе его с Петровым, не должна и не могу говорить об этом ничего (О. Ронен. Отступление // «Звезда», 2002);
 б. Иногда я конечно думаю, что я, **который держит** всё в себе, могу умереть раньше... (С. Есин. Марбург (2005));
 с. Я думаю, что ты, **которая пожила** побольше меня, не станешь оспаривать этого (М. К. Лемке. 250 дней в царской ставке 1916. (1916)).
- (6) а. Не понимаю, как **ты**, которая не **боишься** жизни, боишься воды (Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966));
 б. Эскимосы и чукчи не знают Бога, а **мы**, которые **«знаем»**, нарекли их язычниками (В. Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001).

Варьирование форм предиката в аппозитивных относительных клаузах, определяющих личные местоимения 1–2-го лица *я*, *ты*, *мы*, *вы*, можно неформально описать как варьирование контролеров предикативного согласования. Если контролером является относительное местоимение, то мы наблюдаем согласование по числу и роду в прошедшем времени и по (3-му) лицу и числу в настояще-будущем времени (5а–с). Если в качестве контролера выступает личное местоимение, то согласование в настояще-будущем времени отражает его признаки лица и числа (6а–б). Анализ согласования в прошедшем времени может быть различным: либо это согласование по числу и роду, не выраженному на контролере, с личным местоимением (как и в рассмотренном выше случае *Я вернулся/вернулась*), либо это всегда согласование с относительным местоимением, обладающим необходимым признаковым набором (5с).

Обращение к вежливой форме *Вы* помогает разрешить указанную дилемму. Поскольку признак числа у относительного местоимения и вежливой формы различается, можно наблюдать и различия согласования в прошедшем времени с относительным местоимением (7б) и с вежливой формой (7д). Следовательно, (5с) можно считать омонимичным результатом согласования с относительным либо личным местоимением.

- (7) а. Вы, **которая пишет** стихи.
 б. Вы, **которая писала** стихи.
 с. **Вы**, которая **пишете** стихи.
 д. **Вы**, которая **писали** стихи.

Несмотря на то что представленный выше механизм согласования является описательно адекватным, он обладает серьезными теоретическими недостатками. Во-первых, такая конфигурация согласования, когда контролер — вершина аппозитивного относительного предложения, а мишень — его предикат, при наличии канонического контролера согласования, под-

лежащего относительного предложения, с синтаксической точки зрения маловероятно (о синтаксисе аппозитивных конструкций в русском языке см. [Лютикова 2016]). Во-вторых, гипотетическое согласование с личным местоимением или вежливой формой — вершиной относительного предложения влечет тот же набор проблем, что и обычное предикативное согласование с местоименной вершиной, рассмотренное ранее.

Я полагаю, что возможное решение — уточнение модели согласования на основе положений теории распределенной морфологии. Центральная идея состоит в том, что синтаксис оперирует не лексемами, а узлами, обладающими наборами формальных признаков; соответствующая иерархическая структура затем поступает в морфологический компонент [Halle, Marantz 1993; 1994; Harley, Noyer 1999]. Согласование расщепляется на две операции: установление связи между узлами в синтаксисе (Agree-Link) и копирование признаков в морфологии (Agree-Copy) [Arregi, Nevins 2012; Bhatt, Walkow 2013]. В начале работы морфологического компонента контролер согласования охарактеризован по всему набору именных признаков, и именно этот полный набор может быть скопирован на мишень согласования. Затем в контролере и мишени параллельно происходят процессы обеднения (Improrishment [Bonet 1991; Noyer 1992]). Поскольку эти процессы контекстно зависимы, они могут приводить к разным результатам в контролере и мишени согласования, так что те могут получать разные признаковые матрицы. На основании этих матриц происходит вставление словарных единиц (Vocabulary Insertion). В итоге возникают конфигурации согласования, в которых признаки, выражаемые на контролере и мишени, могут различаться и пересекаться лишь частично.

В следующем разделе я предложу анализ предикативного согласования, учитывающий осложненное согласование с личными местоимениями и вежливой формой, а затем покажу, как этот анализ может быть применен к вариативному предикативному согласованию в относительных клаузах с личной вершиной.

3. Моделирование предикативного согласования с личным подлежащим

В представляемой здесь модели я ограничиваюсь согласованием финитного глагольного предиката; расширение модели, включающее атрибутивное согласование, а также согласование предикативных адъективных составляющих, принципиально возможно, однако потребовало бы существенного расширения описания.

3.1. Формальные признаки

Начнем с исчисления формальных признаков, которые нам понадобятся для представления релевантных категорий. Для признаковой специфика-

ции именных узлов я предлагаю следующий набор бинарных формальных признаков. В кодировании лица задействованы два признака, [\pm participant] и [\pm author], причем второй признак подчинен первому и может принимать положительное значение, только если первый признак положителен [Halle 1997]. Для кодирования вежливой формы я предполагаю использовать признак [\pm formal] [Arregi, Nevins 2018]. За число отвечает признак [\pm singular]; отметим, что направление маркированности между единственным и множественным числом является обратным тому, что принимается в традиционных грамматических описаниях [Noyer 1992; Harbour 2003]. Категория рода кодируется при помощи двух иерархически организованных признаков [\pm common], [\pm feminine] [Harley, Ritter 2002]. Поскольку предикативное согласование всегда происходит с формой именительного падежа, различение падежей в рамках текущей задачи нам не потребуется. Кроме того, нам будет нужен признак [\pm past] для различения согласующихся форм глагола.

В этой системе признаков соответствующие граммемы будут представлены следующим образом:

(8) Репрезентация грамматических категорий

- a. Лицо
 - 1: [+participant, +author]
 - 2: [+participant, –author]
 - 3: [–participant, –author]
- b. Вежливая форма
 - ВЕЖЛИВОЕ *ВЫ*: [+formal]
 - ПРОЧИЕ ФОРМЫ: [–formal]
- c. Число
 - ЕДИНСТВЕННОЕ: [+singular]
 - МНОЖЕСТВЕННОЕ: [–singular]
- d. Род
 - ЖЕНСКИЙ: [+common, +feminine]
 - МУЖСКОЙ: [+common, –feminine]
 - СРЕДНИЙ: [–common, –feminine]
- e. Время
 - ПРОШЕДШЕЕ: [+past]
 - НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ: [–past]

В синтаксическом компоненте каждый именной узел охарактеризован в отношении всего набора признаков. Например, узел, который в результате будет озвучен при помощи местоимения *ты* в (9), должен быть охарактеризован, как в (10).

(9) Почему ты осталась? (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске (1971)).

(10) [+participant, –author, –formal, +singular, +common, +feminine]

3.2. Копирование признаков

В синтаксическом компоненте между подлежащим и предикативной вершиной устанавливается абстрактное отношение Agree-Link, которое связывает два узла и лицензирует номинатив подлежащего. В морфологическом компоненте происходит копирование согласовательных признаков именного узла в предикативный — операция Agree-Copy. Из соображений простоты будем считать, что именные согласовательные признаки характеризуют вершину D и копируются в предикативную вершину T, обладающую признаком времени. После копирования в предложении (9) соответствующие узлы получают следующую признаковую спецификацию:

- (11) a. D: [+participant, –author, –formal, +singular, +common, +feminine]
 b. T: [+past, +participant, –author, –formal, +singular, +common, +feminine]

3.3. Обеднение

Механизм обеднения обеспечивает удаление морфологического признака или его значения, обусловленное определенным морфологическим контекстом. Результатом обеднения оказывается нейтрализация признакового противопоставления для определенного класса случаев.

Как было отмечено в разделе 2, обеднение при предикативном согласовании происходит независимо в контролере и мишени согласования. Начнем с контролера. Именной узел охарактеризован по совокупности признаков, задающих грамму лица, числа и рода. Однако одновременное выражение признаков маркированного лица и рода в именной вершине невозможно; различия по роду присутствуют только при признаках [–participant, –author], а если признак [participant] принимает положительное значение, то признаки, отвечающие за род, нивелируются. Это достигается при помощи правила обеднения локутора в именном контексте:

- (12) Обеднение локутора / Participant Impoverishment; контекст D
 SD: [+participant, ±common, ±feminine] / ____ [D]
 SC: Удали [±common, ±feminine]

Под действием этого правила личные местоимения теряют грамматический род; соответственно, признаковая матрица в (11a) приобретает вид [+participant, –author, –formal, +singular].

В финитной предикативной вершине контекстом для правил обеднения выступает признак времени: в настояще-будущем происходит обеднение локутора по роду (13a), а в прошедшем — обеднение по признаку лица (13b):

- (13) a. Обеднение локутора / Participant Impoverishment; контекст T
 SD: [–past, ±common, ±feminine] / ____ [T]
 SC: Удали [±common, ±feminine]
 b. Обеднение лица / Person Impoverishment; контекст T
 SD: [+past, ±participant, ±author, ±formal] / ____ [T]
 SC: Удали [±participant, ±author, ±formal]

В результате действия этих правил признаковые характеристики узла (11b) будут выглядеть как [+past, +singular, +common, +feminine]. Таким образом, узел-контролер согласования и узел-мишень согласования теперь имеют различающиеся наборы именных признаков: D: [+participant, –author, –formal, +singular] и T: [+singular, +common, +feminine] соответственно.

Далее мы можем перейти к деривации согласования с вежливой формой *Вы*. Признаковое своеобразие вежливой формы состоит в том, что независимо от количества адресатов она имеет признак [–singular]. Эту характеристику можно представить как обеднение признака числа в контексте признака [+formal]. Соответствующее правило действует как в именном, так и в предикативном контексте:

- (14) Обеднение числа вежливой формы / Formal Number Impoverishment;
контексты D, T
SD: [+formal, ±singular] / ___ [D, T]
SC: Удали [±singular]

Обсудим, в каком порядке должны применяться правила обеднения. Поскольку они относятся к классу контекстно-зависимых, порядок применения правил может оказаться значим, ввиду того что одни правила могут создавать либо уничтожать условия для применения других. Правила (12) и (14) в контексте D могут применяться в любом порядке, так как их условия применения не уничтожаются действием друг друга. Однако правила (13b) и (14) требуют упорядочивания, поскольку применение правила (13b) уничтожает контекст для применения правила (14). В таком случае мы будем получать неверный результат:

- (15) a. (13b) > (14)
T: [+past, +participant, –author, –formal, +singular, +common, +feminine]
T: [+past, +singular, +common, +feminine]
Результат: **Вы пришла*.
b. (14) > (13b)
T: [+past, +participant, –author, –formal, +singular, +common, +feminine]
T: [+past, +participant, –author, –formal, +common, +feminine]
T: [+past, +common, +feminine]
Результат: *Вы пришли*.

Учитывая это, ранжируем порядок применения правил обеднения следующим образом:

- (16) a. Контекст D:
(14) Обеднение числа вежливой формы
(12) Обеднение локутора

b. Контекст T:

- (14) Обеднение числа вежливой формы
- (13a) Обеднение локутора в непрошедшем времени
- (13b) Обеднение лица в прошедшем времени

Отметим, что развиваемую здесь модель легко расширить до такой, которая бы правильно деривировала признаки адъективных составляющих, согласующихся с вежливой формой *Вы*. Известно, что полные формы адъективов как в атрибутивной, так и в предикативной позиции демонстрируют согласование по роду и числу адресата вежливой формы (*прежняя Вы, Вы красивая, встречал Вас молодой*), в то время как краткие формы, допустимые только в предикативной позиции, используют грамматическое согласование по множественному числу (*Вы красивы*). Легко видеть, что это различие оказывается сцеплено с признаком падежа, присутствующим у всех полных форм и отсутствующим у кратких форм. Соответственно, можно сформулировать правило обеднения лица в контексте признака падежа (т. е. для адъективов в полной форме) и ранжировать его выше, чем дефолтное правило обеднения числа вежливой формы для прочих адъективов. Полная разработка намеченного здесь анализа выходит за рамки данной статьи, однако важно подчеркнуть, что рассматриваемый контраст допускает моделирование при помощи контекстно-зависимых правил обеднения.

3.4. Вставление словарных единиц

Правила лексического вставления опираются на сравнение признаковых характеристик озвучиваемых узлов и признаковых характеристик экспонентов — фонетических строк. Если спецификация экспонента содержит признаки, отсутствующие в узле, то такой экспонент отклоняется. Таким образом отбираются экспоненты, чьи спецификации содержат только те признаки, которые есть у узла. Далее действует принцип подмножества (Subset Principle [Halle 1997]), согласно которому для вставления выбирается экспонент, обладающий наибольшим количеством признаков узла.

Существенно упрощая морфонологическое представление экспонентов и абстрагируясь от классов спряжения, можно представить необходимые нам спецификации экспонентов так:

(17) Правила лексического вставления / Vocabulary Insertion

a. контекст D:

- [+participant, +author, + singular] ↔ я
- [+participant, + singular] ↔ ты
- [+participant, +author] ↔ мы
- [+participant] ↔ вы
- [+singular, +common, +feminine] ↔ она
- [+singular, +common] ↔ он
- [+singular] ↔ оно
- elsewhere ↔ они

b. контекст T:

- [+participant, +author, +singular] ↔ -y / __ [-past]
 [+participant, +singular] ↔ -ешь / __ [-past]
 [+participant, +author] ↔ -ем / __ [-past]
 [+participant] ↔ -ете / __ [-past]
 [+singular] ↔ -ет / __ [-past]
 elsewhere ↔ -ут / __ [-past]
 [+common, +feminine, +singular] ↔ -а / __ [+past]
 [+common, +singular] ↔ -Ø / __ [+past]
 [+singular] ↔ -о / __ [+past]
 elsewhere ↔ -и / __ [+past]

3.5. Деривация

Покажем морфологическую деривацию согласования в предложении *Ты пришел*.

i. Признаки именного узла

D: [+participant, –author, –formal, +singular, +common, –feminine]

ii. Копирование признаков

T: [+past, +participant, –author, –formal, +singular, +common, –feminine]

iii. Обеднение

iii.a. Обеднение, узел D

Обеднение числа вежливой формы: неприменимо

Обеднение локутора: D: [+participant, –author, –formal, +singular]

iii.b. Обеднение, узел T

Обеднение числа вежливой формы: неприменимо

Обеднение локутора в непрошедшем времени: неприменимо

Обеднение лица в прошедшем времени: T: [+past, +singular, +common, –feminine]

iv. Лексическое вставление

iv.a. Лексическое вставление, узел D

D: [+participant, –author, –formal, +singular]

конкурирующие экспоненты:

[+participant, +singular] ↔ ты

2 признака

[+participant] ↔ вы

1 признак

[+singular] ↔ оно

1 признак

elsewhere ↔ они

0 признаков

неконкурирующие экспоненты:

[+participant, +author, +singular] ↔ я

[+participant, +author] ↔ мы

[+singular, +common, +feminine] ↔ она

[+singular, +common] ↔ он

iv.b. Лексическое вставление, узел T

T: [+past, +singular, +common, –feminine]

конкурирующие экспоненты, контекст [+past]:

[+common, +singular] ↔ -Ø / ___ [+past]	2 признака
[+singular] ↔ -o / ___ [+past]	1 признак
elsewhere ↔ -и / ___ [+past]	0 признаков
неконкурирующие экспоненты, контекст [+past]:	
[+common, +feminine , +singular] ↔ -a / ___ [+past]	

Таким образом, наша модель правильно деривирует выбор местоименных лексем для подлежащего и согласовательных форм для глагольного сказуемого с учетом различных возможных комбинаций признаков контролера согласования. При этом сама операция согласования, расщепленная на установление согласовательного отношения в синтаксисе и копирование признаков в морфологии, остается универсальной как для канонического, так и для осложненного согласования. В следующем разделе мы обратимся к моделированию предикативного согласования в относительных клаузах с личной вершиной.

4. Моделирование предикативного согласования в относительной клаузе

В разделе 2 мы установили, что в исследуемом контексте возможно варьирование согласовательной стратегии: согласование может демонстрировать как признаки канонического контролера — относительного местоимения, так и признаки личного местоимения — вершины.

Начнем с деривации признаков относительного местоимения. Очевидно, что решением проблемы было бы предположение о том, что относительное местоимение вступает в морфологическую деривацию с полным набором признаков, включающим признаки лица. В таком случае признак мог бы попасть на предикат относительной клаузы до того, как подвергнется обеднению в относительном местоимении. Именно это предположение мы и будем развивать ниже.

Допустим, что относительное местоимение отличается от прочих именных узлов тем, что имеет положительный признак [+relative]. Этот признак не относится к согласовательным именным признакам и поэтому не копируется на предикат операцией Agree-Copy. Однако он создает контекст для обеднения именного узла по признаку лица:

- (18) Обеднение относительного местоимения / Relative Impoverishment;
контекст D
SD: [\pm participant, \pm author, \pm formal, +relative] / ___ [D]
SC: Удали [\pm participant, \pm author, \pm formal]

Это правило делает узел, соответствующий относительному местоимению, не различающим лицо, что мы и наблюдаем при озвучивании: конкурирующие экспоненты охарактеризованы в отношении числа и признаков, кодирующих род.

- (19) Правила лексического вставления для относительного местоимения (контекст D):
 [+singular, +common, +feminine, +relative] ↔ которая
 [+singular, +common, +relative] ↔ который
 [+singular, +relative] ↔ которое
 [+relative] ↔ которые

Порядок применения правил обеднения к узлу D теперь оказывается важен: если сперва будет применено правило обеднения локутора, признак рода на относительном местоимении будет потерян. Поэтому иерархия правил обеднения для узла D должна быть уточнена следующим образом:

- (20) Контекст D:
 (18) Обеднение относительного местоимения
 (14) Обеднение числа вежливой формы
 (12) Обеднение локутора

Далее обратимся к работе правил обеднения на узле T. Если копирование согласовательных признаков с узла D на T по-прежнему происходит до того, как срабатывают правила обеднения, то в сказуемом будет деривироваться стандартное согласование с местоименным контролером: в настояще-будущем времени — лично-числовые формы, учитывающие обеднение числа для формы вежливости ((я), *которая пишу*, (Вы), *которая пишете*), а в прошедшем времени — родо-числовые формы, учитывающие обеднение числа для формы вежливости ((я), *которая писала*, (Вы), *которая писали*). Следовательно, в нашей модели необходимо дополнительно проде- ривировать согласование с контролером — относительным местоимением: в настояще-будущем времени — лично-числовые формы, **не** учитывающие обеднение числа для формы вежливости ((я), *которая пишет*, (Вы), *которая пишет*/**пишут*), а в прошедшем времени — родо-числовые формы, **не** учитывающие обеднение числа для формы вежливости ((я), *которая писала*, (Вы), *которая писала*).

Интуитивно понятно, что эти дополнительные возможности возникают благодаря тому, что контролер согласования — относительное местоимение — вследствие обеднения не различает лицо, а значит, оказывается невозможным и обеднение вежливой формы по числу. Осталось имплементировать эту интуицию в текущую модель.

Среди важнейших причин разделения операции согласования на Argee-Link и Agree-Copy — наличие в естественном языке таких феноменов, при которых копирование признаков опосредовано операциями обеднения. Например, согласование с дативным аргументом 1-го лица в одном из бискайских диалектов баскского языка описывается как копирование признаков абсолютива после обеднения датива 1-го лица до абсолютива [Arregi, Nevins 2012: 87]. Именно такой ход я и собираюсь использовать в деривации согласования с относительным местоимением.

Предположим, что копирование признаков контролера на мишень может происходить **после** обеднения относительного местоимения. Тогда на вершине Т окажутся признаки относительного местоимения, не включающие [\pm participant, \pm common, \pm formal]. Рассмотрим, как будет деривироваться согласование в таких предложениях на примере формы (*Вы*), *которая пишет*.

- i. Признаки именного узла
D: [+participant, -author, +formal, +singular, +common, +feminine, +relative]
- ii. Обеднение относительного местоимения
D: [+singular, +common, +feminine, +relative]
- iii. Копирование признаков
T: [-past, +singular, +common, +feminine]
- iv. Обеднение
 - iv.a. Обеднение, узел D
Обеднение числа вежливой формы: неприменимо
Обеднение локутора: неприменимо
 - iv.b. Обеднение, узел T
Обеднение числа вежливой формы: неприменимо
Обеднение локутора в прошедшем времени: неприменимо
Обеднение лица в прошедшем времени: неприменимо
- v. Лексическое вставление
 - v.a. Лексическое вставление, узел D
D: [+singular, +common, +feminine, +relative]
конкурирующие экспоненты:

[+singular, +common, +feminine, +relative] ↔ которая	4 признака
[+singular, +common, +relative] ↔ который	3 признака
[+singular, +relative] ↔ которое	2 признака
[+relative] ↔ которые	1 признак
[+singular, +common, +feminine] ↔ она	3 признака
[+singular, +common] ↔ он	2 признака
[+singular] ↔ оно	1 признак
elsewhere ↔ они	0 признаков

 неконкурирующие экспоненты:

[+participant, +author, +singular] ↔ я
[+participant, +author] ↔ мы
[+participant, +singular] ↔ ты
[+participant] ↔ вы
 - v.b. Лексическое вставление, узел T
T: [-past, +singular, +common, +feminine]
конкурирующие экспоненты, контекст [-past]:

[+singular] ↔ -ет / __ [-past]	1 признак
elsewhere ↔ -ут / __ [-past]	0 признаков

неконкурирующие экспоненты, контекст [-past]:

[+participant, +author, + singular] ↔ -у / __ [-past]

[+participant, + singular] ↔ -ешь / __ [-past]

[+participant, +author] ↔ -ем / __ [-past]

[+participant] ↔ -ете / __ [-past]

5. Выводы

В статье была предложена постсинтаксическая модель деривации вариативного предикативного согласования в русском языке. Предположение, что согласование оперирует полным набором признаков, не подвергшихся обеднению, позволяет деривировать согласование мишени по категориям, которые не выражаются на контролере. Вследствие этого один из классов вариативного согласования — согласование, опирающееся на признаки референта, не выраженные в обозначающем его именном выражении, — получает принципиальное объяснение и может анализироваться как каноническое согласование. Еще один контекст осложненного согласования, где возникает варьирование — предикативное согласование в относительной клаузе, определяющей личное местоимение, — в рамках предложенного подхода также не требует обращения к неканоническому контролеру — местоименной вершине. Варьирование моделируется при помощи изменения тайминга операции копирования признаков (Agree-Sору): если она происходит до обеднения относительного местоимения, то предикат демонстрирует согласование, аналогичное согласованию с местоименной вершиной, а если после — то согласование с относительным местоимением 3-го лица.

Представляется, что предпринятое обсуждение открывает новые перспективы в изучении вариативного согласования, которое может основываться не только на синтаксически омонимичных конструкциях и конкурирующих стратегиях установления отношения согласования (Agree-Link), но и на вариативном порядке применения постсинтаксических операций, создающих различные признаковые характеристики мишени согласования.

Литература

Былинский, Розенталь 1961 — К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Литературное редактирование. М.: Искусство, 1961.

Герасимова 2018 — А. А. Герасимова. Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 65–71.

Герасимова 2022 — А. А. Герасимова. К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке // Rhema. Рема. 2022. № 2. С. 32–66.

Герасимова, Лютикова 2020 — А. А. Герасимова, Е. А. Лютикова. К проблеме вариативности языковых данных: рассогласование по роду в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 2. С. 25–37.

Голуб 2010 — И. Б. Голуб. Стилистика русского языка. 11-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2010.

Грамматика 60 — Грамматика русского языка: В 2 т. (3 кн.) / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

Граудина и др. 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М.: Наука, 1976.

Иомдин 1990 — Л. Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М.: Наука, 1990.

Корпусная грамматика — Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru>.

Кувшинская 2013 — Ю. М. Кувшинская. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением (по данным НКРЯ за 2000–2010 гг.) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 26 (2). С. 112–150.

Лютикова 2012 — Е. А. Лютикова. Интерпретация местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. № 1. С. 3–24.

Лютикова 2015 — Е. А. Лютикова. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30 (1). С. 44–74.

Лютикова 2016 — Е. А. Лютикова. Синтаксис аппозитивных относительных предложений // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2016. № 2. С. 67–87.

Мельчук 1993 — И. А. Мельчук. Согласование, управление, конгруэнтность // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 16–58.

Мучник 1971 — И. П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.

Падучева, Успенский 1997 — Е. В. Падучева, В. А. Успенский. Биноминативное предложение: проблема согласования связки // Облик слова: сборник статей памяти Д. Н. Шмелева / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Индрик, 1997. С. 170–182.

Панов 1968 — Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.

Розенталь, Теленкова 1976 — Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь трудностей русского языка. М.: Русский язык, 1976.

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

Сичинава 2011 — Д. В. Сичинава. Род. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. М., 2011.

Холодилова 2014 — М. А. Холодилова. Относительные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. М., 2014.

Холодилова 2015 — М. А. Холодилова. Согласование с вершиной относительных конструкций и обособленных именных оборотов в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30 (2). С. 74–97.

Arregi, Nevins 2012 — K. Arregi, A. Nevins. Morphotactics: Basque auxiliaries and the structure of spellout. Dordrecht: Springer, 2012.

Arregi, Nevins 2018 — K. Arregi, A. Nevins. Beware Occam's syntactic razor: Morphotactic analysis and Spanish mesoclitisis // Linguistic Inquiry. 2018. № 49 (4). P. 625–683.

Bhatt, Walkow 2013 — R. Bhatt, M. Walkow. Locating agreement in grammar: An argument from agreement in conjunctions // Natural Language and Linguistic Theory. 2013. № 31 (4). P. 951–1013.

Bonet 1991 — E. Bonet. Morphology after syntax: Pronominal clitics in Romance. PhD dissertation / MIT. Cambridge (Mass.), 1991.

Corbett 1979 — G. Corbett. The Agreement Hierarchy // Journal of Linguistics. 1979. № 15 (2). P. 203–224.

Corbett 1983 — G. Corbett. Hierarchies, targets and controllers: agreement patterns in Slavic. London and Canberra: Croom Helm, 1983.

den Dikken 2006 — M. den Dikken. Relators and linkers. The syntax of predication, predicate inversion, and copulas. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2006.

Halle 1997 — M. Halle. Distributed morphology: Impoverishment and fission // Papers at the Interface / Ed. by B. Bruening, Y. Kang, M. McGinnis. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1997. P. 425–449.

Halle, Marantz 1993 — M. Halle, A. Marantz. Distributed Morphology and the pieces of inflection // The view from Building 20. Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / Ed. by K. Hale, S. J. Keyser. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1993. P. 111–176.

Halle, Marantz 1994 — M. Halle, A. Marantz. Some key features of Distributed Morphology // Papers on Phonology and Morphology / ed. by A. Carnie, H. Harley, T. Bures. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1994. P. 275–288.

Harbour 2003 — D. Harbour. Elements of number theory. PhD dissertation / MIT. Cambridge (Mass.), 2003.

Harley, Noyer 1999 — H. Harley, R. Noyer. State-of-the-Article: Distributed Morphology // GLOT International. 1999. № 4 (4). P. 3–9.

Harley, Ritter 2002 — H. Harley, E. Ritter. Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis // Language. 2002. № 78. P. 482–526.

Noyer 1992 — R. Noyer. Features, positions and affixes in autonomous morphological structure. PhD dissertation / MIT. Cambridge (Mass.), 1992.

Pereltsvaig 2006 — A. Pereltsvaig. Small nominals // Natural Language and Linguistic Theory. 2006. № 24(2). P. 433–500.

Статья получена 14.06.2023

Ekaterina A. Lyutikova
 Lomonosov Moscow State University
 (Moscow, Russia)
 lyutikova2008@gmail.com

ON AGREEMENT VARIATION IN RUSSIAN*

The paper deals with intricate instances of predicate agreement in Russian whereby the features of the agreement target are not expressed in the agreement controller. The proposed analysis is couched in the Distributed Morphology framework. I argue that in Syntax, the controller is specified for the whole set of formal features, and the Agree-Copy operation copies it from the controller to the target. After that, Impoverishment operations occur at both nodes independently of each other. As a result, a subtype of variable agreement, namely, “semantic” agreement based on the referent’s features that are not expressed in the nominal expression denoting it, receives a principled explanation and can be subsumed under canonical agreement. Under this approach, another type of complicated agreement where variation occurs — predicate agreement in relative clauses modifying pronominal heads — does not require recourse to a non-canonical controller, either. Variation is modeled by changing the timing of the Agree-Copy operation with respect to the impoverishment of the relative pronoun. The DM-based approach opens up new perspectives in the study of variable agreement, which can result not only from syntactic homonymy or competing strategies for establishing an agreement relation, but also from the variable order of postsyntactic operations which creates varying featural characteristics of the agreement target.

Keywords: predicate agreement, variation, Distributed Morphology, Impoverishment, Russian.

References

- Arregi, K., & Nevins, A. (2012). *Morphotactics: Basque auxiliaries and the structure of spellout*. Dordrecht: Springer.
- Arregi, K., & Nevins, A. (2018). Beware Occam’s syntactic razor: Morphotactic analysis and Spanish mesoclitisis. *Linguistic Inquiry*, 49(4), 625–683.
- Bhatt, R., & Walkow, M. (2013). Locating agreement in grammar: An argument from agreement in conjunctions. *Natural Language and Linguistic Theory*, 31(4), 951–1013.
- Bonet, E. (1991). *Morphology after syntax: Pronominal clitics in Romance* (PhD dissertation). Massachusetts Institute of Technology, Cambridge (Mass.).
- Bylinskii, K. I., & Rozental', D. E. (1961). *Literaturnoe redaktirovanie*. Moscow: Iskusstvo.
- Corbett, G. (1979). The Agreement Hierarchy. *Journal of Linguistics*, 15(2), 203–224.
- Corbett, G. (1983). *Hierarchies, targets and controllers: agreement patterns in Slavic*. London; Canberra: Croom Helm.
- Dikken, M. den (2006). *Relators and linkers. The syntax of predication, predicate inversion, and copulas*. Cambridge (Mass.): MIT Press.

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 “Parametric model of agreement in the light of experimental data” realized at Lomonosov Moscow State University.

- Gerasimova, A. A. (2018). Rassoglasovanie po rodu v russkom iazyke (eksperimental'noe issledovanie). *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 77(1), 65–71.
- Gerasimova, A. A. (2022). K voprosu o tipakh binominativnykh predlozhenii v russkom iazyke. *Rhema. Rema*, 2, 32–66.
- Gerasimova, A. A., & Liutikova, E. A. (2020). K probleme variativnosti iazykovykh dannyykh: rassoglasovanie po rodu v russkom iazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 2, 25–37.
- Golub, I. B. (2010). *Stilistika russkogo iazyka*. 11th ed. Moscow: Airis-Press.
- Graudina, L. K., Itskovich, V. A., & Katlinskaia, L. P. (1976). *Grammaticheskaja pravilnost' russkoi rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovaria variantov*. Moscow: Nauka.
- Halle, M. (1997). Distributed morphology: Impoverishment and fission. In B. Brueining, Y. Kang, & M. McGinnis (Eds.), *Papers at the Interface* (pp. 425–449). Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Halle, M., & Marantz, A. (1993). Distributed Morphology and the pieces of inflection. In K. Hale, & S. J. Keyser (Eds.), *The view from Building 20. Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger* (pp. 111–176). Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Halle, M., & Marantz, A. (1994). Some key features of Distributed Morphology. In A. Carnie, H. Harley, & T. Bures (Eds.), *Papers on Phonology and Morphology* (pp. 275–288). Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Harbour, D. (2003). *Elements of number theory* (PhD dissertation). Massachusetts Institute of Technology, Cambridge (Mass.).
- Harley, H., & Noyer, R. (1999). State-of-the-Article: Distributed Morphology. *GLOT International*, 4(4), 3–9.
- Harley, H., & Ritter, E. (2002). Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis. *Language*, 78, 482–526.
- Iomdin, L. L. (1990). *Avtomaticheskaia obrabotka teksta na estestvennom iazyke: model' soglasovaniia*. Moscow: Nauka.
- Kholodilova, M. A. (2015). Soglasovanie s vershinoi otnositel'nykh konstruktssii i obosoblennykh imennykh oborotov v russkom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 30(2), 74–97.
- Kuvshinskaia, Yu. M. (2013). Soglasovanie skazuemogo s podlezhashchim, vyrazhennym imennoi gruppoi s kolichestvennym znacheniem (po dannym NKRIa za 2000–2010 gg.). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 26(2), 112–150.
- Lyutikova, E. A. (2012). Interpretatsiia mestoimeniia kotoryi v appozitivnykh otnositel'nykh predlozheniiakh. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 1, 3–24.
- Lyutikova, E. A. (2015). Soglasovanie, priznaki i struktura imennoi gruppy v russkom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 30(1), 44–74.
- Lyutikova, E. A. (2016). Sintaksis appozitivnykh otnositel'nykh predlozhenii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, 2, 67–87.
- Mel'chuk, I. A. (1993). Soglasovanie, upravlenie, kongruentnost'. *Voprosy jazykoznanii*, 3, 16–58.
- Muchnik, I. P. (1971). *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom iazyke*. Moscow: Nauka.
- Noyer, R. (1992). *Features, positions and affixes in autonomous morphological structure* (PhD dissertation). Massachusetts Institute of Technology, Cambridge (Mass.).

Paducheva, E. V., & Uspenskii, V. A. (1997). Binominativnoe predlozhenie: problema soglasovaniia svyazki. In L. P. Krysin (Ed.), *Oblik slova: sbornik statei pamiati D. N. Shmeleva* (pp. 170–182). Moscow: Indrik.

Panov, M. V. (Ed.). (1968). *Russkii iazyk i sovetskoe obshchestvo: sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*. Moscow: Nauka.

Pereltsvaig, A. (2006). Small nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*, 24(2), 433–500.

Proekt korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki. Retrieved from <http://rusgram.ru>

Rozental', D. E., & Telenkova, M. A. (1976). *Slovar' trudnostei russkogo iazyka*. Moscow: Russkii iazyk.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Ruskaia grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.

Vinogradov, V. V., Istrina, E. S., & Barkhudarov, S. G. (Eds.). (1960). *Grammatika russkogo iazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Received on June 14, 2023

Т. И. ДАВИДЮК

Институт языкознания РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
rachekit@yandex.ru

ЛИЧНО-ЧИСЛОВОЕ СОГЛАСОВАНИЕ И ВЗАИМНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ КОНЪЮНКТОВ И ПРЕДИКАТА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Статья описывает результаты экспериментального исследования, посвященного предикативному согласованию с сочиненным подлежащим, одним из конъюнктов которого выступает личное местоимение *я*. Целью исследования стало выявление зависимости приемлемости различных вариантов согласования как от порядка следования подлежащего и сказуемого в предложении (SV или VS), так и от взаимного расположения конъюнктов относительно друг друга (*я и X, X и я*). В исследуемые факторы были включены также свойства предиката: его временные и видовые характеристики, а также тип аргументной структуры (является предикат неаккузативным или неэргативным). Данные экспериментов показали, что в русском языке с исследуемым типом сочиненного подлежащего приемлемы три стратегии согласования: согласование по правилам разрешения (для непрошедшего времени — согласование по 1-му лицу мн. ч., для прошедшего времени — согласование по мн. ч.), согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS и (для предикатов в непрошедшем времени) согласование по 3-му лицу мн. ч. На выбор и уровень приемлемости перечисленных стратегий влияют факторы порядка слов и временной характеристики предиката. Глагольный вид и аргументная структура предиката оказались незначимыми факторами.

Ключевые слова: предикативное согласование, сочиненное подлежащее, русский язык, согласование по лицу, согласование по числу, порядок слов.

1. Введение

Настоящая статья посвящена экспериментальному изучению предикативного согласования с сочиненным подлежащим, одним из конъюнктов которого является личное местоимение *я*. Подлежащие, у которых не совпадают признаковые значения конъюнктов, уже неоднократно становились предметом исследования в рамках экспериментального синтаксиса, в том

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ им. М. В. Ломоносова (<https://rscf.ru/project/22-18-00037/>). Благодарю рецензентов за ценные замечания.

числе подлежащие, рассогласованные по признаку лица (см., в частности, [Timmermans et al. 2004; Shen 2020; Himmelreich, Hartmann 2021]). Взаимодействие элементов, являющихся носителями различных значений одного и того же признака, может пролить свет на структуру данного признака и механизмы его взаимоотношений с другими признаками.

Для предикативного согласования в непрошедшем времени с сочиненным подлежащим, конъюнкты которого обладают различными характеристиками признака лица, в русском языке действует так называемая иерархия лиц: как постулируется в [РГ 1980: 243–244; Розенталь и др. 1994: 272], если в состав сочиненного подлежащего входит личное местоимение 1-го лица, то согласование будет происходить по 1-му лицу (1), если местоимение 2-го лица — то по 2-му лицу (2); при сочинении личных местоимений 1-го и 2-го лица грамматично согласование по 1-му лицу (3). Таким образом, значения признака лица образуют иерархию, представленную в (4). Описанное правило согласования с сочиненным подлежащим, конъюнкты которого рассогласованы по лицу, действует и в ряде других языков [Corbett 1983]. Такую стратегию согласования мы вслед за Г. Корбеттом будем далее называть стратегией по правилам разрешения (англ. *resolution rules*). Применительно к прошедшему времени термин «стратегия по правилам разрешения» мы будем применять по отношению к согласованию по мн. ч.

- (1) *Я и он придём.* [РГ 1980: 244]
- (2) *Ты и твои родные не едете.* [Там же]
- (3) *И я и ты добьемся своего.* [Розенталь и др. 1994: 272]
- (4) 1-е лицо > 2-е лицо > 3-е лицо

Тем не менее иерархия лиц может быть нарушена при порядке слов VS: при нем становится возможным согласование с первым конъюнктом, лицо которого может находиться ниже по иерархии лиц, чем лицо второго конъюнкта (5). В качестве дополнительных факторов, способных препятствовать действию иерархии лиц, в [Санников 2008: 161; Пекелис 2013] указываются конструкции с двойными сочинительными союзами (6) и семантическая разнородность конъюнктов (7).

- (5) *Остаются учителя старших классов и ты.* [Пекелис 2013]
- (6) *Но гораздо лучше, когда не столько ты, сколько другие **считают** / ***считаете** тебя красивой.* [Там же]
- (7) *Его **погубит** / ***погубите** любовь к выпивке и ты.* [Санников 2008: 161]

Для выявления возможных стратегий согласования с сочиненными именными группами, содержащими личное местоимение, мы также провели корпусное исследование. Мы отобрали все предложения из основного корпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), в которых подлежащим выступает конструкция вида *я и X* и *X и я* (где X — имя собственное мужского рода; расстояние между *и* и X от 1 до 4; были отобраны только такие примеры, где сказуемым является глагол). Результаты исследования

отражены ниже в Таблицах 1 и 2; в скобках указано процентное соотношение той или иной встретившейся нам стратегии из всех примеров. Для сочиненных подлежащих вида *я и X* в непрошедшем времени при порядке слов SV значительно преобладает паттерн согласования по правилам разрешения. Примеров для порядка слов VS в корпусе встречается значительно меньше, однако из приведенной в Таблице 1 статистики видно, что в прошедшем времени стратегия согласования с первым конъюнктом значительно уступает стратегии согласования по правилам разрешения. В непрошедшем времени, однако, количество примеров с обоими стратегиями примерно одинаково.

Таблица 1

Стратегии согласования с сочиненным подлежащим вида *я и X*
(X — имя собственное мужского рода) по данным НКРЯ

Время глагола	Стратегия согласования	Порядок слов	
		<i>я и X</i> — глагол	глагол — <i>я и X</i>
непрошедшее	по правилам разрешения (1-е л. мн. ч.)	107 (18,1 %)	8 (1,3 %)
	с первым конъюнктом	–	6 (1 %)
прошедшее	по правилам разрешения (мн. ч.)	404 (68,5 %)	58 (9,8 %)
	по ед. ч.	–	4 (0,7 %)

Также нами было обнаружено несколько неканонических стратегий согласования: по 3-му лицу мн. ч. (8)–(9) и согласование с последним конъюнктом при порядке слов SV (10).

- (8) *Секретный код **знают** только я и Сергей Петрович* (А. Ростовский. По законам волчьей стаи (2000));
- (9) *⟨...⟩ он заметил, что если Жомини не умеет писать по-русски, то у него для этого **имеются** я и Оболенский* (В. Н. Ламсдорф. Дневник (1887));
- (10) *Ежели же я и бергмейстер **отлучится**, и вскоре вам отповеди получить не можно ⟨...⟩* (В. Н. Татищев. Наказ комиссару Угтусского завода Т. Бурцову (1721)).

Для сочиненного подлежащего вида *X и я* (где X — имя собственное мужского рода) также наиболее часто из всех стратегий встречается стратегия согласования по правилам разрешения, см. Таблицу 2. Согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS, как и в случае с сочиненным подлежащим вида *я и X*, значительно «проигрывает» по частотности согласования по правилам разрешения в прошедшем времени. В непрошедшем времени при порядке слов VS примеров с согласованием по правилам разрешения и с согласованием с первым конъюнктом одинаковое количество.

Таблица 2

**Стратегии согласования с сочиненным подлежащим вида *X и я*
(*X* — имя собственное мужского рода) по данным НКРЯ**

Время глагола	Стратегия согласования	Порядок слов	
		<i>я и X</i> — глагол	глагол — <i>я и X</i>
непрошедшее	по правилам разрешения (1-е л. мн. ч.)	66 (10,6 %)	2 (0,3 %)
	с первым конъюнктом	–	2 (0,3 %)
прошедшее	по правилам разрешения (мн. ч.)	448 (71,9 %)	96 (15,4 %)
	по ед. ч.	2 (0,3 %)	3 (0,5 %)

В четырех примерах из корпуса фиксируется согласование по 3-му лицу мн. ч.:

- (11) *Мамошин направился к машине, но наши мужчины, не выбирая выражений, остановили его, сказав, что **поедут** Грибов и я* (С. Пилевская. Грустная книга (2000));
- (12) *Она мне сообщила, что Комаров и я[!] в сферах сейчас **считаются** в растущем влиянии* (В. А. Вернадский. Дневник (1939));
- (13) *При таком отношении она вправе сказать, что успеху ее **мешают** Крупенский и я, а он от нее в восторге* (В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1907));
- (14) ***Оппонируют** Толстому Победоносцев и я, Вышнеградский говорит о подробностях, а Островский всячески старается уклониться* (А. А. Половцов. Дневник (1887)).

Согласование по 3-му лицу мн. ч. не упоминается в нормативных грамматиках современного русского языка. В [Санников 2008: 161] предложения с таким согласованием признаются устаревшими; тем не менее некоторые корпусные примеры с согласованием по 3-му лицу мн. ч., приведенные выше, взяты из современных текстов.

Таким образом, корпусные данные указывают на возможность большего числа стратегий согласования с сочиненным подлежащим, конъюнкты которого рассогласованы по лицу, нежели нормативные грамматика и справочники по русскому языку.

2. Экспериментальное исследование

Для выявления дистрибуции различных стратегий согласований мы провели четыре лингвистических эксперимента. Методика всех экспериментов представляла собой оценку приемлемости предложений по шкале

Ликерта от 1 до 7. Для реализации эксперимента была выбрана платформа PCibex; респонденты были набраны с помощью социальных сетей и платформы «Яндекс.Толока». Обработку результатов экспериментов мы проводили в программе RStudio. Оценки по шкале от 1 до 7 были приведены к стандартизованным z-оценкам. Методом статистического исследования влияния различных переменных был выбран регрессионный анализ с использованием смешанных линейных моделей. Формулы смешанных линейных моделей мы подбирали вручную: две модели с различными параметрами сравнивались друг с другом и из них выбиралась та, которая описывает данные наиболее точно и при этом эффективно, затем эта модель сравнивалась с другой моделью и т. д. Таким образом была выявлена финальная модель, и к условиям, входящим в ее формулу, был применен тест Тьюки.

Каждый эксперимент содержал филлеры, соотношение которых к экспериментальным предложениям равнялось 1:1. Это соотношение было выбрано во избежание перегрузки для экспериментов с непрошедшим временем: так, при соотношении экспериментальных предложений и филлеров, равном 1:2, эксперименты в непрошедшем времени содержали бы 96 предложений — оценивание данного количества предложений затрудняет работу респондентов и создает нагрузку на их когнитивную систему, что может сказаться на оценках приемлемости предложений. В филлеры включались как грамматичные, так и неграмматичные предложения, однако последние в каждом эксперименте строились по разным моделям. На каждое условие было подобрано 8 лексикализаций с непереходными предикатами. Экспериментальные листы конструировались по правилу латинского квадрата.

В первой паре экспериментов был фиксирован порядок конъюнктов — подлежащее имело вид *я и X*. При этом варьировался порядок слов. В одном эксперименте использовались предикаты непрошедшего времени, во втором — предикаты прошедшего времени; примеры одной и той же лексикализации для этих двух экспериментов приведены в (15)–(16). Таким образом, первый эксперимент содержал 64 предложения, а второй — 32.

- (15) а. *Я и Вася приду/придём/придёт/придут на вечеринку.*
б. *На вечеринку приду/придём/придёт/придут я и Вася.*
- (16) а. *Я и Вася пришёл/пришли на вечеринку.*
б. *На вечеринку пришёл/пришли я и Вася.*

Подлежащее грамматичных филлеров в обоих экспериментах состояло из двух сочиненных имен собственных мужского рода (*Вася и Петя придут/пришли*). В неграмматичных филлерах первого эксперимента была ошибка в предикативном согласовании (*Дима и Витя убираем*), а в неграмматичных филлерах второго эксперимента — ошибка в предложном управлении (*ушли по киоск*).

В подобранных лексикализациях соблюдался баланс по виду: в половине предложений был представлен несовершенный вид, в другой половине — совершенный.

В эксперименте с непрошедшим временем поучаствовало 84 респондента (35 женщин, 49 мужчин), средний возраст которых составил 36 лет. Результаты эксперимента с непрошедшим временем в виде графика взаимодействия факторов представлены на рис. 1. В Таблице 3 даны средние оценки для условий и стандартное отклонение.

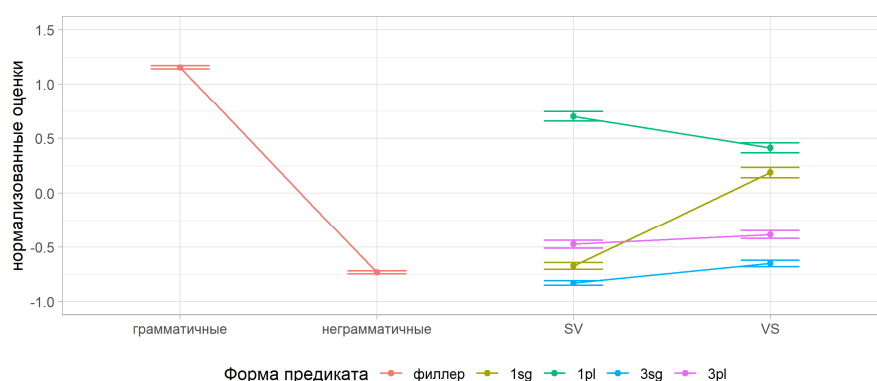

Рис. 1. График взаимодействия факторов эксперимента с непрошедшим временем, вид подлежащего — я и X

Таблица 3

Средние нормализованные оценки для условий и стандартное отклонение (для эксперимента с непрошедшим временем, вид подлежащего — я и X)

Порядок слов	Тип согласования	Нормализованная средняя оценка	Стандартное отклонение
SV	1-е л. ед. ч.	-0.6728333	0.5414743
SV	1-е л. мн. ч.	0.7003272	0.7754077
SV	3-е л. ед. ч.	-0.8300073	0.3824544
SV	3-е л. мн. ч.	-0.4714068	0.6458911
VS	1-е л. ед. ч.	0.1889256	0.8336127
VS	1-е л. мн. ч.	0.4149765	0.8050224
VS	3-е л. ед. ч.	-0.6503113	0.5277188
VS	3-е л. мн. ч.	-0.3819512	0.6556046
Филлеры			
Грамматические		1.155092	0.5525172
Неграмматические		-0.7313455	0.4782066

Наиболее высокие оценки получило согласование по правилам разрешения, однако на уровень его приемлемости повлиял порядок слов: при порядке слов VS оно получает более низкие оценки, чем при порядке слов SV ($p = 0,000022$). При порядке слов VS также становится возможным согласование с первым конъюнктом — личным местоимением *я*, но оценки для него значимо более низкие, чем для согласования по правилам разрешения ($p = 0,0005$). Согласование с первым конъюнктом при порядке слов SV оценивается на уровне неграмматичных филлеров. Согласование по 3-му лицу ед. ч. — т. е. согласование с последним конъюнктом — также получило крайне низкие оценки. Согласование по 3-му лицу мн. ч. оценивается значимо выше согласования по 3-му лицу ед. ч. ($p = 0,0000000$ при SV, $p = 0,0000117$ при VS). Выше оценивается оно и относительно согласования по 1-му лицу ед. ч. при порядке слов SV ($p = 0,0035$). Смена порядка слов не влияет на оценки для согласования по 3-му лицу мн. ч. ($p = 0,696$), хотя в большинстве корпусных примеров с таким согласованием представлен порядок слов VS (см. раздел 1). Вид глагола значимо не повлиял на оценки различных стратегий согласования.

В эксперименте с прошедшим временем поучаствовало 40 респондентов (23 женщины, 17 мужчин); средний возраст респондентов составил 30 лет. Результаты эксперимента с прошедшим временем представлены на рис. 2 и в Таблице 4.

Наиболее высокие оценки получило согласование по правилам разрешения, причем на его оценках не сказывается смена порядка слов ($p = 0,7$). Для согласования по ед. ч. порядок слов значим ($p = 0,0000000$). Фактор вида глагола оказался незначим.

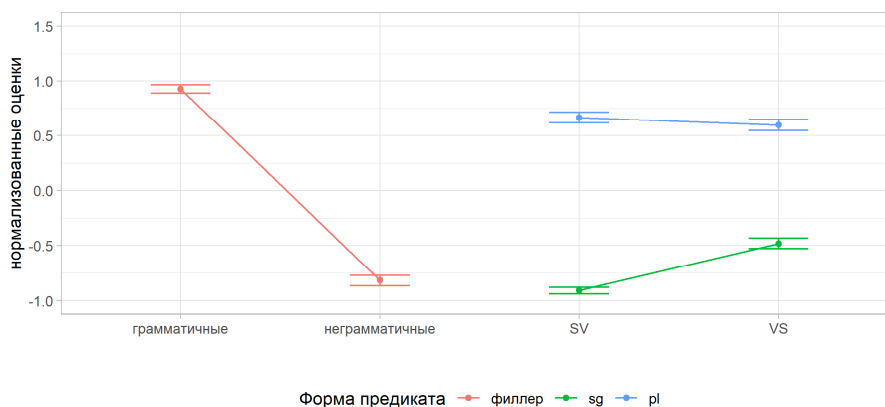

Рис. 2. График взаимодействия факторов эксперимента с прошедшим временем, вид подлежащего — *я* и *X*

Таблица 4

**Средние нормализованные оценки для условий и стандартное отклонение
(для эксперимента с прошедшим временем, вид подлежащего — я и X)**

Порядок слов	Тип согласования	Нормализованная средняя оценка	Стандартное отклонение
SV	ед. ч.	-0.9088293	0.377829
SV	мн. ч.	0.6650435	0.5805738
VS	ед. ч.	-0.479445	0.5971232
VS	мн. ч.	0.5960622	0.653499
Филлеры			
Грамматические		0.9264794	0.5930298
Неграмматические		-0.8172871	0.7319959

Во второй паре экспериментов варьировался порядок конъюнктов (*я и X* или *X и я*), однако из-за риска перегрузки было решено фиксировать порядок слов на VS. Как и в первой паре экспериментов, в одном мы использовали предложения в непрошедшем времени, а во втором — предложения в прошедшем времени. Первый эксперимент содержал 64 предложения, второй — 32; примеры одной и той же лексикализации представлены в (17)–(18).

- (17) а. *В районном центре живу/живём/живёт/живут я и Петя.*
 б. *В районном центре живу/живём/живёт/живут Петя и я.*
- (18) а. *В районном центре жил/жили я и Петя.*
 б. *В районном центре жил/жили Петя и я.*

В грамматических филлерах конъюнкты подлежащего не были рассогласованы по лицу (*придут/пришли Петя и Вася*). Неграмматические филлеры содержали ошибку в предикативном согласовании (*придём/приду Петя и Вася*) либо в согласовании атрибутивной группы (*в правом углу*).

В лексикализациях соблюдался баланс по аргументной структуре предиката: в половине предложений содержались неэргативные предикаты (*танцевать, работать, идти* и т. п.), а в другой половине — неаккузативные предикаты (*спать, оставаться, мёрзнуть* и т. п.). Влияние аргументной структуры предиката на согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS в русском языке обсуждается в [Babyonyshev 1996; Glushan 2013].

Результаты эксперимента с непрошедшим временем отражены на рис. 3 и в Таблице 5. В данном эксперименте приняло участие 85 человек (34 женщины, 48 мужчин, 3 человек не указали пол), средний возраст которых составил 38 лет.

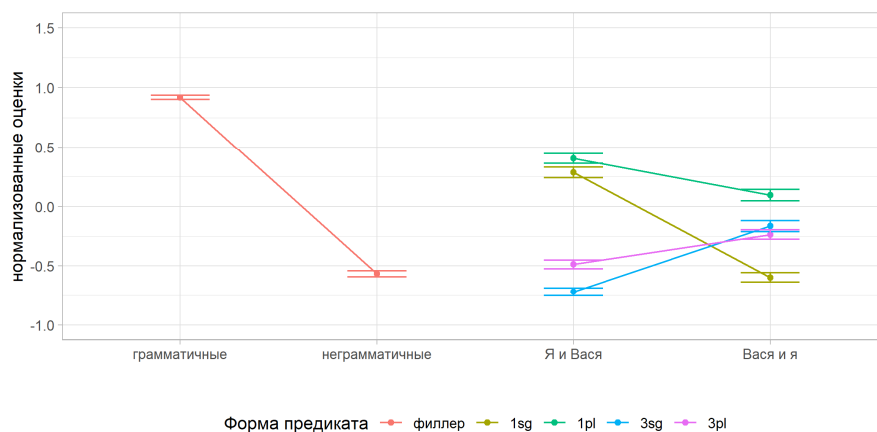

Рис. 3. График взаимодействия факторов эксперимента с непрошедшим временем, порядок слов VS

Таблица 5

Средние нормализованные оценки для условий и стандартное отклонение (для эксперимента с непрошедшим временем, порядок слов VS)

Порядок конъюнктов	Тип согласования	Нормализованная средняя оценка	Стандартное отклонение
я — имя собственное	1-е л. ед. ч.	0.2859643	0.8128323
я — имя собственное	1-е л. мн. ч.	0.4034089	0.7746615
я — имя собственное	3-е л. ед. ч.	-0.7198375	0.631903
я — имя собственное	3-е л. мн. ч.	-0.4873559	0.6674478
имя собственное — я	1-е л. ед. ч.	-0.5967133	0.7275789
имя собственное — я	1-е л. мн. ч.	0.09501175	0.864606
имя собственное — я	3-е л. ед. ч.	-0.1643263	0.851766
имя собственное — я	3-е л. мн. ч.	-0.2357519	0.7511581
Филлеры			
Грамматичные		0.9187586	0.626125
Неграмматичные		-0.5665034	0.9231574

При порядке конъюнктов *я и Вася* наиболее высоко оценивается согласование по правилам разрешения и согласование с первым конъюнктом, разница между ними незначима ($p = 0,98$). Отметим, что в первой паре экспериментов разница оценок для этих двух стратегий согласования при порядке слов VS была значима (см. рис. 1). Согласование по правилам разрешения демонстрирует чувствительность к смене порядка конъюнктов ($p = 0,0035$). Согласование с первым конъюнктом оценивается выше при

порядке *я и Вася*, чем при порядке *Вася и я* ($p = 0,0000000$); таким образом, можно предположить, что личное местоимение *я* в данном случае является более сильным «аттрактором» по сравнению с именем собственным. Порядок конъюнктов значим и для согласования по 3-му лицу мн. ч. ($p = 0,02$). Интересно, что при порядке конъюнктов *Вася и я* оценки для согласования с первым конъюнктом и согласования по 3-му лицу мн. ч. значительно различаются ($p = 0,4088$). Фактор аргументной структуры (является ли непереходный предикат неэргативным или неаккузативным) не повлиял на оценки предложений.

Результаты эксперимента с прошедшим временем представлены на рис. 4. В эксперименте приняло участие 43 респондента (15 женщин, 28 мужчин).

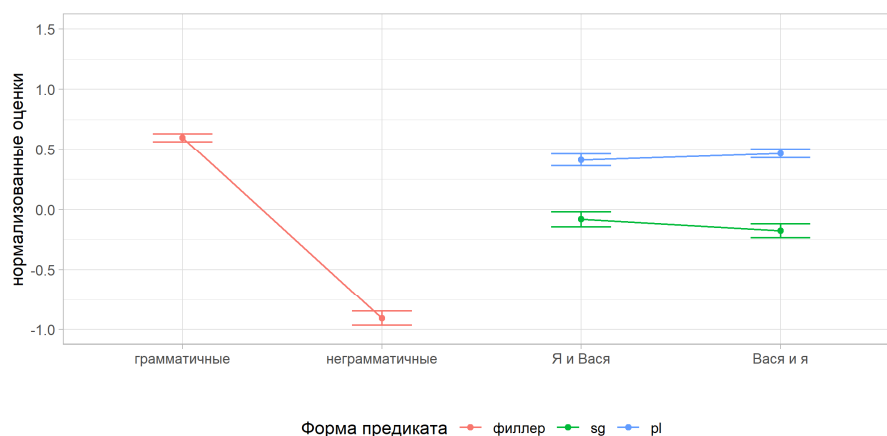

Рис. 4. График взаимодействия факторов эксперимента с прошедшим временем, порядок слов VS

Таблица 6

Средние нормализованные оценки для условий и стандартное отклонение (для эксперимента с прошедшим временем, порядок слов VS)

Порядок конъюнктов	Тип согласования	Нормализованная средняя оценка	Стандартное отклонение
<i>я</i> — имя собственное	ед. ч.	-0.08155295	0.8152752
<i>я</i> — имя собственное	мн. ч.	0.4115902	0.6447327
имя собственное — <i>я</i>	ед. ч.	-0.1761298	0.7586866
имя собственное — <i>я</i>	мн. ч.	0.4655228	0.4849257
Филлеры			
Грамматичные		0.5973613	0.6017984
Неграмматичные		-0.905905	1.08796

Самые высокие оценки получило согласование по правилам разрешения, значимо ниже него оценивается согласование по ед. ч. Для обеих стратегий согласования порядок конъюнктов оказался незначим. Для согласования с первым конъюнктом можно было ожидать повышения оценок при порядке конъюнктов *Вася и я*, так как именная группа *Вася*, в отличие от личного местоимения *я*, охарактеризована и по роду, и по числу — по всем двум признакам, согласование по которым осуществляется в русском языке в прошедшем времени. Таким образом, полученные результаты могут говорить о принципиальном различии в механизмах работы признака рода и признака лица. Незначимым в рамках данного эксперимента оказался и тип аргументной структуры предиката.

Суммируем полученные результаты. Наиболее высоко во всех экспериментах оценивается согласование по правилам разрешения — согласование по 1-му лицу мн. ч. для непрошедшего времени и согласование по мн. ч. Интересно, что в экспериментах с непрошедшим временем на его оценки повлиял порядок слов (как порядок слов в предложении, так и порядок конъюнктов), тогда как в экспериментах с прошедшим временем порядок слов оказался незначимым фактором для согласования по множественному числу. Это может косвенно указывать на различия в механизме работы признака лица и признака рода.

При порядке слов VS становится возможным согласование с первым конъюнктом, однако примечательно, что в прошедшем времени оно оценивается в среднем более низко, чем в непрошедшем времени. Это косвенно подтверждается и корпусными данными (см. раздел 1). В предлагаемых анализах к согласованию с первым конъюнктом можно выделить два подхода: в первом подходе предполагается, что сочиненные именные группы представляют собой одну составляющую, тогда как во втором подходе утверждается, что на самом деле при согласовании с первым конъюнктом происходит сочинение более крупных структур, каждая из которых содержит соответствующую именную группу. Первый подход в анализе согласования с первым конъюнктом в русском языке представлен в работах [Babyonyshev 1996; Bošković 2010; Glushan 2013]. Второй подход применительно к анализу материала русского языка описывается в [Krejci 2020]. Однако при втором подходе учесть чувствительность согласования к временным характеристикам предиката становится затруднительно.

Стоит отметить, что в одном из экспериментов (см. рис. 3) мы не получили значимо различающихся оценок для согласования с первым конъюнктом и согласования по правилам разрешения. Данный результат несколько противоречит эмпирическому обобщению, сделанному в [Nevins, Weisser 2019], о том, что признак лица реже вызывает согласование с первым конъюнктом, в отличие, например, от признака рода, так как для признака лица во многих языках имеется довольно строгий механизм разрешения.

Неожиданным представляется согласование по 3-му лицу мн. ч., которое было зафиксировано нами в корпусном материале и оценки для кото-

рого получились значимо более высокие, чем оценки для некоторых, по-видимому, явно неграмматичных вариантов согласования. Такое согласование является нарушением правил разрешения, действующих в русском языке. При этом нарушается согласование по лицу, но не согласование по числу, что может указывать на то, что зондирование признака лица происходит раньше, чем зондирование признака числа [Preminger 2011]. 3-е лицо представляется для русского языка дефолтным: к примеру, формы 3-го лица употребляются в безличных конструкциях [Летучий 2011]. Примечательно, что в словенском языке дефолтное согласование по мужскому роду при сочиненных подлежащих также было связано со множественным числом [Marušič et al. 2015]. Однако стоит отметить, что во встретившихся нам корпусных примерах (см. раздел 1) согласование по 3-му лицу мн. ч. нередко появляется при передаче косвенной речи. Возможно, согласование по 3-му лицу мн. ч. в таких предложениях возникает в результате сохранения форм согласования прямой речи, и в таком случае говорить о дефолтном характере 3-го лица затруднительно¹.

Согласование с последним конъюнктом, в соответствии с результатами проведенных экспериментов, является неграмматичным, несмотря на то что подобные примеры нам встретились в корпусе (см. также [Vošković 2010], где утверждается, что в русском языке возможно согласование с последним конъюнктом).

3. Заключение

В данной статье были описаны результаты четырех лингвистических экспериментов, направленных на исследование предикативного согласования с сочиненным подлежащим, содержащим личное местоимение *я*. Согласно результатам экспериментов, в русском языке с подобным подлежащим возможны три стратегии согласования — по правилам разрешения (по 1-му лицу мн. ч. в непрошедшем времени и по мн. ч. в прошедшем времени), с первым конъюнктом при порядке слов VS и (для непрошедшего времени) по 3-му лицу мн. ч. Уровень приемлемости и возможность употребления перечисленных стратегий зависит от порядка слов, порядка конъюнктов и временных характеристик предиката. Согласование с последним конъюнктом для исследуемых конструкций можно признать неграмматичным. Вид глагола и то, является он неэргативным или неаккузативным, значимо не повлияли на результаты экспериментов.

Расширением исследования может стать изучение влияния линейной дистанции на выбор стратегии согласования, а также выявление стратегий согласования с подлежащими, сочиненными другими союзами.

¹ Выражаю благодарность рецензенту, обратившему внимание на эту проблему.

Л и т е р а т у р а

Летучий 2011 — А. Б. Л е т у ч и й. Безличность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/>). На правах рукописи. 2011.

Пекелис 2013 — О. Е. П е к е л и с. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/>). На правах рукописи. 2013.

РГ 1980 — Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

Розенталь и др. 1994 — Д. Э. Р о з е н т а л ь, Е. В. Д ж а н д ж а к о в а, Н. П. К а б а н о в а. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: Московская международная школа переводчиков, 1994.

Санников 2008 — В. З. С а н н и к о в. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Babyonyshev 1996 — M. B a b y o n y s h e v. Structural connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese. PhD dis. Massachusetts Institute of Technology, 1996.

Bošković 2010 — Ž. B o š k o v i ć. Conjunct sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian // Formal Description of Slavic Languages 7.5 / Ed. by G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, E. Pshehotskaya. Frankfurt: Peter Lang, 2010. P. 31–48.

Corbett 1983 — G. C o r b e t t. Resolution rules: agreement in person, number, and gender // Order, Concord and Constituency / Ed. by G. Gazdar, E. Klein, G. K. Pullam. Dordrecht: Foris, 1983. P. 175–205.

Glushan 2013 — Z. A. G l u s h a n. The role of animacy in Russian morphosyntax. PhD dis. University of Connecticut, 2013.

Himmelreich, Hartmann 2021 — A. H i m m e l r e i c h, K. H a r t m a n n. Agreement with Disjoined Subjects in German // Agreement in multivaluation construction. Goethe-Universität Frankfurt am Main, 19 Mai 2021. URL: <http://www.multivaluation.de/downloads/handout-himmelreichHartmann.pdf> (accessed 31.01.2023).

Krejci 2020 — B. K r e j c i. Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian. PhD dis. Stanford University, 2020.

Marušič et al. 2015 — F. L. M a r u š i č, A. N e v i n s, W. B a d e c k e r. The grammars of conjunction agreement in Slovenian // Syntax. 2015. Vol. 18. No. 1. P. 39–77.

Nevins, Weisser 2019 — A. N e v i n s, P. W e i s s e r. Closest conjunct agreement // Annual Review of Linguistics. 2019. No. 5. P. 219–241.

Preminger 2011 — O. P r e m i n g e r. Asymmetries between person and number in syntax: a commentary on Baker's SCOPA // Natural Language and Linguistic Theory. 2011. No. 29. P. 917–937.

Shen 2020 — Z. S h e n. Person and Number Agreement with Exclusive Disjunction in German // The 22nd Seoul International Conference on Generative Grammar, Gyeong-sang National University, 12–14 August 2020. URL: http://2020.sicogg.or.kr/content/handout/h_Presentation_6.pdf (accessed 31.01.2023).

Timmermans et al. 2004 — M. T i m m e r m a n s, H. S c h r i e f e r s, T. D i j k s t r a, M. H a v e r k o r t. Disagreement on agreement: person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German // Linguistics. 2004. No. 42. P. 905–929.

Статья получена 14.06.2023

Tatiana I. Davidyuk

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
rachekit@yandex.ru

PREDICATE AGREEMENT AND WORD ORDER: AN EXPERIMENTAL STUDY*

The article describes the results of an experimental study on predicate agreement with a coordinate subject containing the first-person pronoun *ja* 'I'. I investigated the dependence of the acceptability of various agreement patterns both on the order of the subject and the predicate in a sentence (SV or VS), and on the position of the conjuncts (*ya i X* 'I and X' or *X i ya* 'X and I'). The study also takes into account qualities of the predicate: its temporal and aspect characteristics, as well as its argument structure (whether a predicate is unergative or unaccusative). The experimental data showed that three agreement patterns with these subjects are acceptable in Russian: resolution agreement (1st person plural agreement for non-past tense and plural agreement for past tense), first conjunct agreement for VS order, and (for non-past tense) 3rd person agreement. The choice and acceptability level of these strategies are influenced by word order and temporal characteristics of the predicate. Verb aspect and argument structure turned out to be insignificant factors.

Keywords: predicate agreement, coordinate subject, Russian, person agreement, number agreement, word order.

References

- Babyonyshev, M. (1996). *Structural connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese* (PhD Dissertation). Massachusetts Institute of Technology.
- Bošković, Ž. (2010). Conjunct sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian. In G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, & E. Pshehotskaya (Eds.), *Formal Description of Slavic Languages 7.5* (pp. 31–48). Frankfurt: Peter Lang.
- Corbett, G. (1983). Resolution rules: agreement in person, number, and gender. In G. Gazdar, E. Klein, & G. K. Pullam (Eds.), *Order, Concord and Constituency* (pp. 175–205). Dordrecht: Foris.
- Glushan, Z. A. (2013). *The role of animacy in Russian morphosyntax* (PhD Dissertation). University of Connecticut.
- Himmelreich, A., & Hartmann, K. (2021). Agreement with Disjoined Subjects in German. In *Agreement in multivaluation construction (Goethe-Universität Frankfurt am Main, 19 Mai 2021)*. Retrieved from <http://www.multivaluation.de/downloads/handout-himmelreichHartmann.pdf>
- Krejci, B. (2020). *Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian* (PhD Dissertation). Stanford University.
- Marušič, F. L., Nevins, A., & Badecker, W. (2015). The grammars of conjunction agreement in Slovenian. *Syntax*, 18(1), 39–77.

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>).

Nevins, A., & Weisser, P. (2019). Closest conjunct agreement. *Annual Review of Linguistics*, 5, 219–241.

Preminger, O. (2011). Asymmetries between person and number in syntax: a commentary on Baker's SCOPA. *Natural Language and Linguistic Theory*, 29, 917–937.

Rozenal', D. E., Dzhandzhakova, E. V., Kabanova, N. P. (1994). *Spravochnik po pravopisaniiu, proiznosheniiu, literaturnomu redaktirovaniu*. Moscow: Moskovskaia mezhdunarodnaia shkola perevodchikov.

Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Shen, Z. (2020). Person and Number Agreement with Exclusive Disjunction in German. In *The 22nd Seoul International Conference on Generative Grammar, Gyeongsang National University (12–14 August 2020)*. Retrieved from http://2020.sicogg.or.kr/content/handout/h_Presentation_6.pdf

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika – 1980* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.

Timmermans, M., Schriefers, H., Dijkstra, T., & Haverkort, M. (2004). Disagreement on agreement: person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German. *Linguistics*, 42, 905–929.

Received on June 14, 2023

К. А. СТУДЕНИКИНА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
xeanst@gmail.com

**ИЕРАРХИЯ СОГЛАСОВАНИЯ
ПРИ СОЧИНЕНИИ РУССКИХ ИМЕННЫХ ГРУПП:
КОРПУСНОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ***

При стандартной модели согласования мишень копирует признаки рода, лица или числа контролера. Однако в некоторых случаях признаки мишени не могут быть вычислены однозначно. Тогда для контролера оказывается допустимо как морфологическое, так и семантическое согласование. На материале различных языков было замечено, что при атрибутивном согласовании более вероятной является морфологическая стратегия, а при предикативном — семантическая. Данное обобщение легло в основу Иерархии согласования Г. Корбетта.

В статье рассматривается атрибутивное и предикативное согласование русских именных групп с сочиненными модификаторами. При расщепленной интерпретации данной конструкции существительное демонстрирует вариативность числа. Данные НКРЯ показывают, что для предикативного согласования оказывается возможным только мн. ч. глагола, что соответствует семантической стратегии при существительных ед. ч. и морфологической — при существительных мн. ч. Для изучения стратегий атрибутивного согласования премодификатора, характеризующего именную группу целиком, было проведено экспериментальное исследование. В качестве методики были выбраны оценка приемлемости по шкале Ликерта от 1 до 7 и чтение с саморегулирующей скорости. Результаты эксперимента показали, что для существительных во мн. ч. оказывается приемлемым как мн., так и ед. ч. премодификатора. Это обобщение соответствует Иерархии согласования. Поскольку для предикативного согласования возможна морфологическая стратегия, она должна быть возможна и для атрибутивного согласования. Для существительных в ед. ч. оказывается допустимой исключительно морфологическая стратегия, но не семантическая. Этот факт также объясняется Иерархией согласования: возможность семантического предикативного согласования не имплицитно подразумевает возможность семантического атрибутивного согласования, поскольку для атрибутивного согласования типологически более характерна морфологическая стратегия. Следовательно, данные о согласовании именных групп с сочиненными модификаторами подтверждают типологическую картину относительно выбора стратегий согласования при неоднозначном вычислении признаков контролера.

Ключевые слова: сочинение, структура именной группы, русский язык, вариативность согласования, экспериментальный синтаксис.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ им. М. В. Ломоносова (<https://rscf.ru/project/22-18-00037/>).

1. Модель согласования при неоднозначном вычислении признаков контролера

Согласование — один из видов синтаксической связи между словами в предложении. Одна единица, так называемая мишень согласования, копирует некоторые признаки другой единицы, контролера согласования. В стандартном случае признаки контролера согласования, как род, лицо, число, определяются однозначно и копируются мишенью. Так, в примере (1) из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) контролером согласования является существительное *системы*. Мишень атрибутивного согласования — прилагательное *онтологические* — копирует его признак числа. Мишень предикативного согласования — глагол *могут* — копирует признаки лица и числа.

- (1) *Онтологические системы могут использоваться для решения различных задач в сфере искусственного интеллекта* (С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004)¹.

Важно отметить, что существуют и более сложные случаи, когда признаки контролера не могут быть вычислены однозначно. Например, это происходит, если наблюдается несоответствие между грамматическим родом существительного и полом референта, которого оно обозначает [Герасимова 2018]. Следовательно, согласование может проходить как по мужскому, так и по женскому роду, что можно увидеть в примере (2). Кроме того, в составе сочиненной именной группы существительные ед. ч. могут обозначать множественный референт [Пекелис 2013]. Тогда согласование может проходить как по ед., так и по мн. ч. (3).

- (2) *Новый директор пришла в училище не в самое простое время* (О. Юхновская. В хореографическом — новый директор (2003) // «Вечерняя Казань», 14.01.2003);
(3) *Международная торговля и туризм изменили положение дел* (Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня (2000–2005)).

В подобных неоднозначных случаях выбор согласовательных признаков зависит от синтаксических свойств мишени. Так, при согласовании с существительным, которое обозначает название профессии, прилагательное скорее скопирует признак мужского рода, а глагол — признак женского рода (2). При атрибутивном согласовании с сочиненными именными группами копируется признак ед. ч., при предикативном согласовании — признак мн. ч. (3). Можно говорить о том, что в атрибутивной позиции более вероятна морфологическая стратегия согласования, а в предикативной — семантическая. Обратный случай, а именно морфологическое предикативное согласование и семантическое атрибутивное, будет маловероятен.

¹ Примеры, которые не оговариваются специально, взяты из НКРЯ.

Данное наблюдение подтверждается на материале различных языков. На его основе Гревиллом Корбеттом была разработана Иерархия согласования [Corbett 1979] (4). Чем левее мишень согласования в этой иерархии, тем более вероятно, что при согласовании она будет копировать морфологические, а не семантические признаки контролера. Кроме того, если для некоторого элемента иерархии доступно морфологическое согласование, то оно должно быть доступно и для всех элементов левее него. Если для некоторой конфигурации допустимо морфологическое предикативное согласование, то должно быть допустимо и морфологическое атрибутивное согласование. При этом допустимость семантического предикативного согласования никак не предопределяет допустимость семантического атрибутивного согласования.

- (4) Атрибут — Предикат — Относительное местоимение — Личное местоимение
 ← Морфологическое согласование Семантическое согласование →
 [Ibid.: 204]

В настоящей работе мы рассмотрим, насколько данная иерархия подтверждается на материале атрибутивного и предикативного согласования именных групп с сочиненными модификаторами, имеющими расщепленную интерпретацию. В такой конструкции вершина-существительное, контролер согласования, демонстрирует вариативность числа (5). Анализируемые именные группы также являются примером неоднозначного вычисления признаков контролера. Как при ед., так и при мн. ч. существительного именная группа обозначает множественный референт.

- (5) *Он владеет французским и английским языком/языками* [Кодзасов 1987: 210].

Ранее исследования, где рассматривался синтаксис русских именных групп с сочиненными модификаторами, не уделяли внимания соотношению стратегий атрибутивного и предикативного согласования. Тем не менее можно обнаружить некоторые предписания относительно большей или меньшей приемлемости числовых форм существительного. С. В. Кодзасов [1987] утверждает, что, если именная группа занимает позицию субъекта и глагол согласуется с именной группой по мн. ч., то и для существительного будет использоваться форма мн. ч. (6). Для аналогичных именных групп в другой синтаксической позиции и при отсутствии предикативного согласования будет одинаково допустимо и ед., и мн. ч. (7). Справочник по правописанию и литературной правке Д. Э. Розенталя [2012] указывает, что для существительного предпочтительно мн. ч., если именной группе предшествует определение в форме мн. ч. (8).

- (6) *Атлантический и тихий океаны славятся своими ураганами;*
 (7) *Киты этого вида встречаются в Атлантическом и Тихом океанах/ океане* [Кодзасов 1987: 209];
 (8) *новые мировой и отечественный рекорды* [Розенталь 2012: 281].

Мы ожидаем, что при согласовании для атрибутивной и предикативной позиций окажутся возможными как морфологическая, так и семантическая стратегии. Исследование данного вопроса с использованием корпусного и экспериментального методов будет описано в следующем разделе.

2. Атрибутивное и предикативное согласование при сочинении модификаторов

В настоящей работе мы рассматриваем атрибутивное и предикативное согласование именных групп с сочиненными прилагательными. В центре нашего внимания — именные группы с расщепленной интерпретацией, где каждое из сочиненных прилагательных относится к отдельной дескрипции. Для существительного в этом случае наблюдается вариативность: грамматично и ед., и мн. ч.

Приведем возможные стратегии согласования на основе данных НКРЯ (раздел 2.1) и экспериментального исследования (раздел 2.2).

2.1. Корпусные данные

Для анализа стратегий предикативного согласования на материале НКРЯ были проанализированы предложения, которые содержат два прилагательных в номинативе ед. ч., разделенные союзом *и*, существительное в номинативе и глагол в изъявительном наклонении. При этом рассматривались ед. и мн. ч. существительного и глагола, что соответствует четырем теоретически возможным стратегиям предикативного согласования.

В НКРЯ не было найдено примеров согласования глагола-сказуемого по ед. ч. в данной конструкции вне зависимости от числа существительного. Мы можем сделать вывод о том, что только мн. ч. глагола является допустимым вариантом. При существительном в ед. ч. согласование по мн. ч. соответствует семантической стратегии (9), при существительном мн. ч. — морфологической стратегии (10).

- (9) *Голубой и зеленый цвет успокаивают нервы* (Н. Г. Чернышевский. Возвышенное и комическое (1855));
 (10) *Известно, что голубой и зеленый цвета успокаивают* (Д. Айрапетов. ...По которому мы ходим // «Химия и жизнь», 1966).

Таблица 1

Соотношение стратегий предикативного согласования и примеров из НКРЯ

Глагол \ Существительное	Ед. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	—	(9)
Мн. ч.	—	(10)

Рассмотрим возможные стратегии атрибутивного согласования на материале присоединения премодификатора, который относится к именной группе целиком. Были проанализированы предложения, содержащие премодификатор *наш*, два прилагательных в ед. ч., разделенные союзом *и*, существительное. Премодификатор и существительное могли стоять в ед. и во мн. ч., что дает четыре теоретически возможных стратегии атрибутивного согласования. Мы ожидаем, что для премодификатора будет предпочтительна морфологическая стратегия согласования, т. е. копирование числового признака существительного.

Действительно, при существительном ед. ч. оказывается возможен премодификатор в ед. ч. (11), а при существительном во мн. ч. — премодификатор во мн. ч. (12), что соответствует морфологической стратегии согласования. Однако в НКРЯ была найдена еще одна возможная стратегия — премодификатор в ед. ч. при существительном во мн. ч. (13). Ее также можно назвать морфологической, если считать, что премодификатор согласуется с прилагательным в ед. ч. Однако сочетание премодификатора во мн. ч. и существительного в ед. ч., что соответствует семантической стратегии, не было найдено в корпусе.

- (11) *жизнь нашей **высшей и средней школы*** (Н. Савицкая. Кто детям друг? (2003) // «Независимая газета», 08.07.2003);
- (12) *предупреждение наших **музыкального и филармонического обществ*** (Московские письма (1903) // «Российская музыкальная газета», 2003);
- (13) *достижения нашей **женской и мужской команд*** (А. Митьков. Преолимпийская иерархия. Стартовал лыжный Кубок мира // «Известия», 2001.11.26).

Таблица 2

Соотношение стратегий атрибутивного согласования и примеров из НКРЯ

Премодификатор \ Существительное	Ед. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	(11)	—
Мн. ч.	(13)	(12)

Вопрос о том, действительно ли отсутствующая в корпусе конструкция является неприемлемой, и различия в приемлемости найденных конструкций были исследованы экспериментально. Описание исследования содержится в следующем разделе.

2.2. Экспериментальное исследование

Чтобы определить приемлемость различных стратегий атрибутивного согласования, мы провели экспериментальное исследование. Были рас-

смотрены именные группы с сочинением прилагательных в прямом и косвенном падежах, чтобы проверить влияние падежа на выбор стратегии согласования. Для русского языка отмечалось, что многие структуры допустимы только в контексте прямого падежа. Так, при числительных в прямом падеже прилагательные и существительные получают показатель генитива (14а), тогда как при числительных в косвенных падежах прилагательные и существительные копируют падеж числительного (14б) [Babby 1985]. Кроме того, справочник по правописанию и литературной правке Д. Э. Розенталя [2012] указывает, что для именных групп с сочиненными модификаторами наблюдается различие в допустимости форм существительного в зависимости от падежа: в номинативе одинаково возможным считается ед. и мн. ч. (15а), в инструменталисе же рекомендуется использовать ед. ч. (15б). Мы ожидаем, что в прямом падеже будет допустимо больше стратегий согласования, чем в косвенном.

- (14) а. *пять больших бутылок вина / *пять большие бутылки вина*
 б. *пятью большими бутылками вина / *пятью больших бутылок вина* [Babby 1985: 2];
- (15) а. *первый и второй этаж/этажи*
 б. *между первым и вторым этажом/*этажами* [Розенталь 2012: 280].

Экспериментальное исследование включало три независимых переменных: число премодификатора (ед./мн.), число существительного (ед./мн.) и падеж именной группы (прямой (аккузатив)/косвенный (инструменталис)). Каждому предложению предшествовал контекст, позволяющий обеспечить расщепленную интерпретацию (16). Пример экспериментального блока представлен в предложениях (17а–б).

- (16) {Техника борьбы включает два типа ударов.}
- (17) а. *Семен выучил этот/эти прямой и боковой удар/удары на курсах рукопашного боя.*
 б. *Семен овладел этим/этими прямым и боковым ударом/ударами на курсах рукопашного боя.*

В эксперименте приняло участие 74 человека. Для привлечения респондентов использовались социальные сети ВКонтакте² и d3³. Для поиска выбросов применялся метод винсоризации по сумме квадратов отклонений, описанный Дж. Спраузом⁴. Если оценки для филлеров отличались от предполагаемых (два для неграмматичных и шесть для грамматичных) больше чем на два стандартных отклонения, то данные таких респондентов

² <https://vk.com/>

³ <https://d3.ru/>

⁴ <https://www.jonsprouse.com/courses/experimental-syntax/scripts/7.4.identify.and.remove.outliers.R>

удалялись. После применения этой процедуры были удалены данные одного участника.

Таким образом, при статистическом анализе использовались результаты 73 участников. Средний возраст испытуемых составил 36 лет ($sd = 13$). Среди респондентов было 25 женщин и 48 мужчин; 20 человек, чей род деятельности связан с языком (лингвист, филолог), и 53 человека других профессий; 4 человека со средним образованием, 6 человек со средним специальным образованием, 10 человек с неоконченным высшим образованием, 53 человека с высшим образованием.

В качестве методики для эксперимента были выбраны оценка приемлемости по шкале Ликерта от 1 до 7 и чтение с саморегуляцией скорости. В качестве основного статистического метода для выявления значимости факторов использовались линейные смешанные модели.

Перейдем к результатам эксперимента. На рис. 1 представлены средние значения оценок приемлемости для филлеров и стимульных предложений. Как показывает статистический анализ, обнаруживаются значимые различия между всеми возможными стратегиями согласования ($p < 0,1$), однако падеж именной группы при этом не имеет значения ($p > 0,5$).

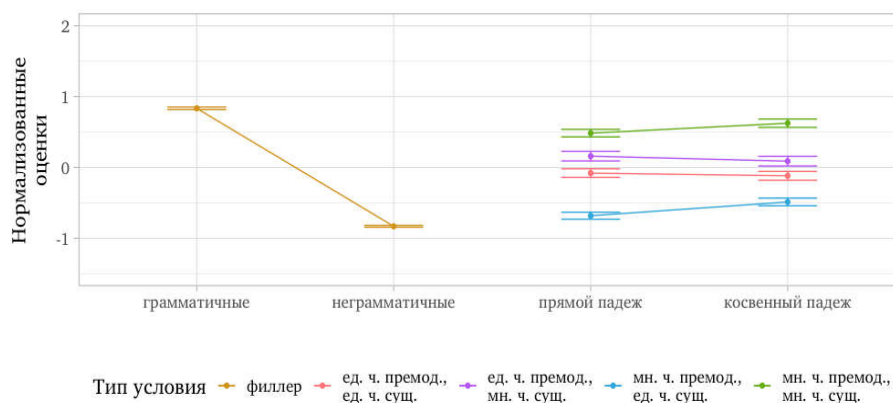

Рис. 1. График взаимодействия для средних оценок филлеров и стимульных предложений

Для мн. ч. премодификатора и существительного наблюдаются самые высокие оценки. Относительно высокие оценки — при премодификаторе в ед. ч. и существительном во мн. ч. Конструкции с ед. ч. премодификатора и существительного получают средние оценки. Предложения со мн. ч. премодификатора и ед. ч. существительного находятся почти на уровне неграмматичных филлеров.

На рис. 2 представлены средние значения времени чтения для стимульных предложений. Влияние падежа также оказывается незначимым ($p > 0,5$). Наблюдается задержка при чтении четвертого слова, первого из сочинен-

ных прилагательных ед. ч., после премодификатора мн. ч. ($p < 0,01$). Видимо, это связано с переосмыслением предложения. Значимое различие во времени чтения шестого слова, существительного, возникает между двумя парами условий. Задержка на существительных мн. ч. при премодификаторе ед. ч. больше, чем при премодификаторе мн. ч. ($p < 0,5$). Различия во времени чтения существительного между остальными условиями оказываются незначимы ($p > 0,5$).

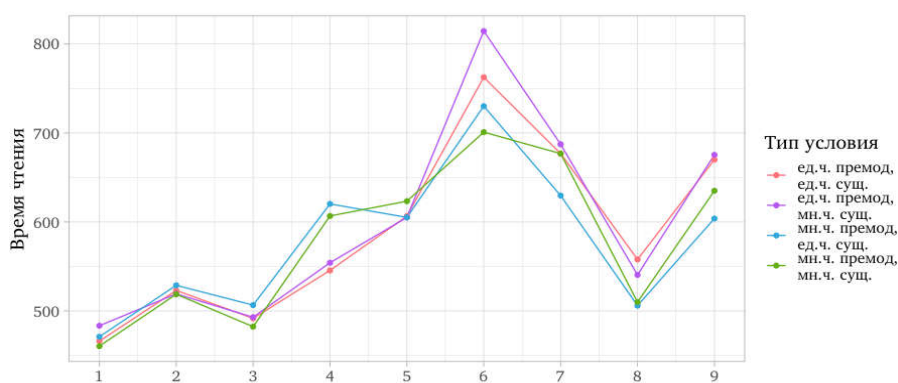

Рис. 2. График средних значений времени чтения по словам для стимульных предложений

Итак, подведем итоги эксперимента. Падеж именной группы не оказывает значимого влияния на выбор стратегии согласования. Для существительных во мн. ч. приемлемы мн. и ед. ч. премодификатора, однако сочетание премодификатора в ед. ч. и существительного во мн. ч. вызывает трудности при восприятии. Результаты соответствуют Иерархии согласования: морфологическая стратегия согласования возможна для предикативного и атрибутивного согласования. Для существительных в ед. ч. приемлемо лишь ед. ч. премодификатора, что соответствует морфологической стратегии. Семантическая стратегия согласования — сочетание премодификатора во мн. ч. и существительного в ед. ч. — недопустима. Результаты также соответствуют Иерархии согласования: для предикативного согласования оказывается допустима только семантическая стратегия, для атрибутивного — только морфологическая.

3. Заключение

В соответствии со стандартной моделью мишень согласования копирует морфологические признаки контролера согласования, которые определены однозначно. Тем не менее существуют случаи, когда признаки контролера могут быть вычислены более чем одним способом. Тогда оказывается до-

пустимо не только морфологическое, но и семантическое согласование. Выбор той или иной стратегии зависит от позиции мишени: так, для атрибутивного согласования типологически предпочтительна морфологическая стратегия, а для предикативного — семантическая. Ранжирование синтаксических позиций в зависимости от более вероятной стратегии отражено в Иерархии согласования.

В данном исследовании рассматривалось распределение стратегий согласования атрибутов и предикатов для именных групп с сочиненными модификаторами. При расщепленной интерпретации сочиняемых прилагательных вершина-существительное демонстрирует вариативность числа, однако как при ед., так и при мн. ч. конструкция обозначает множественный референт. Поскольку признаки контролера не могут быть вычислены однозначно, допустимой оказывается не только морфологическая, но и семантическая стратегия согласования.

Для определения приемлемых стратегий согласования в различных синтаксических позициях были использованы корпусный и экспериментальный методы. Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что в предикативной позиции оказывается возможно лишь мн. ч. глагола, что соответствует морфологической стратегии для существительных мн. ч. и семантической — для существительных ед. ч. Корпусный материал не позволяет сделать точный вывод о распределении стратегий атрибутивного согласования, для изучения этого вопроса было проведено экспериментальное исследование. Вопреки имеющимся нормативным предписаниям, экспериментальные данные показывают, что падеж именной группы не влияет на выбор стратегии атрибутивного согласования. Результаты эксперимента демонстрируют, что для существительных мн. ч. приемлемым является как ед., так и мн. ч. премодификатора. Возможность морфологического согласования в позиции атрибута при морфологическом предикативном согласовании предсказывается Иерархией согласования. Существительные ед. ч. допускают исключительно ед. ч. премодификатора, что соответствует морфологической стратегии. Этот факт также соответствует типологическим ожиданиям, поскольку возможность семантического предикативного согласования не имплицитно подразумевает возможность семантического атрибутивного согласования.

Таким образом, данные о согласовании именных групп с сочиненными прилагательными подтверждают типологическую картину относительно выбора стратегий согласования при неоднозначном вычислении признаков контролера.

Л и т е р а т у р а

Герасимова 2018 — А. А. Герасимова. Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 65–71.

Кодзасов 1987 — С. В. Кодзасов. Число в сочинительных конструкциях // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Отв. ред. А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни. М.: Наука, 1987. С. 204–219.

Пекелис 2013 — О. Е. Пекелис. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). 2013. На правах рукописи.

Розенталь 2012 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-пресс, 2012.

Babby 1985 — L. H. Babby. Noun phrase internal case agreement in Russian // Russian linguistics. 1985. Vol. 9. № 1. P. 1–15.

Corbett 1979 — G. G. Corbett. The agreement hierarchy // Journal of linguistics. 1979. Vol. 15. № 2. P. 203–224.

Статья получена 14.06.2021

Kseniia A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

xeanst@gmail.com

AGREEMENT HIERARCHY IN RUSSIAN COORDINATED NOUN PHRASES: CORPUS AND EXPERIMENTAL STUDY*

According to the standard model of agreement, the target copies syntactic features of the controller, namely gender, person, or number. But in the situation when the features of the controller cannot be calculated definitely, semantic agreement becomes allowable. Typologically, the possibility of syntactic strategy increases in attributive position while predicate agreement is more likely to allow semantic strategy. The agreement hierarchy proposed by G. Corbett ranges the agreement positions.

The paper deals with the attributive and the predicate agreement in Russian noun phrases with coordinated modifiers. Split interpretation of this construction enables variability of number of the head noun. The data from NRC shows that only plural predicate agreement is possible for the noun phrases with coordinated adjectives. It corresponds to the semantic strategy for singular nouns and the syntactic strategy for plural nouns. A self-paced acceptability experiment was conducted to examine the strategies of attributive agreement of the premodifier referring to the whole noun phrase. The results demonstrate that the plural noun allows both plural and singular premodifier. This generalization coincides with agreement hierarchy. Since the syntactic strategy is possible for predicate agreement, it should also be acceptable in attributive position. Only singular premodifier turns out to be acceptable with the singular noun, which corresponds to the syntactic strategy. This fact is also explained by agreement hierarchy. The possibility of semantic predicate agreement does not imply the possibility of semantic attributive agreement since the syntactic strategy is typologically more probable in the attributive position. Thus, the data on agreement of noun phrases with coordinated modifiers confirms typological expectations regarding the choice of the agreement strategy in cases with ambiguous calculation of controller features.

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>).

Keywords: coordination, noun phrase structure, Russian, agreement variation, experimental syntax.

References

- Babby, L. H. (1985). Noun phrase internal case agreement in Russian. *Russian linguistics*, 9(1), 1–15.
- Corbett, G. G. (1979). The agreement hierarchy. *Journal of linguistics*, 15(2), 203–224.
- Gerasimova, A. A. (2018). Rassoglasovanie po rodu v russkom iazyke (eksperimental'noe issledovanie). *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Ser. literatury i iazyka*, 77(1), 65–71.
- Kodzasov, S. V. (1987). Chislo v sochinitel'nykh konstruktsiakh. In A. E. Kibrik, & A. S. Narin'iani (Ed.), *Modelirovanie iazykovoï deiatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh* (pp. 204–219). Moscow: Nauka.
- Rozental', D. E. (2012). *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke*. Moscow: Airis-press.

Received on June 14, 2023

Я. А. ПЕНЬКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
amoena@inbox.ru

ИНХОАТИВНЫЙ ГЛАГОЛ *УЧАТИ* В СРЕДНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: ЛЕКСИКА ИЛИ ГРАММАТИКА?

В работе исследуются грамматическая сочетаемость и словообразовательный потенциал глаголов с корнем ЧН- в истории русского языка. Рассматриваются глаголы НАЧАТИ, ПОЧАТИ, ЗАЧАТИ, ВЧАТИ, ВСЧАТИ (ВОСЧАТИ), РАСЧАТИ и УЧАТИ. Материалом исследования служат данные древне- и старорусского подкорпусов Национального корпуса русского языка, исторических словарей и картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.», а также диалектных словарей. Показано, что глагол УЧАТИ в среднерусский период противопоставлен остальной группе глаголов с корнем ЧН- одновременно по нескольким параметрам. Во-первых, сочетаемость УЧАТИ ограничена только инфинитивной клаузой, во-вторых, от него в среднерусский период не образуются имперфектив и отглагольные имена существительные со значением ‘начало’. Рефлексив УЧАТИСЯ, в отличие от других рефлексивов с корнем ЧН-, употребляется крайне редко, не меняет таксономический класс субъекта и сочетается только с инфинитивной клаузой. Данные особенности не позволяют рассматривать глагол УЧАТИ в одном ряду с другими глаголами с корнем ЧН-. Если последние следует относить к лексическим средствам обозначения начинательности, то первый — к грамматическим. Сочетаемость и словообразовательный потенциал УЧАТЬ в русских диалектах изменяется незначительно, однако очевидно, что УЧАТЬ постепенно утрачивает свою служебную специфику и встраивается в систему других глаголов с корнем ЧН-.

Ключевые слова: начинательные (инхоативные, фазовые) глаголы с корнем ЧН-, сочетаемость, словообразование, история русского языка, русские диалекты.

Настоящая работа продолжает серию статей, посвященных глаголам инхоативной семантики в истории русского языка (см. [Пенькова 2019; 2022; 2023; Penkova 2021]). Под глаголами инхоативной семантики, начинательными, или фазовыми глаголами¹⁶⁰, мы будем иметь в виду только такие глаголы, у которых начинательность является тематическим, а не

¹⁶⁰ К фазовым относятся глаголы, которые обозначают одну из фаз ситуации (начало, продолжение, конец) [Падучева 2004]. В настоящей работе для удобства изложения начинательные глаголы мы будем также называть фазовыми по сложившейся в русистике традиции, понимая, что речь идет только о глаголах, маркирующих начальную фазу.

строевым компонентом в семантике [Падучева 2004: 180]. Согласно [Engerer 2014: 230], фазовые глаголы в некоторых языках могут образовывать регулярный класс и обладать рядом свойств вспомогательных глаголов. В центре нашего внимания будет находиться глагол *УЧАТИ* в сопоставлении с другими однокоренными начинательными глаголами *НАЧАТИ*, *ПОЧАТИ*, *ЗАЧАТИ*, *ВЧАТИ*¹⁶¹, *ВСЧАТИ* (*ВОСЧАТИ*)¹⁶², *РАСЧАТИ*, зафиксированными в истории русской письменности и содержащими общий и.-е. корень **ken-* (слав. **čę-/ *čьn-*) ‘рождаться, прорасти, начинаться’ [ЭССЯ 4: 109]. Мы попытаемся показать, что глагол *УЧАТИ* обладает особенностями, резко выделяющими его на фоне других глаголов с тем же корнем.

Глаголы *НАЧАТИ*, *ПОЧАТИ* и *УЧАТИ* привлекали внимание исследователей тем, что в соединении с инфинитивом несовершенного вида они функционировали в древне- и/или среднерусской письменности в качестве перифрастических форм с референцией к будущему [Потебня 1888; Křížková 1960; Мустафина 1984; Andersen 2006а; Юрьева 2009; Пенькова 2019; Пенькова, Крысько 2020; Grübsch 2022], ср. примеры (1)–(3). При этом глаголы *ЗАЧАТИ*, *ВЪЧАТИ* и *ВСЧАТИ*, которые не рассматриваются в ряду вспомогательных для образования перифрастических форм с референцией к будущему, также могли употребляться с инфинитивной клаузой, ср. примеры (4)–(6):

- (1) И сия вся предвидут [так!], так что поляки **начнут ясти** человеческия телеса, слышны будут великия бои, голод и поветрия (Пророчество из Кракова о гибели Польши (1558–1665))¹⁶³;
- (2) Аз же возрехъ и видехъ змия превелика и страшна зело. И рече ми: «Сей змий **почнетъ изъядати** человека и будетъ студъ великъ» (Повесть о видении во Владимире в 1611 году (1611));
- (3) Обаче же и разтерзанные стены, разрушенные столпы, ей, толико бесчисленных тысяч курганов зело по многих годех **сказывати учнут**, каков Олоферн воин прежде бысть (Иудифь (1672–1673));
- (4) И слѣпа его створиховѣ, на увѣрение прочимъ, егда не **въчнуть** вѣры **яти**. Сильв.сб., 138. XIV в. [СлРЯ XI–XVII, 3: 170];
- (5) А **взочну** яз, князь Юрьи, в ту землю вперед у князя у Василья **вступатися** или мои дети, за те грани и ямы, ино на мне, на князе

¹⁶¹ В данной статье принято среднерусское написание глаголов без реконструируемого редуцированного и носового в корне.

¹⁶² В среднерусской письменности встречаются также глаголы *СЧИНАТИ* и *СЧИНАТИСЯ*, которые представляют собой то же, что *ВСЧИНАТИ* и *ВСЧИНАТИСЯ* с утраченным начальным *В-*, форм типа *СЧАТИСЯ* не зафиксировано (см. [СлРЯ XI–XVII, 29: 116–117]).

¹⁶³ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) приводятся в орфографии и с датировкой, представленной в корпусе. В библиографии источники из НКРЯ не описываются. Примеры из [СлРЯ XI–XVII] и картотеки этого словаря приводятся в орфографии, принятой в данном издании. В библиографии указываются только источники, цитируемые на основе картотеки.

Юрье, сто рублей по сей мировой записи (Мировая полюбовная разъезжая кн. Юрия Федоровича Большого Сицкого и кн. Василия Андреевича Моложского (1543–1544));

- (6) И прежде даже **не зачнут постигися** к орве-баирану, тогда первое поста целую неделю тако чинят: кийждо паша... выезжает з двором своим в поле знаменитое... идеже кийждо повелевает шатры своя поставляти (А. Лызлов. Скифская история (1692)).

В письменности конструкции с инхоативами представлены в различные хронологические периоды и имеют разную частотность. Сопоставление частотности инфинитивных конструкций с глаголами НАЧАТИ, ПОЧАТИ и УЧАТИ продемонстрировано в работе [Пенькова 2019]. Приведем ниже информацию о частотности начинательных глаголов и хронологии их фиксации в памятниках древне- и среднерусского периодов. Статистика дана *вне* зависимости от того, употреблены ли они в конструкции с инфинитивом или в качестве полнозначительного глагола. В левых столбцах указано количество употреблений в конкретном подкорпусе, в правых это количество пересчитано исходя из употреблений на миллион словоформ.

Таблица 1

**Частотность начинательных глаголов
по данным древне- и старорусского корпусов**

Глагол	Частотность в древнерусском корпусе		Частотность в старорусском корпусе	
	количество	ipm	количество	ipm
НАЧАТИ	1018	1555	5412	632
ПОЧАТИ	285	435	1005	117
ВЧАТИ	0	–	5	0,6
ВСЧАТИ	0	–	18	2
РАСЧАТИ	0	–	0	–
ЗАЧАТИ	25	38	85	10
УЧАТИ	0	–	3093	361

Как видно из таблицы, самыми частотными начинательными глаголами в среднерусский период являются НАЧАТИ и УЧАТИ, тогда как глаголы ВЧАТИ и ВСЧАТИ представлены лишь единичными примерами. Глагола РАСЧАТИ вовсе нет в исторических корпусах и фиксируется он только в [СлРЯ XI–XVII, 22: 107] в единственном примере вне сочетания с инфинитивом. Глаголы НАЧАТИ, ПОЧАТИ, как и инфинитивные конструкции с ними, известны начиная с самых архаичных источников, в то время как глагол УЧАТИ встречается только с XV в. Глагол ЗАЧАТИ представлен в пись-

менности начиная с древнерусского периода, однако большого распространения не приобрел. Согласно исследованию Х. Кржижковой, в конструкции с инфинитивом ЗАЧАТИ отмечен не ранее XVII в. [Křížková 1960: 145], однако в НКРЯ обнаруживается употребление ЗАЧАТИ с инфинитивом в «Повести временных лет», ср.:

- (7) посем же володимиру живушю в законѣ кр(с)тъицьнѣ(м), и помысли создати каменую цркъвь стѣицъ бѣа, и, пославъ, приведе мастера ѿ грѣкъ, **заченшию здати**, яко сконча зижа, оукраси ю иконами (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (991)).

На материале древне- и раннесреднерусской письменности конструкции с НАЧАТИ и ПОЧАТИ подробно исследованы в работах И. С. Юрьевой [2020a; 2020б]. Различия между ПОЧАТИ и НАЧАТИ, согласно И. С. Юрьевой, пролегают прежде всего не в семантической, а в стилистической сфере: «приходится признать, что она (разница между *почати* и *начати*. — Я. П.) в большей степени стилистическая: в высокие жанры ПОЧАТИ (здесь и далее выделено мной. — Я. П.) не допускался вовсе; в нарративах этот глагол в той или иной степени считался допустимым, но нейтральным вариантом явно был его синоним НАЧАТИ. При этом положение ПОЧАТИ в формах перифрастического футурума было значительно прочнее, чем в формах перифрастического претерита, благодаря поддержке живого языка» [Юрьева 2020б: 379].

Ряд важных наблюдений относительно стилистических различий конструкций с НАЧАТИ, ПОЧАТИ и УЧАТИ в среднерусский период сделан в работе [Молдован 2010], где показано, что до XVI–XVII вв. глаголы НАЧАТИ и ПОЧАТИ маркированы по параметру книжности-некнижности: первый тяготеет к церковнославянской письменности, второй — к гибриднему и деловому регистрам. В более поздний период ПОЧАТИ с инфинитивом вытесняется из письменности другими конструкциями, поскольку начинает восприниматься как польско-рутенская черта [Там же: 12–14].

В памятниках XVI в. системы с инхоативами в презенсе и в прошедшем времени имели некоторые различия в области их стилистической противопоставленности: конструкции с ПОЧАТИ, будучи чрезвычайно редкими, не выполняли роль некнижных коррелятов конструкций с НАЧАТИ в подсистеме презенса, где роль некнижных соответствий НАЧАТИ играли конструкции с УЧАТИ или СТАТИ (см. [Пенькова 2021]).

В работе [Andersen 2006b] сосуществование нескольких однокоренных начинательных глаголов с разными приставками предлагается объяснять их принадлежностью различным диалектным зонам, но конкретных свидетельств в пользу такого распределения не приводится. Такие свидетельства, однако, представлены в монографии Х. Кржижковой. Согласно данному исследованию, в среднерусский период ПОЧНУ с инфинитивом тяготеет к употреблению в памятниках Северо-Запада, прежде всего новгородских, а конструкция УЧНУ + инфинитив возникает и распространяется по вели-

корусской территории из говоров Центра [Křížková 1960: 126–150], об этом см. также [Penkova 2021]. Эти данные подтверждаются материалами подкорпуса берестяных грамот, в которых из всех глаголов с корнем ЧН- обнаруживается только глагол ПОЧАТИ. Однако различия между конструкциями не ограничиваются лишь стилистикой и диалектно-территориальными особенностями. Хронологические различия говорят о том, что конструкции с УЧАТИ появляются не ранее XV в., конструкции с ЗАЧАТИ — не ранее XVII в., тогда как конструкции с ПОЧАТИ в XVII в. практически выходят из употребления.

В статье [Grübsch 2022] на материале Вестей-Курантов также анализируются различия между перифрастическими конструкциями с референцией к будущему. Исследователь отмечает, что инфинитивные конструкции с НАЧАТИ и ПОЧАТИ употребляются крайне редко, тогда как самой частотной перифрастической формой с корнем ЧН- в данном источнике является конструкция с УЧАТИ.

Материал и методы исследования

В настоящей работе предпринимается попытка выявить различия между ПОЧАТИ, НАЧАТИ, УЧАТИ и другими глаголами с корнем ЧН-, однако не в результате сопоставления конструкций с инфинитивом, а через сравнение непосредственно самих глаголов по ряду синтаксических и деривационных параметров.

Основными вопросами, требующими решения, являются вопросы о наличии у данных глаголов полнозначительных употреблений, дериватов несовершенного вида с фазовым значением и других дериватов (имен, возвратных глаголов), имеющих начинательное значение. Ниже мы постараемся показать, что УЧАТИ по всем названным параметрам резко отличается от других глаголов с корнем ЧН-.

Материалом исследования послужили данные НКРЯ (древнерусский подкорпус, старорусский подкорпус), картотеки Древнерусского словаря (КДРС), хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, и исторических словарей. В качестве дополнительного источника привлекаются также данные диалектных словарей, в том числе с использованием поисковой системы РД Гизаурус (о данном ресурсе см. [Лесников и др. 2019]).

Различия между глаголами с корнем ЧН-

Помимо различий в стилистике, частотности и хронологии, описанных выше, можно выделить еще несколько параметров, по которым ожидается выявление различий между глаголами с корнем ЧН- и их дериватами. К этим параметрам относятся синтаксическая сочетаемость, особенности

словообразовательной парадигмы и таксономический класс субъекта (сочетаемость с разными семантическими типами субъектов). В настоящей работе мы рассмотрим только два первых параметра. Вопросу о различиях в таксономическом классе субъекта при инхоативных глаголах посвящено отдельное исследование [Пенькова 2022].

Актантная структура

С точки зрения актантной структуры рассматриваемые глаголы распадаются на две группы: большинство глаголов с корнем ЧЬН- — НАЧАТИ, ПОЧАТИ, ВЧАТИ, ВСЧАТИ, РАСЧАТИ и ЗАЧАТИ — являются переходными, т. е. могут присоединять имя существительное, называющее прямой объект, ср.:

- (8) се **начнемъ повѣсть** сию (Повесть временных лет. Ипатьевский список);
- (9) не могли быша взати града сего. аще бы агрипа скончалъ **стѣны** акы **почаль** (История Иудейской войны Иосифа Флавия);
- (10) И нынѣ... съ нашей стороны подобаеъ **всчати войну** съ Жигимонтомъ. СГГД V, 63. 1514 г. [СлРЯ XI–XVII, 3: 160];
- (11) Кранъ мудрець пишет, саские **въчали войну** противъ гаскихъ. Козм., 129. 1670 г. [Там же: 170];
- (12) Да нынѣ у мастеровыхъ людей того жъ иконостаса въ дѣлѣ **росчато** царския **двери** съ сѣнью [Там же, 22: 107];
- (13) (1155): Тогда же Изяславъ нача понуживати **зачати рать** на Гюргя. Ипат.лет., 479. Ок. 1425 г. [Там же, 5: 337].

Глагол УЧАТИ в этом отношении резко отличается от приведенных выше, поскольку вовсе не имеет полнозначительных употреблений, т. е. формально не является переходным. Все употребления этого глагола, представленные в старорусском корпусе (3093 вхождения) и в картотеке ДРС (более трехсот карточек), ограничены исключительно инфинитивными конструкциями.

Примеры употребления УЧАТИ с прямым дополнением отсутствуют и в диалектных словарях, в которых также находим только контексты с инфинитивом:

- (14) Недолго той земле стоять, где **учнут** уставы **ломать** (Даль) [СРНГ 48: 321];
- (15) Как **учал** он **рассказывать** [Там же].

Что касается ВЧАТЬ, то в диалектных словарях он не зафиксирован (очевидно, в современных говорах утрачен), а глагол НАЧАТЬ представлен только как непереходный. Напротив, употребления ряда других глаголов с корнем ЧЬН- свидетельствуют о былой переходности этих глаголов:

ВСЧАТЬ и ПОЧАТЬ представлены в форме страдательных причастий *всчатый* [СРНГ 5: 222], *початый* [СРНГ 31: 13]. В последнем случае, по-видимому, имеет место контаминация форм от ПОЧАТИ и ПОЧИНАТИ. ЗАЧАТИ и РАСЧАТИ в говорах фиксируются с прямым дополнением в винительном падеже или в пассивной конструкции:

- (16) Денег нет, так **рубль зачем** (Арх.) [СРНГ 11: 178];
- (17) Все дело **расчато** (Иркут.); **расчали кадушку** капусты (Перм.) [СРНГ 34: 314].

Словообразовательная парадигма

Следующим параметром, по которому глагол УЧАТИ противопоставлен остальным глаголам с корнем ЧН, является словообразовательная парадигма. Рассмотрим различные типы дериватов глаголов НАЧАТИ, ПОЧАТИ, ЗАЧАТИ, ВЧАТИ, ВСЧАТИ, РАСЧАТИ и УЧАТИ.

Во-первых, отдельного внимания заслуживает возможность образования имперфектива от того или иного начинательного глагола. Для НАЧАТИ, ПОЧАТИ, ЗАЧАТИ, ВЧАТИ, ВСЧАТИ и РАСЧАТИ соответствующий имперфектив (НАЧИНАТИ, ПОЧИНАТИ, ЗАЧИНАТИ, ВЧИНАТИ, ВСЧИНАТИ, РАСЧИНАТИ) зафиксирован. Кроме того, все эти глаголы также способны присоединять как инфинитив, так и имя существительное в винительном падеже (при отрицании существительное стоит в родительном падеже), как и их корреляты совершенного вида:

- (18) И паки **начинають** господие великодръжавнии князи **молити** святого еже въсприати архиерейства санъ (Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского (1417–1418));
- (19) а загорѣлося от Оксентиа от Баибородѣ, какъ обѣдную **починають пѣти** (Псковская 2-я летопись (1400–1486));
- (20) «Да будет злоба си на **зачинающих рать**» (Рассказ о восстании в Новгороде в 1418 г. (1418–1441));
- (21) и впередъ на Московское государство **войны не вчинать** (Наказная речь царских послов <...> (1613));
- (22) и тѣмъ съ нами великимъ государемъ **ссоры и нелюбья не всчинать** (Царская грамота седмиградскому князю Георгию Ракочию <...> (1657));
- (23) Не собрався со всякими запасы, **росчинать** того стѣннаго писма не мочно. Заб. ик., 61. 1666 г. [СлРЯ XI–XVII, 22: 108];

Напротив, глагол УЧАТИ, по данным письменных памятников, в средне-русский период имперфектива не имеет. Соответствующих примеров не обнаруживается ни в картотеке ДРС, ни в старорусском корпусе, хотя в словнике корпуса глагол УЧИНАТИ ошибочно присутствует и иллюстрируется

единственным примером, в котором на самом деле представлен вовсе не глагол УЧИНАТИ, а пароним УЧИНЯТИ:

- (24) а которымъ указу учинить не мочно, и о тѣхъ статейные списки прислать въ новгородской приказъ, потомуужь безъ мотчанія, и чинить имь о томъ о всемъ въ правду, безо всякихъ прихотей и корыстей; а будетъ которые изъ воеводъ и приказныхъ людей того не **учинать** [вм.: учинять, т. е. 'сделают'], или впредь колодниковъ въ приказныхъ избахъ и въ тюрмахъ стануть держать, и на тѣхъ доправить пени по сту рублевъ на челоуѣкъ (Царская грамота кунгурскому воеводе Дмитрию Жукову <...> (1680)).

Посмотрим теперь, какие материалы по имперфективам содержат диалектные словари. Как было указано выше, в диалектных словарях глагол ВЧАТЬ не представлен, это же справедливо и для производных от ВЧАТИ. Форма ВЧИНАТЬ соотносится как имперфектив с глаголом ВЧИНИТЬСЯ 'вмешаться' [СРНГ 5: 242].

Глагол ВСЧАТИ тоже, судя по всему, утрачен в диалектах (выше было показано, что зафиксирована только форма страдательного причастия от этого глагола), производные от ВСЧАТИ также не представлены.

Имперфективы от глаголов ЗАЧАТЬ, ПОЧАТЬ и РАСЧАТЬ в диалектах отмечены:

- (25) **Зачинай** пирог-то, рушай (Арх.) [СРНГ 11: 178];
(26) **Починали** как песни реветь — не остановишь [СРНГ 31: 13];
(27) С чего **расчинать**? [СРНГ 34: 314].

В [СРНГ 48: 321] приводится словарная статья «УЧИНАТЬ, *несов.* и УЧАТЬ, *сов.*». Заголовочная лемма УЧИНАТЬ представлена, по всей видимости, по общей модели для всех глаголов с корнем ЧЬН-, которые в [СРНГ] разрабатываются именно в статье под формой несовершенного вида, тогда как форма совершенного вида только отсылает к соответствующей словарной статье. Однако в отличие от словарных статей для глаголов ЗАЧИНАТЬ и ПОЧИНАТЬ, в статье УЧИНАТЬ все примеры, приводимые для иллюстрации, содержат исключительно формы перфектива УЧАТЬ. Форма имперфектива УЧИНАТЬ обнаруживается лишь с помощью поисковой системы РД Гизаурус в псковских говорах и говорах казаков-некрасовцев, ср.:

- (28) Кагда мы правинимся, нас на яну сажали и **учинали** дапрос [ПОС 16: 458];
(29) Ты с палавини **учинаиш** [СГКН 2005: 300].

Такая форма (по крайней мере, в (28)) также может быть проинтерпретирована как результат смешения с глаголом УЧИНЯТИ (см. выше аналогичную контаминацию глаголов ВЧИНАТЬ и ВЧИНЯТЬ).

Далее рассмотрим возможность образования рефлексивов от соответствующих основ начинательных глаголов.

По данным НКРЯ и картотеки ДРС, все глаголы с корнем ЧЬН-, кроме образований с приставкой *рас-*, образуют возвратные глаголы: в письменности зафиксированы пары НАЧАТИСЯ — НАЧИНАТИСЯ, ПОЧАТИСЯ — ПОЧИНАТИСЯ, ВЧАТИСЯ — ВЧИНАТИСЯ (ВЧИНЯТИСЯ), ВСЧАТИСЯ — ВСЧИНАТИСЯ, ЗАЧАТИСЯ — ЗАЧИНАТИСЯ, а также глагол УЧАТИСЯ, не имеющий соответствующего возвратного имперфектива. Приведем несколько примеров:

- (30) **начнетса осмыи вѣкъ**, конча же сеи вѣкъ не имѣеть (Житие Андрея Юродивого, XII в.);
- (31) В лета 6928 **мор** бысть силен на люди, **почался** на усение святыя богородицы (Пискаревский летописец (1600–1650));
- (32) И потом большая **беда зачалася**. преставися князь Юрья Васильевич, брат царя Ивана Васильевича (Пискаревский летописец (1600–1650));
- (33) въ святыхъ церквахъ и въ монастырехъ паки **начинашеся пѣніе** и **служба** божественая [Никоновская летопись (1176–1362 гг.) (1526–1530)];
- (34) А впередь бы межъ насъ съ тобою, пріятелемъ нашимъ, въ томъ **недружба** и **непріязнь** не **всчиналася** (Царская грамота датскому королю Фредерику II <...> (1585));
- (35) Оттого де **войны вчались**. ДАИ XI, 162. 1684 г. [СлРЯ XI—XVII, 3: 170].

Как видим, во всех этих примерах возвратные глаголы с корнем ЧЬН-употреблены как полнозначительные, а добавление СЯ меняет категорию основного участника ситуации на событийное имя существительное.

Вопрос о возможности образования и особенностях возвратного глагола УЧАТИСЯ требует отдельного комментария. В картотеке ДРС несколько карточек отнесены к глаголу УЧАТИСЯ, однако представленные в них контексты не могут быть признаны надежными примерами, поскольку частица СЯ, примыкая к глаголу УЧАТИ, семантически относится не к нему, а к инфинитиву, и смены основного участника ситуации не происходит:

- (36) А хто рода нашего **учнутца вступати** [= учнуть ся вступати = учнуть вступатися] в ту отчину и ему судитися с нами. Влад. сб., 132. 1572 г.;
- (37) А что у васъ о томъ **учнетца дѣлатъ** [= учнетъ ся дѣлати = учнетъ дѣлатися], о томъ къ намъ... писали (бы) къ Москвѣ. Мск. Чрк. 426;
- (38) А хто приѣдетъ приѣзжей человекъ съ товаромъ на саняхъ, а товару у него будетъ болѣ дву рублевъ, а **учнетца ставити** [= учнетъ ся ставити = учнетъ ставитися] съ товаромъ во дворѣ у кого ни буди <...> Арх. Строева I, 328. 1551 г.

Единственный случай, в котором можно было бы заподозрить собственно глагол УЧАТИСЯ, это пример из Актов Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря:

- (39) А **учнетца** Козмѣ **смерть** кромѣ монастыря, и тѣ деньги 20 рублевъ взяти на томѣ, кому Козма свой животь прикажетъ. А. Уст. I, 54.

Однако и здесь мы не можем с полной уверенностью заключить, что перед нами именно *УЧАТИСЯ*, а не паронимическое смешение *УЧАТИ* и *УЧИНИТИ(СЯ)*. Несколько примеров в НКРЯ с опущенным *-и-* в корне *УЧИНИТИ(СЯ)*, а также другие контексты с *УЧИНИТИСЯ* и существительным *СМЕРТЬ* (ср. (40) с существительным *ГИБЕЛЬ*) свидетельствуют в пользу последнего, ср.:

- (40) А хто у них учнет пити сильно, а **учнитися** [вм.: учинится ‘случится’] у них туто какова **гибель**, и тому то платити вдвое без суда и без исправы (Жалованная грамота в. кн. Ивана Васильевича митрополиту Симону ⟨...⟩ (1504));
- (41) Оклад его за ним велено **учнити** [вм.: учинити ‘сделать’] сполна (Запись о пожаловании патриархом Иовом П. О. Серкова ⟨...⟩ (1598.12.28));
- (42) Того же лета ему, Ермогену, патриарху московскому и всеа Руси, на Москве от безбожных поляк и литвы теснотная **смерть учинилася** (Бельский летописец (1630–1635));
- (43) Аще ли же буду кого въ епитемью вложил, или невниманиемъ, или паки и благословною виною, а не будет поискал разрѣшенья, а в томъ забытъи **учинилася смерть**... всѣх имѣю о Святемъ Душѣ разрѣшенных (Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка (первая половина XV в.)).

К большинству примеров, которые предлагает НКРЯ для глагола *УЧАТИСЯ*, также следует относиться критически. Так, из 55 вхождений в старорусском подкорпусе в 44 случаях как *УЧАТИСЯ* ошибочно размечен глагол *УЧИТИСЯ* (приводятся данные на момент обращения к корпусу). Еще 8 случаев аналогичны контекстам из картотеки и связаны с инфинитивными конструкциями, в которых *СЯ* семантически относится к инфинитиву, но употреблено при глаголе *УЧАТИ*, см. (44)–(49):

- (44) И как будет тот старец на суземе, о полуволоке у реки у Тарнаги с тем образом, и **учалося** ему **слышати** [= учало ся слышати = учало слышатися] на том месте, аки петуги поют (Сказание о явлении Великорецкого образа св. Николая и чудеса от него (1600–1700));
- (45) А впередь толко Ленскіе волости и съ захребетныхъ татаръ и съ уфинскихъ пришлецовъ противъ челобитья ихъ ясакъ **учнетца собирать** [= учнетъ ся сбирати = учнетъ сбиратися] сполна, и во 139 году ясаку будетъ взяти по цѣнѣ на 354 рубли на 31 алтынъ на 4 денги (Об устройстве ямской гоньбы в Тюмени... (1630));
- (46) И будетъ на то будетъ милость Божья и ваша любовь къ намъ и хотѣнье наше своею любовью исполните, и кого похотите къ намъ изъ братьи своей, изъ арцы-Ягановыхъ дѣтей, отпустити и на

- каковѣ мѣрѣ **учнетца** у васъ дѣлати [= учнетъ ся дѣлати = учнетъ дѣлатися], и вамъ бы о томъ о всемъ вѣдомо намъ учинити вскорѣ съ тѣмъ же дворяниномъ вашимъ Герловдомъ амираломъ (Царская грамота к датскому королю Христиану IV <...> (1603));
- (47) Они же разгреявшись — О зло, за взявше добро! — **учалися** уже **двизати** [= учили ся двизати = учили двизатися] (Артаксерксово действо (1672));
- (48) Блиско сице **учнется избывати** [= учнетъ ся избывати = учнетъ избыватися], что прознамянование было оной (Там же);
- (49) И каковы у вас вести будут, и как **ся** у них **учнется** наше дело и земское **делати** [= учнетъ ся дѣлати = учнетъ дѣлатися], и воеводам во Псков и в Юрьев бояр и воевод без вести не держати (Наказная память воеводам кн. Михаилу Юрьевичу Лыкову и кн. Никите Ивановичу Кропоткину <...> (1570)).

Аналогичным образом может себя вести и фазовый глагол СТАТИ, ср.:

- (50) И мы сироты ваши **станемся сватат(ь)** [= станемъ ся сватати = станемъ свататися] на сторо[н]ѣ, и у нас просят выводу алтын по со року и бол(ь)ши (Челобитная крестьян д. Ивашкова (1670.03.13)).

В таких источниках, как Артаксерксово действо, препозицию СЯ по отношению к глаголу можно объяснить рутенским влиянием, довольно ярко проявляющим себя в текстах драматургии XVII в. Однако препозиция отмечена и в некнижной письменности. В монографии, посвященной энклитикам, А. А. Зализняк указывает, что «в некнижных памятниках коэффициент препозиции *са* плавно понижается от очень высоких значений в XI—XII вв. до нуля в XVII в.» [Зализняк 2008: 217]. Наши примеры с очевидностью показывают, что для XVII в. коэффициент препозиции СЯ остается несколько выше нуля.

Ошибку разметки приходится констатировать еще в двух случаях из НКРЯ: как глагол УЧАТИСЯ размечен, по-видимому, пароним УЧИНИТИСЯ с контаминированной формой *учинется* вместо *учинится*:

- (51) А что будет ему, Исидору, в том моем проданном дворе от ково **учинетца** [вм.: учинится ‘случится’] убытку моей неочискою, и те убытки взяти ему, Исидору, по сей купчей на мне, старице Елене (Купчая (с последующими записями 1670 и 1671 гг.) (1668));
- (52) а вы будеть, атаманы и казаки, надъ ними и надъ ихъ юрты промышлять не учнете и помочи не учините, и та война нашему Московскому государству и нашимъ украиннымъ городомъ и уездомъ разоренье **учинетца** [вм.: учинится ‘случится’] за Озовское взятъе отъ васъ, атамановъ и казаковъ (Царская грамота Донским казакам <...> (1637)).

В примерах (53) и (54) мы можем предполагать глагол УЧАТИСЯ в сочетании с инфинитивом, однако не исключено, что перед нами так называе-

мое двойное СЯ, дублирующееся в препозиции и в постпозиции по отношению к глаголу, к которому оно семантически относится (см. об этом [Там же: 189–191]):

- (53) Февраля в 3 день царь и великий князь со всем своим полком пошел за Двину реку к Егорью Великому для того, что **учалась** река **портиться** (Записная книга Полоцкого похода (1562–1563));
- (54) А которой тех исцов не **учнетца** перед Андреем **тягаться** или перед его тиуном, и яз им того велел обвинити и грамоту на него правую дати (Жалованная кормленная грамота в. кн. Василия Васильевича Андрею Васильевичу Толстому (...)) (1445–1446)).

Только в одном вхождении из НКРЯ можно надежно говорить о глаголе УЧАТИСЯ, причем также только в конструкции с инфинитивом:

- (55) А отчего де та драка **учалась бытъ**, и про тое де драку вѣдають села жь Тихоновского крестьяне (Дело о причинении во время драки увечья, имевшего последствием своим смерть изувеченного (1697)).

Таким образом, в отличие от аналогичных образований с корнем ЧН- и другими приставками, возвратный глагол УЧАТИСЯ является чрезвычайно редким в письменности, не имеет полнознаменательных употреблений, используется только в качестве матричного предиката в конструкции с инфинитивом, не меняя при этом таксономический класс основного участника. Такой возвратный глагол, по-видимому, возникает по аналогии с НАЧАТИСЯ, ПОЧАТИСЯ и ЗАЧАТИСЯ в служебной функции, также возможными в конструкциях с инфинитивом в употреблении, аналогичном вспомогательным НАЧАТИ, ЗАЧАТИ и ПОЧАТИ, ср.:

- (56) В ночь Святыя Пасхи в пятом часу **начался бытъ** в Магилеве у благочестивых греческих церквей благовест к заутрене (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699));
- (57) А то обручение моря у венетов **началось чиниться** из древних лет по благословению Александра Третьяго, папы римскаго (Там же);
- (58) Много есть бывало в Казани сѣчей и боевъ великих, а такова сѣча и бои не бысть никогда же, от когда и **почася быти** царство Казанское (Казанская история (1564–1565));
- (59) Того же году августа в 22 день бысть на Москве пожар зело велик, **зачалось гореть** в Китае от Москворецких ворот на дворе верхового иерея Стефана (Летописец 1619–1691 гг. (1692)).

Рассмотрим данные словарей русских диалектов. Согласно [СРНГ], в русских говорах глаголы ВСЧАТЬСЯ и ВСЧИНАТЬСЯ отсутствуют (см. выше об отсутствии ВСЧАТЬ). У глагола ВЧИНАТЬСЯ произошла контаминация с глаголом ВЧИНИТЬСЯ [СРНГ 5: 242].

В [СРНГ 11: 178] приведены обе заголовочные формы: ЗАЧАТЬСЯ и ЗАЧИНАТЬСЯ, однако форма имперфектива соответствующим примером не

проиллюстрирована, цитата приведена только для ЗАЧАТЬСЯ. Для глаголов ПОЧАТЬСЯ, ПОЧИНАТЬСЯ и РАСЧИНАТЬСЯ примеры имеются:

- (60) Как **зачнут**ся тараканы... [СРНГ 11: 178];
- (61) Жизнь **почалась** тяжелая [СРНГ 31: 13];
- (62) Теперь нать корм запасать, не **починалась** [Там же];
- (63) Уж и рассвет **расчинается** (Дон.) [СРНГ 34: 315].

Глагол УЧАТЬСЯ также зафиксирован диалектными словарями, однако имперфектив УЧИНАТЬСЯ не отмечен. Единственный пример с УЧАТЬСЯ зафиксирован в говорах республики Мордовия:

- (64) Скоро у ребят каникулы **учнут**ся (Морд.) [СРНГ 48: 314].

Последним параметром, по которому мы сопоставим словообразовательные парадигмы рассматриваемых инфинитивов, будет наличие или отсутствие отглагольного имени существительного с фазовым значением.

Принципиальным отличием УЧАТИ от других начинательных глаголов с корнем ЧЬН- является полное отсутствие отглагольных имен существительных в качестве дериватов. От всех остальных глаголов, даже от редких и малочастотных, такие имена существительные образуются, а различия заключаются лишь в количестве таких дериватов и в словообразовательных моделях:

от глаголов НАЧАТИ и НАЧИНАТИ — НАЧАЛО, НАЧАТИЕ, НАЧАТОКЪ, НАЧИНАНИЕ [СлРЯ XI–XVII, 10: 303–317];

от глаголов ПОЧАТИ и ПОЧИНАТИ — ПОЧАТИЕ, ПОЧАТОКЪ, ПОЧИНАНИЕ, ПОЧИНЬ [СлРЯ XI–XVII, 18: 65–733], ПОЧИНЬКЪ [СДРЯ 7: 399];

от глаголов ЗАЧАТИ и ЗАЧИНАТИ — ЗАЧАЛО, ЗАЧАТИЕ, ЗАЧАТОКЪ, ЗАЧИНАНИЕ [СлРЯ XI–XVII, 5: 336–338], ЗАЧИНЬ [СОРЯМР 7: 224];

от глаголов ВЧАТИ и ВЧИНАТИ — только существительное ВЧАЛО [СлРЯ XI–XVII, 3: 170];

от глаголов ВСЧАТИ и ВСЧИНАТИ — только существительное ВСЧИНЬ [Там же: 160];

от глаголов РАСЧАТИ и РАСЧИНАТИ — РАСЧАТИЕ и РАСЧИНКА [Там же, 22: 107–109].

Напротив, от глагола УЧАТИ в среднерусский период, по данным картотеки ДРС, старорусского подкорпуса и исторических словарей, никакие отглагольные имена существительные не зафиксированы. В картотеке ДРС удалось найти лишь имя существительное УЧИНОКЪ, которое связано не с корнем ЧЬН-, а с корнем ЧИН- и является в русском языке полонизмом, восходящим к польск. *uczynek* ‘деяние, поступок’:

- (65) Лутче мнѣ умрети, неже бы такой **учинокъ** учинила. Рим.д., 5. XVIII в. ~ 1688 г.

Обратимся теперь к данным диалектных словарей. Отглагольные существительные от ВЧАТЬ и ВСЧАТЬ в диалектных словарях отсутствуют, по-

сколькx сами глаголы вышли из употребления. Напротив, отглагольные существительные от ЗАЧАТЬ и ПОЧАТЬ широко представлены:

от глаголов ЗАЧАТЬ и ЗАЧИНАТЬ — ЗАЧАЛО, ЗАЧАТИЕ, ЗАЧАТОК, ЗАЧИН, ЗАЧИНЫЕ ‘начало’ [СРНГ 11: 171–178];

от глаголов ПОЧАТЬ и ПОЧИНАТЬ — ПОЧАТИЕ, ПОЧАТОК [СРНГ 30, 373–374], ПОЧИН, ПОЧИНОК ‘начало’ [СРНГ 31: 12–14].

От глагола РАСЧАТЬ в говорах зафиксировано имя существительное РАСЧИН ‘начало’, существительные РАСЧИНКА и РАСЧИНА ‘закваска для теста’, очевидно, имеют значение, производное от исконного значения ‘начало’.

Для глагола УЧАТЬ отглагольных имен существительных в значении ‘начало’ в СРНГ не зафиксировано.

Обобщим описанные выше различия между фазовыми глаголами в виде таблицы (см. таблицу 2).

Некоторые выводы

Как видно из Таблицы 2 и предложенного выше анализа, все глаголы с корнем ЧЬН-, кроме УЧАТИ, ведут себя примерно одинаково: они могут употребляться и как полнозначительные глаголы с дополнением, выраженным событийным именем существительным, и как вспомогательные глаголы с инфинитивом; от них образуются имперфективы и рефлексивы с такими же семантическими и сочетаемостными свойствами, т. е. глаголы НАЧАТИ—НАЧИНАТИ, ПОЧАТИ—ПОЧИНАТИ, ЗАЧАТИ—ЗАЧИНАТИ, ВЧАТИ—ВЧИНАТИ, ВСЧАТИ—ВСЧИНАТИ, РАСЧАТИ—РАСЧИНАТИ, и соответствующие возвратные образования составляют видовые пары. Кроме того, от них могут образовываться отглагольные имена существительные с фазовым (начинательным) значением. При глаголе РАСЧАТИ ряд позиций в таблице отмечен минусами, так как этот глагол чрезвычайно редок в письменности¹⁶⁴. Несмотря на это, даже от данного глагола в источниках представлены имперфектив и отглагольные существительные. Все эти глаголы вместе с разветвленной словообразовательной парадигмой — *лексические* средства обозначения начинательности.

Глагол УЧАТИ хотя и является однокоренным с перечисленными выше, почти по всем параметрам противопоставлен первым и, безусловно, не должен быть поставлен с ними в одном ряду, поскольку не обладает полнозначительными употреблениями и имеет чрезвычайно низкий словообразовательный потенциал. Различия между большинством глаголов с корнем -ЧА-/-ЧЬН-, с одной стороны, и глаголом УЧАТИ — с другой, неза-

¹⁶⁴ Конструкции с инфинитивом и рефлексивы не зафиксированы только у глаголов РАСЧАТИ и РАСЧИНАТИ, представляющих собой *hарах legomena* в среднерусской письменности.

метные при сопоставлении исключительно инфинитивных сочетаний с данными глаголами (об их семантической близости в инфинитивных сочетаниях см. [Шевелева 2023]), проступают со всей очевидностью при сравнении их грамматической сочетаемости и словообразовательного потенциала. В среднерусский период от глагола УЧАТИ образуется только возвратный глагол, представленный в письменности единичными случаями и наследующий синтаксические свойства производящего глагола, т. е. возможность сочетаться только с инфинитивами. При этом присоединение СЯ не влечет за собой смены таксономического класса субъекта на событийное имя, как это происходит у всех других рефлексивов с корнем ЧЬН-. Согласно [Haspelmath 2000], ограничение грамматической сочетаемости является одним из критериев выделения аналитических (перифрастических) форм. Таким образом, глагол УЧАТИ, в отличие от других глаголов с корнем ЧЬН-, в среднерусский период не является лексическим средством обозначения начинательности и должен быть признан аналитической морфемой, присоединяемой к инфинитиву несовершенного вида и несущей значение начинательности (фазовости или даже шире — перфективности).

Показательными примерами, еще раз доказывающими особый — грамматический, а не лексический — статус УЧАТИ в кругу глаголов с корнем ЧЬН-, служат контексты, в которых глагол УЧАТИ как вспомогательный присоединяется к инфинитиву другого фазового глагола с корнем ЧЬН-, ср.:

- (66) Который изъ насъ то дѣло **вчинать учнетъ**, и тому вчиннику прежь положить... десять рублевъ. А. Черд., 148. 1695 г. [СлРЯ XI—XVII, 3: 172];
- (67) А въ государевѣ указѣ 146 году написано: которые мимо государева указу и уложенья **учнутъ** собою **вчинать** бить челомъ о мѣстѣхъ, и у тѣхъ велѣно помѣсья и вотчины имать и ссылатъ въ Сибирь (Записная книга Московского стола 7155 года (1646, сентябрь — 1647, август) (1646.09.01–1647.08.31)).

Эти примеры ставят под вопрос наличие начинательного значения у УЧАТИ, аналогичного значению других глаголов с корнем ЧЬН-.

Скудные свидетельства из говоривших о возможности образования от УЧАТЬ имперфектива УЧИНАТЬ, а также возможности сочетаться не только с инфинитивом, но и с событийным именем существительным, по-видимому, следует рассматривать как результат дальнейшей эволюции этого глагола, постепенной утраты его особого служебного статуса и сближения с другими однокоренными глаголами, постепенного встраивания в их систему.

Источники

Азб. — Азбуковник (Алфавит или «Толкование иностранных речей иже обретаются во святых книгах, не преложены на русский язык»). Рукоп. ГИМ, Син. 353. 1654 г.

- Арх. Строева — Архив П. М. Строева. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. 32. Пг., 1915.
- А. Уст. — В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. I. Великий Устюг, 1912.
- А. Черд. — Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 25. 1857. С. 113–154.
- Влад. сб. — Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К. Н. Тихонравов. М., 1857.
- ДАИ XI — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией Т. XI. СПб., 1869.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. 2-е изд. // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.
- Мск. Чрк. — Записная книга Московского стола 7187–7188 гг. (ноябрь 1678 — сент. 1679 гг.) // Русская историческая библиотека. Т. 11. СПб., 1899. С. 329–526.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 24.06.2022).
- Рим. д. — Римские деяния (Gesta Romanorum). Вып. 1–2. СПб., 1877–1878.

С л о в а р и

- ПОС 16 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 16 (косулька—лерка). СПб., 2004.
- СГКН — О. К. Сердюкова. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 2005.
- СДРЯ 7 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 7 (поклепань — пращоурь) / Гл. ред. В. Б. Крысько. М., 2004.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М., 1992–2019. М., 1997.
- СОРЯМР 7 — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 7 (Зажать—Зельный) / Гл. ред. Е. В. Генералова. СПб., 2016.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 1–50. СПб., 1965–2018.
- ЭССЯ 4 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский фонд. Вып. 4. (*šaběniti — *děl'a) / О. Н. Трубачев (ред.). М., 1977.

Л и т е р а т у р а

- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Лесников и др. 2019 — С. В. Лесников, С. А. Мызников, М. Д. Королькова. Русский диалектный гизаурус: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2019. С. 425–497.
- Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 19 (1). С. 5–17.
- Мустафина 1984 — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет. Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.

Пенькова 2019 — Я. А. Пенькова. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // *Slavistična revija*. Vol. 67. 2019. № 4. С. 569–586.

Пенькова 2021 — Я. А. Пенькова. Конструкции с инхоативами в среднерусской письменности и их распределение в регистрах письменного языка // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.). Труды и материалы: В 2 т. Т. 1 / Р. Р. Замалетдинов, Е. А. Горобец, Э. А. Исламова (ред.). Казань: Изд-во Казанского университета, 2021. С. 217–224.

Пенькова 2022 — Я. А. Пенькова. Семантика начала: корпусное исследование глаголов начинательной семантики в истории русского языка // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Языкознание*. Т. 21. 2022. № 6. С. 57–75.

Пенькова 2023 — Я. А. Пенькова. Начинательные глаголы в конструкциях с инфинитивом в русской письменности XVI–XVII вв.: в поисках различий // *Вестник СПбГУ. Серия «Язык и литература»*. Т. 20. 2023. № 4 (в печати).

Пенькова, Крысько 2020 — Я. А. Пенькова, В. Б. Крысько. Будущее время // *Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь* / В. Б. Крысько (ред.). М.: Азбуковник, 2020. С. 21–30.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Харьков, 1888.

Шевелева 2023 — М. Н. Шевелева. Семантика начинательности глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* в истории русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего времени // *Русский язык в научном освещении*. 2023. № 1. С. 66–95.

Юрьева 2009 — И. С. Юрьева. Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Юрьева 2020a — И. С. Юрьева. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати* // *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса* / А. А. Пичхадзе (ред.). СПб.: Нестор-История, 2020. С. 296–344.

Юрьева 2020б — И. С. Юрьева. Есть ли разница между *начати* и *почати* в перифрастических конструкциях? // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2020. № 1. С. 373–390.

Andersen 2006a — H. Andersen. Future and Future Perfect in the Old Novgorod Dialect // *Russian Linguistics*. Vol. 30. № 1. 2006. P. 71–80.

Andersen 2006b — H. Andersen. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // *Change in verbal systems. Issues in explanation* / K. Eksell, T. Vinther (eds.). Bern: Peter Lang, 2006. P. 9–45.

Engerer 2014 — V. Engerer. Phases in verbal semantics // *Events, Arguments, and Aspects: Topics in the Semantics of Verbs* [Studies in Language Companion Series 152] / K. Robering (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 227–260.

Grübsch 2022 — M. Grübsch. Periphrasen mit Futurreferenz in den Vestikuranty // *Русский язык в научном освещении*. 2022. № 1. С. 217–243.

Haspelmath 2000 — M. Haspelmath. Periphrasis. // *Morphology: A handbook on inflection and word formation* / G. Booij, C. Lehmann, & J. Mugdan (eds.). Berlin: de Gruyter, 2000. P. 654–664.

Křížková 1960 — H. Křížková. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.

Penkova 2021 — Y. Penkova. Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts // Scando-Slavica. Vol. 67. 2021. Issue 1. P. 43–64.

Статья получена 25.04.2023

Yana A. Pen'kova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
amoena@inbox.ru

INCHOATIVE VERB *UČATI* IN MIDDLE RUSSIAN WRITING: LEXIS OR GRAMMAR?

The article examines grammatical combinability and derivational potential of the verbs with the root *čĭn-* in the history of the Russian language. The study considers the verbs *načati*, *počati*, *začati*, *včati*, *vsčati* (*vosčati*), *rasčati* and *učati*. The data for the study was collected from the Old and Middle Russian Corpora of the Russian National Corpus, historical dictionaries and card index of the Dictionary of the Russian Language (11th–17th centuries), as well as Russian dialect dictionaries. The research shows that in the Middle Russian period, the verb *učati* differed from the rest of the verbs with the root *čĭn-* in a number of features. Firstly, the combinability of *učati* is limited to the infinitive clause. Secondly, in the Middle Russian period, imperfective verbs and verbal nouns with the meaning ‘beginning’ could not be derived from it. Finally, the reflexive verb *učati*, unlike other reflexives with the root *čĭn*, occurred rarely, it did not change the taxonomic class of the subject and was combinable only with an infinitive clause. These features do not allow us to consider the verb *učati* in the same way as the other verbs with the root *čĭn-*. While the latter should be regarded as lexical means of inchoativity, the former – as a grammatical one. The combinability and derivational potential of *učat*’ in Russian dialects have not changed much over time, but it is obvious that this verb is gradually losing its functional specificity and is integrating into the system of other verbs with the root *čĭn-*.

Keywords: inchoative (phase) verbs with the root *čĭn-*, combinability, derivation, history of Russian language, Russian dialects.

References

- Andersen, H. (2006a). Future and Future Perfect in the Old Novgorod Dialect. *Russian Linguistics*, 30(1), 71–80.
- Andersen, H. (2006b). Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence. In K. Eksell, & T. Vinther (Eds.), *Change in verbal systems. Issues in explanation* (pp. 9–45). Bern: Peter Lang.
- Engerer, V. (2014). Phases in verbal semantics. In K. Robering (Ed.), *Events, Arguments, and Aspects: Topics in the Semantics of Verbs* (pp. 227–260). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Grübsch, M. (2022). Periphrasen mit Futurreferenz in den Vesti-Kuranty. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 217–243.

Haspelmath, M. (2000). Periphrasis. In G. Booij, C. Lehmann, & J. Mugdan (Eds.), *Morphology: A handbook on inflection and word formation* (pp. 654–664). Berlin: Mouton de Gruyter.

Iur'eva, I. S. (2020a). Infinitivnye konstruksii s glagolom *nachati*. In A. A. Pichkhadze (Ed.), *Ocherki drevnerusskogo i staroruskogo sintaksisa* (pp. 296–344). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Iur'eva, I. S. (2020b). Est' li raznitsa mezhdu *nachati* i *pochati* v perifrasticheskikh konstruksiiakh? *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 1, 373–390.

Křížková, H. (1960). *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*. Prague: Státní pedagogické nakladatelství.

Lesnikov, S. V., Myznikov, S. A., & Korol'kova, M. D. (2019). Russkii dialektnyi gizaurus: osnovnye istochniki. In S. A. Myznikov (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia)* (pp. 425–497). St Petersburg: ILI RAN.

Moldovan, A. M. (2010). K istorii fazovogo glagola *stat'* v ruskom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 19(1), 5–17.

Mustafina, E. K. (1984). *Sposoby vyrazheniia znachenii budushchego vremeni v tekste Povesti vremennykh let* (Doctoral dissertation). V. I. Lenin Tajik State University, Dushanbe.

Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Penkova, Y. (2021). Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts. *Scando-Slavica*, 67(1), 43–64.

Pen'kova, Ya. A. (2019). *Imu, uch'nu, stanu, budu*: korpusnoe issledovanie perifrasy budushchego vremeni v srednerusskoi pis'mennosti. *Slavistična revija*, 67(4), 569–586.

Pen'kova, Ya. A. (2021). Konstruksii s inkhoativami v srednerusskoi pis'mennosti i ikh raspredelenie v registrakh pis'mennogo iazyka. In R. R. Zamaletdinov, E. A. Gorobets, E. A. Islamova (Eds.), *I. A. Boduen de Kurtene i mirovaia lingvistika. Mezhdunarodnaia konferentsiia: VIII Boduenovskie chteniia (Kazan. feder. un-t, 17–20 noiab. 2021 g.). Trudy i materialy* (pp. 217–224). Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta.

Pen'kova, Ya. A. (2022). Semantika nachala: korpusnoe issledovanie glagolov nachinatel'noi semantiki v istorii russkogo iazyka. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Iazykoznanie*, 21(6), 57–75.

Pen'kova, Ya. A., & Krys'ko, V. B. (2020). Budushchee vremia. In V. B. Krys'ko (Ed.), *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Entsiklopedicheskii slovar'* (pp. 21–30). Moscow: Azbukovnik.

Sheveleva, M. N. (2023). Semantika nachinatel'nosti glagolov s kornem *-cha-/-ch'n-* v istorii russkogo iazyka i problema grammatikalizatsii slozhnogo budushchego vremeni. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 66–95.

Yur'eva, I. S. (2009). *Semantika glagolov imeti, khoteti, nachati (pochati) v sochetaniakh s infinitivom v iazyke drevnerusskikh pamiatnikov XII–XV vv.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Zalizniak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Received on April 25, 2023

А. А. ПИЧХАДЗЕ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВЫБОРА ИЖЕ КЪТО В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье прослеживается история составного относительного местоимения *иже кѣто* ‘всякий, кто’, которое не описано в исторических грамматиках русского языка. Этимологически и структурно оно тождественно др.-греч. ὅς τις (ὅστις) ‘всякий, кто’, вед. *yád cit* ‘что бы ни’ и др. < и.-е. *(H)yós k^wis ‘всякий, кто’. Продолжения и.-е. *(H)yós k^wis в индоевропейских языках употреблялись в генерических и хабитуальных контекстах. В средневековых славянских текстах *иже кѣто* встречается редко. В старославянских и древнеболгарских памятниках оно появляется как эквивалент греч. ὅστις. Ценность восточнославянских свидетельств состоит в том, что почти все они содержатся в оригинальных текстах и не подвержены влиянию иноязычных моделей. В древнерусский период *иже кѣто* употребляется не в самых книжных текстах. В старорусский период, когда *иже* становится сугубо книжным словом, местоимение *иже кѣто* тоже начинает восприниматься как церковнославянизм. В Новое время *иже* полностью вытесняется в сферу церковнославянского языка и *иже кѣто* выходит из употребления.

Ключевые слова: семантика произвольного выбора, относительные местоимения.

В древности в славянских языках значение произвольного выбора выражалось разными способами. Существовал синтаксический способ — причастная конструкция, которая вводилась неопределенным местоимением или наречием, формально совпадающим с вопросительным местоимением (**кѣто, кѣде** и т. п.), реже — местоимением **иже** [Пичхадзе 2020: 258–270]. Причастная конструкция была факультативной: она употреблялась наряду с обычными финитными предикациями, а значение произвольного выбора у относительного местоимения устанавливалось на основании контекста (ср. [Rekelis 2023: 38]). В то же время изредка использовалось специализированное составное местоимение произвольного выбора **иже кѣто** ‘любой, кто’. Оно состояло из относительного местоимения **иже** и неопределенного местоимения без выраженного признака неопределенности **кѣто** — того же самого, которое использовалось и в причастной конструкции.

Местоимения идентичной структуры и семантики функционировали в древних индоевропейских языках. Они этимологически тождественны

славянскому **И-ЖЕ КЪ-ТО**, состоящему из местоимений, восходящих соответственно к и.-е. **(H)uó-* и **k^wo-* [Pokorný 644–648]. Наиболее точным аналогом славянского составного местоимения является древнегреческое *ὅς τις* (*ὄστις*) < и.-е. **(H)uós k^wis* ‘любой, кто’, которое употреблялось в генерических и хабитуальных контекстах [Sturtevant 1930: 149; Villalobos 2019: 83]:

Илиада 2, 188 *ὄν τινα μὲν βασιλῆα καὶ ἔξοχον ἄνδρα κίχρειν, / τὸν δ’ ἀγανοῖς ἐπέεσσιν ἐρητύσσασκε παραστάς* ‘**Какого бы** царя или видного мужа он **ни** встретил, он подходил к нему, удерживая мягкими словами’ [Villalobos 2019: 84];

Одиссея 15, 359 *ὡς μὴ θάνοι ὅς τις ἐμοί γε ἐνθάδε ναιετῶν φίλος εἶη καὶ φίλα ἔρδοι* ‘так пусть не умрет **кто бы то ни было** из живущих здесь, кто мне друг и поступает по-дружески’ [Ibid.: 86].

В древних текстах склоняются обе части местоимения (как в примере из Илиады), но в эллинистическую эпоху и в Новом Завете оно перестает употребляться в косвенных падежах [Blass 1896: 35, 169].

Индоиранскими продолжениями и.-е. **(H)uó- k^wi-* являются вед. *yád cit* ‘что бы ни’, позднеавест. *yačit* ‘то же’, древнеперс. *yaci* ‘то же’ — зафиксирована только форма среднего рода единственного числа [Sturtevant 1930: 149; Villalobos 2019: 136–137]. Значение произвольного выбора в индоиранском еще хорошо представлено:

Ригведа 4, 12, 4 *yát cit dhí te puruṣatrā yaviṣṭha ácittibhiḥ cakrṃá kát cit ágaḥ* ‘**Что бы** мы **ни** причинили тебе, о самый юный, как это свойственно людям, по неразумию, какую бы то ни было обиду...’;

Ясна 10, 17 *vīspe haoma upastaomi / yačit baršnušua gairinam / yačit jaḥnušua raonam* ‘Я славлю любое хаома, **будь то** на вершинах гор, **будь то** на берегах рек...’;

Надпись b в гробнице Дария I § 3, 13, D *yaci=maḥ pṛtanayā bavati* ‘**Всё, что** борется со мной’ [Villalobos 2019: 137].

Ограниченное в своем употреблении формой среднего рода единственного числа, это местоимение превращается в индоиранских языках в союз с временным, условным или уступительным значением ‘когда (бы ни), если, даже если’ [Ibid.: 136–138].

В то время как и.-е. **(H)uó-* обычно относилось к определенному антецеденту, **k^wi-* имело неопределенную референцию и употреблялось в генерических контекстах [Sturtevant 1930: 148–149]. Это распределение сохранялось и в некоторых славянских языках — например в древнечешском и, возможно, древнерусском, хотя ситуация в древнерусском затемнена сильным влиянием церковнославянского языка, где **ИЖЕ** < и.-е. **(H)uó-* может иметь как определенную и конкретную, так и неопределенную и обобщен-

ную референцию [Бауэр 1967: 49–54]. Придаточные определительные предложения, вводимые и.-е. местоимением $*k^w i-$ (< $*k^w ei-$), как правило, находились в препозиции к матричной предикации [Sturtevant 1930: 148]. Славянское составное местоимение **иже кѣто** наследует оба свойства и.-е. $*k^w i-$, хотя и в разной мере: оно функционирует с обобщенной референцией в генерических контекстах и часто присоединяет определительные придаточные, предшествующие главному предложению. Образованное на базе относительного местоимения **иже**, составное местоимение выполняло относительную функцию, а благодаря неопределенному местоимению **кѣто** развивало значение произвольного выбора, близкое к значению универсального классификатора: ‘любой’ ~ ‘всякий’ [Haspelmath 1997: 48–49]. Оно употреблялось в ситуациях, типичных для местоимений произвольного выбора, — в генерических контекстах [Ibid.: 50–51].

Едва ли составное местоимение могло функционировать в качестве неопределенного местоимения. Лишь в одном примере допустимо усматривать такое употребление — он зафиксирован в древнерусском переводе с греческого «Жития Василия Нового», выполненном в XI в.: **егда кто ѿ оубогахъ еже что ѡ него испроситъ. авне грызетса по вьбчаю**, ὁπόταν τις τῶν πενήτων τὸ οἴονεἰ ἐξαίτησται ‘когда кто-нибудь из нищих попросит у него что-нибудь, сразу огрызается, по своему обыкновению’ 61a19–22 [Пентковская 2018: 363]. Однако и для этого контекста вполне вероятно значение ‘что бы то ни было’, на которое указывает греч. οἴονεἰ.

В древнеболгарских памятниках **иже кѣто** употреблялось для передачи греческого ὅστις (в Супрасльской рукописи местоимение один раз зафиксировано в тексте, греческий оригинал которого неизвестен) [Славова 2005: 68]. Несколько раз оно отмечено в древнечешском переводе с латыни Бесед папы Григория Великого, причем не только в форме мужского рода, но и в среднем роде **иже чѣто** (во множественном числе **иже чѣто**) в соответствии с лат. *quicumque, qui, quisquis* [ССЯ I: 714].

В древнерусских памятниках местоимение **иже кѣто** встречается редко¹. Однако ценность восточнославянских свидетельств состоит в том, что почти все они содержатся в оригинальных текстах и не подвержены влиянию иноязычных моделей.

¹ Едва ли местоимение **иже кѣто** употреблено в Поучении Владимира Мономаха: **и блг(ѣ)вно и хвало имѧ твое в вѣкы по всен земли иже кто не похвалитъ ни прославляетъ силы твоеѧ и твои(х) велики(х) чюдѣ(ѣ) и добротъ. оустроены(х) на семь свѣтъ 79в31** [ПСРЛ I: 244] — контекст содержит риторический вопрос, а не придаточное определительное. А. М. Молдован указал на то, что фраза Мономаха перефразирует пассаж из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона: **тѣмже кѣто не прославитъ. кѣ не похвалитъ. кѣ не поклонитса величествѧ славы его. и кѣто не подивитса вѣс(ѣ)сьномуу члколюбию его** Син-591, л. 176a5–9 [Молдован 1984: 84]. Очевидно, **иже кто** возникло в результате порчи из **тѣмже кѣто**.

Возможно, наиболее ранней надежной фиксацией местоимения **ИЖЕ КЪТО** в восточнославянской книжности нужно признать его употребление в Пространной редакции канонического памятника «Предсловие покаянию»², который возник в домонгольскую эпоху. Пространная редакция представляет собой переработку первоначального текста [Баранкова 2018: 35], выполненную не позже XIV в. В Пространной редакции читается: **книгамъ бо оучитса другъ оу друга · а разумъ бгъ дае емоуже хоцетъ · томъ ИЖЕ КТО съхранитъ заповѣди его** ‘ведь книгам учатся друг у друга, а разум Бог дает, кому хочет: тому, кто сохранит его заповеди’ 22618. В Краткой редакции «Предсловия», которая содержит первоначальный текст, фразы с интересующим нас местоимением нет, ср. [Там же: 41].

Еще одна фиксация обнаруживается в «Слове псевдо-Иоанна Златоуста о лживых учителях» XIII–XIV вв., сохранившемся в том же списке Соф. 1285, XV в., что и Пространная редакция «Предсловия покаянию»: **аще ли кто и стъ естъ · а по такомуу поутти не потечеть · емоуже начало пре(д)-словье покаянию · ѿметса ѿ него стость · и дастса томуу ИЖЕ КТО по томуу поутти потечеть · въспримъ оученье пре(д)словье покаяню не слышаньемъ токмо · нъ дѣломъ и твореньемъ** ‘Если даже кто-то свят, а не пойдет по этому пути, начало которому — «Предсловие покаянию», будет отнята у него святость и отдана тому, кто пойдет по этому пути, приняв учение «Предсловия покаянию» не слухом только, но делом и поступками’ 28628. «Слово псевдо-Иоанна Златоуста о лживых учителях» представляет собой древнерусскую переработку «Слова о лжепророках и лжеучителях, и об еретиках, и о знамениях кончины века сего» псевдо-Златоуста, составленную в к. XIII — нач. XIV в. и прямо отсылающую к «Предсловию покаянию» как к тексту, указывающему путь к спасению и вечной жизни [Там же: 26–27]. Возможно, местоимение **ИЖЕ КЪТО** в «Слове о лжепророках» появилось под влиянием именно «Предсловия покаянию» (ср. ниже).

Менее надежен пример из Волынской летописи по Ипатьевскому списку ок. 1425 г. под 1288 г.: **и розъсла мл(с)тню по всей земли и стада раздава оубогымъ · людемъ · оу кого то конни нѣтоутъ · и тѣмъ ИЖЕ КТО погнели в Телебуоузиноу рать** ‘и разослал милостыню по всей земле, и стада раздавал бедным людям, у кого нет коней, и тем, у кого [они] погибли в войне с Телебугой’ [ПСРЛ II: 914]. С одной стороны, местоимение **ИЖЕ КЪТО** здесь хорошо сочетается с другим составным относительным местоимением **КЪТО ТО**, но, с другой стороны, в более поздних Погодинском и Хлебниковском списках вместо **ИЖЕ КТО** читается **ИЖЕ ТО**, являющееся полной аналогией **КЪТО ТО** [Зализняк 1981], вводящего предыдущее относительное предложение. Скорее всего, в исходном тексте читалось **ИЖЕ ТО**, которое в Ипатьевском своде было заменено на **ИЖЕ КТО**.

² Здесь и ниже цитируется по списку Российской национальной библиотеки Соф. 1285, XV в., по изданию [Баранкова и др. 2013] с указанием листа рукописи.

Местоимение фиксируется также в Духовной грамоте Антония Римлянина, но она дошла до нас в списке XVI в., и относительно сохранности первоначального текста XII в. в этом списке ведутся споры: *А кого изберутъ братья, но от братьи, и иже кто в мѣстѣ сѣмь терпитъ* ‘а того, кого изберет братия, но [только] из братии и тех, кто пребывает в этом месте’ [ГВНП 160].

Форма среднего рода **кже что** отмечена в древнерусском переводе «Жития Василия Нового», причем в греческом оригинале фиксируется только артикль и прямых соответствий для местоимения нет: **сеи же новын авраамъ. въ оубожествѣ ꙗ ради терпаше. доволнѣ подавал. еже что впадале ем(Ѹ) ѿ х(с)олюбивыхъ**, ἐχορήγει τὰ ἐπιπίπτοντα ἀπὸ τῶν φιλοχρίστων бв24–25 ‘Этот новый Авраам терпел нищету Господа ради, обильно подавая [в качестве милостыни] всё, что ни попадало ему от христолюбцев’ [Пентковская 2018: 239]. В другом случае местоимение имеет неправильную форму **иже** вместо **кже** и точно передает греч. ὅ τι — с той лишь разницей, что энклитика **бо** разделяет две части местоимения: **иже бо что** **сѣдѣлаеть въ мирѣ ѿномѣ. симѣ причастникѣ боудеть, в вѣцѣ сѣмѣ**, ὅ τι γὰρ ἐργάσῃται τις ἐν τῷ κόσμῳ ἐκεῖνῳ 67в20–23 ‘что бы кто ни совершил в том мире, он будет этому причастен в этой жизни’ [Там же: 379]. По-видимому, модель образования составных союзных слов со значением произвольного выбора, включающих в качестве второй части неопределенные местоимения, была хорошо знакома переводчику. В «Житии» встречается нигде больше не отмеченный союз **кгда кѣгда** ‘когда бы ни; всякий раз, когда’, который не калькирует, но точно передает греч. ὅταν в генерическом контексте: **егда кгда дша мимоходитъ тамо. свѣтъ соуще агглы гни. просвѣщающе она. въ нихже ѿни мимодоутъ**, ἐν οἷς ὅταν ψυχὴ παροδεύῃ τοῖς ἐκεῖ 64б8–12 ‘всякий раз, когда душа проходит там, ангелы Господни, будучи светом, освещают то, по чему они идут’ [Там же: 371].

Трудность выделения местоимения **иже кѣто** в древнерусских текстах связана с тем, что в церковнославянском языке существовали условные союзы **иже** и **кже** ‘если’ [Срз. I: 1029; СДЯ XI–XIV, 3: 203–204, 454]. Местоимения произвольного выбора часто используются в контекстах с условным значением. Сам по себе генерический контекст, в котором оказывается относительное предложение, присоединяемое местоимением с неопределенно-обобщенной референцией, способствует развитию условного значения у относительного предложения (ср. [Arsenijević 2009: 141–142]). Поэтому славянские определительные предложения в препозиции часто имеют условный «оттенок» [Сумкина 1954: 167]. В таких контекстах неясно, следует ли трактовать **иже кѣто** или **кже чѣто** как составное местоимение или как сочетание условного союза **иже/кже** с неопределенным местоимением **кѣто/чѣто**, то есть как аналог сочетания **аще кѣто/чѣто**. Ср., например, в Договоре с греками 944 г. по Лаврентьевскому своду: **оускочитъ челадинъ нашъ къ вамъ. и принесеть что. да вѣспаглатъ**

и **шпать**. а **еже что** принеслъ бѹдетъ все цѣ(л)о ‘если наш раб убежит к вам и принесет что-то [с собой], пусть его возвратят назад, а **все, что** [если что-нибудь?] он принесет, всё в сохранности [возвратят]’ [ПСРЛ I: 50] — **еже что** здесь можно считать местоимением со значением ‘что бы он ни принес’, так как в предшествующей предикации уже содержится условие «если принесет» и повторять его не было смысла.

Лишь косвенные данные иногда склоняют к тому, чтобы признать **иже кѣто** составным местоимением:

А иже кто покаеться, не можете тѣжки заповѣди дати ‘а тому [= если], кто покается, не назначайте сурового наказания’ Поучение Ильи XII в. [Павлов 1890: 16];

бѹ попушышо бѣси дѣствують [так в ркп.]. **попушаетъ же бѣ иже кто ихъ боитса**. а **иже кто** вѣроу твердо держитъ к бѹ. с того чародѣици не могутъ ‘Бесы действуют по Божью попушению. А Бог не запрещает по отношению к тем [= если], кто их боится, а кто [= если кто-то] твердо верит в Бога, с тем чародеи бессильны’ Поучение Серапиона Владимирского XII в. по списку РГБ, ф. 304, Гр.-Серг., № 11, XIV в., л. 856–85в.

Аргументом, хотя и ненадежным, в пользу трактовки **иже кѣто** в поучениях Ильи и Серапиона как составного местоимения может служить только отсутствие в них условного союза **иже** в других контекстах — при том, что в Поучении Ильи много условных придаточных.

В «Житии Василия Нового», как говорилось выше, неоднократно зафиксирована форма составного местоимения среднего рода **иже чѣто**; это обстоятельство и наряду с ним греческое соответствие (местоимение $\delta\varsigma$ в роли подлежащего и сказуемое в форме конъюнктива, выражающего потенциальную модальность) позволяют утверждать, что в следующем контексте представлено именно местоимение **иже кѣто**: **иже кто** приметъ мѣздоу. поставленїа ерѣска ради или архиерѣиска. да изверженъ бѹде, $\delta\varsigma \delta' \alpha\nu \upsilon\text{ποδ}\eta\chi\eta\tau\alpha\iota$ 78a18–21 ‘любой, кто возьмет мзду за то, чтобы поставить священником или архиереем, да будет лишен сана’ [Пентковская 2018: 409].

Похожий аргумент имеет смысл привести в случае с Пространной редакцией «Предслова покаянию»: поскольку в ней отмечен не вызывающий сомнений пример употребления местоимения **иже кѣто**, процитированный выше, можно допустить его наличие в двух других контекстах из той же редакции «Предслова»:

такоже иже кто продаеть целѣдинъ. да елико на немь давши. толико и **взати** ‘так, любой, кто [= если кто] продает раба, сколько за него давали, столько же и взять’ 24627 — в Краткой редакции **аще ли кто** [Баранкова 2018: 57];

такоже иже кто выкупаеться на свободуу. то толико же дасть на собѣ. колико же дано на немь ‘так же любой, кто [= если кто] выкупа-

ется на свободу, то заплатит за себя столько, сколько было за него заплачено' 24в2 — в Краткой редакции **аще ли кто** [Там же].

Несмотря на то, что союз **аще** в Пространной редакции «Предслова» не раз используется в разных контекстах, редактор дважды устранил его в пользу сочетания **иже кто**. Аналогичная правка происходила и в других редакциях древнеславянских текстов. Примером может служить цитата из Послания к Римлянам XIII 2 в Киевской летописи: **иже кто противитса власти. противитса закону бжью** 'любой [= если], кто противится власти, противится установлению Божию' 20963 [ПСРЛ II: 592], в то время как в церковнославянском переводе Апостола на месте **иже кто противитса** читается субстантивированное причастие **противланиса** в соответствии с греч. \acute{o} $\acute{\alpha}$ ntitacobmevoc. В цитате из 1 Послания к Коринфянам XI 29 в «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского³ имела место такая же замена: **вопиеѣ во паве(а). и(ж) кто естъ хлѣ(б) сеи. и пие(т) чашю г(с)ню недостои(н) сы, грѣхъ себе естъ и пиеѣ** 'Ибо вопиет Павел: «Любой [= если], кто ест этот хлеб и пьет чашу Господню, будучи недостойным, на грех себе ест и пьет»'; в церковнославянском переводе Апостола на месте **иже кто** читается **иже аще**. В Основной редакции «Вопрошания Кирика, Саввы и Ильи», составленного в сер. XII в., предписывается: **а иже его достоупилъ. а тому не асти ничтоже** 'А любой [= если], кто совершил с ним [рогатым скотом] половой акт, тому не есть ничего [от него]' [Мильков, Симонов 2011: 409], в то время как в Особой редакции, сохранившейся в списках начиная с XVI в., на месте **иже** появляется **иже кто** [Там же: 488]. В «Слове» Даниила Заточника XIII в. по списку XVII в. дважды использовано **иже кто**, причем в одном случае вторая часть сочетания представлена в косвенном падеже: *не мужь в мужьех, иже кимъ своя жена владъеть... Дивн[гъ]и дива, иже кто жену поймаеть злобразу (!) прибытка дгья* 'не муж в мужьях тот, [= если] кем властвует его жена... Чуднее чуда тот, [= если] кто берет уродливую жену ради выгоды' [Зарубин 1932: 26–27]. Пассаж о дурных женах в дошедших до нас списках «Слова» считается вставкой из «Моления» Даниила Заточника, которое возникло во второй половине XIII в. как дополненная переработка «Слова» [Соколова 1993: 246]. В списках «Моления» вместо *иже кимъ* читается *кто* или *которыи* [Зарубин 1932: 69; Colucci, Danti 1977: 188], а вместо *иже кто* — только *кто*. В Позднейшей редакции древнерусского перевода «Пчелы», возникшей не позже XV в., видим аналогичную правку: **Иже соупстаты покоритъ и плѣнитъ, ть во истинуоу моужь храбрь и властелинъ ксть, а иже кто покоривъ ксть, и кротокъ, и смиренъ ксть, ть велеоумень естъ израднѣк вѣ(х)** 'Кто покорит и пленит врагов, тот действительно храбрый человек и властитель, а всякий [= если], кто поко-

³ Цитируется по НКРЯ, где памятник размечен по списку Государственного исторического музея, Син. 935, XVI в. (л. 77а6).

рен, кроток и смирен, тот умнее всех'; в списке начала XV в., содержащем первоначальный текст до редакции, **кто** отсутствует [Пчела I: 457, 815].

В «Молении» Даниила Заточника встретился контекст, в котором составные части местоимения или сочетания условного союза с местоимением расположены дистантно: *Иже* [= если] *бо в печали кто мужа призритъ, то аки водою студеною напоит в день зноя* [Зарубин 1932: 63]; в «Слове» Даниила Заточника, послужившем источником для «Моления», на месте **иже** читается **аще**: *Аще кто в печали челоуѣка призрит, какъ студеною водою напоит во зноини день* [Там же: 13].

Редакторы, однако, использовали **иже кѣто** спорадически и непоследовательно. Например, в «Хожении» Даниила игумена, созданном в первом десятилетии XII в., в первоначальном типе текста **иже кѣто** встречается дважды. В так называемой Второй редакции первый контекст оставлен без изменений, во втором опущено **кѣто**, а в третьем контексте, наоборот, к **иже** добавлено **кѣто**:

и(ж) (во) **кѣто** **пѣте(м)** симъ ходитъ. съ страхомъ бѣимъ и со смиреніемъ не погрѣшитъ мл(с)ти бѣж николиже 'ибо любой [= если], кто ходит этим путем со страхом Божиим и смиреніем, никогда не будет лишен милости Божией' — по списку Российской национальной библиотеки О.XVII.23, XV в., л. 2, то же в [Веневитинов 1885: 2] и во Второй редакции, л. 6186⁴;

иже кѣто в малѣ хоцетъ прити и тои не можетъ прити 'кто [= если кто] хочет пройти с небольшой группой [путешествующих], то тот не может пройти' О.XVII.23, л. 73, то же в [Там же: 69]; во Второй редакции: **иже хоцетъ. в малѣ дрѣжинѣ прити. горѣ тѣ. то не можетъ ея прити** л. 632а;

иже во не видѣвъ тоа радости въ тои днѣ. тои не иметъ вѣры сказывающемоу во всемъ томъ видѣнии 'ибо любой [= если], кто не видел той радости в тот день, тот не поверит рассказывающему обо всем том зрелище' О.XVII.23, л. 146, то же в [Там же: 135]; во Второй редакции: **иже** во **кѣто** не видѣвъ тоа радости в то(и) днѣ. тои не иметъ вѣры сказавшем. во всемъ томъ видѣнии л. 645а–б. Вероятно, исконное чтение сохранилось в списках первоначального типа, поскольку в раннедревнерусском значении произвольного выбора передавалось благодаря употреблению причастия (а не финитной формы) в зависимой предикации [Пичхадзе 2020: 258–270] и вводит эту предикацию относительным местоимением с тем же значением не было необходимости.

Хотя во многих контекстах трудно исключить трактовку **иже** в **иже кѣто** как условного союза, есть факты, свидетельствующие о том, что **иже**

⁴ Текст Второй редакции приводится по НКРЯ, где памятник размечен по списку Государственного исторического музея, Син. 181, XVI в.

кѣто продолжало восприниматься как местоимение вплоть до XVII в. В первых, **иже кѣто** использовалось как калька греч. ὅτις в переводах Ефремовской кормчей к. XI — нач. XII в. [Славова 2005: 68], Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского к. XI — нач. XII в. и — более или менее систематически — в Чудовской редакции Нового Завета XIV в. [Пентковская 2009: 82–86]. Переводы Ефремовской кормчей и Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, по-видимому, были выполнены на Руси южнославянскими переводчиками (в них южнославянизмы соседствуют с русизмами), а Чудовская редакции Нового Завета, тоже сочетающая южнославянские и русские языковые элементы, во многом ориентировалась на переводческие решения Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского. Спустя два века **иже кѣто** использовалось для передачи латинского местоимения *quiscumque* ‘всякий, кто; кто бы то ни было’ Дмитрием Герасимовым в выполненном в 1530-х гг. переводе «Символа Веры», ошибочно приписываемого Афанасию Александрийскому, с толкованиями вюрцбургского епископа Брунона: **Иже кѣто хоцетъ спсѣнъ быти, преже всего потреба естъ, да съдержитъ православнѣю вѣрѣ** ‘Любой, кто хочет спастись, прежде всего должен сохранять православную веру’ — такой же перевод трижды повторен дальше в толковании [Томеллери 2017: 137].

Во-вторых, в старорусских памятниках встречаются контексты, где **иже кѣто** должно однозначно трактоваться как местоимение, например в Похвальном слове Сергию Радонежскому, надписанном именем Епифания Премудрого: **Нѣсмь бо азъ видѣлъ во дни сіа и в нынѣшня времена и в наша лѣта сицева мѹжа свята и совершена во всяко дѣло благо и украшена всякою добродѣтелію всячески, такоже отъ прочиѹхъ святаѹхъ, иже кѣто възлюбленъ естъ отъ Бога, такоже сей преподобный Сергіе** ‘Ибо не видел я в эти дни и в нынешние времена и в наши годы такого святого человека и совершенного во всяком благом деле и украшенного всякой добродетелью всячески, подобно кому бы то ни было из остальных святых, возлюбленных Богом, как этот преподобный Сергей’ [ВМЧ Сент. 25–30: 1572].

Вслед за древнерусскими книжниками Епифаний Премудрый вводит **иже кѣто** в библейские цитаты — как на месте **иже**, так и на месте **аще кѣто**:

и ꙗ въ еѹ(Ѣ)лїи рече: **иже (кѣто) хоцетъ въслѣ(д) мене итъти. аще не ѡречеть(с) всѣ(х) аже сж(т) въ мирѣ се(м) не можетъ быти мон оучникъ** Житие Сергия Радонежского [Духанина 2015: 194] — ср. Лк. XIV 26 и 33, где в ранних редакциях Евангелия и в Чудовском Новом Завете читается **аще кѣто**, εἴ τις (XIV 26) и **всь/всьакъ... иже** πᾶς... ὅς (XIV 33);

не и(з)мѣни правила своего чрънечьскаго. на памяти имѣа рекша(Ѣ) **иже кѣто** въ ва(с) хоце(т) быти старѣиши да бѹди всѣ(х) менши и всѣ(м) слоуга (Мк. IX 35) Житие Сергия Радонежского [Там же: 268] — в ранних редакциях Евангелия и в Чудовском Новом Завете здесь читается **аще кѣто** или **иже**, εἴ τις [Воскресенский 1894: 262–263];

и(ж) кто остави(т) шца и матерь, женѹ и дѣти, братию и сестры, домы и имѣнїа имени моего ра(ди), сторицею прїиме(т) и жизнь вѣчнѹю наследит(т) (Мф. XIX 29) Житие Стефана Пермского [ВМЧ Апр. 22–30: 993] — в ранних редакциях Евангелия и в Чудовском Новом Завете здесь читается **всѣмъ/всь иже**, **пѣс ѿтис** [Алексеев и др. 2005: 105];

Са(м) во спѣсь рекль есть · «и(ж) кто исповѣ(с) ма пре(д) чѣки, и азъ исповѣ(м) его пре(д) шцѣмъ свои(м), и(ж) есть на нѣсѣ(х)» (Мф. X 32) Житие Стефана Пермского [ВМЧ Апр. 22–30: 1100] — **иже кто** в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского и Чудовском Новом Завете, в ранних редакциях Евангелия **иже**, **ѿтис** [Алексеев и др. 2005: 58; Пентковская 2009: 82–83].

Судя по данным старорусского подкорпуса НКРЯ, использование **иже кто** в библейских цитатах — весьма распространенный способ употребления этого сочетания в памятниках XVI в. Такое употребление отмечено в «Житии Зосимы и Савватия», Степенной книге, Никоновской летописи, ср. в Холмогорской летописи: *иже кто хоцет душу свою спасти, погубит ю* (Мф. XVI 25) — в ранних редакциях Евангелия и в Чудовском Новом Завете **иже во (аше) хоцеть** [Алексеев и др. 2005: 90]. Вероятно, это свидетельствует об изменении стилистического статуса **иже кто**. В древнерусский период **иже кто** фиксируется не в самых книжных текстах: «Хожегии» Даниила игумена, «Молении» Даниила Заточеника, летописях, Пространной редакции канонического памятника «Предсловие покаянию». В поучениях русских иерархов, у Кирилла Туровского и в церковнославянских переводах отмечены лишь единичные случаи. Но уже у Епифания Премудрого **иже кто** по меньшей мере четыре раза употребляется в житиях — одном из самых книжных жанров средневековой письменности. В материалах НКРЯ, помимо библейских цитат, представлены и другие контексты, выдержанные в сугубо книжном стиле. По-видимому, этот стилистический сдвиг связан с тем, что местоимение **иже** к концу древнерусского периода стало восприниматься уже как слово исключительно высокого регистра.

В большей части старорусских контекстов **иже кто** может трактоваться и как составное местоимение, и как сочетание условного союза **иже** с местоимением. Тем не менее НКРЯ содержит данные, свидетельствующие о том, что еще в XVII в. **иже кто** продолжает функционировать в качестве местоимения. Очевидно, именно так обстоит дело в Пискаревском летописце пер. пол. XVII в.: *И опосле те десять мета жеребей, иже кому девяти посечь, и един остася тех посече* 'И потом те десять бросили жребий, кому заколоть девятерых, и один остался и их заколол' — здесь хотя и описывается конкретная ситуация, само местоимение может сохранять значение произвольного выбора, поскольку подразумевается любой (неизвестно какой) из десяти человек, которому выпадет жребий. Однако один из двух оставшихся примеров, зафиксированных в НКРЯ, в которых **иже**

кто несомненно является составным местоимением, а не сочетанием условного союза с местоимением, показывает, что семантика местоимения произвольного выбора уже забыта автором, а второй пример, по-видимому, аграмматичен. В «Повести о видении отроку Варлааму в Великом Новгороде» 1611 г. *иже кто* относится к конкретному субъекту, то есть местоимение уже не имеет значения произвольного выбора: *И вопросихъ водящаго мя <...> И отвѣща ми той мужъ, иже кто водяй мя, и рече ми... 'И я спросил того, кто меня вел <...> И ответил мне тот человек, который меня вел, и сказал...'*. В Степенной книге XVI в. местоимение употреблено в отрицательной конструкции: *И несть, иже кто стригий его* 'И нет никого, кто бы его стерег'. Других примеров употребления **иже кѣто** при отрицании не засвидетельствовано. В современном русском неопределенные местоимения произвольного выбора не могут быть употреблены, если сказуемое выражено бытийным глаголом под отрицанием (**Нет никого / кого угодно, кто бы стерег*) [Haspelmath 1997: 36], ср. [Падучева 2018: 293, 295, 309–312]. Вполне вероятно, что такой же запрет действовал и в древности. В древнерусском в конструкциях с **нѣсть** всегда употреблялось неопределенное местоимение **кѣто**, а значение произвольного выбора передавалось за счет того, что вершиной зависимой предикации становилось причастие, а не финитная форма [Пичхадзе 2020: 262–263].

Прочитанный пример из Пискаревского летописца пер. пол. XVII в. интересен тем, что является единственным контекстом, причем очень поздним, где составное местоимение употреблено в косвенном падеже, при этом склоняется вторая часть: *те десять мета жеребей, иже кому девяти посець*. Во всех остальных случаях **иже кто** и **иже что** представлены в виде неизменяемых форм. В этом отношении славянское составное местоимение проходит тот же путь развития, что и древнегреческие и индоиранские продолжения и.-е. *(H)uó- k^wi-.

Эволюция составного местоимения **иже кѣто** в истории русского языка во многом обусловлена изменениями в статусе местоимения **иже**. В древнерусский период **иже**, с одной стороны, ассоциируется с церковнославянским языком, а с другой стороны, не чуждо восточнославянскому узусу [Зализняк 1981: 102]. На его базе образовано еще одно составное относительное местоимение **иже то** 'который', зафиксированное в грамотах, летописях, «Вопрошании» Кирика, Правилах новгородского архиепископа Ильи [Там же: 102–104], то есть текстах, занимающих не самые высокие позиции на шкале книжности. Так же обстоит дело и с местоимением **иже кѣто** в ранний период. Возможно, его активное использование в библейских цитатах связано с русификацией, не нарушающей, однако, церковнославянского словоупотребления. В старорусский период **иже** престаёт употребляться в деловом языке [Сумкина 1954: 135]⁵ и, очевидно, уже воспринимается как церковнославянизм. В такой ситуации внедрение **иже**

⁵ **Иже то** на русской почве перестает отмечаться после XV в. [Зализняк 1981: 104].

кѣто в библейские цитаты оказывается стилистически оправданным на фоне общей славянизации книжного языка. К Новому времени **иже** полностью вытесняется в сферу церковных текстов, и **иже кѣто** выходит из употребления.

Источники и словари

- Алексеев и др. 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 2005.
- Баранкова и др. 2013 — Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / Изд. подгот. Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова; под ред. Н. В. Савельевой. М.; СПб., 2013.
- Веневитинов 1885 — Житие и хождение Данила Русьскыя земли игумена 1106–1107 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова // Православный палестинский сборник. Вып. 3 и 9. СПб., 1885.
- ВМЧ Апр. 22–30 — Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Апрель, дни 22–30. М., 1915.
- ВМЧ Сент. 25–30 — Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883.
- Воскресенский 1894 — Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. / Труд Г. Воскресенского. Сергиев Посад, 1894.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Духанина 2015 — Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подгот. текста, перевод, коммент., исслед. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015.
- Зарубин 1932 — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932.
- Мильков, Симонов 2011 — В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011.
- Молдован 1984 — А. М. Молдован. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).
- Павлов 1890 — А. Павлов. Неизданный памятник русского церковного права XII века. СПб., 1890.
- Пентковская 2018 — Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Т. I: Исследования. Тексты / Изд. подгот. Т. В. Пентковская, Л. И. Щеголева, С. А. Иванов. М., 2018.
- ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Пчела I — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.
- СДЯ XI–XIV, 3 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 3. М., 1990.

Срз. I — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. I. СПб., 1901.

ССЯ I — Словарь старославянского языка. Репринтное изд. Т. I. СПб., 2006 (= *Slovník jazyka staroslověnského*. I. Praha, 1958).

Colucci, Danti 1977 — Daniil Zatocnik. *Slovo e molenie* / Ed. critica a cura de M. Colucci e A. Danti. Firenze, 1977 (= *Studia historica et philologica. Sectio slavica*, 2).

Pokorný — J. Pokorný. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. 1. Bern; Munich, 1959.

Литература

Баранкова 2018 — Г. С. Баранкова. Текстологические и языковые особенности раннего древнерусского канонического сочинения *Предсловие покаянию* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. XVI. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 9–65.

Бауэр 1967 — Я. Бауэр. К развитию относительных придаточных предложений в славянских языках // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 47–59.

Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 89–107.

Падучева 2018 — Е. В. Падучева. Русские местоимения свободного выбора // *Russian Linguistics*. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 291–319.

Пентковская 2009 — Т. В. Пентковская. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М.: МАКС Пресс, 2009.

Пичхадзе 2020 — А. А. Пичхадзе. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса. СПб.; М.: Нестор-История, 2020. С. 256–285.

Славова 2005 — Т. Славова. Старобългарските релативи в исторически аспект // *Старобългаристика*. XXIX/4. 2005. С. 64–74.

Соколова 1993 — Л. В. Соколова. К характеристике «Слова Даниила Заточника» (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 229–255.

Сумкина 1954 — А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды Института языкознания АН СССР. Т. V. М., 1954. С. 139–202.

Томеллери 2017 — В. С. Томеллери. «Исповедание веры» Псевдоафанасия Александрийского (*Symbolum Athanasii*) в церковнославянском переводе Дмитрия Герасимова // *Latinitas in the Slavonic world: Nine case studies* / Ed. by V. S. Tomelleri and I. V. Verner. In collaboration with A. Lukianowicz (= *Specimina philologiae slavicae*. Bd. 192). Frankfurt a/M.: Peterlang, 2017. С. 113–171.

Arsenijević 2009 — B. Arsenijević. {Relative {conditional {correlative clauses}}} // *Correlatives Cross-Linguistically [Language Faculty and Beyond 1]* / Ed. by A. Lipták. John Benjamins, 2009. P. 131–156.

Blass 1986 — F. Blass. Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1896.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Pekelis 2023 — O. E. Pekelis. What micro-diachronic analysis can tell us about unmarked indefinites: Evidence from Russian // Вопросы языкознания. 2023. № 1. P. 19–53.

Sturtevant 1930 — E. H. Sturtevant. Relatives in Indo-European and Hittite // Language. Vol. 6. No. 4. Language Monograph No. 7: Curme Volume of Linguistic Studies (Dec., 1930). P. 141–149.

Villalobos 2019 — J. E. B. Villalobos. Negation, indefinites, and polarity in early Greek and Indo-Iranian: a typological and comparative approach. Madrid, 2019.

Статья получена 31.03.2023

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
rusyaz@yandex.ru

RELATIVE FREE-CHOICE PRONOUN *ИЖЕ КЪТО* IN OLD RUSSIAN

The article traces the history of the compound relative pronoun *ize kto* ‘anyone who, whoever’ which has not been described in the historical grammars of the Russian language. Etymologically and structurally it is identical to the Greek pronoun $\delta\varsigma\ \tau\iota\varsigma$ ($\delta\sigma\tau\iota\varsigma$) ‘anyone who, whoever’ and its Indo-Iranian cognates (Ved. *yád cit* ‘whatever’ etc.) < i. e. **(H)yós k^vis* ‘anyone who’. The reflexes of **(H)yós k^vis* in Indo-European languages were used in generic and habitual contexts. In medieval Slavonic texts *ize kto* is rare. In Old Church Slavonic and Old Bulgarian writings it appears as an equivalent of the Greek $\delta\sigma\tau\iota\varsigma$. The importance of the East Slavic evidence lies in the fact that, with few exceptions, the pronoun *ize kto* occurs in original texts not influenced by foreign-language models. In Old Russian, *ize kto* is used in not particularly literary texts. During the Middle Russian period, when *ize* becomes a highly literary word, the pronoun *ize kto* also starts to be perceived as Church Slavonicism. During the 18th century, *ize* was completely ousted into the domain of Church Slavonic and *ize kto* fell out of use.

Keywords: free-choice items, relative pronouns.

References

Arsenijević, B. (2009). {Relative {conditional {correlative clauses}}}. In A. Lipták (Ed.), *Correlatives Cross-Linguistically* (pp. 131–156). John Benjamins.

Barankova, G. S. (2018). Tekstologicheskie i iazykovye osobennosti rannego drevnerusskogo kanonicheskogo sochineniia Predslovie pokaianiiu. In M. S. Mushinskaia (Ed.), *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN. XVI. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka. 2016–2017* (pp. 9–65). Moscow: IRiA RAN.

- Bauer, Ya. (1967). K razvitiuu odnositel'nykh pridatochnykh predlozhenii v slavianskikh iazykakh. *Voprosy jazykoznaviia*, 5, 47–59.
- Haspelmath, M. (1997). *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press.
- Paducheva, E. V. (2018). Russkie mestoimeniia svobodnogo vybora. *Russian Linguistics*, 42(3), 291–319.
- Pekelis, O. E. (2023). What micro-diachronic analysis can tell us about unmarked indefinites: Evidence from Russian. *Voprosy jazykoznaviia*, 1, 19–53.
- Pentkovskaia, T. V. (2009). *K istorii ispravleniia bogoslužebnykh knig v Drevnei Rusi v XIV veke: Chudovskaia redaksiia Novogo Zaveta*. Moscow: MAKS Press.
- Pichkhadze, A. A. (2020). Slavianskoe prichastie-skazuemoe v zavisimykh predikatsiakh. In A. A. Pichkhadze (Ed.), *Očerki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa* (pp. 256–285). St Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriia.
- Slavova, T. (2005). Starob"lgarskite relativi v istoricheski aspekt. *Starob"lgaristika*, 29(4), 64–74.
- Sokolova, L. B. (1993). K kharakteristike «Slova Daniila Zatochnika» (Rekonstruktsiia i interpretatsiia pervonachal'nogo teksta). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 46, 229–255.
- Sumkina, A. I. (1954). K istorii odnositel'nogo podchineniia v russkom iazyke XIII–XVII vv. *Trudy Instituta iazykoznaviia AN SSSR*, 5, 139–202.
- Tomelleri, V. S. (2017). «Ispovedanie very» Psevdoafanasiia Aleksandriiskogo (Symbolum Athanasii) v tserkovnoslavianskom perevode Dmitriia Gerasimova. In V. S. Tomelleri, & I. V. Verner (Eds.), *Latinitas in the Slavonic world: Nine case studies* (pp. 113–171). Frankfurt a/M.: Peterlang.
- Villalobos, J. E. B. (2019). *Negation, indefinites, and polarity in early Greek and Indo-Iranian: a typological and comparative approach*. Madrid: Universidad Complutense de Madrid.
- Zalizniak, A. A. (1980). Protivopostavlenie odnositel'nykh i voprositel'nykh mestoimenii v drevnerusskom. In Viach. Vs. Ivanov (Ed.), *Balto-slavianskie issledovaniia. 1980* (pp. 89–107). Moscow: Nauka.

Received on March 31, 2023

В. К. СКРИПКА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
vkskripka@yandex.ru

УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *сеи* В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVII ВВ.

В исследованных нами рязанских, московских и южнорусских деловых текстах XVI–XVII вв. активно используется местоимение *сеи*. В большинстве случаев оно выполняет дейктическую функцию. Указательные группы с *сеи* (сочетание местоимения-атрибутива *сеи* и существительного) чаще всего употребляются для обозначения ближайшего к говорящему или пишущему документа (пространственный дейксис) или времени составления документа (временной дейксис). Указательные группы используются в формулах в сочетании с существительными *место* (во временном значении), *число*, *время*, обозначая «текущий момент», т. е. момент составления документа, и в формуле *отходя сего свѣта*, известной в более ранних духовных грамотах XIV–XV вв. В этих случаях местоимение также выполняет дейктическую функцию. В статье приведены малочисленные примеры, в которых местоимение можно трактовать как анафорическое, однако, на наш взгляд, такая функция местоимению *сеи* в деловых текстах XVI–XVII вв. не была свойственна и его употребление скорее вызвано лингвистическими причинами. При сравнении с функционированием этого местоимения в московских и новгородских деловых текстах XIV–XV вв. обращает на себя внимание более ограниченное число контекстов, в которых оно употребляется в XVI–XVII вв. По всей видимости, к XVII в. *сеи* в качестве основного местоимения ближнего дейксиса было вытеснено появившимся местоимением *этот*, однако по-прежнему использовалось в устойчивых сочетаниях, прежде всего во временном значении, и сохранялось в пассивной памяти говорящих, так что в деловых текстах его в строго определённых контекстах могли употребить и писцы, и обычные люди, «прикладывавшие руку» в конце документа.

Ключевые слова: указательные местоимения, историческая морфология, дейксис, русская деловая письменность XVI–XVII вв.

I. Введение

Местоимение *сеи* восходит к праславянскому указательному местоимению **сь*, которое, по гипотезе А. Мейе, вместе с местоимениями **ть* и **опь* составляло тернарную, индоевропейскую по происхождению дейктическую оппозицию, члены которой были противопоставлены друг другу по степени отношения к участникам речевого акта: **сь* называло объект в отношении к говорящему, **ть* — объект в отношении к собеседнику, слу-

шающему, а **онь* — объект вне отношений с говорящим и слушающим [Мейе 1951: 351–354]. Употребление местоимения в древнерусском языке XII–XIII вв. было описано Т. А. Сумниковой, которая отмечала, что в дейктической функции «старые семантические отношения сохраняют в известных случаях лишь местоимения *сь* и *онь*... Местоимение *сь*, *си* имеет значение ‘этот, вот здесь находящийся’... Местоимение *онь* сохраняет старое значение, связанное с понятием значительной территориальной или временной удалённости» [Сумникова 1993: 364–365]. Однако в анафорической функции, по мнению автора, местоимения *сь*, *ть* и *онь* «в обычном повествовательном тексте теряли свои семантические различия и выступали как семантически нейтральная анафора» [Там же: 372]. В деловых текстах XIV–XV вв. нами были найдены примеры местоимения *сь* в дейктической функции, сохранявшие указанное значение близости, а также примеры субстантива *се* в анафорической функции, отсылавшие только к документу, в котором были использованы [Скрипка 2021].

Следующий период, XVI–XVII вв., представляется очень важным для исследования значения и употребления местоимения *сеи*. Именно в это время происходит глобальная перестройка системы указательных местоимений в русском языке. Местоимение *сеи* (*сь*), ранее составлявшее в паре с местоимением *оныи* (*онь*) дейктическую оппозицию ‘ближний’ — ‘дальний’, теряет своё место в системе. Путём многих преобразований: утраты прежних функций, появления новых функций у имевшихся местоимений и даже появления новых местоимений — эта дейктическая оппозиция начинает выражаться при помощи местоимений *этом* — *том* [Галинская 2015: 299].

Ниже мы рассмотрим функционирование местоимения *сеи* в XVI–XVII вв. на материале памятников рязанской, московской и южнорусской деловой письменности. Нами были исследованы рязанские тексты XVI в. [Пам. Ряз.] (помечены буквой **Р**, далее номер грамоты в издании), а также московские (помечены буквой **М**, далее номер отдела в издании и номер грамоты) и южнорусские (примеры помечены буквой **Ю**, далее номер грамоты в издании) тексты XVII в. [МДБП; Южн. Чел.]. У примеров из многостраничных дел для удобства в скобках также указан лист. Предложения цитируются в упрощённой орфографии: **а** и **а** йотированное передаются как **я**; **ю** как **е**; лигатура **укь** как **у**; **і**, **ї**, **і** как **и**; **ѡ** как **о**; **ѳ** как **ф**, **з** как **з**.

II. Употребление местоимения-атрибутива (местоимения-прилагательного) *сеи* в дейктической функции

Местоимение *сеи* встречается в грамотах в довольно ограниченном числе случаев. Местоимение-атрибутив с существительным, к которому оно относится, образует указательную группу (термин Е. В. Падучевой [2010: 158]). Указательные группы с атрибутивом *сеи* чаще всего называют тот документ, в тексте которого употребляются:

А учини^т ца... убыто^к, и мнѣ Ме^ншыку то^т убыто^к Ивану плати^т по се^у записи Р24, 1554 г.;

Тое кабалу закла^дную и купчую (о которых шла речь ранее. — В. С.) на то^т свои дво^ря княгиня Соломанида ннѣ имѣ племя^ннико^м своимъ Васи^лю и Елиза^рю Яковлевы^м выдала с сею своею даною вмѣсте М III, 46, 1644 г.;

То^т мо^у дво^ря нико^{му} не прода^н и не залож^н и ни у ково ни в че^м ни в какихъ крепо^стяхъ, акро^мъ се^у куп^че^у М IV, 54, 1664 г.;

А ся скаска пи^сма мое^у, Агафошковы, руки М III, 10д, 1679 г.;

Гдѣ ана Пола^ука похоче^т жи^т и ко^{му} сю о^т пу^сную дастъ, тому и кре^нка М IV, 9, 1682 г.;

Пожалу^тте меня, сироту своего, велите, з^сдри, в Ка^ргополе в приказно^у избѣ сию челоби^тную приня^т М II, 133, 1693 г.

Указательная группа с *сеи* представлена в южнорусских текстах в составе распространённой формулы *которые в сеи челобитной имены/именами писаны*. Её использовали для того, чтобы не называть повторно тех людей, которые уже были подробно перечислены в начале текста:

Вели, з^сдрь, мнѣ да^т по те^х дете^н боя^рски^х, которыя именами в сеи челоби^тно^у писаны, свою з^сдрву зозы^ною грамоту Ю18, 1624 г.;

Фе^тти^с Кра^снико^с <с> свои^м з брато^м и своими товарищи с теми, которыя, з^сдрь, в сеи челоби^тна^у имены писаны... Ю68, 1636 г.

Похожие фразы встречаются в московских документах других жанров, тоже с использованием местоимения *сеи*:

<...> о тѣхъ кр^стяняхъ, каторыя написаны ему в се^у памяти, о передѣле не би^т челомъ М IV, 3, 1660 г.

По^н Ки^рякъ в мѣста свои^х дѣте^н дхвны^х, кои в се^у обыску имены писаны... М V, 11, 1629 г.;

Взять имѣ, кнзь Якову з братьями и с племянники, кои в се^у записи имяны [видимо, пропущено «писаны»], по се^у записи за неусто^уку по триста ру^блевъ М IV, 33, 1694 г.

Во многих документах подпись авторов и свидетелей после основного текста включает в себя указательную группу с *сеи*, которая называет **жанр документа**:

К сеи записи я^з Ларкя послу^х руку свою приложи^т Р11, 1509–1510 гг.;

К сеи купчей грамоте яз, Косте [так в изд.], послух и руку свою приложи^т Р15, 1521–1522 гг.;

К сеи межевои выписи Григоре^у Иванови^ч Ве^ляминов печа^м приложи^л Р47, 1589 г.;

К сеи свое^у извъстно^у челоби^тно^у лебедянецъ снъчишко боя^дско^у Дани^лко Ряховско^у руку приложи^л Ю52, 1629 г.;

К се^у мирово^у челоби^тно^у кодашеве^у Афо^нка... руку приложи^л М II, 67, 1668 г.;

К сеи скаске Ива^н Мя^чко⁶ руку приложи^л М III, 2а, 1651 г.;

К сеи досъмотренои памети Иваиш^ь Моисее⁶ руку приложил^ь М IV, 2, 1649 г.;

К се^у о^тпу^скно^у Сава Васильчиковъ руку приложи^л М IV, 7, 1677 г.;

К си^м обы^скны^м рече^м Василе^у Мозале⁶ска^у... руку приложи^л Ю132, 1621 г.;

К се^м роспросны^м и пыто^чны^м ргъче^м по^дяче^у... [далее утрата] Ю140, 1623 г.

Указательные группы с другим местоимением в тексте подписей, которые бы называли сам документ, где они употреблены, в исследованном материале не были зафиксированы.

Во всех этих примерах, на наш взгляд, местоимение-атрибутив *сеи* выполняет дейктическую функцию: оно не отсылает к какому-либо упоминанию документа выше в тексте, как местоимения в анафорической функции, а имеет значение 'ближайший к говорящему и пишущему, актуальный в данный момент' и может быть понято только с учётом фигуры говорящего (пишущего) и основных дейктических понятий «здесь» и «сейчас» [Апресян 1995: 631].

В позднейших приписках, сделанных на московских грамотах другим почерком и содержащих резолюцию ответственного за разбирательство лица, **основной документ**, к которому сделана приписка, практически всегда называется указательной группой с *сеи*:

Записа^м в книги [далее другим почерком:] РКЗ² а⁶гу^ста КВ^{0е} ся ку^нчая в книги записана М IV, 49, 1619 г.;

Г^сдрь пожаловаль, велъль зятя ево постави^м в Розря⁰ и проти⁶ сего челбы^мя [так в ркп.] роспроси^м М II, 61, 1666 г.;

Сыска⁶ тгъхъ до^нски^х казако⁶, противъ сего челобитья допросить и записа^м М II, 138, 1696 г.;

По указу великого г^сдря взя^м к сему челобитью³ закла⁰но^у списо^к М II, 141, 1697 г.

Всего в одной резолюции употреблено местоимение *тот* вместо *сеи*:

[в конце челобитной, вторым почерком:] *И с то^у яво^чно^у челоби^тно^у пи-
сана слово слово [так в ркп.] РЧ го^{оу} ма^рта въ де^н записано челоби^те
М II, 117, 1682 г.*

Объяснить, почему именно в этом документе не было использовано местоимение *сеи*, как во всех прочих, затруднительно. Никаких упоминаний других челобитных, к которым местоимение *тотъ* могло бы отсылать в анафорической функции, в тексте нет.

Указательная группа с *сеи*, называющая документ, может отсылать и к моменту его составления, как, например:

*Та моя Иванова половина двора моего и со всякимъ дворовы^м строе^не^м
напере^о сего и сеи закла^онои иному никому не продана и не заложена
М IV, 48, 1669 г.*

или:

⟨...⟩ всякие з^сдревы платежи плачены по сю купчюю М IV, 51, 1650 г.

Во всем исследованном массиве грамот нам не встретилось местоимение *сеи*, которое бы достоверно отсылало к другому документу, кроме того, где оно употребляется.

Пограничными примерами, которые могли бы быть трактованы как анафорическая отсылка к прежде упомянутому документу, являются отдельные местоимения в текстах многостраничных правых грамот, где в пределах одного документа излагается ход судебного дела и куда вписаны копии других документов, в которых, в свою очередь, уже были употреблены местоимения *сеи*, отсылавшие к оригинальным грамотам, как, например, в Р17, 1530 г. или Р83, 1576–1577 гг.:

*Тгда^ася... игу[мен]... з бортники... по жалобнице, и в жалобнице пи-
шет: [далее копия текста жалобной грамоты игумена, которая заканчи-
вается словами:]... что ты з^сдрь укаже^м; и проти^с сея жалобницы...
бо^ртники... о^мвечали за себя... а в отвѣте сказали: [далее копия от-
ветной грамоты] Р83 (лл. 1–2), 1576–1577 гг.*

На наш взгляд, такие примеры могут быть поняты и как дейксис (возможно, это была приписка на оригинале жалобной грамоты), и как анафора (отсылка к прежнему упоминанию *жалобницы*), а конструкция «документ внутри документа» затемняет разницу между ними и для исследователей, и для самих писцов.

Говоря о местоимении в сфере пространственного дейксиса, нужно упомянуть и формулу *отходя сего свѣта* (т. е. ‘находясь при смерти’), известную в духовных грамотах XIV–XV вв. Однако в нашем материале она встречается в грамотах других жанров:

*⟨...⟩ наместь⟨е⟩... что мне было о^мказа^т, о^мходя сево свѣта, то^м мо^у
бра^м Е^рмола Григо^ревъ Ю93, 1639 г.;*

А ка^к мо[й кре]стьяни^и о^мходи^т сево света, и сказа^т то... [утрата 4–6 букв]...ла попу Стефану, о^мцу дхвно^м: О^мхожу д[е я] сево света о^м бою роспопина Ю131, 1649 г.;

Дядя нашъ, о^мходя сего свѣта, приказыва^т словесно... М Ш, 12, 1688 г.

В этой формуле *сеи свѣтъ* — мир живых людей в противоположность загробному, т. е. опять же более близкий говорящему или пишущему.

Местоимение *сеи* в других контекстах в значении пространственной близости встречается чрезвычайно редко. Достоверным можно назвать всего одно употребление:

Све^рхъ, з^сдрь, те^х лошеде^и по^и мал о^и Василе^и Ше^тневъ наси^тство^и на дороге с ве^рсту о^и Дорогобужа по сю сторону у людие^к мой^х дву^х лошеде^и, выпрягчи ис теле^с: лоша^о карю да лоше^о в рыже лысу М II, 55, 1658 г.

Это ценный, редкий пример однозначно дейктического употребления *сеи*, не связанного с названием документа. Никаких других упоминаний *сторон* в тексте нет, установить значение местоимения можно только с помощью географического контекста: *ся сторона*, как мы можем предположить, — это земли, которые находятся ближе к пишущему и читающему, т. е. событие произошло в версте от Дорогобужа на дороге, идущей в Москву.

Обращает на себя внимание отсутствие местоимения в этом значении в тексте выписей из межевых книг (Р 46–50). Жанр таких документов предполагает отказ от дейксиса как субъективного элемента, поэтому писцы отдавали предпочтение точным пространственным обозначениям:

⟨...⟩ о^т устья реки Раки чере^з Оку реку на липовую вереву, на Борисо^вскую по^иню Михина, да^з Борисо^вские по^ини на До^гое озеро, да^з До^гое озера на Ще^рчекъ да на Че^рную Воду да на Голую Колоду, да по Чг^рной Водѣ в Жары х Коза^рскому рубежу да в Муже^искои стокъ, да по^оль Му^иня истока по перевѣ^ся, а от перевѣ^ся чере^з вереву в Поганое озеро во вл^очне... Р47, 1589 г.

Местоимение *сеи* употребляется не только в сфере пространственного дейксиса, но и для обозначения ближайшего к пишущему времени. В этом значении оно используется в устойчивых сочетаниях и в современном русском языке, ср. *по сей день*, *сию минуту* и др. Атрибутив *сеи* в исследованном материале встречается в устойчивом выражении *с тѣхъ мѣсть* и *по ся мѣста*, которое означает ‘с момента прежде описанной ситуации до настоящего момента’:

⟨...⟩ я тово детину взыма^т и приве^т в Бо^лхо^в в Ра^ря^о... и воевода ево посади^т в тюр^му и с те^с з^сдрь мѣсть и по ся мѣста мне холопу твоему не о^мдасть Ю60, 1633 г.;

Оси^нка Ивано⁶ да брата моево крестьяни^н Ми^нка Охрѣма⁶ бѣгали с^тг^х мѣстѣ и по ся мѣста, и нонеча то^м брата моево крестьяни^н живе^м у Елцком жа уезде Ю39, 1628 г.;

И ннече з^сдрь то^м Томила Бро^нико⁶ да Елфимъ Туленино⁶ те^х мои^х дене² сороко ру^блевъ не о^мдаду^м с^тг^х мѣстѣ и по се мѣста Ю15, 1623 г.;

А какъ^{де} ево пытали впе^рвые, и с^тг^х мѣстѣ о^н бесе^н и по ся мѣста не вида^л М V, 18 (л. 87), 1642–1643 гг.

Может использоваться только второй компонент этого выражения, *по ся мѣста*, со значением ‘до текущего момента, до сих пор’:

Да у нихъ жа, з^сдрь, осталось крестья^н мои^х живото⁶ десе^м улье⁶ пчелы... и о^м тг^х, з^сдрь, пче^л по ся мѣста приплоду стала у ни^х сто дваца^м улье⁶ Ю35, 1628 г.;

И о^н Петруша на ср^к не ста^л и по се мѣста к Москве не быва^л Ю53, 1630 г.;

И тг^м мои^м живото^м то^м Фир(с)ъ и по ся мѣста иза⁶лодг^л [так в изд.] Ю64, 1635 г.

В одной из московских грамот указательная группа с *сеи* употребляется также с предлогом *по*, однако стоит не в винительном, а в родительном падеже:

То з^сдрь третейское су^дное дѣло и по сг^х мѣстѣ не ве^ршено М V, 3д, 1668 г.

Вероятно, это выражение стало результатом смешения двух других: *по ся мѣста* и *до сг^х мѣстѣ*; последнее встречается в московской и более ранней рязанской грамотах в том же значении:

Ива^н Васи^левъ снѣ Селиванова тому се^м лг^м ту Онѣгову поляну у Покро⁶ско² монастыря о^мня^л... и паше^м ту землю и покосы коси^м по рекѣ по Осетру и до сг^х мѣстѣ Р16, 1529 г.;

Она Да^нка по ведо⁶ству жо^нки колду^ни Настьки че^рниго⁶ки на слг^д з^сдрни црцы сыпала пепе^л, и о^м того времени и до сг^х мѣстѣ ме^ж и^х з^сдре^н скорбь М V, 16 (л. 39), 1638–1641 гг.

В московских грамотах для выражения временного дейксиса местоимение активно употребляется со словами *время*, *число*:

⟨...⟩ онѣ Ко^нстятинъ то^м мо^н медь с того числа и по се число не привази^л М II, 74, 1671 г.;

⟨...⟩ би^л чело^м тебѣ великому з^сдрю Двы^д... и по его з^сдрь челобитью сижу я, холо^н тво^н, в Розря^{де} скова^н с того числа и по се время М V, бд, 1671 г.;

⟨...⟩ *тому подана роспи^с за руками в Сыскно^м приказе, и по се время про то не розыскивано* М II, 131, 1691 г.;
 ⟨...⟩ *она Дарья к су^{оу} не становилась и по се число* М V, 21 (л. 8), 1688 г.;
 ⟨...⟩ *нанель о^н Лука... дворово^у земли... с сего числа впре^о на деся^м лгть да токова^{жс} числа* М IV, 43, 1696 г.

Важно подчеркнуть, что выражения с местоимением *сеи* всегда относятся к моменту написания текста. Если возникает необходимость отметить какой-то другой момент в прошлом, то сначала этот момент называется, а далее в тексте используется анафорическое местоимение *тотъ* в составе схожих выражений:

⟨...⟩ *а⁶ допросе сказа^л: тому^{оу} четве^рто^у де^н, какъ то^м Офонка Науменов^к ему Ивану о^м да^н из Новыи че^{ми}, а до тгъхъ^{оу} мгъсть о^н Офонка сидгъ^л в тюр^мь* М V, 18 (л. 3), 1642–1643 гг.

III. Употребление местоимения-субстантива *се* в дейктической функции

Субстантив *се* используется в грамотах XVI–XVII вв. в двух значениях. Чаще всего он употребляется в сфере **временного дейксиса** для обозначения момента, который говорящий или пишущий грамоту считают настоящим. В данной функции местоимение с предлогами *преже* (*преж*) и *напередъ* образует адвербиальное сочетание и употребляется в значении ‘до сих пор’. Семантических различий между этими двумя конструкциями замечено не было.

В рязанских грамотах XVI в. сочетание *напередъ сего* встречается чаще, чем *преже* (*преж*) *сего*:

Напере^о сего поса^оцкие кр^стияне су^ою на ту землю имывали^л? P26 (л. 3), 1555 г.;
 ⟨...⟩ *влдти у вл^оки реза^нско^о по пре^{жс} нему, по тому^{жс}, ка^к было напере^о се^о* P47, 1589 г.;
Воевода... присуди^л и велгъ^л вгдати и косити пожни... къ и^х помгъстью по старингъ, ка^к онгъ тгъ пожни косили пре^{жс} сего P31, 1563 г.

В 320 московских грамотах *напередъ сего* встретилось 10 раз, а *преже* (*преж*) *сего* — 14, ср. несколько примеров:

⟨...⟩ *обвилос^с в мошо^нке ня^м рубле^с с по^лтиною днгъ, и те днги ня^м рубле^с с роспи^сю напере^о сего о^м даны в Прика^з сыскны^х де^л* М V, 9ж, 1677 г.;
 [резолуция:] *Выписать, напере^о сего тгъ запасы гдгъ покупаны и по которо^у ценгъ* М III, 11л, 1686 г.;
 ⟨...⟩ *Се^нку Евского поклепа^л напра^сно по недру^{жс} бе за то, что онгъ пре^{жс} сего ме^{жс} собою бранивали^с* М V, 19 (л. 19), 1657–1658 гг.

В южнорусских грамотах XVII в. обнаружено только выражение *преже* (*преж*) *сего*, например:

А которыя зѣдрь моя бра^мя преж сево из полону вы[ха]живали, и и^м по твоему зѣдрву ука^зу даво[ны] лготы Ю75, 1638 г.;

А преже зѣдрь сево о^н Федо^р в два^м це^м лгъть в то^м делъ на меня холопа твое^г тебѣ зѣдрю... не бива^т челомъ Ю83, 1639 г.;

То я вѣдаю, как пре^ж се^г то^м Ива^нка жил в во^мчине въ Еле^нкомъ уѣ^де... Ю158, 1639 г.

Выражение *напередъ сего* в южнорусских грамотах зафиксировано не было.

Второе, менее распространённое значение субстантива *се* таково: он используется в конструкциях *выше сего* и *ниже сего* для обозначения места в тексте, до или после которого содержится упоминаемая информация:

А что в обыскѣ^х обыскные люди сказа^т, и то писано ниже сего [далее текст обыскной грамоты] М V, 18 (л. 47), 1642–1643 гг.;

А что по и^х же осмотру Гаврилово^у и Богданово^у ру^хляди, и тому ро^спись ниже сего. Роспи^с Гаврилово^у ру^хляди: [далее перечень] М V, 7а, 1676 г.;

⟨...⟩ о^мдала пла^мя всякого, что писано в се^и челоби^тно^у выше сего М V, 21 (л. 3), 1688 г.;

А буде^т онъ Лука за нишею по^рую живучи у него Ивана на то^у ево земль стане^т каки^м воро^ство^м воров^а, какъ писано выше сего... М IV, 43, 1696 г.

Местоимение-субстантив *се* в этом случае можно отнести к сфере **пространственного дейксиса**.

Отметим, что встречаются выражения *выше сего* и *ниже сего* лишь в московских документах, а большинство примеров, кроме одного вышеприведённого, — в последнюю четверть XVII в. Возможно, эти выражения только начали входить в норму делового языка.

IV. Выводы

Итак, местоимение *сеи* (*се*) в большинстве случаев, за исключением нескольких оговоренных нами употреблений, сохраняет своё исходное дейктическое значение ‘близкий говорящему или пишущему во временном или пространственном отношении’. Во всём корпусе исследованных документов не были найдены однозначные примеры анафорического употребления *сеи*. К схожим выводам приходит А. П. Майоров: «...местоимение *сѣ/сей* употреблялось в памятниках деловой письменности. Здесь уже встречаем преимущественное, если не исключительное, функционирование место-

имения в дейктическом значении... В деловой письменности это местоимение употребляется с дейктическим значением, указывая на тот вид документа, который актуален в данный момент делопроизводственной деятельности» [Майоров 2004: 225–226]. Однако, как показано выше, использование этого местоимения не ограничивается лишь указанием на жанр грамоты.

Схожая ситуация была выявлена нами в московских и новгородских пергаменных грамотах XIV–XV вв. [Скрипка 2021], в тексте которых местоимение *сь* (*sei*) тоже употребляется преимущественно в дейктической функции. Если сравнивать те конструкции, в которых было зафиксировано это местоимение в текстах XIV–XV вв., с более поздними, то можно отметить несколько различий. К примеру, в позднейших текстах не используется субстантив *се* для обозначения содержания всего документа (как в распространённой в XIV–XV вв. формуле *на семь на всемъ целуи крестъ или на се послухи*), однако он появляется в значении ‘конкретное место документа, в котором местоимение употреблено’ в конструкциях *выше сего* или *ниже сего*, примеры чего не фиксируются ранее XVII в.

Атрибутив *sei* в поздних текстах встречается в намного более ограниченном числе контекстов. Если в деловых текстах XV в. (при меньшем объёме материала!) он был зафиксирован в сочетании с разными существительными в сфере временного дейксиса: *sei годъ, отъ сегобору, въ сю замятню*, — то в грамотах XVII в. он употребляется в этой функции только с существительными *мѣсто, время, число*, с которыми составляет устойчивые сочетания.

Тем не менее нельзя говорить, что это местоимение застыло в определённых формах. Оно используется активно, в разных падежах, встречается почти в каждой грамоте, присутствует орфографическая вариативность (например, *сего* и *сево*). По всей видимости, к XVII в. *sei* в качестве основного местоимения ближнего дейксиса было вытеснено появившимся местоимением *этот*, однако оно по-прежнему использовалось в устойчивых сочетаниях, прежде всего во временном значении, и сохранялось в пассивной памяти говорящих, так что в деловых текстах его в строго определённых контекстах могли употребить и писцы, и обычные люди, «прикладывавшие руку» в конце документа.

Источники

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968.

Пам. Ряз. — Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Изд. подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1978.

Южн. Чел. — Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов; отв. ред. В. П. Вомперский. М.: Наука, 1993.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Галинская 2015 — Е. А. Г а л и н с к а я. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2015.

Майоров 2004 — А. П. М а й о р о в. Указательные местоимения *сей, тот, оной, этот* в деловом языке XVII–XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 224–239.

Мейе 1951 — А. М е й е. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1951.

Падучева 2010 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 6-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

Скрипка 2021 — В. К. С к р и п к а. Функции указательного местоимения *сь* в деловой письменности XIV–XV вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 3. С. 44–53.

Сумникова 1993 — Т. А. С у м н и к о в а. Местоимение // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1995. С. 326–374.

Статья получена 10.04.2023

Veronika K. Skripka

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
vkskripka@yandex.ru

THE DEMONSTRATIVE PRONOUN *SEI* IN RUSSIAN OFFICIAL DOCUMENTS OF THE 16TH–17TH CENTURIES

In the Ryazan, Moscow and South Russian business texts of the 16th–17th cent. the pronoun *sei* is widely used. In most cases, it performs a deictic function. Demonstrative groups with *sei* (a combination of the attributive pronoun *sei* and a noun) are mostly used to define the document as closest to the speaker or writer (spatial deixis) or the time of its composition (temporal deixis). Demonstrative groups are used in idioms with the nouns *chislo*, *vrěmya*, *město* (in the temporal sense), denoting the “current moment”, i.e. the moment the document was being composed, and also in the idiom *otxodya sego světa*, known in earlier testamentary letters of the 14th–15th cent. In those cases, the pronoun also performs a deictic function. There are scanty cases in which the pronoun can be interpreted as an anaphoric one. However, it seems that this function was not typical of the pronoun *sei* in business texts of the 16th–17th cent. and its use was rather invoked by some non-linguistic reasons. As compared to the 14th–15th cent., the use of the pronoun *sei* in the 16th–17th century business texts is limited. Apparently, by the 17th cent. *sei* as the basic pronoun of proximal deixis was replaced by the pronoun *etot*, though *sei* was still used in certain idioms, usually in the temporal sense, by the scribes as well as testators who put their signatures at the end of documents.

Keywords: demonstrative pronouns, historical morphology, deixis, Russian business writing of the 16th–17th centuries.

References

- Apresian, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. Vol. 2: Integral'noe opisaniie iazyka i sistemnaia leksikografiia*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Galinskaia, E. A. (2015). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Fonetika. Morfologiia*. Moscow: Lenand.
- Maierov, A. P. (2004). Ukazatel'nye mestoimeniia *sei, tot, onoi, etot* v delovom iazyke XVII–XVIII vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(8), 224–239.
- Meillet, A. (1951). *Obshch斯拉vianskii iazyk*. Moscow: Izd-vo inostranoi lit-ry.
- Paducheva, E. V. (2010). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu*. 6th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
- Skripka, V. K. (2021). Funktsii ukazatel'nogo mestoimeniia s' v delovoi pis'mennosti XIV–XV vv. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 3, 44–53.
- Sumnikova, T. A. (1995). Mestoimenie. In V. V. Ivanov (Ed.), *Drevnerusskaia grammatika XII–XIII vv.* (pp. 326–374). Moscow: Nauka.

Received on April 10, 2023

Н. П. ИОРДАНИ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
iordani.natasha@yandex.ru

**ИНФИНИТИВ С ЧАСТИЦЕЙ *БЫ*
И СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ
В КОНТЕКСТАХ С ЧУЖОЙ РЕЧЬЮ
В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XVII ВВ.**

Косвенная речь широко представлена в старорусских деловых источниках — в жалованных грамотах, указах и памятях, написанных в ответ на челобитные, содержащие разнообразные просьбы, адресованные наделенному властью лицу. Формы императива, выступающие в такого рода речевых актах, в контекстах с косвенной речью употребляться не могли и требовали замены. В старорусском языке в этой функции наряду с формами сослагательного наклонения мог использоваться инфинитив с частицей *бы*, который не только выражал оценочное значение, как в современный период, но и нес побудительную семантику.

Исследование показало, что выбор глагольной формы в контекстах с косвенной речью зависел от лица субъекта: сослагательное наклонение употреблялось с подлежащим в 3-м лице, в то время как инфинитив с частицей *бы* в большинстве случаев сочетался с местоимениями 1-го лица. Спорадически встречаются употребления инфинитива с частицей *бы* с субъектом в 3-м лице.

Этой закономерности может быть дано объяснение: дело в том, что сослагательное наклонение и инфинитив с частицей *бы* не только обозначают событие, которое гипотетически может иметь место в действительности, но и выражают оценку этой ситуации с точки зрения ее желательности и необходимости. Следовательно, обе глагольные формы подразумевают существование и субъекта действия, и субъекта оценки ситуации. Сослагательное наклонение не допускает их совпадения, которое возникает в контекстах с местоимением 1-го лица, когда субъекты действия и оценки сливаются в фигуре говорящего. По этой причине сослагательное наклонение в косвенной речи сочетается только с субъектами 3-го лица. Инфинитив с частицей *бы*, как правило, выступает в высказываниях, подразумевающих совпадение субъектов действия и оценки, поэтому присоединяет к себе местоимения 1-го лица. Однако запрета на его употребление в случаях, когда субъектами действия и оценки являются разные участники ситуации, не возникает, что объясняет способность инфинитива с частицей *бы* сочетаться и с 3-м лицом.

Ключевые слова: инфинитив с частицей *бы*, сослагательное наклонение, императив, косвенная речь, старорусские деловые документы.

1. Контексты с прямой речью

Челобитные занимают важное место в кругу деловых источников XVI–XVII вв. Такого рода документы представляли собой прошения, адресованные наделенным властью лицам — царю, архимандриту, воеводе и др. В большинстве случаев челобитные писались не самим истцом, а профессиональными писцами: площадными подьячими, мирскими и церковными дьячками и другими приказными людьми [Волков 1974: 9]. По своему содержанию челобитные были весьма разнообразны: такого рода документы делились на исковые, если представляли собой судебный иск; явочные, в которых истец ставил должностных лиц в известность об угрозе совершения каких-либо неправомерных действий; мировые, содержащие заявление о достижении соглашения между спорящими, и проч. [Там же: 12].

Все челобитные XVI–XVII в. отличаются особой структурой, которая регулярно воспроизводилась писцами: начинались эти документы с обращения к высокопоставленному лицу, затем указывались сведения о челобитчике и обидчике, за чем следовала основная часть с изложением сути дела. Завершали челобитную просьбы («*Милосердный государь и великий князь... пожалуй меня... вели, государь, мое челобитье записать*») и обращение к высокопоставленному лицу («*Царь государь смилуйся пожалуй...*») [Там же: 22–23].

Как правило, просьбы в челобитных выражаются при помощи форм императива. Приведем один из типичных контекстов:

- (1) *Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, **пожалуй** нас, сирот своих, **возри**, государь, свою отчину в порубежной город, **вели**, государь, **положи** нас в свое государево тягло, в стрелецкие и ямские по четвертям и во всякие четвертные доходы против лутчева города ис тех девяти городов, кои писаны в сей челобитной* (Акты пис.д. № 67. Челобитная посадских людей Вязьмы об обложении их посильным сошным окладом (1647)).

Наряду с императивом для оформления просьб челобитчика могли употребляться как сослагательное наклонение, так и инфинитив с частицей **бы**. Необходимо отметить, что последний в современном русском языке в такой функции выступать не способен: он лишь выражает оценку ситуации с точки зрения ее желательности или необходимости¹, не подразумевая побуждения [Добрушина 2016: 81]. Подобные контексты широко представлены в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ):

¹ Корпусные исследования Н. Р. Добрушиной и М. Ю. Князева показали, что в ряде контекстов значения ‘желательность’ и ‘необходимость’ могут слабо различаться, поэтому провести жесткую границу между ними не всегда оказывается возможным [Добрушина 2012: 46; Князев 2014: 144].

- (2) *Выбирай, где лед снегом не покрыт, там он тверже... бросить бы вам меня!..* (М. Горький. Ледоход (1912–1915))²;
- (3) *Полечиться бы вам, позаботиться о ваших нервах, которые у вас, по-видимому, довольно-таки расстроены* (Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902)).

В старорусском языке инфинитив с частицей *бы* также обширно представлен в контекстах с оптативным значением в текстах прескриптивного содержания [Пичхадзе 2010: 21]. Обратимся к одному из примеров, обнаруженных А. А. Пичхадзе:

- (4) *Ести бы и нити в славу Божию, а не объядатися, ни упиватися* (Домострой (1500–1560) [Там же]).

В отличие от прескриптивных текстов, в старорусских деловых документах распорядительного характера инфинитив с частицей *бы* мог выступать не только в оценочном, но и в побудительном значении, утраченном в процессе исторического развития русского языка [Булаховский 1958: 352].

Приведем несколько примеров из челобитных³, где обе формы — сослагательное наклонение и инфинитив с частицей *бы* — оформляют просьбы, адресованные высокопоставленному лицу:

- (5) *И какаво будет, государь, твое жалования, моего государя, к нам да и братьи, и ты б, государь наш, пожаловал да и братья о том нам ведома учинил* (Акты феод.земл. № 168. Челобитная И. Полева игумену Иосифо-Волоцкого монастыря Нифонту (1547));
- (6) *Да покажи, государь, милость: какъ погьдутъ ко мнѣ изъ Шацкова съ запасомъ, што государь царь и великий князь Дмитрий Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ мнѣ въ Шацкомъ угьздѣ вотчину, и тебѣ бы, государь, пожаловать, велѣти побережь, чтобы отъ ратныхъ людей которое дурно не учинилося* (РИБ II № 171.2. Челобитная Семена Бегичева к гетману Яну Сапеге (1609)).

2. Контексты с косвенной речью

Челобитные, поданные в административные учреждения, рассматривались, и в случае положительного решения в ответ на них составлялись документы, удовлетворяющие просьбы истца, — царские и патриаршие грамоты, указы⁴ и памяти, в которых обстоятельно пересказывалось содержа-

² Цитаты из современных произведений приводятся по НКРЯ.

³ Подробнее об относительной частотности этих форм см. раздел «Контексты с косвенной речью».

⁴ Вслед за М. Н. Тихомировым мы будем различать царские грамоты и указы, опираясь на формулировку титула царя: инициальная формула царских грамот

ние челобитной. Такого рода источники содержали распоряжения, адресованные местным властям, которые становились непосредственными исполнителями изложенных в этих документах постановлений [Качалкин 1988: 62]. Подьячий, работавший над составлением грамоты, или указа, или памяти, видимо, имел перед глазами текст челобитной и переносил в новый документ подробности дела. В частности, в процессе работы писец переводил прямую речь в косвенную, воспроизводя просьбы, изложенные в челобитной.

Традиционно в современном русском языке под косвенной речью понимается способ передачи чужой речи посредством сложноподчиненного предложения [Пешковский 1938: 431]. В таком случае в главной части предложения располагается опорный предикат, выражающий значение говорения, волеизъявления и проч., а придаточное предложение вводится союзом *что*, *чтобы* и др. Первичное сообщение при переводе в косвенную речь претерпевает серьезные изменения: происходит так называемый дейктический сдвиг [Evans 2012: 68]. В русском языке он проявляется в пересчете местоимений и пространственных наречий, замене форм повелительного наклонения [РГ 1980, II: 486].

Это верно и для текстов XVI–XVII вв. — косвенная речь в них могла оформляться изъяснительными придаточными с союзом *чтобы* [Стеценко 1972: 280], например:

- (7) *Игумен, де, Иосифова монастыря Леонид з братьею били челом брату нашему Кирилу, митрополиту всеа Руси, чтоб их пожаловал, на те монастырские церкви дал им свою жаловальную грамоту (Акты феод.земл. № 359. Жалованная грамота митрополита Антония монастырской вотчины игумену Тихону (1573)).*

С древнейшего периода в контекстах косвенного цитирования для оформления предиката использовалось сослагательное наклонение: встречаются эти формы в ранних летописях, и с течением времени их частотность и сфера употребления в такого рода источниках только растут. С XVI в. в этой функции в летописях фиксируется и инфинитив с частицей *бы* [Власова 2014: 187, 200].

Однако нужно отметить, что в старорусском языке чужая речь могла оформляться и с помощью бессоюзного предложения. В подобных контекстах дейктический сдвиг происходит так же, как и в канонической косвенной речи: здесь также отмечается последовательный пересчет местоимений. Обратимся к примерам:

- (8) *Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми Рожества пречистые богородицы Боголюбова манастыря*

обычно начинается словами «*Божиею милостью мы, великий государь царь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец...*», в то время как в указе титул представлен как «*От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси...*» [Тихомиров 1973: 362].

игумена Александра з братьею. Что нам били челом, а сказывают: в нашей деи у них грамоте жаловальной написано во всяких делех чинят им два срока в году, а слугам монастырским и крестьяном в их грамоте срок не написан, и приезжая деи к ним наши неделики площадные и дворцовые и их племянники и ездоки, сроки на них наметывают частые в деловую пору, и монастырские деи крестьяне от того бежат из-за них вон. И нам бы Рожества пречистые Боголюбова монастыря игумена Александра з братьею **пожаловати**, слугам монастырским и крестьяном их дать пристава даного, певчего диака Василья Парфеньева сына Шиша, а **велети** им во всяких делех чинити два срока в году (Акты феод.земл. № 7. Жалованная грамота Ивана IV игумену владимирского Боголюбова монастыря Александру (1557));

- (9) От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в нашу отчину в Казань боярину и воеводам нашим Федору Васильевичу Шереметеву с товарищи да дьяку нашему Михайлу Битяговскому. Бил нам челом богомолец наш Иосифова монастыря игумен Левкея з братьею. А сказал, дана, де, им в монастырь наша жаловальная грамота, а велено им по той нашей жаловальной грамоте ходити на Низ рекою Волгою судном до Казани... и нам [государю] **бы** богомольца своего Иосифова монастыря игумена Левкея з братьею **пожаловати**, **велети б** им тое четыре тысеци рыб уловити самим своими монастырскими ловлями по тому ж безоброчно и безошлинно в реке в Волге (Акты феод.земл. № 383. Жалованная льготная грамота царя Федора Ивановича Иосифо-Волоцкого монастыря игумена Левкею (1588));
- (10) Се яз, царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси самодержец, пожаловал есми Волоцкого уезда пречистые богородицы и преподобнаго Иосифа чудотворца игумена Арсенья з братиею, или хто по нем в том Осифове монастыре вперед иный игумен и братья будут. Били мне они челом, а сказали: озер, де, и рек и рыбных ловель у их монастыря нет, опричь того, что в копаных прудех мелкая рыба. А есть, де, в Дмитровском уезде наше озерко, словет Ижво, а к тому, де, озерку пришла их монастырская вотчинка сельца Савельева деревня Жуковская, да деревня Климовская. И нам бы их **пожаловати**, **велети** то озеро Ижво дати в дом ко Пречистой богородице и ко преподобному Иосифу чудотворцу в монастырь (Акты феод.земл. № 425. Жалованная данная грамота царя Василия Шуйского на озеро Ижво Дмитровского уезда (1609)).

В изданиях и фондах архивов очень редко можно найти хранящиеся вместе челобитные и документы, удовлетворяющие прошения, в них изложенные: дело в том, что челобитные писались на местах и отправлялись в приказы, где и оставались на хранение. Составленные в ответ на челобитные памяти и жалованные грамоты отсылались обратно в съезжие

избы, поэтому эти источники оказывались в разных административных учреждениях и впоследствии попадали в разные архивы, а то и вовсе были утрачены [Тихомиров 1973: 361–362].

По этой причине сопоставить текст челобитной с документом, написанным в ответ на нее, практически невозможно. Однако судить о процессе создания документов, удовлетворяющих прошения, изложенные в челобитных, позволяют особые источники — отпуски. Они представляют собой черновики, предшествовавшие созданию белого документа. Обычно они писались подьячим, затем правились дьяком и переписывались. Впоследствии белые списки отправлялись на места, а отпуски оставались в приказах на хранение вместе с челобитными [Там же].

Сопоставив текст челобитной с написанным по ней отпуском, можно проследить, каким образом осуществлялся процесс перевода прямой речи в косвенную, в частности, какие глагольные формы использовались писцом на месте повелительного наклонения. Приведем несколько примеров:

- (11) Челобитная: *Царю г. и в. к. М. Θ. в. Р. бьет челом холоп твой Оедька Асанчюков сынъ Татищев... Милосердый государь ц. и в. к. М. Θ. в. Р., **пожалуй** меня холопа своего, **вели** тот мой помъсной оклад и деньги за м(ною) справити* (Разрядн.столб., л. 334. Челобитная Ф. Татищева о выдаче поместного оклада (1611));
- (12) Отпуск по челобитной: *И сыскано в Розряде. В жилетцком списку 119-го году написано: Оедор Асанчюков сынъ Татищев, помъсным окладом и деньгами не верстан. А у выписи Оедор Татищев сказал: в прошлом во 118-м году, какъ князь Дмитрей Шуйской пришол ис под Волхова, и бил челом отецъ ево царю Василью об оставке, а [государь] помъсн(ым) **бы** окладом и денежнымъ жалованьемъ **пожаловал бы** ево Оедора* (Разрядн.столб., л. 335. Отпуск с памяти о выдаче поместного оклада Ф. Татищеву (1611));
- (13) Челобитная: *Царю г. и в. к. М. Θ. в. Р. бьет челом холоп твой туленин нагайской полоненик Ивашико Михайлов сынъ Крюков... **пожалуй** меня холопа своего, **вели**, государь, мнѣ дати свою государеву грамоту на Тулу и **вели**, государь, дати из лавочных денег, что збирают с лавок, чтоб яз от своих откупицков, которые меня окупили, на правеже в конец не погиб* (Столб. Галиц. и Влад.ч. № 29. Челобитная И. М. Крюкова об окупных деньгах (1614));
- (14) Отпуск по челобитной: *От царя и в. к. М. Θ. в. Р. на Тулу воеводе нашему Мирону Ондръевичю Вельяминову. Бил нам челом туленин нагайской полоненик Иван Крюков а сказал... и нам [государю] **бы** его **пожаловати**, **вельти** ему тѣ деньги дати на Туль ис четвертных доходов* (Столб. Галиц. и Влад.ч. № 29. Отпуск с указа о даче окупных денег И. М. Крюкову (1614));
- (15) Челобитная: *(Государю ц. и) в. к. М. Ф. в. Р. (бьетъ челомъ холоп твой Петрушка Воейков. Послан я холоп твой (на твою государеву службу во Брянскъ по указу твоего государева бо(ярина Д)мит-*

*рея Михайловича Пожарского с това(рыщи въ прошломъ) во 121-м году а велъно, государь, мнѣ холопу твоему (быть на) твоей царской службѣ во Брянске ... А твоего государева четвертного жалованья не давано мнѣ четвертой год... Милосердый государь ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., **пожалуй** меня холопа своего для своей царской службѣ, **вели**, государь, мнѣ дати во Брянскѣ к воеводе ко князю Григорью Васильевичю Тювьякину свою государеву грамоту и **вели**, государь, мнѣ дати свое (государево) четвертное денежное жалованье въ мой оклад 54 рубли на нынешней на 122-й год (изъ) кабатцких ис таможенных изо всяких доходов (Столб. Галиц. и Влад.ч. № 30. Челобитная П. Воейкова о даче жалованья (1614));*

- (16) **Отпуск по челобитной:** *От царя и в. к. М. Ѳ. в. Р. во Брянскѣ стольнику нашему и воеводе князю Григорью Васильевичю Тювьякину. Бил нам челом Петръ Воейков а сказал: велено ему быти на нашу службу во Брянскѣ и в прошлом де во 121-м году велено ему да(ти) наше денежное жалованья [так в изд.] на прошлой на 121(-й годъ) оклад ево сполна 54 рубли, и воевода князь Иван Долгорукой нашего денежного жало(ванья) ему не дал. И после Московскаго разоренья сыс(каны) въ Галитцкой Чети кормленные книги 118-го году, а в (корм)ленных книгах написано: Петру Воейкову наше(го денеж)ново жалованья 44 рубли. И нам **бы** его Петра **пожаловать**, **велѣть** ему дати наше денежное жалованья (на) нынешней на 122-й год половина его окладу, 22 рубли, (изъ) брянских ис кабатцких ис таможенных доходов (Столб. Галиц. и Влад.ч. № 30. Отпуск с указа о даче жалованья П. Воейкову (1614)).*

Приведенные выше примеры показывают, что контексты, представленные в отпусках, отражают дейктический сдвиг — пересчет местоимений и подбор формы-заместителя императива.

Однако челобитные и составленные по ним отпуски в изданиях деловых документов встречаются вместе нечасто, по этой причине к анализу мы привлекаем челобитные, грамоты, указы и памяти, которые не соотносятся друг с другом. В этом случае, когда мы имеем дело с ответными документами и представленными в них инфинитивами с частицей **бы** и глаголами в сослагательном наклонении, оказывается невозможным доподлинно определить, являются ли они формами-заместителями императива, отражающими реальный процесс перевода прямой речи в косвенную, или простыми заимствованиями из челобитной — своеобразного протографа⁵.

Мы полагаем, что решить эту проблему можно, привлекая количественные данные. Так, в челобитных, представленных в историческом под-корпусе НКРЯ (282 документа), главной глагольной формой, использу-

⁵ Явление, при котором косвенная речь приобретает определенные свойства прямой, получило название полукосвенной речи и представлено в языках мира [Aikhenvald 2008: 393].

емой для выражения побуждения, является императив. Прочие глагольные формы — сослагательное наклонение и инфинитив с частицей **бы** — в челобитных практически не встречаются⁶. Обратимся к таблице:

Таблица 1

**Относительная частотность форм,
выражающих побудительное значение в челобитных**

Форма	Количество контекстов в челобитных
императив	1040
сослагательное наклонение	8
инфинитив с частицей бы	6

Получается, что в сравнении с количеством употреблений форм императива сослагательное наклонение и инфинитив с частицей **бы** встречаются в ничтожном числе случаев (менее 2%). Низкое число употреблений свидетельствует о том, что эти глагольные формы не были стандартным средством для выражения семантики побуждения в таком жанре деловой письменности, как челобитные. Значит, сослагательное наклонение и инфинитив с частицей **бы**, употреблявшиеся в ответных документах, не могли быть напрямую заимствованы из челобитных, следовательно, они являлись результатом дейктического сдвига.

Проанализировав доступные для исследования контексты с чужой речью в памятях, царских грамотах и указах, можно обнаружить определенную тенденцию в распределении этих языковых единиц. Важную роль в выборе глагольной формы играло лицо субъекта: если субъектную валентность заполняло местоимение в 1-м лице, выбирался инфинитив с частицей **бы**, тогда как в сочетании с 3-м лицом выступало сослагательное наклонение. Схематически эту закономерность можно представить следующим образом.

Таблица 2

Зависимость выбора глагольной формы от лица субъекта

	прямая речь (челобитные)		косвенная речь (жалованные грамоты, указы, памяти)
2-е лицо	императив вели	1-е лицо	инфинитив с частицей бы <i>нам бы велеть...</i>
		3-е лицо	сослагательное наклонение <i>государь бы велел...</i>

⁶ При проведении количественного анализа учитывались только употребления инфинитива с частицей **бы** и сослагательного наклонения в побудительном значении.

Количественные данные о соотношении форм сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы* в контекстах с косвенной речью представлены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение форм в грамотах, указах и памятях

жанр	1-е лицо		3-е лицо	
	сослагательное наклонение	инфинитив + <i>бы</i>	сослагательное наклонение	инфинитив + <i>бы</i>
грамоты	–	106	14	1
указы	–	39	2	–
памяти	–	11	42	1

Отметим, что при косвенном цитировании для царских и патриарших грамот и указов более характерно употребление форм 1-го лица, в то время как в наказных памятях в таких контекстах чаще встречается субъект в 3-м лице. Возможно, это связано с тем, что первые составляются от имени царя, что отражается в их инициальных формулах, например:

- (17) Жалованная царская грамота: *Божією милостію, мы великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь, всея Русіи самодержецъ, пожаловали есмя богомолца своего Рафаила, епископа Коломенского и Коширского* (РИБ V № 332. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Рафаилу, епископу коломенскому и каширскому (1627));
- (18) Царский указ: *Отъ царя и великого князя Алексъя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ Старую Русу, воеводѣ нашему Ивану Павловичю Боборькину* (РИБ V № 318. Царская грамота новгородскому воеводе Ивану Боборькину (1672)).

Памяти, в свою очередь, пишутся от одного должностного лица другому и только ссылаются на царский указ [Тихомиров 1973: 366]. Не исключено, что именно по этой причине выбирается 3-е лицо, поскольку оно подразумевает опосредованную каузацию [Гусев 2005: 43], что также отражается в инициальной формуле:

- (19) Память: *Лѣта 7124-го ѡевраля въ 9 день по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу память дьякомъ думному Сыдавному Васильеву да Михайлу Данилову. В Володимирскую Четверть в памяти за твоею Михайловою приписью написано...* (Разрядн.столб., л. 182. Память думным дьякам С. Васильеву и М. Данилову в Владимирскую четверть (1616)).

3. О причинах распределения форм сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы*

Возникает вопрос, почему появилась такого рода тенденция в распределении форм сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы* в контекстах с косвенной речью. Возможно, этому можно найти объяснение.

Дело в том, что инфинитив с частицей *бы* и сослагательное наклонение в независимых клаузах выражают гипотетический тип ирреального значения: они обозначают ситуации, относящиеся к плану будущего времени, которые потенциально могут быть реализованы [Добрушина 2016: 80]. Эти формы также выражают модальное значение: оценку ситуации как желательной или необходимой, исходящей от какого-либо участника ситуации.

Таким образом, в контекстах с инфинитивом с частицей *бы* и формами сослагательного наклонения всегда можно выделить не только субъект действия, относящийся к диктуму, но и субъект оценки, являющийся частью модуса. В этой области можно обнаружить важные различия между формами сослагательного наклонения и инфинитивом с частицей *бы*.

Субъектом оценки ситуации при инфинитиве с частицей *бы* в большинстве случаев⁷ является говорящий, который может совпадать с субъектом действия (если субъект действия представлен местоимением 1-го лица) или не совпадать с ним (если он выражен 2-м или 3-м лицом) [Там же: 83]. Обратимся к контекстам:

- (20) — *Отдохнуть бы мне маленько!* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)) = ‘Говорящий хочет отдохнуть’;
 (21) *Отдохнуть бы Алексею!* = ‘Говорящий хочет, чтобы Алексей отдохнул’.

Это остается верным и для старорусского периода. В контексте (22) субъект действия, выраженный местоимением 1-го лица, совпадает с говорящим:

- (22) На приятстве державца маркеза де Сентлюка челом бьем, и приемлем то за великую любовь и приятство, что быть хочет у нас, а после **бы** и нам в дому ево **быть** же (Ст.сп. Потемкина, 241 (1668)) = ‘**Мы должны** прибыть в дом маркиза де Сен-люк с ответным визитом’.

⁷ Как показали исследования М. Ю. Князева, в некоторых случаях оценка может исходить и от самого субъекта действия: происходит это в контекстах, когда частица *бы* линейно следует за субъектом в Д. п. [Князев 2014: 149]. Приведем один из примеров, обнаруженных в НКРЯ:

Жалеть о впустую потраченном времени и жаловаться тоже нельзя. Они и не жадуются. Им бы крышу починить, чтобы не текла, и стекла кое-где вставить (М. Б. Бару. Самовар лоцмана Воронина. Окончание (2016)) = ‘Им нужно починить крышу’.

В случае если при инфинитиве с частицей *бы* употребляется форма 2-го или 3-го лица, субъекты диктума и модуса совпадать не будут. Такой текст можно встретить в статейном списке Ф. А. Писемского, в котором излагаются предложения королевы Елизаветы о взаимовыгодной торговле между Англией и Россией:

- (23) А **торговати б** русским и аглинским людем своими товары, а чюжих **бы** товаров, емлючи у иноземцов за свои товары, никому **не привозити** (Ст.сп. Писемского, 133 (1583)) = '**Королева Елизавета хочет**, чтобы русские и англичане торговали своими собственными товарами'.

Совпадение субъекта оценки с субъектом действия, свойственное инфинитиву с частицей *бы*, ярко проявляется в контекстах, когда эта семантическая валентность оказывается лексически не заполненной: если при инфинитиве опускается слово в Д. п., в качестве субъекта по умолчанию будет мыслиться говорящий [Дымарский 2015: 40]. Например:

- (24) — *Говорят, в Ладожском озере есть нерпы, — отозвался Кайон. — **Поехать бы** туда поохотиться* (Ю. Рытхэу. Время таяния снегов (1967)) = 'Говорящий хочет поехать туда поохотиться';
 (25) ***Полежать бы**, хоть бы десять минут полежать* (Б. Васильев. А зори здесь тихие (1969)) = 'Говорящий хочет полежать'.

В старорусском языке инфинитив с частицей *бы* функционировал сходным образом: как и в современный период, в контекстах с косвенной речью⁸ при отсутствии дативного субъекта он отсылает к 1-му лицу. Например:

- (26) *От великого господина Преосвященного Аффония, митрополита Великого Новаграда и Великолужского... попам Ивану Григорьеву да Прокопью Лукину. В нынешнем 150 году бил нам челом Верховажские волости староста церковной Неустрой Прокофьев.... А сказал: в прошлом де во 146 году августа в 6 день храм Успения Пречистыя Богородицы, а в пределе храм архистратига Христова Михаила судом Божиим от молнии погорел... на освещение того новаго храму **велети б** дати и благословенную нашу храмосвятную грамоту* (Волог.гр. № 9. Грамота митрополита Аффония протопопу И. Григорьеву и священнику П. Лукину (1642)).

Сослагательное наклонение, в отличие от инфинитива с частицей *бы*, не допускает совпадения субъектов действия и оценки: оно подразумевает

⁸ Инфинитив с частицей *бы* в контекстах с прямой речью способен выражать побудительное значение. И при отсутствии формально выраженного субъекта отсылает к адресату высказывания — 2-му лицу, например:

*Свиней **бы** на меня **завесть** сотницу, а на всякои бы год от них на убои было свиней по пятидесят(и). Авец **бы** **завесть** сотницу на племя* (Арх. Безобразова II, 501. Память приказчику А. Никитину в деревню Тельчя (1683)).

выражение желания говорящего относительно реализации какой-либо ситуации, участником которой является 2-е или 3-е лицо [Добрушина 2016: 85].

Таблица 4

Соотношение субъекта действия и оценки инфинитива с частицей *бы* и сослагательного наклонения

Схематически это различие можно представить следующим образом: форма	субъект	соотношение субъектов
инфинитив с частицей <i>бы</i>	1-е лицо / не выражен	субъект действия = субъект оценки
	2-е лицо / 3-е лицо	субъект действия \neq субъект оценки
сослагательное наклонение	любой	субъект действия \neq субъект оценки

По этой причине замена инфинитива с частицей *бы*, допускающего совпадение субъектов действия и оценки, формой сослагательного наклонения в контекстах с 1-м лицом кажется неестественной, однако в конструкциях с 3-м лицом это оказывается возможным [Там же]. Обратимся к примерам:

- (27) — *Эх, поговорить бы с арестованными!* (А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга (1936–1944)) = ‘Я хочу поговорить с арестованными’;
- (28) **Поговорил бы я с арестованными!*
- (29) *Поговорил бы он с арестованными!*

Получается, как в современном русском, так и в старорусском языке сослагательное наклонение, выражающее гипотетический тип ирреального значения, в независимом употреблении не сочетается с субъектами 1-го лица именно из-за запрета на совпадение субъектов диктума и модуса, что является возможным для инфинитива с частицей *бы*. В результате в текстах XVI–XVII вв. и возникло распределение форм, замещающих повелительное наклонение в контекстах с косвенной речью, в зависимости от лица субъекта.

Однако, как было сказано выше, инфинитив с частицей *бы* мог выступать и в контекстах, в которых субъекты действия и оценки не совпадают. Следовательно, ограничений на его сочетаемость с субъектами в 3-м лице быть не должно. Действительно, в исследованных текстах было обнаружено два подобных примера. Один такой контекст, когда инфинитив с частицей *бы* выступает совместно с субъектом в 3-м лице, встретился среди документов, изданных Ю. В. Готье как «Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.)»:

- (30) Челобитная: *Милосердый царь государь и великий княз Василей Иванович всеа Русии, смилуйся, пожалуй нас сирот своих бедных розореных посадцких людишак для нашей великой бедности, **учини** государь нам о тех наймех свой царьской указ, чтоб мы сирота от тех наймов, сидя в осаде, и достол в конецъ не погибли и з голоду и стужи без дров не померли* (Пам.Смол. № 115. Челобитная дорогобужан и вязьмичей о дороговизне жилья в Смоленске (1610));
- (31) Отпуск по челобитной: *И боярин и воеводы Михаила Борисовичь Шейнь князь Петръ Ивановичь Горчаков, выслушав челобитную, велгли ис челобитной выписати на перечень и в перечне пишет. Били челом государю царю и великому князю Василю Ивановичю всеа Русии дорогобужские посадцкие люди, которые в Смоленску... И государю **бы** о тгхъ наймгх и о дровах и о их бгдностех указ свой **учинити*** (Там же).

4. Выводы

Таким образом, анализ документов XVI–XVII вв., относящихся к разным жанрам деловой письменности, показал, что инфинитив с частицей *бы* и сослагательное наклонение употреблялись в качестве заместителя форм императива в косвенной речи и распределялись в текстах в зависимости от лица субъекта: инфинитив с частицей *бы* выбирался, если субъектная валентность заполнялась местоимением 1-го лица, в то время как сослагательное наклонение выступало в сочетании с 3-м лицом.

Вероятно, такое распределение форм было связано с тем, что субъект действия, обозначенного инфинитивом с частицей *бы*, может совпадать с субъектом оценки ситуации, что объясняет возможность его употребления в контекстах с 1-м лицом. Формы же сослагательного наклонения подразумевают несовпадение субъектов диктума и модуса, в результате чего эта глагольная форма сочеталась с 3-м лицом.

Источники

Акты пис.д. — Акты писцового дела (1644–1661 гг.) / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1977.

Акты феод.земл. — Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956.

Арх. Безобразова П — Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. II / Сост. Л. Ф. Кузьмина, И. С. Филиппова. М., 2013.

Волог.гр. — М. С. Черкасова. Документы XVII–XVIII вв. из архивов соборных храмов в Вельске и Верховажье // Вестник церковной истории. 2008. № 4 (12). С. 61–130.

Пам.Смол. — Памятники обороны Смоленска // Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 6. М., 1912.

РИБ II — Русская историческая библиотека. Т. II. СПб., 1875.

РИБ V — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека. Т. V. СПб., 1878. С. 1–981

Разрядн.столб. — Разрядные столбцы 1614–1616 гг. сыска денежных средств и окладов // Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 9. М., 1912.

Столб. Галиц и Влад.ч. — Столбцы Галицкой и Владимирской четвертей 1612–1618 гг. // Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском Университете. Вып. 9. М., 1912.

Ст.сп. Писемского — Статейный список Ф. А. Писемского // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1954. С. 100–155.

Ст.сп. Потемкина — Статейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1954. С. 227–315.

Л и т е р а т у р а

Булаховский 1958 — Л. А. Бу л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Рядянська школа, 1958.

Власова 2014 — Е. А. В л а с о в а. Инфинитив и сослагательное наклонение в косвенной речи в русских летописях XI–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1. С. 185–205.

Волков 1974 — С. С. В о л к о в. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974.

Гусев 2005 — В. Ю. Г у с е в. Типология специализированных глагольных форм императива. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Добрушина 2012 — Н. Р. Д о б р у ш и н а. Инфинитивные конструкции с частицей *бы* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2. С. 42–64.

Добрушина 2016 — Н. Р. Д о б р у ш и н а. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.

Дымарский 2015 — М. Я. Д ы м а р с к и й. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 26–48.

Качалкин 1988 — А. Н. К а ч а л к и н. Жанры русского документа допетровской эпохи: В 2 ч. Ч. 2. Филологический метод анализа документа. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Князев 2014 — М. Ю. К н я з е в. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей *бы* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2014. № 2 (10). С. 140–154.

Пешковский 1938 — А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Пичхадзе 2010 — А. А. П и ч х а д з е. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.

РГ 1980 — Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Стеценко 1972 — А. Н. С т е ц е н к о. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.

Тихомиров 1973 — М. Н. Т и х о м и р о в. Приказное делопроизводство в XVII в. // М. Н. Тихомиров. Российское государство в XV–XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 348–383.

Aikhenvald 2008 — A. A i k h e n v a l d. Semi-direct speech: Manambu and beyond // Language Sciences. 2008. Vol. 30. No. 4. P. 383–422.

Evans 2012 — N. E v a n s. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach // D. Brown, M. Chumakina, G. Corbett (eds.). Canonical Morphology and Syntax. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 66–100.

Статья получена 15.03.2023

Natalia P. Iordani

Lomonosov Moscow State University
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
iordani.natasha@yandex.ru

**THE SUBJUNCTIVE INFINITIVE AND THE SUBJUNCTIVE MOOD
IN THE CONTEXTS WITH INDIRECT SPEECH
IN THE BUSINESS DOCUMENTS OF THE 16TH–17TH CENTURIES**

Indirect speech is widely represented in the Russian business documents of the 16th–17th centuries. The imperative forms could not be used in contexts with indirect speech and required a replacement. In the Old Russian language both the forms of the subjunctive mood and the subjunctive infinitive could be used as substitutes for the imperative. The research showed that the choice of the verb form in contexts with indirect speech depended on the person of the subject: the subjunctive mood was used with the subject in the 3rd person, while the subjunctive infinitive was usually combined with 1st person pronouns, and only sporadically with the subject in the 3rd person.

This tendency can be explained by the fact that the subjunctive mood and the subjunctive infinitive denote not only an event which hypothetically may take place in reality, but also express an evaluation of this situation in terms of its desirability and necessity. Consequently, both verb forms imply the existence of both the subject of the action and the subject of the evaluation of the situation. The subjunctive mood does not allow to coincide the subject of the action and the subject of the evaluation, which occurs in contexts with the 1st person pronoun. For this reason, the subjunctive mood in indirect speech is combined only with subjects of the 3rd person. The subjunctive infinitive usually appears in contexts implying the coincidence of the subjects of action and evaluation, therefore occurs in contexts with the subject in the 3rd person pronouns. However, there is no prohibition of its use when the subjects of action and evaluation refer to different participants of the situation, which explains its ability to be combined with the 3rd person.

Keywords: subjunctive infinitive; subjunctive mood; imperative mood, indirect speech, Middle Russian business documents.

References

- Aikhenvald, A. (2008). Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language Sciences*, 30(4), 383–422.
- Bulakhovskii, L. A. (1958). *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu iazyku*. Kyiv: Riadians'ka shkola.
- Dobrushina, N. R. (2012). Infinitivnye konstruksii s chastitsej by. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 42–64.
- Dobrushina, N. R. (2016). *Soslagatel'noe naklonenie v russkom iazyke: opyt issledovaniia grammaticheskoi semantiki*. Prague: Animedia Company.
- Dymarskii, M. Ya. (2015). Infinitivnye vyskazyvaniia s semantikoi nezhelatel'nosti: vid, vremia, litso, tipovye znacheniiia. *Voprosy jazykoznaniiia*, 5, 26–48.
- Evans, N. (2012). Some problems in the typology of quotation: a canonical approach. In D. Brown, M. Chumakina, & G. Corbett (Eds.), *Canonical Morphology and Syntax* (pp. 66–100). Oxford: Oxford University Press.
- Gusev, V. Yu. (2005). *Tipologiia spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa* (Doctoral dissertation). The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
- Kachalkin, A. N. (1988). *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoi epokhi. Vol. 2: Filologicheskii metod analiza dokumenta*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Kniazev, M. Yu. (2014). O vzaimodeistvii poriadka slov i semantiki v infinitivnoi konstruksii s chastitsej by. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisti-cheskikh issledovaniia RAN*, 2(10), 140–154.
- Pichkhadze, A. A. (2010). Sredstva vyrazheniia imperativnoi i optativnoi semantiki v drevnerusskikh i starorusskikh preskriptivnykh pamiatnikakh. *Voprosy jazykoznaniiia*, 5, 14–24.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika* (Vol. 2). Moscow: Nauka.
- Stetsenko, A. N. (1972). *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.
- Tikhomirov, M. N. (1973). *Rossiiskoe gosudarstvo v XV–XVII vv.* Moscow: Nauka.
- Vlasova, E. A. (2014). Infinitiv i soslagatel'noe naklonenie v kosvennoi rechi v russkikh letopisiakh XI–XVI vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 185–205.
- Volkov, S. S. (1974). *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka: formuliar, traditsionnye etiketnye i stilevyie sredstva*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta.

Received on March 15, 2023

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

doi.org/10.31912/rjano-2023.2.15

54-е Виноградовские чтения в МГУ

18 января 2023 г. на филологическом факультете МГУ состоялись 54-е Виноградовские чтения, посвященные теме «Пушкинский текст в трудах В. В. Виноградова», в которых приняли участие литературоведы и лингвисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Симферополя, представители вузов и научно-исследовательских институтов.

С вступительным словом к присутствующим обратилась президент филологического факультета профессор **М. Л. Ремнева**, отметившая тот факт, что память о В. В. Виноградове и интерес к его трудам объединяют филологов разных научных направлений и разных поколений, поскольку в научном наследии академика соединились синхрония и диахрония языка, лингвистика языка и анализ текста, история и теория литературы и анализ языка писателя. Включение в формулировку темы имен Пушкина и Виноградова задает очень высокую планку, требует от исследователей широты мышления и глубокого проникновения в смысл текста. В. В. Виноградов, анализирующий тексты Пушкина, остается для нас образцом ученого, совместившего в своей научной деятельности тонкий анализ текста, энциклопедическое знание истории русской литературы, умение видеть сущность явления и строить научную теорию.

Программу Чтений открыли литературоведы, соединившие литературоведческую интерпретацию произведений Пушкина с наблюдениями над языком и стилем его текстов.

И. С. Юхнова (д.ф.н., Нижегородский гос. ун-т) в докладе «Черты летописного стиля в прозе А. С. Пушкина» проанализировала работы современных исследователей о «летописном» стиле Пушкина. Если в работе В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» говорится о «летописном» стиле и основным признаком этого стиля называется особый способ изображения событий во времени, то сегодня в литературоведении получил распространение термин «псевдолетописный стиль», который понимается как соединение нарратива с задачей создания юмористических и иронических эффектов.

Д. П. Ивинский (д.ф.н., МГУ) в докладе «Из комментария к стихотворению Пушкина “В часы забав иль праздной скуки...”» обратился к известному поэтическому диалогу А. С. Пушкина и митрополита Филарета (1828–1830). Анализируя «В часы забав иль праздной скуки...» (ответ Пушкина на стихотворение митрополита Филарета, импровизированную «пародию», как сам автор впоследствии определил жанр своего стихотворения), Д. П. Ивинский выдвинул предположение о каламбурности употребления слова *серафим* в последней строфе: оно не только служит метафорическим эпитетом Филарета, к которому поэт с благодарностью обращается в этом стихотворении, но и отсылает к его оппоненту, митрополиту Серафиму (Глаголевскому), инициировавшему дело о «Гавриилиаде».

В докладе **А. Б. Кривицына** (д.ф.н., МГУ) «Баллада Пушкина “Жил на свете рыцарь бедный...”» в художественной системе романа Достоевского “Идиот”» стихотворение Пушкина рассматривалось как смысловой ключ к пониманию романа Ф. М. Достоевского. Анализируя текст романа «Идиот», докладчик показал, что

поступки героев Достоевского, как и жизнь «рыцаря бедного», нужно интерпретировать в связи с мотивом христианской жертвенности.

И. А. Беляева (д.ф.н., МГУ) выступила с докладом «Пушкин и “школа молодого Достоевского” в оценке В. В. Виноградова». Анализируя тексты Достоевского, В. В. Виноградов пришел к выводу, что пушкинский метод «внутренней “драматизации”» повествования «лучше всех освоил и глубже всех развил применительно к литературному языку второй половины XIX в. Ф. М. Достоевский». Пушкинские приемы «“смены субъектных ликов” и драматизации речи, с многообразием экспрессивных колебаний, замедлений, возвратов» стали основой для «драматического сказа», который разрабатывался в прозе раннего Достоевского («Бедные люди», «Двойник») и в произведениях молодого Тургенева («Уездный лекарь», «Петушков»).

А. Б. Перзек (д.ф.н. КРИППО, Симферополь) в докладе «Европейский дискурс в творчестве А. С. Пушкина» проанализировал тексты Пушкина, в частности стихотворение «Клеветникам России». Лексико-семантическая интерпретация текстов позволила докладчику сделать вывод о том, что для Пушкина цельность натуры связана с приоритетом русского начала, а не европейского.

Вторая часть программы включала лингвистические доклады. **Н. Я. Козел** (к.ф.н., МПГУ) выступила с докладом «Научная жизнь В. В. Виноградова в вятской ссылке (по материалам его писем к жене 1934–1936 гг.)», в котором были предъявлены документы, свидетельствующие о напряженной и плодотворной работе В. В. Виноградова в Вятке, в частности о том, что он писал словарные статьи не только для 1-го тома Словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, но и для последующих трех томов. Были детально реконструированы события ноября 1935 г. — середины января 1936-го, связанные с историей создания работы «О языке Толстого», написанной В. В. Виноградовым с чистого листа. Значительная часть писем, использованных в докладе, цитировалась впервые.

М. Я. Дымарский (д.ф.н., РПГУ им. А. И. Герцена, в соавторстве с Д. А. Антоньевой) представил доклад «Позиция *опять* и *твой* в линейной структуре предложения в “Пиковой даме”», содержащий результаты корпусного исследования условий функционирования слов *опять* и *свой*. Оба слова характеризуются тем, что могут занимать в синтагме как постпозицию, так и препозицию. Отталкиваясь от известного факта стандартной постпозитивности притяжательного местоимения в условиях немаркированной притяжательности в древне- и старорусском, авторы показали, что в конце XVIII в. эта старая норма еще сохраняет довольно прочные позиции, хотя и обнаруживает признаки разрушения. В тексте А. С. Пушкина старая норма уступает место новой — препозитивности в условиях немаркированной притяжательности. То, что у Н. М. Карамзина может быть интерпретировано как тенденция, заметная только на фоне сопоставления с текстами предыдущих веков, через 40 лет у Пушкина становится свершившимся фактом. Существенны изменения и в линейной позиции слова *опять*. По данным сплошной выборки из НКРЯ с 1738 по 1840 г., постпозиция *опять* к глаголу фиксируется в 94 % случаев. В тексте же «Пиковой дамы» 6 употреблений *опять* в препозиции и 7 — в постпозиции. Наблюдения позволили сделать предположение о том, что позиция слова *опять* в «Пиковой даме» связана с точкой зрения нарратора: *опять* постпозитивно в предложениях, реализующих перспективу повествователя, наблюдающего действия персонажа (*Румянец покрыл ее щеки: она принялась опять за работу*), и препозитивно — в предложениях, реализующих перспективу персо-

нажа и описывающих воспринимаемые им явления (*Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко*). Докладчик сделал вывод, что А. С. Пушкин не только конденсировал «строй синтагм “французского слога”» (что отметил В. В. Виноградов), но и внес изменения в порядок их компонентов, утверждая новую норму, действующую в современном русском языке.

Программу Чтений завершал доклад **Н. К. Онипенко** (к.ф.н., ИРЯ РАН) «В. В. Виноградов о “субъектных разрывах” и “открытых конструкциях” у Пушкина», которая показала значимость идей В. В. Виноградова для современных интерпретаций конструкций, допускающих восстановление опущенных «смысловых звеньев». Основное внимание было уделено понятию присоединения и присоединительных конструкций. Н. К. Онипенко обосновывала мысль о том, что именно В. В. Виноградов, анализируя тексты Пушкина в связи с проблемой образа автора, выявил в синтаксисе Пушкина конструкции, смысловая целостность которых зависит от опущенных автором смысловых звеньев. Позже разные по семантике конструкции с опущенными смысловыми звеньями, названные В. В. Виноградовым «открытыми», «сдвинутыми», «присоединительными», будут интерпретироваться с помощью таких терминов, как «парцелляция», «таксис», «эллипсис», а употребление союзов в подобных конструкциях будет названо «иллокутивным употреблением». Докладчица показала, что «опущенные смысловые звенья» принадлежат сфере модуса и что присоединительные отношения могут быть основаны на трех вариантах деления модусной составляющей полипредикативного предложения: 1) разрыв времени речи или времени наблюдения в рамках одной субъектной сферы; 2) изменение типа модуса в рамках одной субъектной сферы (от наблюдения к выводному знанию, от мнения к наблюдению); 3) соединение в одной конструкции минимум двух субъектных сфер (наличие двух модусов, принадлежащих двум субъектам).

Виноградовские чтения 2023 г. подтвердили высокий научный уровень русской филологии, значимость идей академика В. В. Виноградова для современных исследований и перспективность взаимодействия лингвистики и литературоведения в сфере анализа художественного текста.

*Н. К. Онипенко
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
onipenko_n@mail.ru
Получено 25.01.2023*

The 54th Vinogradov Conference in the Moscow State University

*Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
onipenko_n@mail.ru
Received on January 25, 2023*

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

<i>Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН</i> 119019, Москва, Волхонка 18/2 <i>Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences</i> 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia	<i>Lomonosov Moscow State University</i> 1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia
<i>Монреальский университет</i> 2900, бул. Эдуарда Монпети, Монреаль (Квебек) НЗТ 1J4, Канада <i>Université de Montréal</i> 2900, boul. Édouard-Montpetit, Montréal (Québec) НЗТ 1J4, Canada	<i>Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</i> 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20 <i>Higher School of Economics, National Research University</i> 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia
<i>Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова</i> 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51	<i>Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет</i> 115184, Москва, 1-й Новокузнецкий пер., д. 4, стр. 1 <i>St. Tikhon Orthodox University for the Humanities</i> 4-1, 1st Novokuznetskiy per., Moscow, 115184, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 2. 2023

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №